ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ

Преступники в белых воротничках

Воры в погонах.
"Черные" деньги.
Налоговая инспекция и "Фонд Караваева".
Кооператив "Оружейник".
Урановая контрабанда.
Немцы нашли деньги компартии ГДР.
Смерть Ивана Кивелиди.
Водочный король убит выстрелом в затылок.
Банкир "Бога".
Бизнес на гробах.
След ведет в Мексику.
Черные братья.
Дорога грязных денег...

И сотни других невероятных историй о преступлениях в высших экономических сферах...

ISBN 985-437-054-2

9 789854 370521 90000

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ

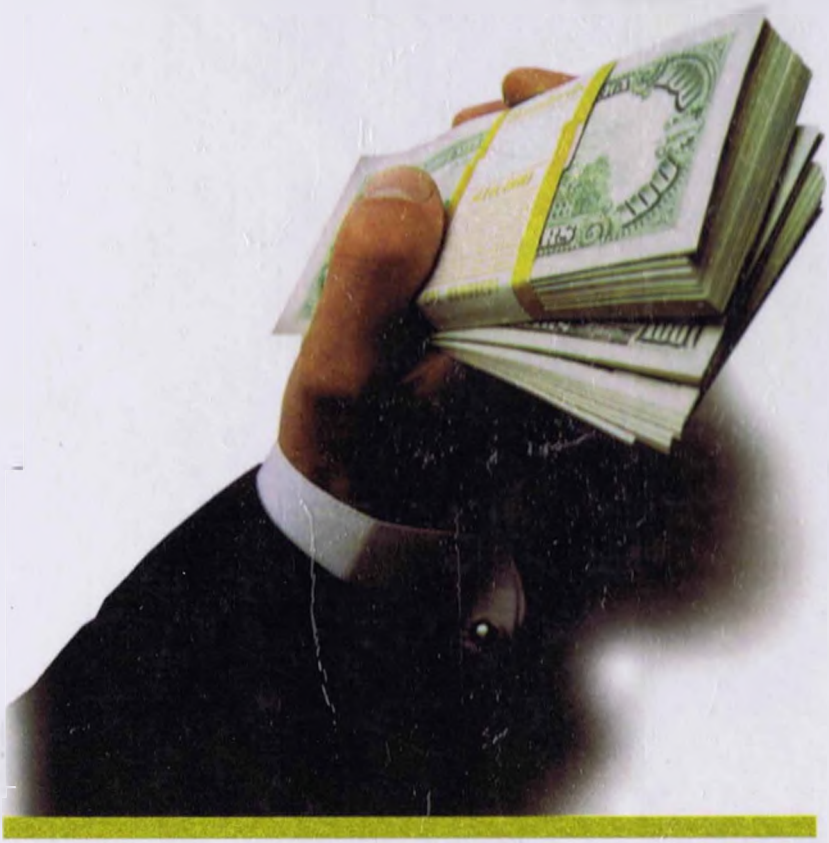
Преступники в белых воротничках

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ

Преступники
в белых
воротничках



ЛИТЕРАТУРА, 1996

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ

Преступники в белых воротничках

4
7
1
6
30
32
92
03
106
114
119
125
144
150
158
179

Подготовка текста и общая редакция Глобус Н.В.

МИНСК, ЛИТЕРАТУРА, 1996

ББК 67.91
Э 40
УДК 343.9

Серия основана в 1996 году

Подготовка текста и общая редакция
Н. В. Глобус

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Э 40 **Экономические преступники:** Преступники в белых воротничках / Подгот. текста и общ. ред. Н. В. Глобус. — Мн.: Литература, 1996. — 640 с. — (Энциклопедия преступлений и катастроф).

ISBN 985-437-054-2.

Новый том серии „Энциклопедия преступлений и катастроф" посвящен так называемым „экономическим преступлениям". В книге собраны сотни невероятных историй о преступлениях в высших экономических сферах.

Э 3430900000 ББК 67.91

ISBN 985-437-054-2

© Литература, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. «ЧЕРНЫЕ» ДЕНЬГИ

ПРЕДИСЛОВИЕ 8
ДЕЛО О ХИЩЕНИИ 300 ТЫС. РУБЛЕЙ 15
ТРЕСТ КОНТРАБАНДНОЙ ТОРГОВЛИ ВИСКИ . . . 21
«МЫ ПРОСТО НАУЧИЛИСЬ ЗАРАБАТЫВАТЬ ДЕНЬГИ...» 24
РАСПРОДАЖА «ОГРОМНОГО НАСЛЕДСТВА» 37
«МЫ НЕ УСТУПИМ НИ ФРАНКА!» 54
РАЙ ДЛЯ «АКТИВНЫХ ПАРТРАБОТНИКОВ» 64
СУММА РАСХОДОВ АЛЬ КАПОНЕ 67
ПЕЧАТЬ БОГАТСТВА 71
«АКУЛЫ КРЕДИТА» ЗА РАБОТОЙ 76
ПРЕСТУПНИКИ В БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКАХ. 80
В ПОИСКАХ РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТИ 82
ДЕРБЕР РЕШИЛ ВЕЧНУЮ ПРОБЛЕМУ ИЗЛИШКА НАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ 92
ЛГАТЬ — ЭТО ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА 103
ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ЧЕКОВ. 106
ГЕРОИН ИЗ «ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА». 114
«НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ, Я КОЕ-ЧТО СКОПИЛ». . . . 119
БАНКНОТЫ ДЛЯ АНГОЛЫ 125
ПОДСАДНАЯ УТКА ТОНИ ДАКСА 144
НЕНАСЫТНЫЙ МИЛЛИОНЕР 150
«И НИКАКОГО ОРУЖИЯ ИЛИ НАРКОТИКОВ...» . 158
ПЛАТИНА НА СВАЛКЕ 179

КРАХ БАББИТОВОЙ «ФИРМЫ» 189
ЗА БУТЫЛКУ ВОДКИ 201
СЛУЖЕБНЫЙ КАБИНЕТ ПРЕВРАТИЛСЯ
В ШТАБ ДЛЯ ПРОВОРАЧИВАНИЯ
СОМНИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ 205
ХЛОПКОВОЕ ДЕЛО-2 216
ОТ НЕГЛИННОЙ ДО ЛЕФОРТОВО 225
«АЛМАЗНЫЙ» ПОРТНОЙ 236
ГДЕ НАШИ ФУНТЫ? 249
ПИРАМИДА «ГАЙСТРАХА» 252
ГЕНЕРАЛЫ РАСТРАТИЛИ МИЛЛИАРДЫ 262
КОСТЯ-ВЕКСЕЛЬ 270
ДУРАКИ НЕ УМНЕЮТ 274
ЯДЕРНЫЙ РУБЛЬ 277
ЗАБИРАЛ ОН СВОЕ 286
ТЕНЕВЫЕ КОРОЛИ БЕНЗИНА 292
ВОРОВСТВО НА ЯНТАРНЫХ ПРИИСКАХ 295
ОПЕРАЦИЯ «ОБЫСК» 296
ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ 299
КЛАДБИЩЕНСКАЯ КАРЬЕРА 310
ДВА СПОСОБА, КОТОРЫЕ
ИСПОЛЬЗОВАЛА МАРДЖОРИ 317
«ЭТО ОГРОМНЫЙ ВКУСНЫЙ ПИРОГ» 319
ИСКУССТВО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ ПОМОГЛО
АФЕРИСТУ ОБОБРАТЬ ДРУГА 321
ЛЮБОВЬ И ДЕНЬГИ 328

«ФОРМИРОВАНИЕ КРЕДИТНОЙ ИСТОРИИ» 336
НАЛОГОВАЯ ПОЛИЦИЯ
И «ФОНД КАРАВАЕВА» 342
ЗАЕМЩИКОВ ЗАСТАВЛЯЛИ
ОТРАБАТЫВАТЬ ДОЛГИ 349
«ШКУРНОЕ» ДЕЛО 355
КООПЕРАТИВ «ОРУЖЕЙНИК» 359
ВОРЫ В ПОГОНАХ 362
КУРЫ В СОСТАВЕ ВВС СНГ 364
ФИНАНСОВЫЕ МАХИНАЦИИ ОТ ИМЕНИ
8 МИЛЛИОНОВ СТРАХОВАТЕЛЕЙ 368
ПРИВИДЕНИЯ И ПРИЗРАКИ НА ЗАБРОШЕННОМ
СОВЕТСКОМ АЭРОДРОМЕ ПОД БЕРЛИНОМ . . 372
МЯСО ДЛЯ «ГАГРАКУРОРТА» 374
ПЛАКАЛИ ВАШИ «МЕРСЕДЕСЫ» 377
ИНДИЙСКИЙ МИГ УДАЧИ 380
БИЗНЕС НА ЭЛЕКТРОННЫХ КАРТОЧКАХ 383
УРАНОВАЯ КОНТРАБАНДА 384
ОПЕРАЦИЯ «ЯСТРЕБ» 385
ДЕЛО «ЮНАЙТЕД БАМБУ» 390
СТИРАЛЬНАЯ МАШИНА ДЛЯ ДОЛЛАРОВ 395
ЭЛЬДОРАДО 404
«ЛЕД» ВМЕСТО «СНЕГА» 406
КОКА ОСТАЕТСЯ САМОЙ РЕНТАБЕЛЬНОЙ
КУЛЬТУРОЙ 408
КОФЕ ПО-АМСТЕРДАМСКИ 415

РАЗНОЦВЕТНЫЙ ПОТОК МЕТАЛЛОВ 421
УРАЛЬСКИЕ БАНДИТЫ ОСУЩЕСТВЛЯЛИ
ФАКТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД ФИРМОЙ . . 433
НЕОЖИДАННАЯ РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА 438
СОВЕТСКИЕ «КАЛАШНИКОВЫ» В ХОРВАТИИ . . 444
ВЛАСТЕЛИНЫ КОЛЕЦ 447
ШЕСТЬ ВЕРСИЙ РАЗБОРОК ВНУТРИ НФС 460
НЕМЦЫ ИЩУТ ДЕНЬГИ КОММУНИСТОВ ГДР
И НАХОДЯТ 470
БРАТЬЯ ЧЕРНЫЕ 474
СПОСОБЫ «ПРОРАСТАНИЯ» 483
ПЕРЕМЕЩЕНИЕ «ГРЯЗНЫХ» ДЕНЕГ 486

ЧАСТЬ II. ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ В БИЗНЕСЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 499
ВРЕМЯ АЗАРТНЫХ ИГР 505
ВАЖНАЯ ПЕРСОНА «ГОРОДА ГРЕЗ» 510
ДЕЛО ОБ УБИЙСТВАХ В ПЕЩЕРЕ 522
СЛЕД ВЕДЕТ В МЕКСИКУ 539
СМЕРТЬ НА ПОМОЙКЕ 557
РИСК ЛЕЖИТ НА ПОКУПАТЕЛЕ 573
БАНКИР БОГА 574
МИЛЛИОНЕР ПОВЕСИЛСЯ
НА ТРУБЕ ОТОПЛЕНИЯ 575
ТРИКОТАЖНОГО КОРОЛЯ ЖДАЛА
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ 591

БИЗНЕС НА ГРОБАХ 602
ДЕНЬГИ ДЫШАТ СТРАХОМ 605
УБИЙСТВО РУКОВОДИТЕЛЕЙ СЛУЖБЫ ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМИ АЛМАЗНЫМИ СДЕЛКАМИ 617
ВЗРЫВНОЕ УСТРОЙСТВО БЫЛО УКРЕПЛЕНО ЗА БАТАРЕЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОТОПЛЕНИЯ 618
ДИРЕКТОР НПЗ БЫЛ ЗАСТРЕЛЕН ПЕРЕД СОБРАНИЕМ АКЦИОНЕРОВ 625
СМЕРТЬ ИВАНА КИВЕЛИДИ 628
ВОДОЧНЫЙ КОРОЛЬ БЫЛ УБИТ ВЫСТРЕЛОМ В ЗАТЫЛОК 634

ЧАСТЬ I.

«ЧЕРНЫЕ» ДЕНЬГИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая часть энциклопедии посвящена так называемой нетрадиционной преступности, которую часто называют «экономической». В то время как причиной традиционной преступности служат врожденные или приобретенные пороки, экономическая преступность имеет иные корни.

Главный директор Совета по предупреждению преступности при Департаменте юстиции Швеции Бу Свенсон написал книгу, рассчитанную «на лиц, желающих получить информацию о тех явлениях, которые принято относить к экономической преступности, о вреде, причиняемом обществу такой преступностью, и о возможных средствах ее предупреждения».

Бу Свенсон утверждает:
«Экономическая преступность возникла с древних времен. Экономическое развитие привело к принятию обширного законодательства.

В обществе с абсолютно свободной игрой рыночных сил существует опасность, что слабые в экономическом и социальном отношении группы граждан попадут

в тяжелое положение. Эту ситуацию пытаются исправить при помощи принятия обширного законодательства, которое должно регулировать экономические отношения в обществе.

Поэтому помощь этим группам должна комбинироваться с уплатой налогов и иных взносов так, чтобы сохранился общественно-экономический баланс.

Под «черными» деньгами понимают деньги, которые находятся в «черном» секторе, или в скрытой экономике. Может возникнуть вопрос и о деньгах, полученных преступным путем, например в результате ограбления банка. Может также возникнуть вопрос и о иной преступной добыче, например от торговли наркотиками или содержания публичных домов.

Грабитель банка или торговец наркотиками может предположить, что ему будут задавать трудные вопросы, если он, например, пожелает купить и юридически оформить недвижимость. Или он вознамерится вложить свои «черные» деньги в ресторанное дело либо в другое коммерческое предприятие.

Понятие «экономическая преступность» не имеет четких уголовно-правовых границ, и существуют разные точки зрения по поводу содержания этого понятия.

В понятие экономической преступности включают целый ряд явлений разного рода. К экономической преступности должна относиться прежде всего преступность, имеющая в качестве прямого мотива экономическую выгоду. Кроме того, экономическая преступность

должна носить длящийся характер, осуществляться систематически и в рамках легальной хозяйственной деятельности, на основе которой возникают преступные деяния.

Экономические преступления чаще всего рассматривают как квалифицированные в том смысле, что такие преступления имеют большой размах, затрагивают большие общественные ценности или наносят ущерб группам людей.

Как правило, эти преступления трудно обнаружить и за них трудно привлекать к ответственности. Примерами экономической преступности являются обман налоговых властей, валютные махинации, мошенничество и преступления должников.

Если исходить из позиции, что случай делает вора, применительно к экономической преступности, то изначальным пунктом тут служит то условие, что каждое преступление уникально и порождается рядом обстоятельств, взаимодействующих между собой зачастую в определенных условиях. Для валютных преступлений решающее значение имеют, например, большие и зачастую повторяющиеся изменения на международном валютном рынке. Но валютный рынок невозможно регулировать простым указанием на заинтересованность предотвратить валютные преступления в отдельно взятой стране.

Вообще-то попытка регулировать техническое и экономическое развитие таит в себе опасность роста преступности по той простой причине, что таким образом запрещается значительно более деяний, чем раньше. И с этой точки зрения современная преступность не

отличается в принципе от традиционной. Когда в 60-е годы были отменены старые правовые нормы о применении телесных наказаний к собственным детям, то совершенно очевидно, что тем самым побудили рост числа преступлений, связанных с насилием, поскольку некоторые родители продолжали, несмотря на запрет, применять к своим детям телесные наказания. Можно сказать, что традиционная преступность затрагивает отношения, которые нетрудно понять, — ведь легче объяснить почему не надо бить детей, чем почему нельзя обмануть государственный банк.

В публичных дискуссиях часто утверждают, что «черные» деньги можно сделать «белыми». Можно услышать немало рассказов о том, как «черные» деньги делались «белыми». Важно добиться, чтобы в обществе «черных» денег вообще не стало».

Президент Комиссии по вопросам организованной преступности в США полагает, что «отмывание» денег — это процесс, в котором имеют место сокрытие или утаивание незаконных источников, незаконного использования доходов, конечная стадия которого — легализовать доходы, полученные преступным путем, в частности от наркобизнеса.

Следует заметить, что аналогичной точки зрения придерживаются и практические работники некоторых других зарубежных стран, являющиеся одновременно экспертами ООН в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Они рассматривают «отмывание» денег как деятельность, в процессе которой правонарушители или преступные организации (сообщества) приобретают незаконные доходы, вкладывают их в легальный бизнес, скрывают подлинный характер, местонахождение, ис-

точник таких доходов, вид их вложения и осуществляют контроль над банковскими счетами. По их мнению, необходим глубокий анализ всех признаков и стадий «отмывания» денег. В связи с этим необходимо заметить, что ученые Германии уже начали их научную проработку. Определенный интерес представляет исследование, проведенное под руководством консультанта Научно-исследовательской криминалистическо-криминологической группы Федерального ведомства по уголовным делам Германии (БКА) Эриха Ребшера и главного комиссара по уголовным делам Германии Валенкампа.

В соответствии с темой исследования были разработаны анкеты с вопросами, на которые отвечали сотрудники полиции, работающие по линии борьбы с «отмыванием» денег. Респонденты назвали следующие виды вложения капиталов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств:

вложение средств в недвижимость внутри страны и за границей (46 ответов);
капиталовложения в легальные хозяйственные предприятия (38 ответов);
вложения в ценные бумаги (24 ответа);
инвестиции в незаконные иные сделки и операции (13 ответов).

Как видно, большинство респондентов полагает, что активно «отмываются» деньги за счет вложения средств в недвижимость внутри страны и за границей. Следует отметить, что преступники часто вкладывают деньги в легальные хозяйственные предприятия, являющиеся, по существу, формами прикрытия «отмывания» денег. По ответам опрошенных был разработан перечень организаций и предприятий, которые, с их

точки зрения, могут активно прикрывать «отмывание» денег, полученных преступным путем:

1. Учреждения, связанные с индустрией развлечений:
   предприятия, организующие досуг в целом;

   бары;
   кафе-мороженое;
   дискотеки;
   спортивные оздоровительные центры;
   гостиницы и рестораны;
   клубы для мужчин;
   агентства, организующие проведение концертов и других культурных программ;
   массажные салоны;
   пиццерии;
   сауны;
   секс-магазины;
   видеотеки.

2. Учреждения, связанные с автомобильным бизнесом:
   торговля автомобильными покрышками;
   прокат автомобилей;
   использование автомобилей в коммерческих целях;
   комиссионная торговля автомобилями;
   торговля запасными частями для автомобилей;
   ремонт автомобилей;
   торговля бензином.

3. Посреднические предприятия, особенно экспортно-импортные и маклерские конторы по недвижимости и страхованию.

4. Розничная торговля:

антикварные магазины;
комиссионные магазины;
магазины по продаже электронно-вычислительной техники;
фотомагазины;
ювелирные магазины;
магазины модных товаров;
пункты проката;
обувные магазины (особенно по продаже итальянской обуви);
магазины по продаже подержанных вещей;
магазины по продаже оружия;
магазины по продаже радиоприемников и радиодеталей;
фирмы-поставщики для ресторанов.

5. Предприятия сферы услуг (за исключением сфер развлечений):
посреднические инвестиционные фирмы;
фирмы по установке автоматов;
банки, пункты обмена валюты;
агентства, осуществляющие перевозки автобусами;
типографии;
фирмы по найму жилья;
агентства по организации морских и речных перевозок;
мастерские по выполнению татуировок.

6. Другие сферы вложения:
строительные фирмы;
предприятия, торгующие металлоломом.

Ассоциация французских банков называет следующие этапы: внедрение «грязных» денег в финансовую систему страны состоит в помещении крупных наличных денежных средств на банковские счета, в приобрете-

нии ценных бумаг страны или в легализации средств через предприятия, оперирующие большим количеством наличных денежных средств, — игорный бизнес, скупка ценных металлов, рестораны, бары и т. д.

Бу Свенсон констатирует: «Практически чрезвычайно трудно воспрепятствовать помещению «черных» денег, в частности, через подставных лиц в различные отрасли. По своему виду «черные» деньги не отличаются от других. Кроме того, как сказал один император, когда ввел налог на туалеты в Древнем Риме: «деньги не пахнут».

ДЕЛО О ХИЩЕНИИ 300 ТЫС. РУБЛЕЙ

Дело Федора Мельницкого сопровождалось громким судебным процессом, одним из самых громких в Москве последней четверти XIX века. Оно привлекало к себе всеобщее внимание в силу четырех обстоятельств: 1) Мельницкий обвинялся в присвоении денег в сумме 307 тыс. рублей, принадлежавших Московскому воспитательному дому (по тем временам это была чрезвычайно крупная сумма); 2) личность подозреваемого была, по понятиям прошлого столетия, довольно неординарной. Это был человек 52 лет, отец семерых детей, владелец трех имений и собственного каменного дома в Москве. Проживая до переезда в Москву в городе Корчеве, Мельницкий занимал там должности председателя земской управы, почетного мирового судьи, председателя мирового съезда судей; 3) в качестве казначея Московского воспитательного дома Мельницкий прослужил 11 лет и за это время не проявил видимых отрицательных качеств; 4) ни на предвари-

тельном следствии, ни в суде Мельницкий не признал себя виновным в присвоении денег.

В наши дни, однако, отнюдь не скандальность этого дела привлекает к нему внимание. Интерес вызывают криминалистические его особенности, те, которые принято называть психологическими барьерами.

Наиболее часто психологические барьеры возникают в случаях, когда следователю не удается определить способ совершения преступления или же ему неизвестны применяемые преступниками в каждом данном случае инсценировки и маскировки следов (поэтому обнаруженные следы и оцениваются им неправильно). Какие психологические барьеры возникли при расследовании дела Мельницкого, мы увидим ниже.

Обстоятельства совершенного им преступления, по данным обвинительного акта, рисуются так: 3 ноября 1881 года Мельницкий, сопровождаемый служащим Воспитательного дома Литвиновым, в час дня получил в Московской конторе Государственного банка 339 тыс. рублей, из которых 31,5 тыс. рублей сразу же передал Литвинову, а 307 500 рублей уложил в кожаный саквояж, с которым пешком отправился в Московский купеческий банк, чтобы внести там деньги на текущий счет Воспитательного дома. Однако до банка Мельницкий не дошел, а в четвертом часу дня явился в слезах в Канцелярию прокурора Московской судебной палаты, где и. о. прокурора Померанцеву заявил: «Господин прокурор, арестуйте меня. Я преступник!» Вслед за этим он рассказал, что по пути в банк у него на китайском бульваре закружилась голова и он был вынужден присесть на сложенные там бревна. Когда же через две-три минуты пришел в себя, то, открыв глаза, увидел, что находившийся при нем саквояж исчез. Проку-

рор посоветовал ему быстрее заявить о случившемся обер-полицеймейстеру, что Мельницкий и сделал, повторив в полиции тот же самый рассказ.

Мельницкий был арестован и ночью препровожден в Мясницкий полицейский дом.

Дело перешло к следователю. Нужно отдать последнему справедливость — он потратил много сил для опровержения версии Мельницкого о краже у него саквояжа с деньгами. Следователь по крупицам собирал косвенные доказательства, уличающие Мельницкого в присвоении денег.

Уже в день события в доме Мельницкого произведен обыск, не давший положительных результатов. В этот же день осмотрен путь, которым Мельницкий шел от Государственного банка в Купеческий банк. Через день этот путь был пройден следователем еще раз. На Китайском бульваре, действительно, лежали старые сырые и грязные бревна. Рассуждая логически, следователь справедливо предположил, что если показания Мельницкого являются правдивыми и он действительно сидел на этих бревнах, на его шубе обязательно должны остаться обильные следы грязи. На шубе, изъятой у Мельницкого и подвергнутой осмотру, следов грязи обнаружено не было. Отсюда сделан вывод: данное негативное обстоятельство опровергает версию Мельницкого о том, что он якобы сидел на бревнах. Конечно, это слабая улика, но все же улика. К огорчению следователя, она не могла получить доказательственного значения. Оказалось, что Мельницкий в первую ночь пребывания в арестном доме укрывался своей шубой, и поэтому высохшая грязь легко могла отстать от нее.

При сложившейся ситуации основным источником доказательств явились показания 69 свидетелей, допрошенных по делу. Свидетели давали характеристики личности Мельницкого, приводили известные им факты из его служебной деятельности и личной жизни. Однако показания каждого из них в отдельности и всех вместе взятых не давали достаточных оснований для обвинения в присвоении денег.

После этого было произведено исследование отчетности и денежных документов, которое установило недостачу по кассе более 22 тыс. рублей, но ее возникновение относилось к более раннему времени.

Следователь продолжал поиски доказательств вины Мельницкого. С этой целью спустя 15 дней после преступления он прибегнул к эксперименту. Ход и результаты его описывались в обвинительном акте следующим образом: «При производстве следствия 28 ноября был сделан опыт точного определения времени, потребного на пешее передвижение от решетки кассира конторы Государственного банка Пареного, от которого Мельницкий получил деньги, до кабинета прокурора палаты. При этом Мельницкому было предложено сделать это передвижение тем же путем и тем же шагом, каким он сделал его 3 ноября, и так же зайти в часовни св. Пантелеймона, Николая чудотворца и Иверскую, зайти в одну из зал заседаний в здании судебных установлений, как он, по его показанию, заходил во все эти места 3 ноября, направляясь в кабинет прокурора палаты. При производстве этого опыта Мельницкому, по его просьбе, было дано лишних две минуты на отдых в книжной лавке, находящейся у Ильинских ворот. Несмотря на это и также на то, что 3 ноября, по заявлению самого Мельницкого, вследствие сырости, путь был удобнее для ходьбы, чем 28 ноября, когда был произведен опыт, так как снег обледе-

нел и мешал свободно ходить, весь путь от конторы банка до кабинета прокурора палаты пройден лишь в один час и одну минуту. Изложенное дает повод к основательному предположению, что избыток времени был употреблен обвиняемым на передачу и сокрытие 307 тыс. рублей»

В течение четырех дней (4—8 ноября 1882 года) дело Мельницкого слушалось в Московской судебной палате с участием присяжных заседателей. Их вердиктом подсудимый в инкриминируемом ему преступлении был признан виновным и приговором палаты осужден к лишению всех основных прав и к ссылке на житье в Томскую губернию. Тем самым суд ярко продемонстрировал свой классовый характер, а Мельницкий достиг того, что было им задумано. С присвоенными деньгами Мельницкий имел возможность неплохо устроиться и в Томской губернии, а его дети могли продолжать жить в Москве. Но именно дети и помешали довести план до конца. Хранить похищенную сумму в неприкосновенности они смогли только до суда, а после него начали сорить деньгами. Это не осталось незамеченным. Началось расследование дела детей и родственников Мельницкого. Оно и раскрыло до конца преступление последнего.

Саквояж с деньгами был передан Мельницким сыну Борису, с которым он заранее вступил в сговор. Заранее было определено и место встречи (у Варваринских ворот), и способ сокрытия денег. За несколько дней до симуляции пропажи денег Борис Мельницкий набил четыре чучела: глухаря, глухарки и двух зайцев. В день совершения преступления в них решено было поместить деньги. Так сын и поступил. Принеся саквояж домой и вынув из него деньги (в сотенных купюрах), он сразу же сжег в печи саквояж, а деньги (около 200 тыс.) уложил в чучела. Не вошедшие в «храни-

лища» деньги в сумме более 100 тыс. рублей были уложены в две папки и спрятаны в комоде под старым тряпьем.

Но выше мы отметили, что уже в день совершения преступления в доме Мельницкого был произведен обыск. Почему же деньги не обнаружены? Лицам, производившим обыск, не были в достаточной степени известны способы инсценировок и маскировок, изобретаемых преступниками, они не допускали возможности хитро спрятать столь крупные суммы, что называется, «на видном месте». Это и составило так называемый психологический барьер в данном деле. Возможно, при обыске те, кто его производил, даже полюбовались красиво изготовленными чучелами, а может быть, и потрогали их. Расчет Мельницкого на психологический барьер оправдался. Летом 1882 года чучела с деньгами и деньги, хранившиеся в комоде, были переправлены в имение, находившееся в Тверской губернии, а осенью после окончания судебного процесса возвращены в Москву.

16—22 декабря 1883 года состоялся второй судебный процесс. На этот раз на скамье подсудимых сидели дети Мельницкого: Борис — 23 лет, Валентина — 26 лет, Варвара — 14 лет, брат Федора Мельницкого — 46 лет, его жена — 50 лет, Елена Блезе — невеста Бориса — 19 лет и Альберт Дорвойдт (родственник Мельницких) — 26 лет. В ходе обысков у обвиняемых обнаружено и изъято 233 908 рублей. Любопытно отметить, что при обыске у Дорвойдта не были обнаружены 10 300 рублей, хранившиеся в двух залитых гипсом тумбах, служивших подставками для цветочных горшков. Психологический барьер сыграл свою роль и на этот раз. Раскрыл тайник и передал деньги следственным властям сам Дорвойдт.

(И. Крылов. Были и легенды криминалистики. — Ленинград, 1987)

ТРЕСТ КОНТРАБАНДНОЙ ТОРГОВЛИ ВИСКИ

16 января 1920 года в Соединенных Штатах вступила в силу 18-я поправка к конституции страны, принятая в конгрессе большинством голосов. Первый раздел гласил: «Через год после ратификации настоящей статьи в Соединенных Штатах и на всех подвластных им территориях запрещаются производство, продажа или перевозка, а также ввоз или вывоз опьяняющих напитков для потребления».

16 января 1920 года в городе Норфолк, штат Вирджиния, евангелист Билли Санди во время церемонии символического погребения гроба с Джоном Ячменное Зерно, олицетворением опьяняющих напитков, произнес вдохновенную проповедь. Патетически воздев руки, Санди воскликнул: «Прощай, Джон! Ты был подлинным врагом Бога и другом дьявола! Я всей душой ненавижу тебя!»

16 января 1920 года в Соединенных Штатах введен «сухой закон». Легально нельзя было хранить ни ячменное пиво, ни виски. Однако не все граждане в «богом избранной стране» ненавидели до глубины души алкоголь. Напротив, люди, не проявлявшие ранее интереса к алкоголю, после запрета начали выпивать. Спрос на горячительные напитки стал выше, чем прежде. В алкогольной индустрии появились новые понятия: муншайнер, бутлегер, спикизи. Муншайнер —

подпольный самогонщик — тайно по ночам, при свете луны, изготовлял виски. Бутлегер — контрабандист — доставлял в страну запрещенное зелье через океан или через канадскую границу. В спикизи — нелегальном притоне — шепотом, с многозначительным подмигиванием заказывали чай и в чайной чашке получали горячительный напиток. На нелегальной торговле алкогольными напитками можно было заработать фантастические прибыли. Бутылка виски, приобретенная за 15 долларов за пределами США, приносила прибыль от 70 до 80 долларов. Однако контрабанда алкогольных напитков была отнюдь не безопасным занятием. В борьбе с полицией приходилось прибегать к всевозможным уловкам и прежде всего иметь хорошо налаженную организацию. Таким образом, торговля алкогольными напитками стала сферой деятельности растущих как на дрожжах или уже существовавших гангстерских банд. Лишь они могли скоординировать множество «профессий», связанных с торговлей алкоголем.

В этом деле нужен был моряк, который бы доставлял виски через море или океан. Банда должна была быть уверена в том, что он, получив для оплаты товара несколько десятков тысяч долларов, не возвратится с пустыми руками и не расскажет какую-нибудь историю о нападении, во время которого у него отняли все деньги. Далее, необходим был владелец грузовика, который находился бы вне подозрений у полиции и к тому же сумел бы подкупить полицейского, дать ему сколько следует — не слишком много, но и не слишком мало. Наконец, следовало создать обширный аппарат для продажи товара.

Еще в 1920 году гангстеры вошли в большой бизнес. Лучиано устраивал, обсуждал, убеждал, организовывал. Вскоре на свет появилась «Большая семерка» — супертрест гангстеров, который впоследствии контро-

лировал всю торговлю запрещенными в то время в США спиртными напитками. Мафию в этом тресте представляли Сальваторе Лучиано, Джонни Торрио и Джо Адонис. Компаньонами были «Нью-Йорк индепендентс» и «Независимые бутлегеры Нью-Йорка» — гангстерская шайка Зигеля-Лански и группы контрабандистов виски Нью-Джерси, Бостона, Род-Айленда и Атлантик-Сити.

С тех пор не было в США капли алкоголя, доставленной из-за Атлантического океана, которая не прошла бы через руки «Большой семерки». Трест гангстеров имел собственный флот, собственную охрану, собственные перевалочные пункты и склады в Канаде и на Багамских островах. Штаб-квартира «Большой семерки» находилась в отеле на Лексингтон-авеню в центре Нью-Йорка. Оттуда контрабандисты поддерживали радиосвязь со своими радиостанциями на французских островах Сен-Пьер и Микелон близ Ньюфаундленда и в городе Нассау на Багамских островах. В поступавших в штаб-квартиру шифрованных радиограммах сообщалось о времени отправления и прибытия судов с контрабандным товаром, содержались сведения о количестве и качестве груза, о ценах и соответствующих методах приема контрабанды.

«Большая семерка» работала с той же деловитостью, что и любой трест. Она устанавливала единые обязательные цены, определяла ввозные квоты на контрабандное виски, для того чтобы держать цены на рынке, следила за тем, чтобы отдельные группы контрабандистов не нарушали границ отведенных для них участков торговли. Подобно крупным концернам, через своих лоббистов «Большая семерка» покупала политиков. Гангстерский трест щедро платил также полицейским и таможенникам, солдатам и офицерам американской береговой охраны.

Словом, «оборона» обеспечивалась прочно, и лишь в редких случаях происходили срывы. Так, однажды «Клип», один из принадлежавших «Большой семерке» торпедных катеров, среди бела дня на берегу Гудзона в Нью-Йорке разгружал контрабандный товар. Тут-то его и накрыла береговая охрана. Однако моряков береговой охраны, собравшихся арестовать контрабандистов, ожидал «сюрприз»: они были встречены плотным огнем из тяжелых пулеметов. Удивление их возросло еще больше, когда обнаружилось, что нарушителям ответный огонь нипочем: толстые листы брони надежно защищали торпедный катер контрабандистов.

За годы деятельности «Большой семерки» американским властям лишь один-единственный раз удалось конфисковать крупную партию товара.

(К. Полькен, Х. Сцепоник. Кто не молчит, тот должен умереть. — М., 1982)

«МЫ ПРОСТО НАУЧИЛИСЬ ЗАРАБАТЫВАТЬ ДЕНЬГИ...»

В среднем им было всего лишь по двадцать лет. Из подростков они уже превратились в мужчин. Они ни в чем не сомневались и хотели составить себе «имя». Они хотели этого столь сильно, что все, кроме Бенджамина Сигела, уже решили с этой целью изменить свои собственные имена. Франческо Кастилья стал Фрэнком Костелло. Мейер Суховлянский, уроженец города Гродно, просто укоротил фамилию и стал Мейером Лански. Более скрытный, более честолюбивый, более хитрый и недоверчивый Сальваторе Лучи-

ано подбирал такое имя, чтобы ни у кого не возникло сомнений в его мужественности. В этот вечер и появилось имя Чарли. Он не ошибся, смутно понимая, как важно правильно выбрать имя, он, которому впоследствии предстояло стать Чарли Лаки Лучиано. Кто же были эти люди? Фрэнка Костелло отличали невысокий рост, открытый и широкий лоб, коротко подстриженные волосы, карие глаза, крупный нос и тонкие губы. Он был сдержан, обладал трезвым умом и дипломатическими способностями. Мейер Лански — маленький, тщедушный, злобный, с изможденным лицом человека, которому суждено голодать до скончания века. Глаза у него были такими же черными, как и волосы, огромные уши оттопыривались. Пронизывающий собеседника взгляд заставлял забывать об его огромном носе, бледном лице и только следить за его отвислой губой, которая чуть вздрагивала, роняя с трудом выговариваемые слова.

Бенджамин Сигел походил на симпатичного подростка: брюнет с аккуратно уложенными волосами, с пробором на левой стороне, миндалевидными, красивыми глазами под темными бровями. У него были небольшие уши, нос с горбинкой, чувственный рот, тридцать два белоснежных зуба, уцелевших в самых яростных схватках. Настоящий красавчик, который вполне мог бы сделать карьеру в Голливуде. Он сделает карьеру, но благодаря той особой первой роли, которая будет принадлежать только ему одному. Самые огромные контракты, о которых не принято говорить громко, попадут в его карман. Женщины не могли ни в чем ему отказать, и поэтому он никогда не интересовался их мнением. Весьма сообразительный, он выводил из себя своих противников невыносимой спесью, цинизмом и язвительностью. Его крайний эгоцентризм не исключал поступков, казалось бы, продиктованных великодушием. Но это были только приступы, хотя они и случались. Как, впрочем, и приступы жестокости, которые были

ему более свойственны и благодаря которым он получил прозвище Багс или Багси (Клоп), однако произнести его больше одного раза в присутствии Сигела не удавалось никому, так как посмевшего сделать это ожидала смерть.

Самым непостижимым из всех оставался Чарли Лучиано. Копна темных волос, зачесанных назад. Скулы высокие и широкие, лицо, суживающееся книзу, глаза темные, видящие все и ничего. Правильный нос. Хорошей формы рот. Среднего роста, худощавый, стройный, со скупыми, тщательно рассчитанными движениями, неторопливый, он производил впечатление человека, участвующего в опасной транспортировке не менее тонны динамита.

Все они были разными, но цель у них была одна. Несмотря на то что они не походили один на другого, они нашли друг друга и настолько преуспели, что добродетельной Америке не суждено уже было избавиться от засилья преступности и коррупции.

Сразу же возникло три вопроса. Если производство алкоголя запрещено, то много ли его еще осталось? Каким образом организовать его доставку? Заполучив его, кому его продавать? На эти вопросы очень быстро нашлись ответы. Большинство тех, кто ранее занимался хранением, сбытом и мелкой розничной торговлей различного вида спиртного, вынуждены были, как только закон вступил в силу, передать свои склады представителям власти. В результате в различных местах в окрестностях Нью-Йорка скопилось несколько десятков миллионов гектолитров алкоголя. И так как пока не была обеспечена их надежная охрана, вооруженные нападения могли дать хорошие результаты. По крайней мере, в первое время. В дальнейшем

будет освоен метод преодоления таможенных барьеров по подложным документам. В этот же период появились многочисленные фармацевтические лаборатории, где в огромном количестве изготавливались различные препараты на спиртовой основе. Самым сложным оставалась поставка различным торговцам товара, соответствующего вкусам их клиентов. Тот, кто пьет джин, не оценит американское виски, а любитель шотландского виски не станет пить водку. Пришлось организовать обменный пункт, где каждый мог обменять свою партию товара на ту, которая пользовалась спросом у его постоянных клиентов. В своей книге «Закон нью-йоркских шаек» Томсон и Раймонд отмечали двойную выгоду таких операций: «На бирже обмена происходило уточнение сфер влияния, что зависело, конечно, от того, насколько соблюдались заключенные сделки... Со временем эта биржа, предназначенная для проведения встреч и совершения коммерческих операций, стала местом ожесточенных сражений, где мерились силами в основном мелкие торговцы, избавляясь от покушавшихся на их владения конкурентов. Иногда здесь происходили схватки и между гангстерами более крупного масштаба. Поскольку биржа помещалась неподалеку от резиденции нью-йоркской полиции, новичкам не нужно было далеко ходить, чтобы научиться вести расследование сразу же после очередной потасовки. Биржа превратилась в своего рода горнило, где закалялись шайки, участвующие в запрещенной торговле алкоголем. Впервые за все время существования организованной преступности итальянские, еврейские, ирландские гангстеры вели дела друг с другом. Здесь же среди извержений жестокости, потоков крови завязывались дружеские, деловые связи, длящиеся иногда день, а иногда всю жизнь».

В этом отрывке обращает на себя внимание одна фраза: «Впервые за все время существования организо-

ванной преступности итальянские, еврейские, ирландские гангстеры вели дела друг с другом».

Действительно, такая ситуация представляла собой нечто новое. По крайней мере, вначале. В этом нашла свое отражение основная идея Чарли Лучиано: «В нашем деле каждый должен показать свои способности независимо от его происхождения. У нас одна раса, одна религия — религия денег. Она лучше всех остальных. С ней на земле рай».

Мафия придерживалась на этот счет иного мнения.
А пока Чарли Лучиано и Фрэнк Костелло продолжали посещать биржу обмена на Малберри-стрит.

Костелло, никогда не носивший с собой оружия, уговаривал Лучиано проявлять сдержанность, но молодой Чарли, болезненно нервный, уже не раз хватался за нож.

После первого успешного дела «Банда четырех» с легкой руки Джо Адониса стала процветать благодаря имеющимся у нее запасам алкоголя, своевременно пополнявшимся с помощью Гордона. Различные сорта спиртного реализовывались по многочисленным каналам, что, однако, увеличивало возможность провала. Но именно сейчас, когда доллары текли рекой, принося с собой массу удобств, наказание за контрабандную торговлю, хотя и незначительное, представлялось крайне нежелательным. Даже минимальное тюремное заключение могло оказаться равносильным краху и привести к невосполнимым потерям для членов банды, охваченных неодолимой жаждой шикарной жизни и богатства. Тем более что обретенные таким путем доллары они считали честно заработанными. Чтобы их за-

получить, не надо было, как раньше, кому-то угрожать, кого-то принуждать, избивать и убивать. Раз люди хотят выпить, так почему же не предоставить им желанную выпивку? Каждый извлекал из этого выгоду: одни имели возможность выпить, другие загребали деньги, не рискуя подвергнуться наказанию за совершение кражи, насилия, убийства.

«Банда четырех» выработала свое кредо: «Мы не делаем ничего предосудительного, мы просто научились зарабатывать деньги». Вопрос заключался лишь в том, как избежать неприятностей. Рассудительный Костелло нашел выход:

— Все мы, когда еще были детьми, видели, что те, на кого возлагается исполнение законов, умеют подставлять руку и закрывать глаза... Надо только давать не очень много, чтобы не избаловать их. Сейчас мы просто обходим непопулярный закон, не причиняя вреда ни их почтенным институтам, ни их состоянию, ни их персонам. Вся штука в том, что мы делаем деньги, и завистники могут нам помешать. Я предлагаю отдавать им часть наших доходов, подмазывать их, чтобы они ничего не замечали и все бы шло своим порядком. Если нас попробуют вымазать грязью, то все они окажутся вымазанными вместе с нами и сядут в галошу. Им придется быть с нами заодно, если они не захотят загреметь с нами за компанию.

Почти все готовы были приветствовать идею Костелло. Исключение составлял один Мейер Лански, распоряжавшийся капиталами банды, который каждый истраченный доллар оплакивал, словно навсегда потерянного ребенка. Чарли Лучиано горячо поддержал Фрэнка, и все решили доверить ему для начала фонд в пять тысяч долларов. Это была гениальная идея.

Фрэнк Костелло, прекрасно одетый, с хорошими манерами и негромким голосом, подчеркнуто приветливый, взял на себя связь с полицейскими, вручение выделенных из фонда взяток, урегулирование недоразумений с комиссариатом полиции; он оказывал материальную поддержку политическим деятелям во время предвыборных кампаний, лично выражал признательность судьям за проявляемую снисходительность к ним, которые действительно не делали ничего дурного. У него это получалось, и неплохо. Только за один год от Бродвея, через самые темные закоулки Гарлема, он дошел до Гудзон-Ривер, сумел завести связи в Нью-Джерси, повсюду предлагая услуги и доллары; при этом ему не пришлось даже подвергаться особым оскорблениям.

Пяти тысяч долларов оказалось недостаточно. На это дело не хватило бы и ста тысяч. Пришлось раскошеливаться. Со всех видов промысла значительный процент доходов начал отчисляться в фонд, который с легкой руки Лучиано и не без юмора был назван «смазной банк».

Добрая традиция давать на лапу привыкшим к подачкам чиновникам развращала их и заставляла быть покладистыми, когда их просили закрывать глаза на махинации букмекеров, запрещенные пари, лотереи, на красные фонари, слишком заметные на печально известных улицах. Теперь, даже если бы они и захотели разоблачить все эти махинации, они уже не в состоянии были что-либо сделать.

Чтобы заручиться помощью и поддержкой политических деятелей, Костелло разработал целую систему раздачи продовольствия, распределения другой безвозмездной помощи беднякам, снабжения витамина-

ми, тонизирующими средствами и другими продуктами детей из многодетных семей, фруктами — стариков, сигарами — завсегдатаев баров и забегаловок, у которых в кармане не было ничего, кроме коробка спичек.

Кроме того, «смазному банку» пришлось обильно «смазывать» избирательный механизм, требующий от кандидатов соблюдения новых правил.

Чтобы машина крутилась безотказно, ни на минуту не останавливаясь, нужно было действовать: доставать и поставлять спиртное.

Это оказалось не таким простым делом.
За соблюдением «сухого закона» на территории всех штатов вначале наблюдали полторы тысячи федеральных агентов. Впоследствии их численность увеличилась вдвое. Естественно, им помогали таможенники, береговая пограничная охрана, некоторые подразделения полиции. Но это происходило эпизодически и не всегда с должной решительностью. Если верить «Нью-Йорк таймс», то первую серьезную операцию по установлению путей реализации крупных партий контрабандного алкоголя удалось осуществить только в июле 1921 года.

Целая флотилия кораблей — они были настолько перегружены, что ватерлиния находилась под водой, — с трюмами, набитыми ящиками с контрабандным виски, выходила из порта Бимини на Багамских островах и, пройдя почти три тысячи миль, достигала границы территориальных вод где-то между Лонг-Айлендом и Нью-Джерси. Эта новая морская дорога получила название «Ромовый бульвар». Узнав об этом, законодате-

ли не задумываясь увеличили ширину территориальных вод сначала до девяти, а затем и до двенадцати миль. Но и это ничего не изменило.

Торговцы, выстроившись вдоль борта судна, перегружали свой драгоценный груз на поджидавшие их быстроходные катера, которые, уходя на огромных скоростях, рассеивались по акватории под покровом ночи, тумана или просто-напросто благодаря мастерству рулевых. Эта бешеная гонка оканчивалась в одной из многочисленных бухточек где-нибудь в районе Монтаука, Ойстер-Бея или Фри-порта. Там уже стояли в ожидании груза вереницы тяжелых грузовиков. Команды грузчиков загружали их, и транспортные колонны отправлялись в путь в направлении Нью-Йорка, сопровождаемые спереди и сзади внушительных размеров лимузинами, в которых размещались лучшие стрелки банд. В открытых окнах автомашин торчали стволы пятидесятизарядных «томпсонов», покрытых кожухами охлаждения.

В головной машине ехал особо доверенный человек. Когда это был конвой «Банды четырех», колонну вел Джо Адонис. На коленях у него лежала завернутая в газету пачка банкнот. Как правило, полицию «смазывали» предварительно, и она не беспокоила. Неприятности могли возникнуть в графствах Нассо и Суффолк, где полицейские отличались особой предприимчивостью. Стражи порядка вооружались кольтами 45-го калибра и останавливали колонну... И всегда именно тогда, когда могли урвать кое-что для себя. К этому приспособились и продолжали возить. Сложнее оказалось избавиться от мелких проходимцев, которые опоздали к развертыванию крупных операций. Поскольку они не успели «встать в круг», они решили войти в него силой, сочтя, что это будет стоить им не так дорого, а в случае успеха принесет несравненно больше. Вот по

какому сценарию развивались события, если верить Роберту Карзу, который в своей книге «Ромовый бульвар» подробно рассказывает о подвигах известного морского контрабандиста тех времен Билла Маккоя, главаря целой армады кораблей, лично командовавшего шхуной «Аретьюза»:

«Аретьюза» могла брать на борт одновременно до пятнадцати человек. Двигатели работали безостановочно, команда шхуны была готова в любой момент отправиться в путь. Вооруженный биноклем, помощник Маккоя сообщал на палубу обо всех перемещениях кораблей береговой охраны. Известные Маккою контрабандисты предпочитали сами перегружать свой товар на катера. Они передавали ему оговоренную заранее сумму из рук в руки или, едва подплыв поближе, бросали пачку купюр на палубу, объявляя ему цену и сорт требуемого спиртного: «Три гранта против пятисот «Джонни Уолкер блэк лейбл»... Беру четыре сотни «Деверс» и сотню «Хай энд драй де буф»... Заплачу, когда поднимемся на палубу... Я взял «Голден Уидинг», мы в расчете. До встречи, Билл...»

Все происходило в атмосфере взаимного доверия. Так продолжалось до тех пор, пока опоздавшие пристроиться к организованному бизнесу не стали вносить сумятицу. Они появлялись из тумана, словно демоны, брали транспорт на абордаж, под угрозой оружия заставляли команду перегружать весь ценный груз с судна на свои катера и бесследно исчезали. Дерзость этих наглецов оправдывала себя. Новых пиратов прозвали карманниками. Были приняты меры предосторожности, и транспортные суда оснастили скорострельными пушками. Это привело к тому, что у берегов Соединенных Штатов развертывались настоящие морские сражения с огромными потерями с той и с другой стороны. Когда наконец морская торговля стабилизи-

2 Зак. 1281

ровалась, оставшиеся в стороне и опоздавшие принялись с присущей им хитростью и наглостью нападать на транспортные колонны. Поломанной автомашиной они перегораживали дорогу и вынуждали вереницу грузовиков останавливаться. Скрывавшиеся в засаде пираты открывали огонь по машинам сопровождения, находящемуся в больших лимузинах конвою, расстреливали сопровождающих, приканчивали всех, кто пытался скрыться. Оставив убитых и раненых прямо в кюветах у дороги, нападавшие гнали захваченные грузовики к заранее оборудованным складам. Там они разливали спиртное в заранее приготовленные мелкие емкости. При этом виски разбавлялось почти наполовину, а затем разливалось в бутылки с этикетками, напоминавшими фабричную упаковку.

Когда известно, что литр чистого спирта можно купить за три доллара, а продать оптовикам за тридцать, нетрудно представить себе, что наиболее алчные будут разбавлять спирт любой дрянью, чтобы урвать как можно больше. И им нет дела до того, что в результате среди американцев появятся тысячи слабоумных, немощных и калек.

Людям «Банды четырех», хорошо обученным и руководимым Чарли Лучиано, не пришлось испытывать превратности судьбы. Роли были четко распределены. Лучиано взял на себя организацию поставок и их проведение. Мейер Лански — расчеты и финансирование. Фрэнк Костелло — стратегию и тактику построения отношений с другими шайками, в том числе заключение союзов о ненападении. Он был своего рода первым советником Лучиано, а Багси Сигел сопровождал и охранял его. Отлично дополняя друг друга, они смогли нажить много тысяч долларов, не особенно афишируя это и имея дело только с отборной клиентурой.

Мейера Лански очень вдохновила книжка Уильяма Тоссифа, профессора Гарвардского университета, под названием «Извлечение прибыли», в которой рассматривался закон спроса и предложения. Лански твердо усвоил, что, поставляя продукт только высшего качества, можно обеспечить себе определенную клиентуру и гарантировать высокие твердые доходы, которые будут неизменно расти. Эти святые принципы предпринимательства, о которых Мейер Лански твердил целыми днями своим приятелям, согласились проводить в жизнь и остальные, называя их между собой «законом Лански». Их девизом стало: «Высокому качеству — высокую цену». Это помогло им не один раз избегать неприятностей и сохранять марку.

Волны спиртного накатывались одна за другой. Обходилось без кровопролития. Больше, чем кто-либо другой, радовался Лучиано. В 1923 году, в возрасте всего лишь двадцати шести лет, этот некогда жалкий иммигрант из Леркара-Фридди, начавший с нуля, пришедший с улицы, поднялся, словно на скоростном лифте небоскреба, до высоты более впечатляющей, чем та, которую достиг сам Биг Билл Двайер, хотя это и не так бросалось в глаза. Как-то в разговоре с Мартином Гошем Лучиано разоткровенничался:

— Держу пари, что в те времена, когда мои приятели и я создавали свое предприятие по торговле спиртным, наше дело было более значительным, чем у Генри Форда. Мы контролировали заводы, склады, самые различные виды деятельности, владели фантастической системой транспортных средств, кораблей. Наши водители не имели себе равных ни в вождении машин, ни в стрельбе. Бухгалтерские операции Лански проводил с присущей ему одному молниеносной быстротой, и его люди обходились без бумагомаралок с их дурацкими нарукавниками. Эти типы, а среди них

много и счетоводов-женщин, имели хорошую память, потому-то их цифры не часто оставались записанными черным по белому. В нашем распоряжении были экспортеры и импортеры, весь персонал, в котором нуждается любая фирма. Только у нас их было гораздо больше. Мы имели своих адвокатов, которые работали на нас все двадцать четыре часа в сутки. Позднее мне многие говорили, что следовало бы использовать свое серое вещество для более порядочного дела и что я мог бы иметь огромный успех. Может быть, это и так, но я нигде не получал бы столько удовольствия. Договор о ненападении с Двайером был заключен, и все должно было бы пойти дальше с учетверенной скоростью, если бы маленький сицилиец Чарли Лучиано не совершил огромную ошибку: он позволил себе забыть о мафии. Мафия же никогда и никого не забывает.

Фрэнк Айяле, глава «сицилийского союза», заставил его встревожиться. Когда Лучиано сопоставил отдельные факты, то почувствовал себя охваченным неудержимой жаждой мести.

(Ж. М. Шарлье, Ж. Марсилли. Преступный синдикат. — М.: Прогресс, 1990)

РАСПРОДАЖА «ОГРОМНОГО НАСЛЕДСТВА»

Из воззвания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов к гражданам России, 1917 год.

ГРАЖДАНЕ!
Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство.

Теперь оно принадлежит народу.
Берегите это наследство...

Берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших...

Не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, старинные вещи, документы — все это ваша история, ваша гордость.

Помните, что все это почва, на которой вырастет наше новое народное искусство.

А вот документы, относящиеся к осени 1918 года.
19 сентября.
Документ о запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного значения.

«Воспретить вывоз из всех мест республики и продажу за границу, кем бы то ни было, предметов искусст-

ва и старины без разрешений, выдаваемых Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве при Комиссариате народного просвещения или органом, Коллегией на то уполномоченным.

Комиссариат по внешней торговле может давать разрешение на вывоз за границу памятников старины и художественных произведений только после предварительного заключения и разрешения Комиссариата народного просвещения».

В чем подтекст, в чем загадка этого документа?
В том, что Наркомвнешторгу предоставлено право вывозить за границу памятники культуры, а за Наркомпросом закреплялась монополия на «культурную торговлю».

5 октября.
Декрет о регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений.

Впервые в мировой истории брались под государственную охрану и учет все памятники культуры, кому бы они ни принадлежали.

Ценности брались под охрану, чтобы удобнее было продавать. Не ради музеефикации понадобился тотальный учет ценностей. Этот строгий закон открыл дорогу работе экспертных и конфискационных комиссий.

21 ноября.
Декретом Совнаркома при ВСНХ была образована Комиссия использования материальных ресурсов, в задачи которой входило:

установление общего товарного фонда республики; установление и определение размеров специальных фондов, предназначенных для промышленного потребления, для распределения среди населения, для экспорта и для образования государственного резерва;

составление планов использования товарных ресурсов страны.

В ведении Комиссии находились все экспортные фонды, включая антикварный.

А. Николаев, а вскоре вслед за ним Н. Семенова и А. Мосякин предали гласности дикое преступление советского режима: о распродаже за рубежом в годы первой пятилетки значительной части национального культурного достояния.

Излагая свои версии событий, трое авторов опирались на доступные им факты, почерпнутые либо из зарубежной прессы, либо из книги профессора Гарвардского университета Роберта Уильямса «Русское искусство и американские деньги». Журналисты не знали, даже не догадывались, что при желании легко могли познакомиться в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР (ЦГАНХ) с дюжиной дел из фонда Наркомата внешней торговли СССР (ф. 5240). Тех самых дел, которые и содержат ключ к разгадке

столь, как оказалось, неумело оберегаемой государственной тайны.

По чистой случайности не уничтоженные при сдаче в архив, чудом избежавшие спецархива и многие годы доступные любому исследователю сотни бесценных документов — подлинники докладных записок, отчетов, служебной переписки, приказов и соглашений, — раскрывают не только подоплеку, но и все детали, подробности преступной акции, стыдливо именовавшейся внешнеторговыми операциями.

Документы эти посчастливилось обнаружить, изучить и сопоставить с уже ранее опубликованными, известными историку Ю. Н. Жукову. Он и положил их в основу своей книги «Тайна операции «Эрмитаж».

... В понедельник, 23 января 1928 года, после пятидневного перерыва, в Кремль на очередное заседание собрались члены союзного Совнаркома. Алексей Иванович Рыков болел, а потому председательствовал его заместитель Ян Эрнестович Рудзутак.

Вопросов, как обычно, накопилось изрядно, и лишь под вечер, к концу заседания — по девятому пункту повестки дня — слово для доклада получил Лев Михайлович Хинчук, человек для правительства сравнительно новый, хотя и известный многим.

Шестьдесят лет. За плечами — полтавская гимназия, университет в Берне, революционная деятельность начиная с 90-х годов прошлого века. Был близок к группе Плеханова, после второго съезда партии примкнул к меньшевикам. С февраля 1917 года — председатель

Моссовета. Вместе с товарищами по фракции резко выступил против захвата власти большевиками, однако осенью 1919 года пересмотрел свои взгляды и вступил в РКП(б). Был введен в коллегию Наркомпрода, назначен руководителем Центросоюза. Лояльность к новому режиму оценили. В 1926 году Хинчука избрали в ЦИК СССР и назначили торгпредом в Великобританию. Осенью же следующего года, когда Великобритания разорвала с нами дипломатические отношения, вернулся в Москву и получил новое назначение — заместителя наркома внешней и внутренней торговли СССР.

Лев Михайлович говорил уверенно, со знанием дела. Обрисовал ситуацию на международном рынке, сказал, что его наркомат сделал все возможное, однако расходы по импорту, как это ни прискорбно, продолжают превышать, и весьма значительно, поступления от экспорта. Разумеется, сократить ввоз в страну машин, оборудования невозможно. Следовательно, необходимо всемерно расширять вывоз. Любой ценой. Сотрудники наркомата, торгпредств давно пытаются найти выход из создавшегося чрезвычайно опасного положения. Использовали все имевшиеся резервы, изыскивают новые и новые. Вот один из них — наш антиквариат. Естественно, только то, что не входит в музейные коллекции, а выделяется самими учеными как ненужное, идущее в открытую продажу. По твердым прикидкам, экспорт антиквариата может дать только в ближайшее время миллионов пять. В целом же — около 30 миллионов золотых рублей. А это уже немало.

Но проблема в том, продолжал Хинчук, что и тут есть свои трудности. Работники Наркомпроса не хотят осознать всю важность такой экономической меры. Без конца чинят всевозможные препятствия, выступают с

мелочными придирками. Мешают делу тем, что продолжают цепляться за давно устаревшие постановления и инструкции. Да и Наркомфин, также причастный к распродажам ненужного музеям имущества, слепо следуя все тем же инструкциям, тормозит выполнение важнейшей задачи — обеспечение страны в ответственный момент подготовки осуществления первой пятилетки валютными поступлениями. Вот поэтому и необходим вынесенный на рассмотрение документ. Он позволит, наконец, навести должный и твердый порядок, ускорит расширение экспорта.

Возражений не последовало, и проект утвердили без поправок, сразу же. Единогласно.

СЕКРЕТНО
О МЕРАХ К УСИЛЕНИЮ ЭКСПОРТА И РЕАЛИЗАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ ПРЕДМЕТОВ СТАРИНЫ И ИСКУССТВА

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:
1. Признать необходимым усилить экспорт предметов старины и искусства, в том числе ценностей музейного значения, за исключением основных музейных коллекций.

2. Для руководства работами по выполнению и отбору предметов старины и искусства, имеющих экспортное значение, в том числе входящих в состав музейных фондов, находящихся в ведении Народного Комиссариата Просвещения, НКТоргом СССР назначаются особые уполномоченные.

Советам Народных Комиссаров союзных республик

предлагается обязать НКПросы этих республик назначить для той же цели своих уполномоченных.

Те и другие уполномоченные действуют на основании инструкции, издаваемой Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней торговли Союза ССР и уполномоченными Народных Комиссариатов Просвещения союзных республик.

3. Разногласия, возникающие между уполномоченными Народного Комиссариата Внешней и Внутренней Торговли Союза ССР и уполномоченными Народных Комиссариатов Просвещения союзных республик окончательно разрешаются комиссиями, образуемыми в районах деятельности уполномоченных, в составе председателя, назначаемого Советом Народных Комиссаров соответствующей союзной республики, и указанных уполномоченных.

4. Какое бы то ни было изъятие и распределение предметов старины и искусства из музейных фондов без согласия упомянутых в ст. 2 уполномоченных воспрещаются.

5. Вывоз за границу предметов старины и искусства допускается лишь при наличии согласия Народного Комиссариата Просвещения соответствующей республики, причем лицензионные разрешения выдаются исключительно органам НКТорга СССР в установленном порядке.

6. Народному Комиссариату Внешней и Внутренней Торговли Союза ССР предоставляется право устанавливать предельный размер суммы и иные условия, при

которых вывоз предметов старины и искусства допускается в безлицензионном порядке.

7. Предложить Народному Комиссариату Внешней и Внутренней Торговли Союза ССР установить порядок реализации предметов старины и искусства, обязательный для всех учреждений, организаций и предприятий, производящих таковую реализацию.

8. Предложить Народному Комиссариату Финансов Союза ССР представлять в Народный Комиссариат Внешней и Внутренней Торговли Союза ССР все данные о вывозе имеющихся в его (НКФ СССР) распоряжении предметов старины и искусства, а самый вывоз таковых производить по генеральным лицензиям, выдаваемым Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней Торговли Союза ССР.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР Я. Рудзутак

Секретарь Совета Народных Комиссаров Союза ССР И. Мирошников
23/1-28 г. Москва, Кремль

Три дня спустя, 26 января, этот нормативный акт, как и предусматривалось, повторило аналогичное постановление СНК Российской Федерации. Так, еще вчера казавшееся немыслимым, просто невозможным стало реальностью, принципиально новой государственной политикой.

Стремясь к сиюминутной выгоде, правительство стра-

ны откровенно проигнорировало вечное, непреходящее — культуру. Предало забвению десятилетнюю благородную политику охраны памятников. Отныне не профессионалы решали судьбу музейных собраний. Решали люди, весьма далекие от насущных проблем сохранения, изучения произведений искусства. Первенствующая роль теперь отводилась особоуполномоченному Наркомторга СССР и директору-распорядителю специализированного объединения по экспорту и импорту антикварно-художественных вещей «Антиквариат» А. М. Гинзбургу, уполномоченным по Ленинграду — Простаку, по Москве — Н. С. Ангарскому.

Разумеется, идея такого постановления СНК СССР родилась отнюдь не вдруг, не случайно и не на пустом месте. Подготовили, обусловили ее неизбежное появление многие факторы, и главный из них — отсутствие средств на культуру.

Когда большевистская партия приняла решение о переходе к новой экономической политике, она считала: нищее, окончательно разоренное шестью годами войн государство должно срочно восстановить промышленность, сельское хозяйство, транспорт. Лишь потом задуматься о духовном. Поэтому Наркомпросу предлагалось немедленно перейти на хозрасчет остаточного финансирования.

Раньше, в годы «военного коммунизма», Наркомпрос получал буквально по первому же требованию необходимые ассигнования. Да притом в любых размерах. С октября же 1922 года бюджет республики больше не подвергался никаким коррективам и изменениям по требованиям горкоматов. Разрабатывался загодя и вводился с 1 октября по 30 сентября — на хозяйственный год.

Ничего не поделаешь — оздоровление финансовой системы!

Да, Совнарком медленно, но неуклонно ликвидировал бюджетный дефицит, но за счет того, что, скажем, Наркомпросу давал только треть тех сумм, которые до революции имело министерство народного просвещения. А ведь сфера Наркомпроса теперь была гораздо шире, значительнее. Ему оказались подведомственны не только все без исключения школы (раньше они подчинялись и министерству, и Синоду, и местному самоуправлению), но и театры, музеи, издательства, библиотеки... Даже литература и искусство. И все требовали своей доли. Даже Главполитпросвет — учреждение сугубо партийное, занимавшееся пропагандой, внедрением в умы неграмотного люда коммунистических взглядов.

Результаты остаточного принципа не замедлили сказаться. Закрывались университеты, институты, а профессура оказывалась на улице. Даже учителя начальных школ перестали получать зарплату. Теперь вели уроки лишь после того, как родители учеников приносили — в счет оплаты — продукты, дрова. Крестьяне же не очень заботились об образовании своих детей. Те прежде всего должны были работать по хозяйству. В результате биржи труда вскоре зарегистрировали более полумиллиона безработных учителей.

Та же участь постигла и Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. НЭП обрушился на него, как снежная лавина, как землетрясение. Стал катастрофой. Ведь теперь за все приходилось платить. За воду, свет, отопление, охрану. За ремонт крыш, остекление окон. За реставрацию. И еще — своим сотрудникам. А деньги не поступали. Их просто не было.

Сначала пошли на сокращение штатов.
Если к началу 1921 года в Отделе, его 66 местных органах — в автономных республиках, губерниях и уездах — работало свыше 500 человек, то к маю 1923 года осталось чуть больше 60: самых незаменимых, обладающих блестящей профессиональной подготовкой, огромным опытом. Заодно ликвидировали и почти всю сеть местных органов. Остались они лишь в 30 губернских центрах, насчитывая по одному сотруднику.

Но и такой меры оказалось недостаточно. Повседневная деятельность требовала расходов, а ассигнований все не было. И тогда, в июле 1922 года, коллегия Отдела сделала страшный (как показало будущее, — самоубийственный) шаг, пойдя на коммерческие операции: сдавая в аренду землю и здания, продавая ненужное имущество.

Неожиданно возникшее предложение обсуждали, обдумывали долго — девять месяцев. И только убедившись, что помощи ждать неоткуда, подготовили текст законопроекта. Провели его через коллегию Наркомпроса, направили в Совнарком. А тот 19 апреля 1923 года утвердил его как совместное со ВЦИК постановление «О спецсредствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей», предоставив этим актом музеям право сдавать в аренду для извлечения доходов находящиеся в их владении землю и здания.

Так появились политические изоляторы и лагеря в Соловецком, Суздальском монастырях; казармы и арсеналы в московских Крутицком подворье, Провиантских складах, на территории Херсонского городища; санатории, дома отдыха, детские дома, школы и техникумы в старинных усадьбах.

Затем пришла очередь и самих музеев.
12 сентября 1923 года под председательством члена Президиума ВЦИК П. И. Кутузова приступила к работе Комиссия ВЦИК по концентрации музейного имущества. А проще говоря — по переводу большей части музеев с республиканского имущества. А еще проще — по переводу большей части музеев с республиканского бюджета на местный. Сначала оставили в подчинении Отдела 200 музеев, потом довели их число до полутора десятков. Самых крупных. Таких, как Эрмитаж, Русский, Третьяковская галерея, новой западной живописи, Ясная Поляна, Дом Л. Н. Толстого в Хамовниках. Остальные оказались обреченными на закрытие — денег на культуру в местных бюджетах просто не предусматривали.

Однако и теперь финансовое положение памятников и музеев не улучшилось, и горькую чашу пришлось испить до дна. Пойти на последнюю, самую крайнюю меру.

Опять же по инициативе Отдела Совнарком РСФСР 6 марта 1924 года принял новое постановление: «О выделении и реализации госфондового имущества». Отныне музеи могли через антикварные магазины и аукционные залы Главнауки Наркомпроса в Москве и Ленинграде продавать «имущество, находящееся во дворцах-музеях, усадьбах, церквах, монастырях и др. исторических памятниках, не имеющее исторического значения, не входящее в состав коллекций данного учреждения и не относящееся к музейному оборудованию». При этом устанавливалось, что далеко не вся выручка пойдет самим музеям, а всего 60 процентов. Остальное — в доход государства.

Собственно, с этого момента и началась распродажа

музеев. На прилавках вдруг появились подержанные, не очень старые мебель и картины, фарфор и хрусталь, бронза и гравюры. Появились одежда и обувь вышедших из моды фасонов, но все же привлекательные. Одним словом, все то, что до февраля 1917 года являлось предметами повседневного обихода... в императорских дворцах. Служило и семьям Николая II, великих князей, и многочисленному штату их слуг, лакеев.

Продажа из фондов императорских дворцов столь поразила современников, что послужила сюжетом для двух и поныне популярных произведений.

«В этом году в Зимнем дворце разное царское барахлишко продавалось. Музейный фонд, что ли, этим торговал...»

Так начинал Михаил Зощенко рассказ «Царские сапоги», написанный и опубликованный в 1927 году.

О том же идет речь и в до сих пор остающемся бестселлером романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев», увидевшем свет в 1928 году. В нем основной поворот сюжета связан с тем, что стулья Кисы Воробьянинова, временно оказавшиеся в Музее мебели (отнюдь не фантазия авторов, а реальный музей, существовавший в Москве, в Нескучном дворце до 1928 года), попадают на аукцион, где и идут с молотка как «дворцовая мебель». Однако в открытую продажу — для всех, за рубли — шли действительно не представлявшие никакого значения вещи. Самая заурядная посуда, мебель, одежда, вещи, которых тогда столь остро не хватало, ибо отечественная промышленность их и в то время не выпускала в достаточном

количестве. Лучшее же из запасников, действительно имевшее художественную значимость, интересное для любителей искусства предназначалось иностранцам, которые готовы были платить.

Всего два магазина — ленинградский, на Дворцовой набережной в доме 18, в нескольких шагах от Эрмитажа, и московский, на Тверской, в доме 26, — покупали за рубли и продавали за доллары, фунты, марки, франки «старинные вещи, картины, рисунки, гравюры, мебель, бронзу, иконы, фарфор, серебро, парчу, всевозможные ткани, рамы для картин (позолоченные, красного дерева) и пр.». Два года они действовали под неусыпным контролем Музейного отдела, осуществляя, но в разумных пределах, советский экспорт произведений искусства. И поставляя средства на охрану культурно-исторического наследия.

Только теперь доходы с расходами начали сходиться. Денег стало хватать и на содержание сотрудников, и на музейную работу, и даже на реставрацию памятников зодчества. Но именно тогда и произошло сцепление случайностей, которые и направляют подчас историю.

До сих пор немецкие антиквары действовали на ленинградском рынке монопольно. Кроме них, никто не платил валютой за оптовые партии, а потому и не сбивал довольно низкие цены. А это-то и давало берлинской фирме возможность хорошо зарабатывать, создавало у нее заинтересованность. С июля же у них появился конкурент, готовый заплатить более высокую цену, — некий Степан Михайлович Муссури, греческий гражданин из Москвы.

В отличие от других деловых людей из Европы, предпочитающих жить в комфортабельных отелях, Муссури обосновался на тогдашней окраине, на Божедомке, в доме № 20 по первому Лазаревскому переулку. А действовать решил вполне легально, не нарушая законов. После долгих переговоров заключил 12 июля 1927 года договор с региональным учреждением внешнеторгового ведомства — Мосгосторгом.

Соглашение позволяло Муссури «производить в пределах СССР закупку и прием на комиссию предметов старины и роскоши: старинной мебели, предметов домашнего обихода, религиозного культа, предметов из бронзы, фарфора, хрусталя, серебра, парчи, ковров, гобеленов, картин, автографов, русских самоцветов, кустарных изделий и т. п., не представляющих музейной ценности, а также экспортировать указанные предметы по лицензиям, выдаваемым Наркомторгом СССР».

Но только после легализации будущих сделок С. М. Муссури занялся поиском денег. Их ему удалось получить у берлинского банкирского дома «Бернгейм, Блюм и К» на весьма кабальных условиях. Представитель банка, доктор Фридрих Пинофф, и Муссури образовывали «Товарищество для экспорта предметов старины и роскоши» с уставным капиталом в 25 тысяч рублей и гарантированным банковским кредитом в 200 тысяч рублей. Но так как Степан Михайлович не вносил в дело ни копейки, фактически он становился всего лишь служащим — оценщиком и скупщиком.

Антикварный магазин товарищества, вскоре открытый в Москве на улице Герцена близ консерватории, сразу же приобрел известность. И не только у москвичей, но и у жителей Ленинграда, куда Муссури наведывался

регулярно и часто. Как же, ведь он давал настоящую цену, не то что Главнаука или «Антиквариат». Да еще мог — правда, за действительно очень редкие произведения искусства — заплатить не рублями, а долларами.

Отлично чувствовал себя после подписания договора и руководитель Мосгосторга Николай Семенович Клестов, более известный по партийному псевдониму Ангарский. Теперь без каких-либо трудов и затрат он мог пополнять казну государства, получая с Муссури полную стоимость купленных там вещей в валюте. А значит, и отдаться тому, что было ему ближе всего, — литературе. Ведь одновременно он возглавлял и издательство «Недра».

Именно Николай Семенович Ангарский вместе с Марией Федоровной Андреевой сделал первый шаг на том роковом пути, который через несколько месяцев привел к распродаже национального культурного достояния. К разграблению Эрмитажа. А помог им Наркомфин РСФСР, также внесший собственный вклад в развитие трагических событий.

Операции фирмы «Рудольф Лепке», соглашение с С. М. Муссури никто не стремился афишировать, но никто и не скрывал. Да и не было в них чего-либо такого, что требовало соблюдения если не государственной, то хотя бы коммерческой тайны. Ведь мы лишь разрешали иностранцам доступ на внутренний рынок, сохраняя полный контроль за их действиями. Позволяли им покупать у населения и вывозить из страны только то, что разрешали эксперты Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Все остальное для предпринимателя являлось делом случая да удачи. Может, повезет, а может, и нет. Ну а чем

больше будет зарубежных антикваров, тем лучше. Ведь конкуренция повышала цены и, следовательно, то количество валюты, которое оседало в Госбанке. Повышало количество рублей, которые шли на охрану и реставрацию памятников. Поэтому и не подозревал никто, чем обернется приезд в СССР в сентябре 1927 года еще трех антикваров. На этот раз из Вены.

Так называемая Комиссия Госфондов Наркомфина РСФСР, которая и получила из музеев страны «немузейные» ценности для продажи в пользу государства и Наркомпроса, также возмечтала заработать валюту. Снеслась с советским торгпредством в Австрии и через него пригласила представителей венской аукционной фирмы «Доротеум». Показала прибывшим — Бауму, Зильберману и Ледереву — свои склады в Москве и Ленинграде, в принципе договорилась о продаже в Вене того, что отберут австрийские антиквары по соглашению со своим руководством.

Распродажа музейных ценностей приняла маниакальный, бессмысленный, не поддающийся объяснению характер. Каковы бы ни были результаты, пусть даже себе в убыток, но — продавать. Во что бы то ни стало продавать. Кому угодно и что угодно.

Скандалами, судебными исками завершились два аукциона: берлинский 1928 года и лондонский 1929 года; полным провалом, принесшим сплошные убытки и долг фирме «Рудольф лепке» в 595 тысяч золотых марок, — берлинский аукцион 1929 года. Но даже это не могло остановить руководство внешнеторговых служб Советского Союза, единожды принявшее решение об экспорте антиквариата.

Мировой экономический кризис? С аукционов ничто не уходит, а кто-то что-то и приобретает, то по смехотворно низкой цене? Значит, нужно продавать богатым коллекционерам. Миллионерам, сумевшим сохранить свои капиталы, удержавшимся вопреки Великой депрессии. Тем, кто, в отличие от наших специалистов по экспортным и импортным операциям, хорошо понимал: деньги, даже доллары, дешевеют с каждым днем, а художественные ценности, как и недвижимость, единственно надежный и даже выгодный способ сохранения капитала.

(Ю. Жуков. Тайна операции «Эрмитаж». — «Смена», 1992, № 1)

«МЫ НЕ УСТУПИМ НИ ФРАНКА!»

Большевики не только продавали, но и покупали...

Покупка архива Маркса была поручена «любимцу партии» — Николаю Бухарину. Его жена, Анна Михайловна Ларина-Бухарина, вспоминала:

«Николай Иванович был командирован за границу в феврале 1936 года, ближе к концу месяца, для покупки архива Маркса и Энгельса. Архив принадлежал немецкой социал-демократической партии и после прихода Гитлера к власти был вывезен из Германии в другие страны Европы. В связи с тем, что и это не обеспечивало надежного хранения архива из-за опасности войны с Германией, а может быть, и по материальным соображениям, решено было архив продать

Советскому Союзу. Для покупки архива за границу была направлена комиссия из трех человек: В. В. Адоратского, директора ИМЭЛ, А. Я. Аросева, в то время председателя ВОЛКСа, и Бухарина.

Николая Ивановича вызвал Сталин, сообщил ему о предстоящей командировке и выразил желание получить не только те документы Маркса и Энгельса, которых у нас вовсе не было, но и те, которые у нас имелись в копиях, назвал цену, за которую можно было купить архив. «Аросев, несомненно, торговать сможет, но в знаниях Адоратского я сомневаюсь, ему могут подсунуть что угодно вместо Маркса. Проверить рукописи сможешь только ты», — сказал Сталин.

Николай Иванович и заподозрить не мог, что поездка его за границу была задумана с провокацией. При встрече Сталин, казалось, был настроен дружески, заметил даже:

— Костюм у тебя, Николай, поношенный, так ехать неудобно, срочно сшей новый, теперь времена у нас другие, надо быть хорошо одетым.

В тот же день портной из мастерской Наркомминдела:
— Товарищ Бухарин (говорил портной с сильным еврейским акцентом), мне надо как можно скорее снять мерку, чтобы срочно сшить вам костюм.

При встрече с Николаем Ивановичем Сталин вручил ему постановление Политбюро, в котором были указаны цель командировки, состав комиссии по покупке архива и, если память мне не изменяет, перечислены лица, с которыми члены комиссии должны будут

встретиться для ведения переговоров. Во всяком случае, абсолютно точно помню, как, придя домой после разговора со Сталиным, Н. И. сообщил мне, что ему придется встретиться с австрийским социал-демократом Отто Бауэром, одним из лидеров II Интернационала и австрийской социал-демократической партии, с которым Николай Иванович не раз скрещивал полемическое оружие, идеологом австро-марксизма, а также с видным австрийским социал-демократом, секретарем II Интернационала Фридрихом Адлером, русскими меньшевиками-эмигрантами, издавшими в Париже «Социалистический вестник», Ф. И. Даном и Б. И. Николаевским.

Поскольку архив был рассредоточен по разным странам Европы, члены комиссии направились сначала в Вену, Копенгаген и Амстердам, где хранилась большая часть документов Маркса и Энгельса, которые Николаю Ивановичу пришлось просматривать.

Во второй половине марта Бухарин приехал в Париж. Никто из членов комиссии, кроме него, не имел дипломатического паспорта. Лица с дипломатическим паспортом, как правило, жили в посольстве, но от Потемкина поступило указание, чтобы Николай Иванович поселился вместе со всеми товарищами в гостинице «Лютеция», потому, якобы, что переговоры должны происходить в этой гостинице, а меньшевиков-эмигрантов приглашать в наше посольство неудобно.

Никто из немецких социал-демократов в переговорах о продаже архива не участвовал. Австрийцы Отто Бауэр и Фридрих Адлер дали возможность Адоратскому и Николаю Ивановичу изучать документы. Фридрих Адлер, как говорил Н. И., приезжал в Копенгаген и Амстердам.

Переговоры касались только стоимости архива — «условий продажи», — так называл их Николаевский; «постыдный торг» — характеризовал Бухарин. После приезда в Париж состоялась встреча членов комиссии с Даном и Николаевским, пришедшим в «Лютецию». Все последующие переговоры проходили там же. Свидание с Даном в присутствии Аросева и Адоратского было до моего приезда, поэтому пишу о нем со слов Н. И.

Дан подчеркнуто холодно и с нарочитым равнодушием смотрел на Бухарина, остальных он вовсе не замечал. Чтобы разрядить атмосферу, Николай Иванович воскликнул:

— Как вы похудели, Федор Ильич!
— Это потому, — ответил Дан, — что большевики выпили всю мою кровь, вы по этой причине так располнели.

— Но и вы моей хорошо попили! — заметил Николай Иванович. — И не только в 1917-м, но и в 1929 году (он имел в виду опубликованную в «Социалистическом вестнике» запись разговора с Каменевым), но, как видите, я в форме.

После такого «дружеского» диалога состоялся короткий разговор о документах и цене архива. Дан заявил, что дальнейшие переговоры будет вести только Николаевский и что он участия в них больше принимать не будет. Но с Николаевским Н. И. знаком не был. Николаевского увидел впервые в Париже, Дана хоть и видел в 1917 году, но никогда с ним не разговаривал.

Обычно Николаевский, позвонив по телефону, договаривался об очередной встрече. Время согласовывалось с остальными членами комиссии. Однажды, не застав Аросева и Адоратского, Николай Иванович свидание отменил. Во всех случаях, кроме одного, которого я коснусь, речь шла только о цене архива.

Немецкие социал-демократы назвали очень высокую цену архива. Возможно, справедливы были предположения, в особенности Аросева, что русские меньшевики-эмигранты как посредники сами хотели хорошо заработать на архиве.

После того, как Дан и Николаевский запросили, по выражению всех членов комиссии, «бешеные деньги», Бухарин по телефону из посольства связался со Сталиным. Сталин заявил, что таких денег Советский Союз заплатить не может.

— Торговаться не умеете. Аросев пусть нажмет, ты, Николай, на это не способен.

Из-за цены архива шли горячие споры. Аросев старался изо всех сил.

Независимо от мнения Сталина, члены комиссии считали запрашиваемую цену очень высокой и стремились повлиять на Николаевского, чтобы немецкие социал-демократы уступили в цене, он ответа не давал, очевидно, выжидал, в надежде, что Москва заплатит дороже.

Второй раз Николаевский пришел уже после разгово-

ра Н. И. со Сталиным. Опять-таки беседа происходила в присутствии остальных членов комиссии и при их участии. Н. И. сообщил, что Сталин не считает возможным заплатить больше той цены, о которой уже шла речь. Аросев предложил Николаевскому подумать и заявил, что если цена не будет снижена, комиссии придется безрезультатно возвратиться в Москву.

Переговоры происходили, как всегда, у нас в номере гостиницы. На этот раз Николаевский солидно уступил в цене. Все обрадовались, особенно Н. И., он был убежден, что архив будет куплен. Разница между ценой, которую установил Сталин, и той, за которую были согласны продать архив представители II Интернационала, стала незначительной. Договорились, что Адоратский или Н. И. свяжутся со Сталиным для окончательного согласования цены.

Сталину звонили и Бухарин, и Адоратский, но к телефону он больше не подходил. Николай Иванович дозвонился до секретаря Сталина Поскребышева, которого просил передать Сталину, что Николаевский уступил в цене и назвал сумму. Поскребышев обещал сообщить в посольство решение Сталина. Ждали, ждали, а ответа от Сталина так и не поступало. Н. И. нервничал. «Мне эта история уже начинает надоедать!» — рассерженно воскликнул он как-то, стукнув кулаком по столу. В следующий раз звонил Адоратский. Со Сталиным ему так и не удалось связаться, но Поскребышев сообщил, что Сталин настаивает на первоначальной цене.

Все были расстроены, не хотелось возвращаться безрезультатно. Когда мы остались одни, Николай Иванович сказал: «Коба, разве он в чем-нибудь уступит! Торговаться из-за такой суммы, это же бессмысленно

для государства». Оставалась одна надежда на Николаевского.

Он явился без предупреждения, объяснив это тем, что случайно проходил мимо. Николай Иванович пошел за товарищами, но никого не оказалось дома. Ему очень не хотелось разговаривать с Николаевским только в моем присутствии, без остальных членов комиссии.

— Жаль, — сказал он, — что вы пришли без предупреждения. Товарищей в гостинице нет, а я не имею полномочий разговаривать в отсутствие остальных членов комиссии. Я послан только в качестве эксперта (руководителем комиссии считался Адоратский), цена архива — это не моя миссия.

— Но вы, вероятно, цену согласовали со Сталиным, — возразил Николаевский, — а соглашение мы оформим, когда все будут в сборе.

Николай Иванович вынужден был сказать, что Сталин снова настаивает на прежней цене. Он мог бы и воздержаться от такого сообщения, отложив встречу до прихода остальных, но это было не в его характере.

— Дешево же вы цените Маркса, Николай Иванович, — неожиданно заявил Николаевский.

От этих слов Николай Иванович рассвирепел и перешел от обороны к атаке:

— Это мы дешево ценим Маркса! — возмущенным тоном сказал он. — Мы архив покупаем, а вы его продаете, кто же его дешево ценит?

Николай Иванович стал взволнованно ходить по комнате; так всегда бывало, когда он нервничал.

— Но вы же знаете, какие обстоятельства заставляют нас продавать архив, — оправдывался Николаевский.

— Я бы нашел место для хранения архива и никогда бы его не продавал.

Николаевский поинтересовался, где бы Николай Иванович ему посоветовал хранить архив.

— Ну, допустим, в Америке. Хранить, а не продавать. Денег вам там никто не заплатит. Америке эти документы не нужны, но хранить их там можно. Ну а если вы так считаете, Борис Иванович, и думаете, что архив в опасности, обеспечить надежность хранения его нельзя, что же вы торгуетесь из-за этого гроша. Это же постыдный торг, постыдный торг!

— Но и Сталин хватается за этот грош, — заметил Николаевский. — Вы здесь представляете государство, для которого ваш «грош» не урон; а вот для немецкой социал-демократической партии этот ваш «грош» — не грош, они очень нуждаются в деньгах.

— Но если архив в опасности, ценнейшие документы

Маркса могут погибнуть, то во имя спасения их я бы на вашем месте их даром отдал, подарил бы Советскому Союзу, а вам предлагается не маленькая сумма.

— Даже даром? — и Николаевский иронически улыбнулся.

— Я бы заплатил вам вдвое больше, чем вы просите, если бы у меня была такая возможность. Лишь бы спасти архив и прекратить торговлю.

— Вот в этом я ничуть не сомневаюсь, — подчеркнул Николаевский, намекая на зависимость от Сталина.

Бухарин продолжал:
— Я ведь вовсе не исключаю нападения Гитлера на Советский Союз, думая, что военный конфликт с Германией неизбежен, к нему нужно готовиться, и не только в области военной, созданием мощной техники, оснащением армии, но и созданием необходимой психологии тыла. А трудности уже позади. Поэтому, я думаю, хоть война предстоит тяжкая, но победа будет за нами, и при огромных просторах страны мы архив сохраним.

— Мы больше не уступим ни франка, — эта последняя фраза есть точное выражение Николаевского.

Делать вывод, что немецкие социал-демократы передумали продавать архив, никак не приходилось. По-видимому, члены комиссии справедливо предполагали, что Николаевский был заинтересован в большой цене,

так как меньшевики-демократы как посредники хотели заработать на архиве.

— Кто это «мы»? «Мы» — представители II Интернационала, «мы» — русские меньшевики или «мы» — немецкие социал-демократы?

Так рассказывал Николай Иванович своим товарищам о заключительном разговоре с Николаевским, обращая внимание на его выражение: «Мы не уступим ни франка!»

На этом переговоры об архиве закончились. Николаевский перевел разговор на другую тему.

В Москву мы прибыли перед Первым мая 1936 года. Н. И. сразу же связался со Сталиным по телефону и сообщил ему, что документы чрезвычайно интересны и представляют большую ценность для Советского Союза; советовал больше не торговаться, а приобрести архив.

— Не волнуйся, Николай, не надо торопиться, они еще уступят, — ответил Сталин.

Итак, архив приобрести не удалось».
(А. Ларина. Незабываемое. — «Знамя», 1989, № 11)

РАЙ ДЛЯ «АКТИВНЫХ ПАРТРАБОТНИКОВ»

Год 1922-й сулил радужные надежды. Тем более, что после кровавых, холодных, бездушных лет «военного коммунизма» для воспарения души многого и не требовалось. Голод 1921 года, унесший пять с лишним миллионов жизней, приучил довольствоваться самым малым: ломоть хлеба, несколько поленьев дров, жбанчик керосина... В этом же 1922 году приспущенная с идеологического поводка свобода торговли уже насытила российские рынки снедью, оживила обезлюдевшие города. В подвальных трактирчиках на Сретенке, на Мясницкой, на Рождественке, в улочках, льнущих к Охотному ряду, снова замерцали огни, замелькали тени, и по вечерам из раскрытых форточек вместе с густым извозчичьим духом выносились ожившие трели трехрядки. Гражданская война, приняв «социальный выкуп» в 13 миллионов душ, откатилась. Россия снова училась жить по часам гражданского мира.

И было в электричестве тех лет такое, что заставляло людей надеяться и мечтать. И этим «нечто» была живая вера в то, что все лишения, кровь, насилие, распад жизни и человеческих отношений — временные, что все это лишь трагический переход от одного состояния общества к другому, от прошлого к светлому будущему. Ощущения интеллигенции тех лет хорошо передает Михаил Осоргин в книге воспоминаний «Времена»:

«От революции пострадав, революции не проклинали и о ней не жалели; мало было людей, которые мечтали бы о возврате прежнего. Вызывали ненависть новые

властители, но не дело, которому они взялись служить и которое оказалось им не по плечу, — дело обновления России. В них видели перерядившихся старых деспотов, врагов свободы, способных только искажать и тормозить огромную работу, которая могла бы быть — так нам казалось — дружной, плодотворной и радостной. Смотря вперед, верили или хотели верить, что все это выправится, и потому так мечтали о прекращении гражданской бойни, мешавшей успокоению и питавшей террор...»

Разрушение саморегулирующегося свободного рынка и предпринимательства, национализация земель, промышленности, торговли потребовали создания огромной армии бюрократии, во много крат более громоздкой, нежели администрация царская. Врожденным пороком этой новой казенной системы была вопиющая некомпетентность. На руководящие посты чаще всего назначались не специалисты, а «сознательные большевики», прошедшие кровавую школу гражданской войны и умеющие обеспечивать повиновение. Некомпетентность новых чиновников вынуждает брать на место одного работника нескольких. Масштабы хозяйства по сравнению с предвоенными годами резко сузились, а бюрократический аппарат разрастался с катастрофической быстротой. По сравнению с 1917 годом число чиновников, называвшихся теперь «совслужащими», увеличилось с 1 миллиона до 2,5 миллиона. В условиях «военного коммунизма» и распределительной экономики рождалась новая каста людей, которые начинали мнить себя солью земли. Нэп для них был только помехой. В возрождении свободного рынка они безошибочно рассмотрели смертельную угрозу своим портфелям, своим пайкам, своим партийным привилегиям. Контратака стала неизбежной. Но открыто атаковать нэп новый класс не решался: слишком очевидны были плоды свободного рынка.

Характерно то, что с этого же времени, как только была устранена возможность критики со стороны оппозиции, появляется неодолимая тяга к созданию партийной верхушкой привилегированного «самоснабжения». Первый шаг к номенклатурному спецобеспечению сделан уже в 1922 году, когда большевики сами для себя провели на XII партконференции резолюцию «О материальном положении активных партработников». В 1922 году к таким активистам, а в сущности, уже к номенклатуре, было отнесено 15325 партийных функционеров. В п. 4 резолюции уточнялось, что, кроме денежного вознаграждения по высшему разряду (с 12-го по 17-й разряд), «все указанные товарищи должны быть обеспечены в жилом отношении (через местные исполкомы), в отношении медицинской помощи (через Наркомздрав), в отношении воспитания и образования детей (через Наркомпрос)». Соответствующие мероприятия должны быть проведены ЦК за счет взносов рядовых членов партии. Доклад по этому вопросу делал В. Молотов.

Молодая советская номенклатура, входившая во вкус номенклатурного снабжения, с особым энтузиазмом воспринимала логику неограниченной власти: вслед за уничтожением независимых партий нужно было уничтожать и то, что питало политический плюрализм и независимость мысли.

Если соратники Ленина падали в обморок от недоедания и переутомления (исключение, пожалуй, являл собой Троцкий, любивший поистине великокняжескую роскошь) и жили в Кремле в скромных казенных квартирах; если Ленину в мае 1922 года кажется, что кремлевский гараж, имевший 6 машин и 12 человек персонала, чрезмерно велик, и он просит Ф. Дзержинского «сжать сие учреждение», то сталинские «меченосцы» уже не озабочивают себя моральными соображениями.

Происходит быстрый отрыв доходов и уровня жизни правящей элиты от огромной массы населения.

Сталин сознательно откармливает свое оружие, понимая, что голодный сатрап ненадежен. Ему важно было и нравственно оторвать создаваемую им элиту от народа. Отменяется установленный при Ленине партмаксимум зарплаты. В первой половине тридцатых годов для ответственных работников создаются закрытые распределители, спецстоловые и спецпайки. Постепенно спектр спецобслуживания расширяется, охватывая, по сути дела, все сферы жизни и быта: появляются спецмагазины, спецавтобазы, спецпарикмахерские, спецбензоколонки, особые номера для автомашин, отдельные залы ожидания на вокзалах и в аэропортах и, наконец, спецкладбища, куда простому смертному невозможно войти ни живым, ни мертвым. Если бы существовал атеистический рай, то номенклатура выгородила бы себе спецместечко и там.

(В. Костиков. Изгнание из рая. — «Огонек», 1990, № 24)

СУММА РАСХОДОВ АЛЬ КАПОНЕ

Уже в конце 1931 года преступный синдикат начал давать отпор нововведениям, используя целый отряд опытных экспертов по налоговым делам. Дело в том, что неуязвимый Аль Капоне, которому не могли предъявить никакого обвинения, несмотря на сотню с лишним приписываемых ему преступлений, многие из которых он совершил собственноручно, Аль Капоне — гангстер, считавший себя выше закона, потерпел поражение от судьи Уилкинсона, начавшего против него

дело по обвинению в уклонении от уплаты налогов. С первых же шагов Уилкинсон дал понять, как он намерен действовать: «Обвиняемый умышленно не ведет ведомости поступающих доходов, не открывает личного банковского счета, чтобы не оставлять следов поступления доходов. Он оградил себя буквально каменной стеной, и, чтобы уличить его, правительству достаточно выявить факты...»

И факты заговорили. Они были весьма красноречивы. Подсчитали число предприятий, яхт, комфортабельных автомобилей, снятых в аренду этажей роскошных гостиниц; торговцы засвидетельствовали перед судом, что Аль покупал у них обувь из крокодиловой кожи по две дюжины пар одновременно, черного, коричневого и бежевого цвета, что он платил по 150 долларов за каждую шелковую рубашку, приобрел целый склад поясов с пряжками из чистого золота, инкрустированными бриллиантами, в том числе и таких, которые не могли охватить его объемистую талию... Торговец нижним бельем, раскрасневшись от волнения, поведал судье, что Аль приобрел у него целую партию очень тонких кальсон из итальянского шелка, используемого для изготовления прекрасных дамских перчаток. После всего этого, наконец, подсчитали сумму расходов Аль Капоне. Общий итог достиг такой высоты, от которой могла закружиться голова у любого банкира.

В результате многочисленных судебных заседаний судья вынес приговор: «Одиннадцать лет тюремного заключения, пятьдесят тысяч долларов штрафа и тридцать тысяч за судебные издержки...» Зал суда онемел от изумления, а адвокаты Аль Капоне не стесняясь говорили, что доказательств для вынесения приговора явно недостаточно. Подали апелляцию. 3 мая 1932 года приговор был подтвержден, и некий Элиот Носе скрупулезно проследил за тем, чтобы регистрацион-

ный номер 40866 прибыл без приключений на свое новое место жительства, в мрачные казематы тюрьмы в Атланте. Комичен сам факт, что человека, носившего шелковые кальсоны, назначили подручным портного. Его заставили кроить брюки из грубой шерстяной ткани и платили семь долларов в месяц.

Лучиано всегда делал выводы из происходящего. По его приказу главари основных видов рэкета с помощью новой армии «палачей цифр» завели декларации о доходах и предприняли ряд дополнительных махинаций, чтобы не попасться в руки этого неожиданного умелого вымогателя — налогового ведомства.

Затем произошло то, что и должно было произойти, — Франклин Делано Рузвельт стал президентом Соединенных Штатов Америки, отчасти благодаря помощи организации.

Пророчество Аль Смита не замедлило сбыться. За несколько дней до рождества новый президент поднес бутлегерам «ядовитый подарок», положив конец «благородному эксперименту». «Сухой закон» отжил свой век, а их ожидали довольно трудные времена, так как невозможно было сразу перестроиться.

Костелло же прекрасно вышел из положения. Оставаясь в полной тени, он тайно руководил действиями одного торговца спиртным, некоего Ирвинга Хэйма. Этот малый при поддержке некоторых влиятельных лиц сумел создать ассоциацию распределителей, акционерное общество по сбыту различных сортов спиртного, получившее исключительное право на реализацию двух сортов виски — «Хаус оф лордз» и «Кингс рансом», производимых известной английской фирмой

«Уитли компани». Фил Кастел тут же начал сбывать различным заведениям свой товар, отныне разрешенный к свободной продаже, тем самым утвердив новый вид весьма доходного рэкета. В последующем это привело к крупному скандалу. Когда пришедший на смену Рузвельту в 1945 году Гарри Трумэн обосновался в Белом доме, он приблизил к себе в качестве главного советника генерал-майора Гарри Оуэна, близкого друга Уильяма Гелиса (он же Золотой грек). Мэр Нового Орлеана Роберт Фуэстри представил Редиса Фрэнку Костелло, которому Редис дал согласие стать поручителем кредита в триста пятьдесят тысяч долларов для приобретения «Уитли компани». В результате разоблачения акционеры фирмы узнали, что настоящим хозяином является Костелло. После этого распространили слух, что сделка расторгнута. Но на деле этого не произошло. В 1949 году сенатор Джозеф Маккарти обрушился на генерала, обвиняя его в том, что тот злоупотреблял своим положением в Белом доме во времена президента Рузвельта, поставляя зерно фирме «Уитли компани», тогда как в стране его не хватало. Маккарти доказал, что «Уитли» принадлежала на самом деле Редису, Рейду и Костелло. Гарри Трумэн был вынужден отделаться от своего советника, обвиненного во взяточничестве.

В свою очередь, Лучиано, Лански, Сигел, Адонис стали с помощью подставных лиц акционерами общества «Капитал уайн энд спирит», обладавшего исключительными правами на распространение лучших вин, шампанского и крепких спиртных напитков французского производства.

Якоб Бронфман, компаньон Льюиса Розенталя, взял на себя контроль над «Шенли энд Сигрэмс».

Организация также держала под своим контролем законную торговлю алкоголем, требуя от владельцев ресторанов, кабаре, ночных кафе и баров, чтобы они приобретали спиртное только у нее. Такая практика сохранилась и до наших дней. Какие-то темные личности продолжают тайную торговлю алкоголем, чтобы избежать уплаты установленных налогов.

(Ж. М. Шарлье, Ж. Марсилли. Преступный синдикат. — М.: Прогресс, 1990)

ПЕЧАТЬ БОГАТСТВА

Печать богатства лежала на персоне Якоба Рюле. Каждый его шаг был отмечен возможностью не отказывать себе ни в чем: изысканные костюмы, домашний комфорт, суперсовременная мебель, сверкающий хромом автомобиль, путешествия. Простого маклера по продаже пемзы прозвали магараджей. Ну что же, вероятно, дело приносило Рюле огромные доходы.

Всего за пару месяцев 1957 года заштатный, погрязший в долгах маклер, известный лишь чиновникам налогового управления, стал восходящей звездой на небосклоне делового мира земли Рейнланд-Пфальц. Жители Охтендунга ахали, но не особенно удивлялись. Ведь западногерманские газеты ежедневно писали об «экономическом чуде». И если ремилитаризация набирала силу, то почему бы и пемзе не попасть в благоприятную конъюнктуру?

Наконец-то и Охтендунг заполучил свой феномен, во-

площавший процветание ФРГ. И вскоре новоявленного толстосума избирают принцем охтендунгского карнавала. Однако шутовская корона не долго радовала Якоба I. Он был свергнут с «престола» заботами финансового управления города Кобленца. У местных чиновников были веские причины скептически относиться к дурачествам Рюле. Налоги на его доходы не только не соответствовали все возраставшим расходам, но и находились в обратной к ним пропорции. А посему в декабре 1957 года налоговые власти исполнили свой долг, призвав на помощь полицию. И Якоба I препроводили в скромные апартаменты, где спальня, столовая и туалет совмещены в одной «зале».

Рюле обвинили в уклонении от уплаты налогов. Пензовый маклер пытался увильнуть от ответа, скрыть источник своего богатства. Но все же сообщил о невероятной удаче, осчастливившей его и партнеров. Два лотерейных выигрыша подряд: 164 тысячи и 500 тысяч марок! Какая редкая случайность! К тому же эти деньги налогом не облагаются.

Криминалисты и сами не прочь воспользоваться счастливым поворотом судьбы. Но если случай помогает подозреваемому, они относятся к этому с недоверием. Поэтому и последовал визит полицейских и прокурора в дирекцию спортлото в Кобленце. Прозондировали почву, присмотрелись к служащим, побеседовали с директором Вейнандом. На вопрос, насколько гарантирована от мошенничества система лотереи, тот весело ответил: «Как я недавно разъяснял по телевидению, наша система абсолютно надежна. Мошенничество с лотерейными билетами совершенно исключено. Эту систему невозможно переиграть!» Директор разъяснил некоторые детали, и у полицейских сложилось впечатление, что система спортлото действительно безупречна лишь при условии благонадежности служащих. Но

именно в этом пункте у криминалистов были серьезные сомнения.

Их озадачили два обстоятельства. Оказалось, что служащая Сюзанна Фредерик, ответственная за встречный контроль билетов, — сестра Якоба Рюле. Она производила впечатление обеспеченного человека, позволяла себе многое из того, что по тем временам было редкостью, ездила на работу в собственном автомобиле.

Служащий Манфред Эквит привлек внимание полиции по аналогичным соображениям — несоответствие жалованья и расходов. Занявшись этой кандидатурой «вплотную», уголовная полиция выяснила, что подозреваемый и его дядя — ювелир Потер Кройзер — разбогатели недавно. Кройзер оборудовал модный ювелирный магазин, а племянник щедро одаривал различных женщин.

Помимо этого, выяснилось, что между Рюле и Сюзанной Фредерик, с одной стороны, и Кройзером и Манфредом Эквит — с другой, существовали тесные дружеские отношения. Одна из служащих фирмы сообщила полиции, что Сюзанна Фредерик и Манфред Эквит часто вели подозрительные телефонные разговоры с посторонними людьми. Сюзанну и Манфреда арестовали. Конкретных доказательств их вины у полиции пока не было, но уже не оставалось никаких сомнений: что-то нечисто с лотерейными выигрышами Рюле. Ясно и то, что его сестра с Эквитом как-то замешаны в этом деле.

Простодушные обыватели, а отнюдь не изощренные мошенники — Рюле, Кройзер, Эквит и Фредерик —

не могли тягаться с крупными акулами «экономического чуда» в ловкости и искушенности. Они запутались в хитрых юридических уловках, и кобленцский отдел по борьбе с мошенничеством без труда их разоблачил.

Сюзанна — самое слабое звено в шайке Рюле — сдалась быстро. Несколько дней одиночного заключения, интенсивный допрос, пара успокаивающих жестов — и она, раскаявшись, полностью признала свою вину. Оставшиеся последовали ее примеру. Следователи услышали массу любопытных вещей. В течение нескольких месяцев двое скромных служащих примитивным способом, почти без риска, 1—7 раз воспользовались «абсолютно надежной» лотерейной системой кобленцского спортлото, заполучив 2 275 927 марок и 10 пфеннигов. Теоретически их манипуляции были невозможны, поскольку служебная инструкция предусматривала присутствие при повторном контроле лотерейных билетов заведующего счетным отделом и двух полицейских. Но в дирекции спортлото теория не совпадала с практикой. Вечно занятый важными делами заведующий отделом исчезал через несколько минут в своем кабинете и лишь изредка заглядывал через дверь в комнату Фредерик. Что же касается полицейских, то они уютно устраивались в соседнем помещении и завтракали.

Лотерейное счастье, вероятно, еще не раз улыбнулось бы Сюзанне, если бы не ее внезапная болезнь. После выздоровления Фредерик перевели в другой отдел. Она не занималась больше повторным контролем. А Эквит один не мог провернуть дело.

Вряд ли полиции удалось бы раскрыть лотерейные мошенничества, если бы налоговое управление не занялось Рюле.

4 декабря 1958 года судебная коллегия по уголовным делам земельного суда Кобленца заслушала дело Якоба Рюле, Петера Кройзера, Манфреда Эквита, Сюзанны Фредерик и 15 других лиц. Они обвинялись в мошенничестве «во вред обществу». Прокурор, возмущенный наглыми действиями обвиняемых, квалифицировал их аферу как особо тяжкую и потребовал для 18 из 19 обвиняемых тюремного заключения от трех до четырех лет. Лишь одного аферист он считал возможным оправдать ввиду недостатка доказательств. Особое негодование обвинителя вызвало то, что мошенникам удалось утаить более половины денег — 1 миллион 250 тысяч марок.

Защищать эту компанию было довольно легко. Дело воспринималось публикой скорее с улыбкой, чем с возмущением. На резкое выступление прокурора адвокат Рюле торжествующе ответил, что мошеннические махинации стали возможны благодаря примитивности кобленцской игровой системы. А раз так, то не может быть и речи о «крупном» жульничестве.

Суд разделил мнение защиты. Якоба Рюле, присвоившего 900 тысяч марок, приговорили к 3 годам и 6 месяцам тюрьмы. Потер Кройзер получил за присвоение 327 тысяч марок 3 года и 7 месяцев. Сюзанна Фредерик и Манфред Эквит — по 3 года и 3 месяца тюремного заключения. Остальные были приговорены к различным срокам лишения свободы от четырех до 20 месяцев, пять обвиняемых признали невиновными.

Осталось невыясненным, кто был истинным инициатором мошенничества. В противоположность иным уголовным процессам, когда пытаются навязать вину своим сообщникам, каждый отстаивал свое право на авторство. Суд признал Якоба Рюле, магараджу из

Охтендунга, организатором и вдохновителем всего предприятия. За это он и понес самое тяжелое наказание.
(Г. Файкс. Полиция возвращается. — М., 1983)

«АКУЛЫ КРЕДИТА» ЗА РАБОТОЙ

Наиболее эффективным способом проникновения в деловой мир мафия считает метод, получивший меткое название «акулы кредита». Этот способ взимания огромных ростовщических процентов при ссуде денег не нов и в небольших размерах уже был апробирован в доках Нью-Йорка. Теперь мафия поставила это предприятие на широкую ногу. При этом мафиози всячески содействовали разжиганию жестокой конкурентной борьбы не на жизнь, а на смерть, представляющей собой обычное для капиталистической экономики явление. Фирмы, испытывавшие трудности с платежами, чье положение усугублялось еще и тем, что пути к обычным институтам кредитования вследствие острой конкурентной борьбы для них были закрыты, видели зачастую единственный выход в соглашении с «акулами кредита» из мафии, которые требовали, разумеется, за свои услуги фантастические проценты.

Так, владелец одной крупной нью-йоркской транспортной фирмы заявил, что однажды он был вынужден обратиться к «акулам» из мафии за кредитом в размере 10 тыс. долларов. Когда же он не смог в срок выплатить проценты, гангстеры по телефону начали угрожать: «Если вы не уплатите деньги немедленно, с вами будет то же, что и с вашим грузовиком». В следующую ночь мафиози взорвали один из его грузовиков.

«Коза ностра» не всегда использовала эту тактику, чтобы непременно завладеть какой-либо фирмой. Иногда для устранения конкуренции легальной фирмы организовывалось ложное банкротство. Наглядным примером этому может служить дело «Меррей паркинг компани» в начале 1961 года.

Компания занималась оптовой торговлей мясом в Нью-Йорке. Одним из ее клиентов была «Прайд хоусейл мит энд поултри корпорейшн». Все три владельца компании «Меррей паркинг»: Джозеф Вайнберг, его сын Стэнли и Дэвид Ньюмен — и не догадывались, что президент компании «Прайд корпорейшн» Питер Кастеллана — мафиозо, кузен всемогущего дона Карло Гамбино и член его «семьи» мафии. Кастеллане принадлежало несколько супермаркетов; совместно с доном мафии Кармине Ломбардоцци он владел «Джо-рэн трейдинг компани».

В декабре 1960 года «Меррей паркинг» столкнулась с финансовыми затруднениями. Тут-то на сцене и появились «акулы кредита». К Вайнбергам и Ньюмену заявился человек, заверивший, что может раздобыть необходимые деньги. Владельцам компании этот человек не был известен, но он работал у их клиента — «Меркьюри хоутел сэплай компани». Его имя было Джозеф Пагано. Бизнесмены не знали лишь, что Пагано был также мафиозо и принадлежал к «семье» Вито Дженовезе.

В условленный срок Пагано принес Вайнбергу деньги — чек на сумму 8500 долларов, оплаченный «Джорэн трейдинг компани» и подписанный Кармине Ломбардоцци. Процентная ставка этого займа была огромной и составляла 1% в неделю, то есть 85 долларов. В течение последующих недель «Меррей паркинг» пунктуально

выплачивала проценты, однако общая задолженность в 8500 долл. от этого не уменьшалась. Компания продолжала испытывать финансовые трудности.

В январе 1961 года мафиози вынудили Вайнбергов продать третью часть акций компании Пагано, а следовательно, «Коза ностре». Для защиты вложенных мафией денег «Коза ностра» добилась назначения Пагано президентом компании, при этом чеки фирмы отныне принимались лишь за подписью Пагано.

Вначале казалось, что смена в руководстве фирмы пошла ей только на пользу: оборот резко возрос. Если раньше компания «Прайд корпорейшн» (принадлежащая мафии) еженедельно покупала товаров приблизительно на 1 тыс. долларов, то в январе 1961 г. эта сумма возросла до 241 тыс. долларов, в феврале составила уже 298, а в марте даже 922 тыс. долларов. Но это были дары данайцев. Фирма Кастелланы покупала товары по заниженным ценам. Мафия держала «Меррей паркинг» так крепко в своих руках, что ее бывшие владельцы не могли уже препятствовать тому, что их товары разбазаривались по ценам значительно ниже их себестоимости.

Какова же была цель всей этой акции? Несомненно, что в данном случае мафия стремилась развалить компанию «Меррей паркинг», чтобы сжить со свету конкурента и завладеть имуществом несостоятельного должника.

В последнюю неделю марта компания «Прайд корпорейшн» должна была заплатить «Меррей паркинг» 750 тыс. долларов. Для этого Питер Кастеллана обратился в «Коммершл бэнк оф Америка» за кредитом в

размере 150 тыс. долларов. Одновременно компания «Меррей паркинг» перевела в тот же самый банк свои лицевые счета.

На последней стадии всей операции Кастеллана подключил мафиозо Гандолфо Шиандру, который также был причастен к мясной торговле. Шиандра получил от Кастелланы чек фирмы «Прайд корпорейшн» и отослал его Пагано — новому главе компании «Меррей паркинг». Тот, в свою очередь, оплатил чек в банке и одновременно предъявил чек компании «Меррей паркинг» на ту же сумму, которую он потребовал сразу выплатить, а деньги возвратил мафиози. Таким образом, согласно бухгалтерским книгам, все счета фирмы «Прайд корпорейшн» были оплачены, но в действительности компания «Меррей паркинг» поставила товары, не получив за это ни цента. Итак, только за один-единственный день Пагано украл у фирмы, которую возглавлял, огромную сумму денег.

Спустя несколько недель фирма «Меррей паркинг» обанкротилась. Отец и сын Вайнберги, Ньюмен и Джозеф Пагано предстали перед судом. Вайнберги и Ньюмен были приговорены к длительным срокам тюремного заключения и высоким денежным штрафам за ложное банкротство. Пагано на суде упорно молчал о своих сообщниках, поэтому суд не смог доказать его вину. Приговор носил стандартную для мафиози формулировку: «За неуважение к суду».

Пагано был приговорен к девятнадцати месяцам тюремного заключения.

(К. Полькен, Х. Сцепоник. Кто не молчит, тот должен умереть. — М., 1982)

ПРЕСТУПНИКИ В БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКАХ

Афера с ликвидацией компании «Меррей паркинг» находится на границе между обычной гангстерской практикой и так называемой преступностью «белых воротничков». В этом названии заключен намек на социальное положение преступников, которые принадлежат к высшим слоям общества. Несколько лет назад один западногерманский социолог охарактеризовал эту форму преступности следующим образом: «Преступник из «белых воротничков» — это пользующийся всеобщим признанием член современного буржуазного общества, который после какого-либо «срыва» с распростертыми объятиями снова принимается обществом». Общественности стали известны лишь несколько случаев этой криминальной разновидности, да и то концы скандального факта прячутся в воду. Главные преступники лишь изредка привлекаются к ответственности. Перед судом предстает только «мелкая сошка»: подкупленные заинтересованными фирмами служащие, депутаты и военные, которые этим путем хотели быстро разбогатеть. Крупные монополии с их мощными рычагами власти всегда находят в законах достаточно лазеек, чтобы ускользнуть от правосудия. По сравнению с грандиозными аферами, связанными с поставками вооружения, денежной помощью или государственным финансированием, где счет идет на сотни миллионов долларов, махинации «Коза ностры» выглядят весьма скромно.

Новые возможности обогащения открылись у самого мощного синдиката организованных преступников, когда были введены так называемые кредитные карты.

Поскольку чуть ли не каждый день американские газеты сообщали об очередном мошенничестве с чеками, ни один бизнесмен уже не решался продавать свой товар на чеки. Последствия этого первыми ощутили мелкие банки и кредитные общества, денежные вклады в которые сильно сократились. Солидные, крупные банки были защищены тем, что для открытия в них лицевого счета требовался довольно значительный первоначальный взнос, который не могли себе позволить мелкие мошенники. Чеки таких банков принимались с большим доверием, тем более что в подавляющем числе случаев крупные банки, чтобы не подрывать свой авторитет, оплачивали и непокрытые чеки.

Так сберегательные кассы и мелкие банки пришли к мысли основать кредитные клубы, члены которых во всех связанных с ними фирмах, ресторанах и отелях по предъявлении кредитной карты получали товары и услуги, не внося наличные деньги, ибо до определенного уровня их расходы покрывало кредитное общество.

Хотя кредитные общества воздвигли целую систему защиты от мошенничества, преступники все же нашли лазейку. Потери кредитных обществ, практиковавших систему кредитных карт, в результате мошеннических манипуляций оценивались в 100 млн. долларов. И если жулики-одиночки попадались с поличным довольно часто, то синдикатам преступников это не грозило: в большинстве случаев они действовали более оперативно, чем система контроля.

(К. Полькен, Х. Сцепоник. Кто не молчит, тот должен умереть. — М., 1982)

В ПОИСКАХ РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТИ

После войны Кливлендский преступный синдикат распространял свое влияние, пользуясь тем, что цены были низкими, а население поглощено своими заботами: люди начинали заново строить жизнь, надеясь, что после войны история повторится. Гангстеры тоже с новым пылом принялись за дело. Багси Сигел, который в период «большой охоты» перебрался в Лос-Анджелес, «положил глаз» на Лас-Вегас. Разрешенный законом игорный бизнес необязательно был прибыльнее или безопаснее незаконного (еще только предстояло убедиться, что политическая обстановка по-прежнему будет ему благоприятствовать), зато имел одно уникальное преимущество: гарантировал уважаемое положение в обществе. Начинавших в молодости бутлегерами гангстеров по достижении зрелого возраста потянуло к респектабельности. Да и под прикрытием легального бизнеса проще было заниматься незаконной деятельностью. И Багси, посоветовавшись с Лански, остановил свой выбор на Лас-Вегасе — грязном городишке в южной Неваде, куда — в отличие от расположенного севернее Рено — было легче добираться из такого крупного центра, как Лос-Анджелес.

Одним из первых добился положения в обществе Оуни Мэдден. За ним числилось слишком много убийств, чтобы он мог чувствовать себя в безопасности в Нью-Йорке при новых порядках. Синдикат разрешил Мэддену «удалиться» в Хот-Спрингс, штат Арканзас, — уединенный, но популярный курорт, который мог послужить прекрасным убежищем. Там, кстати, скрывался Лучиано, когда Дьюи добился разрешения на его арест; чтобы вырвать «Счастливчика» из-под крылышка полицейских Хот-Спрингс, потребовался отряд

арканзасской конной полиции. Мэдден женился на дочери местного политика и занялся делом: открыл увеселительные заведения для заезжих гангстеров и богатых подагриков, поправлявших здоровье на целебных водах. Развлечений в Хот-Спрингс было немного: тотализаторы на бегах и спортивных соревнованиях да небольшие игорные дома, но Мэдден верил в потенциальные возможности города и ждал лишь окончания войны, чтобы начать их реализацию. Лански готов был, если понадобится, выделить дополнительные ассигнования.

Заманчивые перспективы открывались также в Новом Орлеане, Саратога-Спрингс и, разумеется, на Золотом берегу во Флориде, но Лански не сумел ими воспользоваться, так как вскоре оказался втянут в одну из самых странных историй времен второй мировой войны. Речь идет о так называемой операции «Дно», которая поможет Мейеру выцарапать Лучиано из тюрьмы.

Честолюбивый помощник Генерального прокурора США Дьюи на время отказался от преследования «Лепке», в 1937 году вступив в борьбу за пост губернатора штата Нью-Йорк. Республиканская партия выдвинула его своим кандидатом, но на выборах он потерпел поражение. Лански очень огорчился: для его планов, связанных с освобождением «Счастливчика», было жизненно важным, чтобы Дьюи стал главой исполнительной власти штата. Когда же Дьюи в 1940 году решительно двинулся к своей заветной цели — президентскому креслу, Лански испугался. Однако на Общенациональном съезде республиканцев Дьюи неожиданно обскакала «темная лошадка» — Уэндел Уилки. Два года спустя Дьюи удалось стать губернатором благодаря обещанию не баллотироваться на президентских выборах в 1944 году. В должности окружно-

го прокурора его сменил Фрэнк Хоган, который и оставался на этом посту до конца своих дней.

Операция «Дно» началась в 1942 году, еще до избрания Дьюи губернатором, но после того, как стало ясно, что его ждет победа. Военно-морской разведке якобы потребовался Лучиано для очистки доков Нью-Йорка и Нью-Джерси от немецких и итальянских агентов. Только «Счастливчик» пользовался достаточно большим влиянием, чтобы приказать мафии, фактически распоряжавшейся в доках, помочь разведке. По такому неотложному случаю руководство военно-морскими силами, естественно, обратилось к Дьюи. Посоветовались с Мозесом Полякоффом, служившим адвокатом и у Лучиано, и у Лански, к тому же он был личным другом последнего. Полякофф заявил, что один лишь Лански может уговорить Лучиано сотрудничать с разведкой. Мейеру Лански разрешили встретиться со «Счастливчиком», который, разобравшись в ситуации, разумеется, дал свое согласие. Мафия получила приказ связаться с Лански, который готов был оказать помощь военно-морским силам, рассчитывая, что так ему будет легче освободить босса.

Трудно сказать, насколько успешным оказалось такое сотрудничество. Нигде не сообщалось о случаях саботажа в доках, однако неизвестно, кого следует за это благодарить: мафию или ФБР. На самом деле свою роль, вероятно, сыграли и те, и другие.

Существует мнение, что Лучиано способствовал еще и успеху вторжения союзников на Сицилию, хотя кое-кто оспаривал у него эту славу. Никола Джентиле, опальный уполномоченный по разрешению конфликтов, утверждал, что сделал для этого больше, чем кто-либо другой.

В 1971 году Лански, пребывавший в Израиле и всеми силами добивавшийся официального разрешения на жительство в этой стране, дал интервью, которое опубликовала одна из израильских газет. Интервью было отправлено в Соединенные Штаты, но, к сожалению, английский перевод страдает некоторыми неточностями. Вот как, находясь в Тель-Авиве, Лански по прошествии без малого тридцати лет вспоминал об операции «Дно»:

«Когда Италия вступила во вторую мировую войну, в Америке распространилось мнение, что некоторые итальянцы не слишком патриотичны. Разведывательное управление военно-морских сил опасалось, что докеры-итальянцы и плавающие на американских судах итальянские рыбаки сотрудничают с врагом... Окружным прокурором в Манхэттене был в то время Хоган. Он позвонил адвокату «Счастливчика» Лучиано — мистеру М. Полякоффу — и сказал: «Вы — адвокат «Счастливчика» Чарльза, повидайтесь с ним и поглядите, не может ли он оказаться полезным». «Счастливчик» тогда сидел в тюрьме. Полякофф заявил, что хочет пойти к Лучиано вместе со мной и Фрэнком Костелло. На следующее утро Полякофф повел меня к окружному прокурору, который объяснил мне ситуацию. Я немедленно связался с Фрэнком Костелло, рассказал ему все и поинтересовался его мнением. Патриотически настроенный Фрэнк считал, что помощь оказать нужно. Тогда мы решили пойти на «святую ложь» и сказать Чарли, что, если он согласится помочь разведке, ему будет легче выбраться из тюрьмы... У «Счастливчика» Чарли сохранились все связи (sic!), и он немедленно передал несколько слов своим людям, пообещав отблагодарить их, если они выполнят его указания, потому что это может здорово ему помочь. Чарли очень уважали в тред-юнионах, и они его послушались...»

По поводу вторжения на Сицилию Лански сказал своему интервьюеру:

«В морской разведке меня попросили собрать как можно больше картинок и открыток из личных альбомов итальянских иммигрантов с видами Сицилии, чтобы изучить ее топографию. Я охотно согласился; помню, сколько итальянцев мы нагнали в министерство военно-морского флота на Черч-стрит в Нью-Йорке — контора была буквально набита сицилийцами. Я выполнял еще одно государственное поручение: вербовал в некоторых районах Нью-Йорка осведомителей, чтобы они следили за шпионами в соседних кварталах, заселенных немецкими иммигрантами. После войны власти забыли об услугах, которые мы им оказывали».

Вспоминая в 1971 году минувшее, Лански, вероятно, покривил душой. Долгие годы считалось, что за оказанные услуги ему было обещано прекращение судебного преследования, подобно тому как Лучиано посулили отпустить на поруки. Если это правда, труд Мейера Лански по сбору открыток с видами Сицилии можно считать щедро оплаченным. Необходимо отметить, что он первый сказал об участии Костелло в операции «Дно». Даже в отчетах Комиссии Кефовера в 1951 году имя Костелло не упоминалось. Не зря Фрэнка называли «Политиком».

В любом случае Лучиано был вознагражден за приписываемые ему военные заслуги. В начале 1946 года его условно освободили и депортировали в Италию. Лански, Костелло и свора политиканов проводили «Счастливчика» в доки, где портовые грузчики силой отбили его от газетчиков. Вскоре Лучиано пробрался на Кубу и попытался из этого теплого местечка руководить мафией в качестве capo di capi re. Но тут вмешалось пра-

вительство Соединенных Штатов — так же власти вынуждены были поступить спустя два десятилетия, когда Лански уехал в Израиль, — и Лучиано пришлось вернуться в Италию. Перед отъездом он наказал мафии повиноваться Лански, который, по сути дела, стал настоящим боссом Почетного общества. Патриотизм Мейера Лански тоже был хорошо оплачен.

В то же время другие члены мафии решали собственные проблемы. 18 марта 1943 года Федеральное большое жюри потребовало предать суду главарей Чикагского синдиката: Фрэнка Нитти, Фила Д'Андреа, Пола Рикка, Джона Росселла и нескольких других. Их обвинили в заговоре с целью вымогательства денег у дельцов, которые занимались коммерческими операциями между штатами, в основном в области кино и эстрады.

Вернемся в 1935 год, когда Синдикат, в котором ключевые позиции захватили чикагские гангстеры, предпринял наступление на Голливуд. У крупных продюсеров путем шантажа были изъяты сотни тысяч долларов; не меньше вымогатели выудили у прокатчиков в разных концах страны. Возможно, в этом виноваты создатели гангстерских фильмов, заполонивших кинорынок после успеха «Лица со шрамом» и «Маленького Цезаря», и пострадали они прежде всего потому, что поверили в придуманные самими же истории. Кода Багси Сигел явился в Голливуд в качестве представителя Синдиката на Западе, напуганные местные толстосумы встретили его с великими почестями. Другой соратник Мейера Лански, «Верзила» Цвиллман, вложил кучу денег в такие картины, как «Временная жена». Демонстрируя безумную влюбленность в Джейн Харлоу, он пытался купить волосы с ее лобка, которые якобы были сбриты перед срочной аппендоктомией.

Но времена изменились, и в 1943 году Фрэнк «Боец» Нитти страшно испугался возбужденного против него и его сообщников уголовного преследования. Он уже отсидел один срок за неуплату налогов, и тюрьма ему совсем не понравилась. Поэтому Нитти предпочел покончить с собой. Другие угодили за решетку, и по окончании трети десятилетнего срока были условно освобождены за примерное поведение. Это вызвало очередной скандал, но парни уже были на свободе.

Во время войны гангстеры получили хороший навар на военных контрактах и снабжении мирного населения товарами черного рынка. В этом им весьма пригодился опыт эпохи «сухого закона», и в страну вновь хлынул поток контрабандного спиртного. Немалые доходы приносила «доставка со складов» — возникший в военное время эквивалент «разрешения на изъятие». История более или менее повторилась. Потребность в спиртном резко возросла, и торговцы заламывали за него цены, намного превышавшие официально установленные Комитетом по ценообразованию.

В одной из афер оказался замешан Батиста, кубинский диктатор и друг Мейера Лански. Афера заключалась в следующем: к дешевому кубинскому рому добавлялось чуточку хорошего бурбона (кукурузное или пшеничное виски), и этот «гибрид» продавался под видом «смешанного» виски. Бочки из-под бурбона на кораблях переправляли в Гавану. Как выяснилось, ром, если его перед спуском в док выдержать несколько дней в этих бочках на жарком солнце, приобретает некоторые свойства бурбона. Комментарии излишни.

Батиста, владелец рома, предложил транспортировать выдержанную на солнце смесь во Флориду и предоста-

вил для этого свою яхту, старую американскую канонерку. Когда же груз был поднят на борт, он потребовал за ром дополнительно 10 000 долларов.

Наконец «виски» попало на винокуренный завод Сидар-Вэлли в Вустере, штат Огайо, где было разлито по бутылкам. Никто никогда не узнал, какая его часть была продана принадлежащим Синдикату кабакам в Огайо и других местах. В конечном итоге правительство конфисковало все, что удалось обнаружить, на том простом основании, что содержимое бутылок не соответствовало этикеткам. Искусство изготовления поддельных этикеток — а также бутылок, пробок, коробок и ящиков — достигло совершенства в эпоху «сухого закона», и теперь «снаряжение» продавалось отдельным бутлегерам вместе с «чипсами», соскребавшимися со стенок пустых бочек, — остатками добавок для улучшения аромата низкосортного виски. Сделкам благоприятствовала специфика военного времени. Торговля ромом — по крайней мере, на первых порах — оказалась достаточно прибыльным делом.

По окончании войны психология американцев, как и следовало ожидать, изменилась. Люди бросились приобретать все подряд, чего прежде не могли себе позволить: дома, автомобили, яхты; многие стремились проводить отпуск в экзотических местностях. Спрос способствовал подъему деловой активности, деньги текли рекой — вот теперь действительно можно было праздновать национальную победу. Роскошные игорные дома стали просто насущной потребностью.

Эпоха казино, наступление которой предвидели Далин, Кастел, Сигел, Лански и другие доморощенные социологи Синдиката, по своему размаху и великолепию превзошла их самые смелые ожидания. Игорные дома

в Ньюпорте, штат Кентукки, и окрестностях процветали, и шикарные заведения, ранее закрывавшиеся на зиму, когда игроки перебирались во Флориду, теперь работали круглый год. На Золотом берегу не осталось свободного места, после того как Лански покинул Майами, уступив район Майами-Бич владельцам совместных предприятий, и открыл новые игорные дома — «Колониал инн», клубы «Гринакрс» и «Бохим» — в Броурдском округе к северу от Гольфстрим-парка. Преуспевающие экстравагантные клубы усеяли побережье Мексиканского залива в Билокси, а Беверли-клуб вблизи Нового Орлеана стал жемчужиной игорной империи Джефферсона Пэриша. В Нью-Джерси, возле моста, ведущего в Нью-Йорк, преспокойно функционировало громадное казино, а к северу от Саратога-Спрингс на нескольких известных стадионах устраивались бега.

Между тем Багси Сигел в Лас-Вегасе не терял ни минуты даром. В то время как ветераны воины не могли найти материала для постройки домов, Багси на деньги, вырученные Синдикатом на черном рынке, возвел у дороги в Лос-Анджелес ночной клуб «Фламинго» (эта местность затем получила название «Ленты»). Сигела в его грандиозных начинаниях поддерживала подружка, Вирджиния Хилл, которая, возможно, и считала себя «самой сексапильной особой в мире», однако, вопреки молве, никогда этим не хвасталась. Кливлендский синдикат отказался от намерения построить огромный казино-отель в Уайт-Салфар-Спрингс, штат Виргиния, и приобрел вместо этого «Дезерт инн». Дэнди Фил Кастел, оставив Новый Орлеан на попечение Карлоса Марчелло и Сеймура Вайса, выстроил «Тропикану» в честь своей возлюбленной — девушки, которую он нашел во Французском квартале.

Другие гангстеры, охваченные золотой лихорадкой,

следом за Сигелом устремились в легальный игорный бизнес, сам же Багси по злой воле судьбы не успел насладиться своим триумфом. Ночью 20 июня 1947 года в гостиной дома в Беверли-хиллс, который снимала Вирджиния, в него выстрелил наемный убийца Синдиката. Роковая пуля попали Багси в правый глаз.

Исследователи организованной преступности поначалу выдвинули предположение, будто Сигелу отомстили, поскольку он поддерживал не тех, кого нужно, в войне за «Службу новостей» — борьбе за контроль над Общенациональной службой новостей, нелегально распространявшей по стране сведения о выигрышах и призерах на бегах. Однако дивиденды от этой аферы не шли ни в какое сравнение с теми выгодами, которые можно было извлечь из «Фламинго». Сигела, как впоследствии выяснилось, наказали за нечестную игру с коллегами по Синдикату, слишком много вложившими в шикарные игорные дома курорта.

Приказ о расправе с членом Верховного совета Синдиката был отдан в первый, но не в последний раз. Синдикат завладел «Фламинго», а в 1971 году обвинил Мейера Лански и еще нескольких человек в сговоре с целью присвоения 36 миллионов приносимой казино безналоговой прибыли. Сигел воистину открыл в песках Невады золотоносный источник.

(Х. Мессик, Б. Голдблат. Бандитизм и мафия. — «Иностранная литература», 1992, № 11—12)

ДЕРБЕР РЕШИЛ ВЕЧНУЮ ПРОБЛЕМУ ИЗЛИШКА НАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ

Это была странная пара.

Джон Д. Стил выглядел как истинный южный джентльмен, но разговаривал, как неграмотная деревенщина. Гарольд Дербер носил черные усы и одевался по последней моде. Стил был бывшим мэром Халлэндейла, городка на юге Флориды, расположенного на севере Гольфстримского заповедника. Дербер был бывшим офицером «королевского флота Ее Величества».

Занимая пост мэра в 1963—1965 годах в этом развращенном маленьком городке, который одно время обеспечивал полицейскую защиту нелегальным игорным домам и букмекерам Мейера Лански, Стил боролся с преступностью несовершеннолетних оригинальным путем. Он объявил, что в девять часов вечера для них наступает комендантский час. Если же дети по наступлении указанного времени не убирались с улиц достаточно быстро, мэр спускал на них полицейских собак.

Чрезмерно занятый своими должностными обязанностями, Стил выкроил время, чтобы заклеймить Эдлая Стивенсона как изменника и отвергнуть федеральное финансирование прокладки канализаций как коммунистическое. Несмотря на столь впечатляющие рекомендации, Стил был дважды провален на выборах в конгресс США, которому просто повезло, так как вскоре после этого Стилу было предъявлено обвинение в крупной краже и его лишили права заниматься адвокатской практикой. Он чудом избежал суда и отпра-

вился в Южную Америку на поиски венесуэльских алмазов или, на худой конец, золотого рудника в Гондурасе. Вместо богатства он заполучил там серьезное грибковое заболевание, заразившись в какой-то пещере от помета летучих мышей. И тут подвернулась удача в лице Дербера. О предыдущей карьере Дербера мало что известно. Первые сведения о нем относятся к началу 1960-х годов, где его имя упоминается в связи с планом помочь кубинцам, которым Фидель Кастро якобы мешает соединиться с их родственниками во Флориде. Дербер видел себя современным вариантом Шарля Пимпернеля, героя романа, спасающего утонченных аристократов от черни во времена Французской революции, и любил декламировать запавший ему в душу стишок:

Его ищут тут и там,
Комми ходят по пятам.
Где скрывается теперь,
Этот чертов Пимпернель?

Он сделал только один рейс, вывез с Кубы тринадцать беженцев, успев перед этим собрать аванс по пятьдесят долларов за голову каждого из 1087 человек, которых пообещал доставить во Флориду. Разочарованные тем, что их деньги пропали, родственники напрасно ожидающих новоявленного Пимпернеля пожаловались властям, и Дербер был выслан из США. Впрочем, ему вскоре, хотя никто так и не смог объяснить почему, позволили вернуться в страну «для занятия бизнесом». Этим бизнесом оказалось сотрудничество с Джоном Стилом в контрабанде наркотиков.

Их тесная связь впервые привлекла внимание общественности в сентябре 1974 года, когда помощники шерифа остановили для осмотра у въезда на острова

Флорида-Кис грузовой автомобиль. В нем оказались Дербер, Стил и три тысячи фунтов марихуаны. Стил как ни в чем не бывало объяснил, что он находится здесь только для того, чтобы получить обратно свой грузовик, который по своей наивности он позволил позаимствовать Дерберу. Это была слабая защита, но и она оказалась не нужна, потому что обвинение против них было отвергнуто на том основании, что задержавшие их полицейские не имели ордера на обыск и арест.

Именно Дерберу, бывшему моряку, принадлежит честь реализации идеи судна-матки. Но недаром говорят, что новое — это хорошо забытое старое. В последние годы «сухого закона» так называемые суда-матки образовали «Ромовый бульвар» вдоль побережья таких американских городов, как Бостон, Нью-Йорк и Сан-Франциско. Груженные выпивкой, доставленной из Канады, с Багамских островов или из Англии, они стояли сразу же за существовавшей тогда трехмильной зоной территориальных вод и перегружали свой груз в маленькие суденышки, которые отходили от кораблей-маток под покровом темноты. Первоначально в этой сфере существовало разделение оптовых и розничных операций, но постепенно оно было ликвидировано, налеты чужих банд на доставленные контрабандой спиртные напитки прекратились, а закупала товар за границей, доставляла его на «Ромовый бульвар» и производила его распределение «Большая семерка», позже реорганизованная в преступный синдикат. Дербер хотел точно так же контролировать всю доставку и сбыт наркотиков, но для этого он прежде всего нуждался в надежном человеке на суше, способном принимать решения в соответствии с ситуацией. Сам же Дербер в это время будет держать свои суда-матки у отдаленной от США цепи Багамских островов. Во Флориде достаточно спортсменов и катеров, способных бросить вызов Гольфстриму, не-

смотря на пресловутые ужасы Бермудского треугольника.

Флагманом флота Дербера — Стила было 110-футовое каботажное грузовое судно «Найт Трэйн», ставшее легендой, кораблем-призраком, вроде «Летучего Голландца» в век парусов или «Одинокого» в более недавние (1924—1929 годы) времена «сухого закона». Много раз пытались захватить это судно во время перегрузки с него марихуаны в открытом море, но сотни тонн марихуаны миновали все препятствия на суше и в океане, и Дербер со Стилом стали миллионерами.

Дербер, например, открыл счет в Панамском отделении Парижского национального банка и за четыре года положил на него двенадцать миллионов долларов. Что делал со своими деньгами Стил, осталось его тайной, но то, что он имел их во множестве, официально доказано.

События дошли до кульминации в феврале 1976 года. Сезон сбора урожая в Колумбии был в полном разгаре, и со своей тамошней базы Дербер отправил семь судов, загруженных листьями высшего качества. Первой вышла в море «Джина-IV», вставшая на якорь около одинокого кораллового рифа у Багамских островов в ожидании разгрузки. Представитель «фирмы» на суше — Стил почувствовал, что попал в переплет. Его собственной организации уже не хватало времени, чтобы управиться с таким большим количеством марихуаны. Поэтому Стилу не оставалось ничего, кроме как продать часть «травки» другим. Человеком, к которому он обратился, был Даррелл Бойд.

У Даррелла был брат Трейси, непременный участник всех его дел, чье нежелание открывать рот, кроме тех случаев, когда это было абсолютно необходимо, создавало впечатление, что боссом в их тандеме является Даррелл. Вместе со своим другом Джеймсом Монако они явились в дом Стила в Халлэндейле. После долгих споров обе стороны наконец пришли к соглашению: Даррелл и компания заберут 50 000 фунтов марихуаны с борта «Джины-IV» по цене 165 долларов за фунт. Если бы Стил доставил ее на берег, он мог бы взять за нее по меньшей мере 200 долларов за фунт, но он предпочел получить меньше за то, чтобы освободиться от «травки» прямо в море.

«Моей задачей, — объяснил Стил позже, — было избавиться именно от этого судна, потому что другие я уже пристроил».

Прошел день или два, и Даррелл сообщил, что у него нет катеров для доставки марихуаны с корабля на берег.

«Ну и что? Возьми и найми для этого людей, — приказал Стил. — Найми людей, катера, что угодно, но сделай это!»

Даррелл ответил, что у него есть опытные люди, способные справиться с такой работой, но он обманывал Стила. Он обратился за помощью к Джо Нейдейлайну, который, как было известно, нюхает кокаин, а тот, в свою очередь, обратился к Ричарду Манфреди. Это было ошибкой, так как Манфреди являлся осведомителем Управления по борьбе с наркотиками. Полный страстного желания сотрудничать, Манфреди привлек к делу Рана Уайтекера, владельца большого катера

«Диспэтч-III». После ряда встреч и бесконечных споров они осмотрели этот сорокафутовый катер и сочли его подходящим. Манфреди доложил обо всем УБН и терпеливо ждал. Прошла неделя, прежде чем Нейдейлайн пригласил его на следующую встречу. Они приехали к пирсу № 66 в Форт-Лодердейле, где их уже ожидал «Диспэтч-III», стоящий на якоре. Но барометр падал. Вновь прибывшим представили Юджина Хикса, лысеющего молодого человека. Тот зловеще сказал Манфреди, что кое-кто «указывает на себя пальцем как на доносчика». Осведомитель побожился, что не повинен в этом грехе.

«Ты сможешь доказать свою невиновность, только если поднимешься на катер и поплывешь на нем, — заявил Хикс. — Если все пройдет, как надо, я дам тебе «Роллс-Ройс».

Манфреди сразу же согласился.
«Хорошо, — сказал Хикс. — Я пообещал Уайтекеру 200 000 долларов за то, что использую его катер».

Закончив заливать баки горючим, они отплыли: Манфреди, Уайтекер и «другие ребята». Катер пошел к Багамским островам, находящимся в девяноста милях. До отплытия были обговорены опознавательные знаки — вспышка прожектора, если встреча в море состоится ночью, и половинка монеты в пятьдесят песо, которую необходимо было отдать капитану «Джины-IV», обладателю второй половинки той же монеты. Стил получил половинку этой монеты от Дербера по почте сразу же после того, как «Джина-IV» вышла из Колумбии.

Высота волн достигала восьми футов. «Диспэтч-III» ге-

роически сражался с ними, но после часа напряженных усилий отказался от борьбы. Один его мотор заглох. Уайтекер по имевшейся на борту радиостанции сообщил Войду, что их миссия потерпела неудачу и им приходится возвращаться на одном моторе. На пирсе катер уже поджидали Монако и Хикс. Они лишь взглянули на вышедший из строя двигатель, как впоследствии рассказал Манфреди, и сказали: «Забудьте о нем».

Стилу сообщили о неудаче. Разгневанный, он назначил своим контрагентам встречу в халлэндейлском ресторане, «чтобы понять, где они допустили ошибку». Пока они сидели за столом, пришло послание от Дербера. Тон письма был сердитый, и Стил пришел в бешенство. Он твердил только о том, что кто-нибудь обязательно должен забрать партию марихуаны с «Джины-IV».

Бойд вновь пообещал найти таких людей. Состоялось несколько совещаний. В конце концов Дербер сообщил, что за время стоянки со злополучного корабля было украдено 1200 фунтов марихуаны и он уводит судно из этого района. Стил позвонил Войду и заявил, что ожидает от него возмещения стоимости пропавшей марихуаны. Даррелл отказался даже обсуждать подобную возможность. Тогда Стил позвонил Монако и повторил свое требование.

«Давайте лучше уладим с этими двенадцатью сотнями фунтов так, чтобы дело не дошло до стрельбы друг в друга», — закончил разговор бывший мэр.

Через некоторое время Монако перезвонил Стилу и сказал, что, хотя марихуану стащили посторонние, он

все же согласен заплатить половину ее стоимости. Стил отказался пойти на такой компромисс. В итоге все же удалось уговорить Бойда заплатить за тысячу фунтов пропавшей марихуаны.

Тем временем тайного осведомителя Манфреди вызвали в дом Нейдейлайна. Он поставил автомобиль на стоянке у школы, расположенной по соседству с домом, и прошел к гаражу своего приятеля. Возле гаража стоял небольшой грузовичок, а в гараже, помимо Нейдейлайна и его дружков, находилось пятнадцать мешков с марихуаной. Приятели прошли на кухню дома, чтобы выпить по стакану чая со льдом и обсудить возможность продажи «травки» Манфреди по 250 долларов за фунт. По такой цене Манфреда покупать отказался. Его уговорили взять один мешок марихуаны на пробу, но через два часа он привез ее обратно.

После этого он позвонил агенту Управления по борьбе с наркотиками.

Гораздо позже в ходе расследования было установлено, что Монако, Нейдейлайн и Хикс на борту «Кинг оф Даймондс» все же вошли в контакт с «Джиной-IV» около острова Ориндж-Ки, самого южного из островов Бимини. Когда капитан потребовал половинку монеты в пятьдесят песо, Монако ответил, что ее у него нет.

«Но в любом случае сам я здесь, — продолжил он, — так что отдайте мне груз».

Капитан подчинился, а затем увел свой корабль в во-

ды Новой Англии, где пристроил остаток марихуаны.

Это отвело от братьев Бойд гнев Дербера, но его продолжали преследовать неудачи. Проволочка с «Джиной-IV» была только одним звеном в цепи трудностей. Возможно, наиболее досадная неприятность случилась в Северной Каролине, где уполномоченный Дербера — Стила стал вести себя довольно подозрительно. Дербер считал, что он присвоил 250 000 долларов. Стил провел следствие и пришел к выводу, что этот человек был просто плохим руководителем. Он бесплатно раздавал покупателям образцы марихуаны по мешку на каждого. Более того, сам он усердно нюхал кокаин и пил слишком много виски. Успех выбил его из колеи, резюмировал Стил. Дербер неохотно согласился с этим решением, ибо был слишком загружен множеством других проблем, требующих неотложного внимания, чтобы спорить из-за нескольких мешков марихуаны и четверти миллиона долларов. В то время как Управление по борьбе с наркотиками оставалось странно безразличным и не обращало на него внимания, Комиссия по контролю за ценными бумагами и биржей (КЦБ) и другие учреждения стали понемногу досаждать ему.

Дербер, как выяснилось, решил вечную проблему излишка наличных денег, вложив их в фондовую биржу. Его маклерской фирмой была не вызывающая подозрений компания «Ферст Джерси секьюритис» из Нью-Йорка. Ее президент Роберт Э. Бреннан, судя по протоколам, вспоминал Дербера как «уступчивого, достаточно спокойного парня». КЦБ решила кое о чем порасспросить его, и ее агенты ухитрились разыскать Дербера и вручить ему повестку, требующую явиться в Майамское отделение КЦБ 23 марта 1976 года. Однако он не выполнил этого предписания.

22 марта, за день до начала слушания дела, Дербер вышел из своего дома в Майами и почувствовал непередаваемый аромат цветов, разливавшийся в воздухе. Сезон почти закончился; скоро должна будет прийти жара, и имеющие мало дел в городе финансисты, как и кокаинисты, потянутся на север. В свои пятьдесят лет Дербер обладал хорошим здоровьем. У него были отличные юристы. Несмотря на все проблемы, жизнь была прекрасна.

Два человека, которых так и не смогли ни описать, ни обнаружить, поджидали его. Очевидно, они были ему знакомы, раз он позволил им подойти вплотную. Один из этих двух мужчин выхватил пистолет 22-го калибра, который прежде считали «женским оружием», но после серии бандитских убийств сочли принадлежностью профессионального убийцы. Он пять раз выстрелил в спину Дербера, и его маленький автоматический пистолет почти не произвел шума.

Раненый англичанин почти упал, но затем напряг силы и попытался убежать. Тогда второй мужчина выстрелил ему в плечо из автоматического пистолета 32-го калибра. Дербер завертелся на месте и упал. Второй стрелок подошел к нему и дважды выстрелил в голову. После этого убийцы спокойно удалились. Подозрения пали на многих обитателей кубинской общины. Существовала даже теория, что Дерберу отомстили эмигранты, которых он обманул, не вывезя с Кубы их родственников. В частности, некоторые детективы из Управления общественной безопасности не удивились, если бы настоящая причина убийства была бы вызвана чем-нибудь еще, кроме мщения. Дербер показал, как надо использовать суда-матки, и теперь кубинские эмигранты широким потоком хлынули в контрабанду марихуаны. Они не могли надеяться уничтожить всех любителей, привлеченных возможностью быстрого

обогащения, но могли вытеснить «больших англосаксов», так же как сделали это с боссами мафии в кокаиновом бизнесе. И потому начать с Дербера было весьма логично.

Эта версия так и осталась версией, но некоторые последующие события подтвердили ее право на существование. Стил, потревоженный полицией Северной Каролины и обеспокоенный болями в сердце, заключил сделку с правительством и начал говорить. Он пошел в тюрьму, надеясь, что его сотрудничество со следствием принесет ему освобождение до того, как он умрет от болезни сердца. Вскоре Стил был переведен в федеральный тюремный госпиталь в Спрингфилде, штат Миссури. Среди прочих причин, дающих основание думать, что он не вернется, чтобы снова давать показания, были братья Бойд.

За несколько месяцев, прошедших после смерти Дербера, братья Бойд, по-видимому, достигли вершины успеха. Они отрастили длинные черные бороды и стали называть себя «братья Смит», так же как известная пара, чья фамилия красуется на коробках лекарства от кашля. В День труда (первый понедельник сентября) они пожертвовали 10 000 долларов наличными на парализованных детей в Майами. Эти деньги были аккуратно упакованы, а к ним была приложена записка, гласящая, что это дар «для детей от прорвавших блокаду контрабандистов». Это в некоторой степени сделало обычную благотворительность центральным событием дня. Полицейские сочли это наглой выходкой и удвоили свои усилия в попытке поймать братьев с поличным. В последующие два года их арестовывали четыре раза. В 1977 году они сбрили свои длинные бороды: контрабанда наркотиков больше не была столь забавной.
(Х. Мессик. Боссы преступного мира. — М., 1990)

ЛГАТЬ — ЭТО ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

Фирма «Johnson Marine» — это компания, занимающаяся глубоководными работами на всем восточном шельфе Соединенных Штатов. Она вела аэроразведку, прокладывала глубоководные кабели и трубопроводы, осуществляла контроль за состоянием плотин, работала по заказам страховых фирм и проводила изыскательские работы. Бухгалтер этой фирмы, работавший на полставки, Рик Смит, выявил серьезные аферы, проводившиеся вице-президентом компании Джозефом Саймонсом.

Нанимал Рика управляющий конторой, и при первой встрече Рика с Саймонсом вице-президент наорал на управляющего из-за того, что он не позволил нанимать никаких бухгалтеров без согласования с ним лично.

Джозеф Саймонс персонально курировал работу финансовых служб и всегда говорил бухгалтерам, что отчитываться они должны только перед Джозефом, оплачивать счета только после его личного разрешения и по всем возникающим вопросам обращаться только к нему. Рику было ясно, что управляющий конторой довольно запуган Саймонсом. Тот не только относился к управляющему как к своему рабу, но и постоянно напоминал, что если он будет совать нос не в свои дела, то сразу же вылетит с работы.

Работа Рика состояла в ведении подлежащих оплате счетов.

Как он скоро обнаружил, лишь очень малая часть из 120 таких счетов соответствовала действительности. Целую неделю он потратил на их компьютерную обработку, но Джозеф заявил, что бухгалтер должен заниматься более полезными делами, а не тратить время на тривиальные вещи.

Решив проверить соответствие отчетов по кассе наличию денег в сейфе, Рик обнаружил сейф пустым. Кроме того, ему стало ясно, что в течение пяти месяцев никаких проверок кассы не проводилось, и недостача составляла 13 600 долларов. Рик сразу же отправился к Саймонсу, но ему было сказано, что вся проблема решается просто — нужно лишь ввести в компьютер недостающую сумму.

В тот же день наш бухгалтер рассказал обо всем президенту компании. Президент устроил Рику и Саймонсу очную ставку, на которой Джозеф объяснил, что недостающие ведомости находятся, наверное, у управляющего конторой, и убедил президента, что все деньги, которыми он пользовался, надлежащим образом учтены.

Через две недели Джозеф попросил Рика придержать его (Саймонса) деньги, что он, мол, возьмет их, когда дела компании пойдут лучше. Потом, когда президента фирмы не было в городе, Джозеф попросил Рика выплатить ему причитающиеся карманные расходы за эту и две предыдущие недели. Рику это показалось странным, так как дела компании за это время нисколько не улучшились. Заглянув в компьютерную ведомость выплаты заработной платы, Рик обнаружил, что зарплата Саймонса была больше, чем у президента фирмы. После возвращения президента наш бухгалтер спросил у него, почему вице-прези-

дент выписывает себе больше денег, чем президенту. Тот взорвался от возмущения и вызвал Саймонса, пригрозив, что, если это будет продолжаться, он его уволит.

После этого Джозеф отвел Рика в сторонку и устроил ему взбучку за его «доносы». Поскольку Рик работал всего лишь на полставки, он чувствовал себя ничем Джозефу не обязанным и решил сообщать обо всех обнаруженных неувязках лично президенту фирмы.

Вскоре он обнаружил, что фирма была застрахована в пользу Джозефа Саймонса, причем два страховых полиса были на суммы свыше миллиона долларов. Кроме того, оказалось, что фирма задолжала приличные суммы по системе кредитных карточек «Американ экспресс», и, несмотря на получение дебиторских уведомлений, Саймонс запретил Рику оплачивать эти счета. Когда бухгалтер сообщил об этом президенту, то оказалось, что у фирмы вообще никогда не было карточек «Американ экспресс». Счета же составляли более пяти с половиной тысяч долларов. То же самое происходило с кредитными карточками и других компаний.

Продолжая вгрызаться в старые счета, Рик обнаружил счет от компании «ТМС Консультинг», не оплаченный уже в течение трех месяцев. Он попытался найти какую-либо информацию по этому договору, но ничего так и не нашел. На счете был указан адрес «Wiindsor Circles, 10», тот самый, по которому Рик как-то недели две назад высылал Саймонсу каталог на подводные работы. Распечатав на принтере все выплаты их фирмы компании «ТМС Консультинг», Рик обнаружил серию из пяти платежей, каждый на 2000 долларов, сделанных в течение семи месяцев.

Вся эта информация была им доложена президенту, тот вызвал Саймонса, но так его и не дождался. Расследование лишь обнаружило, что тот уехал в Калифорнию, не оставив адреса.

(С. Альбрехт, Дж. Венц, Т. Уильямс. Мошенничество. Луч света на темные стороны бизнеса. — С.-Пб., 1995)

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ЧЕКОВ

В 1964—1965 годах в одном провинциальном городке многие обратили внимание на образ жизни Белы Баболнаи и его ближайших друзей.

— Ловкий человек, умеет делать деньги, — говорили одни.

— Он и много работает, — говорили другие, — я бы не взялся каждую неделю в мороз и дождь разъезжать по стране и перевозить грузы.

— Для него не существует невозможного, — такого мнения были руководители предприятия о Беле Баболнаи, агенте по снабжению. — Без такого человека остановится производство!

— Это невозможно! На месячную зарплату в 1600 форинтов нельзя купить машину, организовать дорогие развлечения и при этом содержать большую семью! Честным путем это сделать нельзя!

Как стало известно позднее, на преступный путь Белу Баболнаи увлек один старик.

— Я вижу, что вы агент по снабжению, — с такими словами обратился он к Баболнаи в холле будапештской гостиницы. — Если вам нужны какие-то материалы или инструменты, то спросите дядюшку Хирта. То, что сейчас я занимаюсь продажей бубликов, работаю слесарем-лифтером, пусть вас не беспокоит; все, что вам нужно, я достану из-под земли, вы не пожалеете!

И действительно, Баболнаи не пожалел о содействии дядюшки Хирта. Если нужно было сверло, метчик или что-либо другое, что агенты по снабжению искали, сбившись с ног, дядюшка Хирт доставал за считанные минуты. Телефонный звонок дядюшке Хирту, и спустя несколько часов Баболнаи мог забирать требуемый товар в заводской упаковке.

Но Беле Баболнаи нуждался не только в товаре. Агент по снабжению был служащим государственного предприятия, который должен был точно отчитываться за суммы, истраченные на приобретение материалов.

— Пусть это вас не тревожит, — успокаивал его дядюшка Хирт, — товар вы получите вместе с чеком. Счет из скобяного магазина № 5 вас устроит?

Баболнаи платил и получал счета. Однако в счетах скобяного магазина № 5 указывалась на 10% более высокая сумма.

— Я же сказал вам, что вы не пожалеете, — эти 10% ваша прибыль. Не задавайте вопросов. Скромность — секрет долгой и успешной жизни!

Деловая связь агента по снабжению и дядюшки Хирта оказалась прочной и плодотворной. На протяжении многих лет Бела Баболнаи таким путем приобретал различные дефицитные товары. Дядюшка Хирт был осторожным партнером. Он никогда не давал счетов с указанием цены выше официальной, и казалось, что все в самом лучшем порядке. Баболнаи мог достать любой товар и получал свои 10%. Сколько зарабатывал на самом деле дядюшка Хирт, где доставал дефицитные товары, Баболнаи никогда не спрашивал, а старик молчал. Однако с годами их деловая связь потеряла свою секретность. Баболнаи познакомился с некоторыми друзьями дядюшки Хирта: мелким ремесленником Ласло Мишкеи и Йожефом Тереком, старьевщиком. По указанию дядюшки Хирта он уже не раз получал от них товары.

Деловые связи Баболнаи все больше ширились. В 1961 году после нескольких бокалов вина состоялся короткий обмен мнениями.

— Пусть тебя не тревожат инструменты, — успокаивал Баболнаи своего друга, агента но снабжению другого предприятия провинциального городка, — завтра я сведу тебя с одним человеком, у которого ты сможешь купить даже будапештский Цепной мост.

Благословенной деятельностью дядюшки Хирта пользовался теперь и агент по снабжению другого предприятия Йожеф Мерес.

Но ничто не длится вечно! Однажды связям дядюшки Хирта и агентов по снабжению пришел конец. К сожалению, это произошло не из-за того, что руководители предприятий узнали о злоупотреблениях. У Белы Баболнаи и его коллеги никто не спрашивал, где они приобретают дефицитные технические товары, и не проверял указанные в счетах суммы.

Связи прервал сам дядюшка Хирт. На старости лет он решил ликвидировать очень прибыльную, но рискованную деятельность и уехал к своим родственникам в США.

Перед отъездом, подобно умирающему королю из сказки, он передал свой секрет компаньонам по «делу» — Беле Баболнаи и Йожефу Мересу. «Королевичи» взяли по половине королевства.

Новое руководство, новые методы, новые успехи. Бела Баболнаи распространил деятельность преступной организации на новые области. Он устанавливает связи с новыми и новыми агентами по снабжению, и получаемые от имевшего судимость мелкого ремесленника и старьевщика товары через него шли дальше.

Унаследованное от дядюшки Хирта «дело» с лихвой восполняло расходы погрязавших в преступной деятельности агентов по снабжению.

— Мы можем спокойно увеличить наши 10% комиссионных, — предложил Бела Баболнаи. — Если товары мы отдаем без счета, то наша прибыль должна быть 40%, а если нам нужно доставать и счет, то мы спокой-

но можем запрашивать 50% и больше, — договорились оба сообщника.

И прикарманивавшаяся 40—50-процентная прибыль еще больше увеличила аппетиты мошенников.

«Дело» шло. Рос оборот, росла прибыль.
Но тем не менее аферам Баболнаи и его компании однажды пришел конец.

Следователи вскоре раскрыли преступную организацию международного масштаба.

Бела Баболнаи и его сообщники — руководители громадной сети скупщиков краденого — пускали в оборот выброшенные на рынок различные инструменты и другие промышленные товары. Часть товаров была украдена на различных отечественных промышленных и торговых предприятиях, но имелось много таких товаров, которые не выпускались отечественной промышленностью и не продавались в торговой сети. Откуда преступники их получали?

— Я не знаю происхождения сверл, — показал Баболнаи. — Я получил их от ремесленника Ласло Мишкеи. Наверное, он изготовил их.

— Не стройте из себя ребенка! Сверла с иностранным клеймом изготовлял пештский ремесленник? — задавали вопрос следователи.

— Я не помню, откуда я получил эти сверла, — упорствовал ремесленник.

Несмотря на слабую память ремесленника, удалось установить, что сверла попали в его мастерскую от старьевщика с улицы Эчери.

— А где их достал старьевщик?
— Сверла я приобрел от двух неизвестных чехословацких туристов, — признался загнанный в угол старьевщик.

Впоследствии выяснилось, что чехословацкие туристы не были неизвестными, так как принадлежали к основным клиентам старьевщика Йожефа Терека.

На остальные нити преступления был пролит свет в Чехословакии. Франтишек К. и его сообщник за несколько месяцев украли на одном крупном словацком предприятии инструментов и других технических изделий на сумму 100 000 форинтов и в багаже во время шести туристических поездок контрабандно провезли их в Венгрию. Постоянным скупщиком у них был Йожеф Терек. Их преступные связи стали настолько тесными, что позднее по заказу Йожефа Терека они совершали кражи со склада своего предприятия.

От Йожефа Терека сверла и прочие инструменты попадали к Ласло Мишкеи, а затем сначала к дядюшке Хирту, а потом к уже известным агентам по снабжению. Естественно, что агенты по снабжению не могли покупать большое количество инструментов без счетов. Каким-то образом необходимо было легализовать дело.

Во время следствия были изъяты тысячи счетов и квитанций на покупки, которыми отчитывались за приобретенные преступным путем товары.

Многие тысячи счетов, квитанций и других бухгалтерских документов попали в лабораторию судебно-бухгалтерских экспертов и экспертов-почерковедов. Долгое время эксперты с помощью лупы, а в более сложных случаях — и микроскопа исследовали уйму документов и смогли отделить фальшивые счета от настоящих.

На кажущихся при поверхностном осмотре абсолютно правильными чеках и счетах опытный глаз экспертов и чувствительный микроскоп один за другим выявляли предательские знаки. Они доказали, что счета выданы не в магазине или в другом государственном предприятии, а являются обычной подделкой.

Как достала преступная группа типографское оборудование и откуда у нее были необходимые для подделок профессиональные знания?

На квартире Кароя Конца обнаружили ручное типографское оборудование, необходимые для печатания различных счетов матрицы, матрицы билетов на спортивные мероприятия, даже набранные тексты пользующихся спросом произведений художественной литературы. Хозяин квартиры регулярно занимался изготовлением подделок типографским способом.

Хотя Карой Конц был хорошим специалистом и ловким фальсификатором, в громадном материале эксперты смогли выявить все поддельные счета. Преступная

группа имела годовой оборот в несколько сотен тысяч форинтов.

— Кто заполнял поддельные счета? — такой вопрос был поставлен перед экспертами.

Последовало дальнейшее тщательное исследование счета. Материал был классифицирован по годам; различные образцы почерков эксперты сгруппировали.

Деятельность преступной группы вскоре подтвердилась и в их почерках.

На всех счетах за 1958—1959 годы обнаружили почерк осторожного спекулянта, дядюшки Хирта. Особенности обнаруженного на счетах почерка и почерка на различных официальных документах доказали, что в те годы поддельные счета заполнял дядюшка Хирт.

После его отъезда на счетах обнаружили особенности различных почерков. Ставшие самостоятельными, агенты по снабжению за несколько тысяч форинтов закупили у Кароя Конца чистые счета и стали заполнять их сами.

Кроме почерков Белы Баболнаи и Йожефа Мереса, на поддельных счетах появились и другие почерки. Как выяснила экспертиза, из членов семьи двух агентов по снабжению была организована прямо-таки контора по заполнению счетов. В тихие вечера их жены и старшие дети терпеливо подделывали счета. Графическая экспертиза поименно определила участников, занимавшихся заполнением счетов.

После окончания следствия обвиняемые смогли ознакомиться с подробным, занимающим многие страницы заключением экспертов-почерковедов.

— Возражений нет, — заявили все обвиняемые. — Выводы экспертов в отношении способа подделки счетов правильны.

А спустя несколько месяцев участники преступной группы за свои злоупотребления предстали перед судом.
(По следам преступлений. — М., 1982)

ГЕРОИН ИЗ «ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»

Независимо от того, в какой стране — Бирме, Таиланде или Лаосе — выращивают мак, героин из «Золотого треугольника» поставляется на рынок хитрыми китайскими бизнесменами.

В прошлом веке миллионы китайцев покинули свою родину и создали маленькие «китайские городки» в американских и европейских городах. Большинство же из них осело в Юго-Восточной Азии, где они изменили культуру и экономику принявших их стран. Хотя многие китайцы и женились на местных девушках, они сохраняли свою этническую индивидуальность. После того как коренные жители почувствовали их экономическое влияние, их стали бояться и ненавидеть. Истерия «желтой опасности» была не только американским феноменом.

Отчасти в целях самозащиты эти китайцы создали тайные общества, действовавшие как невидимые правительства. Предателей допрашивали тайные суды, потом пытали, а затем обычно казнили. Слухи о таких действиях только запугивали коренных жителей еще сильнее. Эти тайные общества действовали как в императорском Китае, так и за границей.

Господствующим тайным обществом был Союз неба и земли, известный на Западе под названием «Триада». В 1912 году, после победы в Китае революционных сил, произошло слияние нескольких тайных обществ и создание на их базе политической партии Гоминьдан. Во всех, кроме названия, отношениях эта партия оставалась тем же самым тайным обществом: ее членов заставляли клясться в верности и брали с них обещание сохранять все до самой смерти в тайне. Лидером Гоминьдана был Чан Кайши.

Успех китайских тайных обществ воодушевил другие националистические группы в Юго-Восточной Азии. Во время японской оккупации многие тайные общества были разгромлены, но после поражения Японии вновь вернулись к прежней деятельности. Они до сих пор существуют во многих странах Юго-Восточной Азии и являются причиной постоянного беспокойства их правительств.

Политическая активность этнических китайцев, объединенных в тайные общества, служила официальным предлогом для гонений на них, но настоящей причиной этого была их экономическая активность. Король Рама VI, правивший в те времена, когда Таиланд назывался Сиамом, обвинил этнических китайцев в том, что они выкачивают из его страны все деньги, переводя прибыли родственникам в Китай. Этнические китайцы

оказались хорошими бизнесменами, способными получить из любого, даже самого безнадежного дела хотя бы небольшую, но прибыль. Некоторые из самых богатых людей в мире — этнические китайцы, и именно этнические китайцы держат в своих руках большую часть торговли в Юго-Восточной Азии.

Для таких людей героин представляет собой просто товар, позволяющий получить подходящую прибыль.

УБН неоднократно подчеркивало, что контрабанда наркотиков осуществляется не по политическим причинам. Несколько лет назад УБН тщательно исследовало вопрос о возможном коммунистическом заговоре с целью наводнения капиталистического мира героином, перепроверив все слухи об этом, и пришло к недвусмысленно отрицательному выводу. С тех пор так и не было найдено никаких доказательств, способных подвергнуть сомнению этот вывод. Хотя, как ни иронично это звучит, если какая-либо политическая группировка и замешана в контрабанде наркотиков, то это остатки 8-й армии Гоминьдана. Она ушла из Китая, когда китайская Красная Армия в 1946 году освободила юг страны. Сейчас она превратилась в небольшую банду стариков, растящих мак. Их отступление прекратилось в холмах «Золотого треугольника», где эта «армия» так и осталась.

В вопросах бизнеса этнические китайцы не руководствуются моральными соображениями. Используя свою природную деловую смекалку, они сопоставляют степень риска и возможную прибыль и, если второе перевешивает, идут напролом. Часто они прибегают к помощи банков — официально не существующих и не имеющих никакой физической собственности, кроме гроссбухов, хранящих списки членов тай-

ного общества в различных городах Азии и за ее пределами. Редко случается так, что ссуженные этими банками деньги пропадают — счета находятся в должном порядке.

Во время американского вторжения в Юго-Восточную Азию решение проблемы доставки наркотиков на рынок сбыта было упрощено. Ведь в результате вторжения рынок сам пришел к продавцу, и уже не было нужды пересекать Тихий океан, раз сотни тысяч черных и белых солдат искали что-нибудь для того, чтобы отвлечься от проигрываемой войны во Вьетнаме. К тому же многие пережившие войну солдаты принесли свою привычку вместе с собой домой.

Уильям Хермен Джексон, сержант, научился делать большие деньги, когда служил в Европе в пятидесятые годы. Он возглавлял шайку, которая специализировалась на подпольных азартных играх и подделке удостоверений личности. В 1967 году Джексон ушел из армии и открыл бар в Бангкоке, порте отправления основного количества героина из «Золотого треугольника». Этот бар стал любимым местом для многих военных, стремящихся отдохнуть и развлечься, и Джексон быстро сколотил себе шайку для доставки героина в США на военных самолетах. Для провоза наркотика использовались гробы с телами убитых военнослужащих, которые полагалось с почетным эскортом доставлять родственникам.

Джексон был арестован в начале 1972 года и приговорен к тридцати годам тюремного заключения. Вместо него во главе шайки встал подручный Джексона негр Лесли Эткинсон. Приятели звали его Айк. Эткинсон родился в Голдеборо, штат Северная Каролина, и до того, как ушел из армии, дослужился до звания стар-

шего сержанта. Айк руководствовался планами Джексона, однако значительно усовершенствовал их.

Наркотики доставляли из Бангкока в Голдеборо, город, избранный из-за четырех окружающих его больших военных баз, в том числе и такой, как Форт-Брагг. Из чернокожих военнослужащих и уволившихся из армии Лесли Эткинсон сколотил сеть, снабжающую Нью-Йорк и другие города Восточного побережья, от Вашингтона до Бостона, высококачественным героином. Он занимался этим в то время, когда Кармине Гадайте якобы был обеспокоен тем, как бы вернуть мафию в бизнес на наркотиках.

Героин прятали в домашних вещах семей военнослужащих, в чемоданах с двойным дном, подарках, посылаемых солдатами домой. Использовались и цистерны из-под топлива, принадлежащие стратегической авиации.

Эткинсон был осужден в 1975 году и попал в федеральную тюрьму в Атланте, но его организация продолжала функционировать. В марте 1976 года состоялся еще один, более широкий процесс по делу этой шайки. Большое жюри признало, что, находясь в тюрьме, Эткинсон продолжал руководить шайкой через свою дочь Лесли, одну из восьми его детей, и ее мужа Майкла Отиса Эррингтона. Им вместе с тринадцатью другими членами шайки, в основном бывшими сержантами, были предъявлены обвинения. После вынесения вердикта об их виновности порочный круг разорвался. Нового преемника Джексона не нашлось. После десяти лет существования его «фирмы» потребовалось искать новый рынок для сбыта наркотиков.

Этнические китайцы, возглавлявшие этот бизнес, вновь соотнесли риск и прибыль и решили попытать счастья в Европе. Их решение основывалось на том, что множество этнических китайцев после предоставления Голландией независимости своим колониям переехало в Амстердам. За легальными переселенцами потянулись и нелегальные. Их связи с тайными обществами сохранились, и бизнесмены в Гонконге и Сингапуре решили воспользоваться этим. Между соперничающими тайными обществами произошла короткая война, и несколько трупов китайцев нашли на улицах Европы. Очевидно, в этой войне победили тайные общества, базирующиеся в Сингапуре, и дело по созданию рынка сбыта закипело.

До китайского вторжения европейские государства считали героин исключительно американской проблемой. В 1978 году они обнаружили, что теперь это уже и их проблема. Соответствующие ведомства в европейских странах начали посылать своих агентов по борьбе с наркотиками в область «Золотого треугольника» в помощь Управлению по борьбе с наркотиками США, которое имело в этом районе сорок шесть агентов в девяти представительствах для сотрудничества с местными властями, в надежде все-таки уговорить людей в горах выращивать вместо мака клубнику.
(Х. Мессик. Боссы преступного мира. — М., 1990)

«НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ, Я КОЕ-ЧТО СКОПИЛ»

Каждый день мы читаем сообщения о разоблачениях каких-нибудь «врачей» или других «специалистов», обманывавших своих клиентов, хотя на са-

мом деле они нигде не учились и таковыми не являлись. Одним из таких аферистов был Джон К. Нельсон.

Филип Кросби, автор книги «Качество превыше всего» и бывший вице-президент корпорации ITT (Международный телефон и телеграф), в 1979 году учредил компанию PCA. Размещалась она в Винтер Парк, Штат Флорида. На примере своей фирмы Кросби доказывал, что для того чтобы быть конкурентоспособным, необходимо постоянно повышать качество продукции. Его компания стала одним из наиболее крупных в мире консультантов в области качества.

Свои принципы Кросби внедрил и на своей фирме, создав творческую и благожелательную атмосферу. Он говорил: «Когда люди горды своей работой в данной фирме, когда они чувствуют, что фирма относится к ним честно, они никогда не будут у нее воровать».

PCA быстро набирала силу. В 1985 году она открыла свое представительство в Брюсселе. Подобное расширение сферы деятельности потребовало иметь в фирме специалиста по зарубежным системам финансовой отчетности, способного перевести их на американские стандарты. Для этого на работу был принят Джон К. Нельсон, в характеристике которого значилось: «предельно надежный, понимающий толк в финансах». Одна из компаний в своей рекомендации очень сожалела о потере такого ценного работника, утверждая, что PCA с ним очень повезло. Позднее обнаружилось, что эта рекомендация была написана женой самого Нельсона, работавшей в той же компании. Считалось, что у него был диплом менеджера высшей категории и имелись соответствующие знания в области зарубежных систем финансовой отчетности. Он казался

честным, высококвалифицированным специалистом.

Задачей Нельсона было осуществлять финансовый контроль за международными операциями PCA и облегчить обмен информацией между зарубежными филиалами и главной конторой, чтобы ее можно было использовать для подготовки консолидированной отчетности. Он должен был подготавливать балансовые отчеты и отчеты о хозяйственной деятельности по каждому из филиалов. Для знакомства с сотрудниками представительства в Брюсселе и их работой Нельсон отправился в Бельгию. Там он купил кое-какое программное обеспечение, которое, по его словам, облегчило обработку потоков информации, вернулся в Штаты, повесил на стенку соответствующую лицензию, выданную в Иллинойсе, и приступил к работе.

Начальник Нельсона, Джеймс Гансхенэн, заметил, что Нельсон как-то медленно работает при переводе иностранных валют в доллары США, что довольно странно для человека, имеющего лицензию квалифицированного бухгалтера. Кроме того, балансы он сдавал с трехнедельным опозданием. Нельсон еще раз слетал в Брюссель, но это ничего не изменило.

Сотрудники брюссельского филиала говорили, что Нельсон очень отчужден, что с ним трудно работать. Находясь в Винтер Парке, он редко посещал различные общие мероприятия, никогда не приглашал коллег по работе к себе домой. Он был очень замкнут.

В сентябре 1986 года прошел срок сдачи отчета о результатах деятельности брюссельского филиала за третий квартал. Нельсон оправдывался тем, что компьютеры и бухгалтеры в Брюсселе все перепутали.

Отчет не был готов даже к сроку представления документов в Комиссию по ценным бумагам и биржам.

Такого в PCA никогда не случалось и в корне противоречило основным принципам работы компании. У начальников в PCA не было принято вмешиваться в работу подчиненных, и менеджеры убеждали друг друга, что ведь с другими видами работ Нельсон вполне справлялся.

В конце 1986 года из фирмы ушел бухгалтер, работавший вместе с Нельсоном, и тот остался в полном одиночестве, наедине со всей документацией о сделках в рамках транснациональной корпорации. Задержки с отчетами увеличивались, он стал гораздо реже появляться на работе, иногда пропадая на целую неделю. Гансхенэну Нельсон сказал, когда тот вызвал его для объяснений, что у него проблемы личного плана, о которых он расскажет позже. Через несколько дней он пришел к нему в кабинет, разрыдался и сообщил, что у него рак, что ему осталось жить три месяца и что ему хотелось бы провести их со своим сыном.

Когда начальник спросил Нельсона, а на что он это время будет жить, тот ответил: «Не беспокойтесь, я кое-что скопил».

В течение двух кварталов PCA не удалось получить прежних прибылей, и стоимость ее акций на бирже упала с 20 до 12 долларов за акцию.

2 марта 1987 года штатному ревизору фирмы Пэму Форресту понадобилось перевести 500 000 долларов с одного счета на другой. Представитель банка сообщил

ему, что на счете таких денег нет. Форрест сразу же проанализировал отчетность по сделкам, проходившим по электронным каналам связи, пытаясь найти, в чем дело, и обнаружил неподтвержденный перевод денег за поставку какой-то американской фирмой изделий в Брюссель на сумму 82 000 долларов.

Что-то здесь было не так. Американскими компаниями обычно не проводились трансферы по электронным каналам связи, кроме того, деньги на пути в Брюссель почему-то оказались в Саут Бенде, штат Индиана.

Форрест как-то слышал, что Саут Бенд — родной городок Нельсона. Стало попахивать аферой. Форрест внимательно просмотрел все контракты, но никаких следов сделки так и не обнаружил.

Форрест продолжал свои поиски необычных телеграфных трансферов и нашел еще несколько, адресованных в тот же Саут Бенд.

Фирма связалась со штатом Индиана и попросила тамошние власти проверить документы по этим фирмам и выяснить, кто является их руководителем. Таким человеком оказалась женщина под именем Патриция Фокс. Жену Нельсона звали Патриция Фокс Нельсон.

Имя Нельсона было тут же вычеркнуто из всех счетов компании, а зарубежные представительства вынуждены проверить все банковские проводки.

Нельсону удалось одурачить бухгалтера компании — единственного, кто мог его проверить, — подделывая подписи Гансхенэна на документах и контрактах и предъявляя тому их копии, говоря при этом, что оригиналы находятся у него в досье.

К тому времени, когда афера вышла наружу, он успел нанести ущерб своей фирме на сумму свыше миллиона долларов.

Жена Нельсона пыталась снять 250 000 долларов со счета банка в Саут Бенде. Но было начато соответствующее расследование и предпринят обыск в доме у Нельсонов.

В сейфе нашли погашенные чеки, найдены грузовые накладные на авиаперевозки с именем получателя.

Жена Нельсона была арестована по подозрению в совершении крупной аферы, но муж остался на свободе.

В ходе двухнедельного расследования было обнаружено, что недавно в пригороде Винтер Парка кто-то получил водительские права на имя Джон К. Нельсон. Один из следователей позвонил этому Нельсону, и тот подтвердил, что он действительно Нельсон и работает служащим в банке. К нему отправился Гансхенэн и убедился, что этот Нельсон — не тот, кто ему нужен.

Следователь предъявил ему фотографию Нельсона из РСА, и настоящий Джон К. Нельсон безошибочно опо-

знал на них своего бывшего начальника — Брюса Фокса.

Фокс был уволен из банка в Индиане, когда обнаружилось, что он отбывал полуторагодовалый срок заключения за растрату 400 000 долларов. Скорее всего ему удалось украсть документы настоящего Нельсона и присвоить его имя.

В полицейской лаборатории удалось прочитать имя на грузовых накладных — им оказался Роберт Уолтер Лишевски. В авиакомпании все проверили и обнаружили подделку — настоящее имя было Брюс Фокс.

(С. Альбрехт, Дж. Венц, Т. Уильямс. Мошенничество. Луч света на темные стороны бизнеса. — С.-Пб., 1995)

БАНКНОТЫ ДЛЯ АНГОЛЫ

И у кладбищ есть свое лицо. Они не похожи одно на другое, как не похожи друг на друга города и люди. Лондонское кладбище Уайтчепел — кладбище для бедняков. Могилы с дешевыми чугунными крестами, вместо полированного мрамора и гранита — трава. «Джесси Вудпекер, 13 лет». И все. Нет ни «Спи спокойно, любимая», ни «Скорбим о дорогом ребенке». «Джеймс Гринлок, продавец газет». Он не стал миллионером, как Рокфеллер. Еще одна могила. Под крестом букетик маргариток, белая фарфоровая табличка «Сэр Уильям А. Уотерлоу, мэр города Лондона, 18.06.1870—27.12.1958».

Мэр города Лондона, дворянин на кладбище бедняков?
— Могильщик, прошу вас, на минуточку!

— Добрый день, сэр. Мена зовут Ферлоу. Вас интересует эта могила, сэр? Он умер в богадельне. На его похоронах были два-три человека и один репортер. Последний рассказывал мне что-то о миллионах. Но я всего лишь ухаживаю за могилами. Его привезли, и я его похоронил. Иногда положу сюда букетик цветов. Кое-кто приносит столько цветов! Так я и этих бедняг одариваю. Дело в том, что к Уотерлоу никто не приходит...

Трагедия сэра Уотерлоу завершилась в 1958 году похоронами, на которых не присутствовал никто из близких. А началась эта история в его директорской конторе 17 декабря 1924 года в одиннадцать часов тридцать минут.

— Простите, сэр, господин доктор Маранг просит принять его.

— Совладелец фирмы «Маранг и Коллингтон» из Гааги мисс Перкинсон?

— Да, сэр.
— Ну и дела сегодня творятся! Впустите его, пожалуйста!

Сэр Уильям А. Уотерлоу был владельцем типографии, печатавшей денежные знаки и ценные бумаги и имевшей лучшую репутацию в своей отрасли. Хотя ему исполнилось уже пятьдесят три, на первый взгляд созда-

валось впечатление, что он переживает лучшие годы своей жизни. Приятный в общении, он умел создавать непринужденную атмосферу во время деловых встреч, был уверен в себе, знал, когда что говорить, одевался у хорошего портного и имел исключительно обширные связи в деловом мире и среди лондонского света. Три года тому назад ему было пожаловано дворянское звание. В конце 1924 года он претендовал на пост мэра Лондона и имел реальные шансы на успех.

Доктор Карл Маранг ван Иссельвере из Гааги был совладельцем конкурирующей голландской фирмы. Его визит был неожиданностью. Невысокого роста, коренастый, с круглым лицом, этот симпатичный весельчак — само воплощение преуспевающего бизнесмена.

Господа сдержанно поклонились друг другу. Мисс Перкинсон предложила чай. Они согласно кивнули. Затем обменялись обычными учтивыми фразами. Оставшись наедине, доктор Маранг сказал негромко:

— Оставим формальности, сэр Уотерлоу. Речь о весьма деликатной миссии. Прошу вас строго сохранять тайну и подчеркиваю, что это очень важно.

Сэр Уотерлоу сосредоточенно курил сигару и молчал. Молчал даже тогда, когда доктор Маранг сделал паузу, чтобы дать ему возможность ответить. Сэра Уотерлоу, опытного дельца, невозможно было вывести из состояния душевного равновесия. И доктор Маранг продолжил свою речь:

— Я прибыл по поручению португальского правительства. Позвольте, сэр, представить вам документ, кото-

рый позволяет мне заказать у вашей уважаемой фирмы изготовление шести тысяч пятисотэскудовых банкнотов.

— Таинственное вступление! Соблюдение тайны!.. — усмехнулся сэр Уотерлоу. — К чему этот спектакль? Может быть, в Лиссабоне хотят утаить от налога существование денежных типографий?

Оба рассмеялись. Ложечки зазвенели в чашечках с ароматным чаем. Доктор Маранг еще раз открыл портфель, разложил кожаные папки, достал письмо. Обычный правительственный заказ. Подпись, заверенная юристом. Но сэру Уотерлоу хорошо известны эти подписи! Не впервые он держит в руках подобный контракт. Прочитав текст, он отвел взгляд. Снял очки, протер глаза, словно хотел выиграть время, и как бы про себя задумчиво произнес:

— Аналогичная серия. Нумерация та же, что и на предыдущей... Точно такой же заказ мы выполнили год назад!..

— Я подчеркнул, что речь идет о чрезвычайных обстоятельствах, — объяснил доктор Маранг.

— Именно так это можно назвать. Я работаю в этой сфере уже немало лет, но мне еще не приходилось видеть, чтобы правительственный банк заказывал тираж банкнотов с номерами, которые уже в обороте...

— Я поясню!..
— Ведь речь идет о дубликатах, не так ли, господин

Маранг? В обращение поступят вторично изготовленные купюры! И одна из серий не будет покрыта. И еще кое-что. Не обижайтесь. Вы что, не в состоянии напечатать банкноты сами?

— Нет, сэр Уотерлоу. Весь тираж должен быть изготовлен со старых матриц, а они в вашем сейфе.
— Но ведь это же обман! Самый настоящий обман!

— Я ожидал услышать ваши возражения, сэр... Дело в том, что в Лиссабоне предвидели, что вы будете против. И это одна из причин того, что приехал я, а не официальный представитель. Будьте любезны, ознакомьтесь с этим документом.

Еще одно официальное письмо. Сэр Уотерлоу внимательно прочитал его и ужаснулся. Все правильно. Каждое слово. Президент Португальского государственного банка доверяет доктору Марангу выполнение деликатного задания. Подписи, печать. А доктор Маранг, которого не смутило недоверие собеседника, продолжал объяснения:

— Португалия на грани экономического кризиса. Государственную казну могут спасти только колонии. На территории португальской Анголы находятся богатства: алмазы, марганцевая руда, медь. Вы англичанин, сэр, и вам хорошо известно, как бывает с богатством колоний. Хлопок еще никогда не стоил так дешево, кофе топят паровозы, тростниковый сахар совершенно обесценился, а на металлы и алмазы цены не падают. Но рудники необходимо финансировать, а у правительства нет денег. Поэтому вторая эмиссия, поэтому первоначальные матрицы. Пометку «Ангола» допечатают уже на месте. В этом нет ничего нового, сэр, мно-

гие министры финансов уже прибегали к подобным мерам.

Доктор Маранг откланялся. Сэр Уотерлоу продиктовал секретарше, мисс Перкинсон, письмо: «Президенту Португальского государственного банка господину Амашу Родригешу. Секретно! Лондон, 17 декабря 1924 года. Сэр! Сегодня меня посетил уважаемый господин доктор Маранг ван Иссельвере из Гааги и попросил нашу фирму напечатать банкноты, которые должны быть направлены в Анголу, а также предложил мне контракт, составленный шестого числа прошлого месяца (как и соответствующим образом оформленное поручение господину доктору Марангу). К контракту прилагался пятисотэскудовый банкнот, один из тех, которые наша фирма напечатала для вашего банка. Для осуществления заказа мы должны использовать матрицы, на которых была напечатана последняя серия.

Вам наверняка известно, уважаемый господин президент, что при размещении заказа на печатание денег является общепринятым, чтобы контракт заключал непосредственный представитель банка, облеченный всеми полномочиями. По этой причине позвольте просить Вас со всей определенностью подтвердить разрешение печатать серию со старых матриц. Будем Вам также весьма признательны, если Вы укажете способ доставки изготовленных денег...»

Письма со столь важными сообщениями не посылают по почте. Их можно доверить только надежному курьеру. Однако сэр Уотерлоу не нашел никого, кто мог бы отправиться в Португалию. Но такого человека знала мисс Перкинсон. Доктор Маранг накануне, беседуя с ней, вскользь упомянул, что возвращается в Лиссабон.

И сэр Уотерлоу попросил своего коллегу оказать ему небольшую услугу. Доктор Маранг вежливо поклонился: само собой разумеется. В конце концов, он сам заинтересован в том, чтобы как можно скорее покончить с формальностями. Они распрощались, и голландец отбыл в Лиссабон.

6 февраля появился в Лондоне и вместе с сердечным приветом из Лиссабона вручил сэру Уотерлоу конверт с государственным гербом, соответствующими печатями и надписью: «Португальский банк. Офис президента. Португалия».

Содержание сообщения было однозначным. Каждое слово доктора Маранга соответствовало истине. Президент Португальского государственного банка подчеркивал, что акция секретная, поэтому банк не будет входить с типографией в непосредственный контакт. Доверенное лицо доктор Маранг облечен всеми полномочиями и позаботится о доставке изготовленных банкнот.

Сэр Уотерлоу сделал все, что ему подсказывали совесть и правила бизнеса, и со спокойной душой отдал распоряжение напечатать купюры. Когда часть эмиссии была готова, вновь появился доктор Маранг, который прибыл получить часть заказа. Он очень торопился.

— Я что-то не заметил, чтобы с вами была охрана, — удивился Уотерлоу. — Полиция ожидает вас у входа?

— В этом нет необходимости.
— Так значит, бронированная машина?

— Вы забываете, сэр, что речь идет о весьма секретном деле. Ничто так не привлекает внимания, как вооруженный эскорт. У входа стоит такси. В нем два чемодана. Пожалуйста, распорядитесь принести их наверх.

Вокзал Виктория, лиссабонский экспресс Дувр — Кале — Париж — Лиссабон. Кожаные чемоданы, обклеенные эмблемами отелей, покоятся в багажном отделении вагона первого класса. Входят таможенники, полиция проверяет паспорта. Доктор Маранг молча указывает на свои чемоданы и подает служащему свой дипломатический паспорт португальской колонии Ангола, а также документ, в котором посланник в Гааге господин Антонио Карлуш душ Сантуш сообщает, что доктор Маранг ван Иссельвере выполняет специальное поручение и в качестве курьера доставляет дипломатическую почту для португальского правительства. На его личность и багаж распространяется дипломатическая неприкосновенность.

Таможенник возвращает документы, с уважением отдает честь. Доктор Маранг и его два чемодана — на португальской земле.

За несколько месяцев до этого дня господа Артур Вирджилью Алвеш Рейс, сорокасемилетний инженер-шахтер, государственный служащий, вернувшийся из Анголы, и адвокат Адольф Хеннис попросили выдать лицензию для основания банка. В ходатайстве, адресованном консультативному совету министерства финансов, они обозначили, что будущий «Банко Ангола э метропола» должен служить прежде всего финансовому стимулированию развития экономики в колонии Ангола, финансировать инвестиции, заботиться о кредитах. Консультативный совет единогласно проголосовал

«за», Ангола действительно нуждалась прежде всего в финансовой помощи. Господин Алвеш Рейс и его компаньон получили разрешение, что сразу же ввело их в высшие круги лиссабонского общества. Когда один из владельцев «Банко Ангола э метрополa» прибыл с женой в Анголу, он был принят на официальной встрече верховным комиссаром метрополии в этой колонии. Господин банкир был не скуп. Его так воодушевил оказанный ему теплый прием, что он пообещал на собственные средства построить железную дорогу и способствовать тем самым лучшей эксплуатации медных рудников. Газетчики до небес превозносили достойного господина банкира, а он знал, как использовать выданный ему общественным мнением аванс.

«Банко Ангола э метрополa» — учреждение, на первый взгляд вызывающее уважение. Мрамор, красное дерево, кожаные кресла, лакеи в ливреях, служащие в черных одеждах. Кто входил в операционные залы господ Рейса и Хенниса, попадал в атмосферу деловитости, старых добрых традиций. Невольно возникало чувство, что сотрудничество с банком может быть только успешным.

Перед порталом остановилось такси, из которого вышел доктор Маранг. Лакей в ливрее внес за ним два чемодана. Господин Маранг направился прямо в кабинет банкира Рейса.
— Одиннадцать тысяч пятьсот штук, — сообщил он.

На лиссабонской бирже в то же самое время была отмечена примечательная активность маклеров «Банко Ангола э метрополa», которые старались скупить как можно больше акций Португальского государственного банка, причем так, чтобы не обратить на себя пристального внимания. В ноябре 1925 года в сейфах бан-

киров Рейса и Хенниса находилась уже тридцать одна тысяча акций Португальского государственного банка, и было известно, что они намереваются скупить еще четырнадцать тысяч. Таким образом они заполучили бы в свои руки контрольный пакет и тем самым обеспечили бы себе право распоряжаться этим банком и контролировать все его операции. Биржевые маклеры, не слепые и достаточно опытные, однако не могли даже представить себе всего значения этой акции, для которой потребовались огромные финансовые средства. Они не могли знать, что творится за их спинами. И никто еще ничего не подозревал...

Первым, кто обнаружил, что на двухпятисотэскудовых банкнотах одинаковые номера, был банковский служащий в Порту. Он сообщил об этом директору, заявившему об этом правлению Португальского государственного банка. Банк разослал специальный циркуляр, и кассиры других банков начали сравнивать номера пятисотенных купюр. Итоги были ошеломляющими. В обращении находилось множество подделанных денежных знаков, которые, однако, не были фальшивками в техническом плане. Они были такими же настоящими, как и все другие деньги, но у каждого банкнота имелся двойник.

Это открытие вызвало панику. Президент государственного банка доложил о случившемся министру финансов, тот передал дело на рассмотрение правительству. В высших инстанциях было решено, что при сложившемся финансовом положении страны необходимо всеми силами попытаться скрыть аферу, иначе недоверие к и так уже достаточно неустойчивой португальской валюте в мире еще более возрастет. Значит, неизбежен финансовый кризис, а возможно, последует и смена правительства. Следствие должно было вестись в строжайшей секретности.

Однако люди уже начинали поговаривать, что с валютой не все в порядке, поэтому президент государственного банка решительно заявил в печати и по радио, что сомнения в отношении стабильности валюты абсолютно необоснованны. Это несколько успокоило.

В то время как доктор Маранг курсировал со своими двумя чемоданами между Лондоном и Лиссабоном, а биржевые маклеры скупали для господ Рейса и Хенниса необходимые им акции государственного банка, его президент Родригеш совещался с экспертами и следователями. Они пришли к однозначному выводу: если банкноты не фальшивые, значит, они настоящие. Химический анализ и другие экспертизы говорят именно об этом. А если они настоящие, то выходит, что их дважды изготовили. Значит, разгадку этого дела надо искать в типографии. Президент банка попросил одного из экспертов, который слыл искусным дипломатом, отправиться в Лондон к сэру Уотерлоу и осторожно, чтобы не вызвать общественного скандала, ведь владелец типографии был мэром Лондона, выяснить, в чем тут дело.

Уважаемый сэр Уотерлоу, казалось, находился вне всяких подозрений, поэтому сначала господин Гуларт был особенно осторожен. Однако вскоре он вынужден был раскрыть всю правду. Сэр Уотерлоу представил ему соответствующие документы, и выяснилось, что они поддельные. Господа из Португальского государственного банка не знают никакого доктора Маранга и не заключали с типографией сэра Уотерлоу никакого контракта на печатание второй серии пятисотэскудовых банкнотов. Протоколы, письма, подписи и печати — фальшивые. Сэр Уотерлоу стал жертвой грандиозного мошенничества.

Судебный процесс против главных обвиняемых Адольфа Хенниса, Артура Верджилью Алвеша Рейса, Антонио Карлуша душ Сантуша Бандейро, доктора Маранга и сэра Уотерлоу проходил за закрытыми дверями без представителей общественности. Не потому, что, как полагали газетчики, эта история могла послужить для кого-то примером для подражания: подобная афера поистине неповторима. Все дело в том, что финансовый скандал мог перерасти в более опасный — политический. Звучит довольно правдоподобно утверждение, что кризис, возникший в результате этой махинации, ослабил позиции правительства и определенным образом способствовал восхождению диктатора Салазара на вершину власти. Дело в том, что вскоре после этого случая Антенна Салазар де Оливейро стал министром финансов, а через несколько лет премьер-министром и диктатором фашистской Португалии. В ходе процесса установлено, что обвиняемый Адольф Хеннис оказался отнюдь не немцем по происхождению и доктором юриспруденции, за которого себя выдавал. Это был не кто иной, как Франчешку да Кошта — бывший министр финансов и член правительства в 1920—1922 годах. Все еще помнили события, из-за которых его сместили с занимаемого поста. Да Кошта был замешан в одном из крупнейших в истории Португалии скандале, связанном с коррупцией. Как выяснилось во время процесса, еще сидя за министерским столом, он готовился к совершенному позднее преступлению.

Дело в том, что Франчешку да Кошта, занимая ответственный пост министра, участвовал в финансовых махинациях с двукратными эмиссиями, повторно вводил в обращение некоторые банкноты, пытаясь тем самым затормозить развитие экономического кризиса и отдалить крах португальской государственной экономики. Тогда он заявил, что действовал во имя одной цели: блага людей. Но через несколько лет он исполь-

зовал те же самые, уже апробированные методы для невероятной аферы, которая едва не увенчалась успехом. Если бы ему удалось скупить контрольный пакет Португальского государственного банка и овладеть им, то трюк с двойной эмиссией денег, возможно, и не был бы замечен. Ведь только Португальский государственный банк был вправе начать судебное преследование фальшивомонетчиков, только его президент, которым мог стать он или Рейс, имел право передать дело в суд. А банкноты с одинаковыми номерами оказались в руках экспертов за пять минут до завершения аферы.

Имя португальца Алвеша Рейса принадлежит одному из крупнейших в истории криминалистики аферистов. Ему нельзя отказать в таланте строить комбинации, в фантазии и смелости, граничащей с безрассудством. Его карьера с самого начала была непроторенной дорожкой. Когда во время первой мировой войны его хотели призвать на военную службу, он собрал вещи, нашел место на корабле, следовавшем в Африку, и скрылся в Анголе. Он основательно подготовился к поездке в Африку: взял с собой очаровательную жену и диплом инженера.

Отец Рейса был не только гробовщиком, но и ростовщиком — ссужал деньги под большие проценты. Он определил сына в высшее учебное заведение. Но у Алвеша Рейса абсолютно не было желания посещать лекции. На экзамены он просто не являлся. И несмотря на это впоследствии мог похвалиться несколькими дипломами. Когда он ступил на берег португальской Анголы, то в портфеле у него находились диплом об окончании Оксфорда и документы, свидетельствовавшие, что он изучал геологию, металлургию, машиностроение и химию. Фальшивки невозможно было отличить от настоящих документов. Существовал только один изъян —

факультета, который он якобы окончил, в Оксфорде вообще не существовало.

Тем не менее он получил место сначала в железнодорожной компании, а затем — в министерстве общественного труда. Для двадцатичетырехлетнего молодого человека это была многообещающая карьера, разумеется, если бы Алвеш Рейс мечтал о будущем, которое соответствует общепринятым представлениям о чести, морали, долге.

Он занялся бизнесом, продавал сельскохозяйственные продукты и ангольскую руду, но главное — открыл в нью-йоркском «Нэшнл сити бэнк» счет, который должен был проложить дорогу к благосостоянию. Дело в том, что Алвеш Рейс принимал во внимание недельную задержку почтовых отправлений — столько времени находились его чеки на пароходе, доставлявшем их в Нью-Йорк. Алвеш Рейс покупал, платя чеками, выданными нью-йоркским банком, моментально перепродавал часть купленного товара и телеграфировал о покрытии счета в «Нэшнл сити бэнк». И снова чеки, доставленные почтовым пароходом, могли быть оплачены.

Это была хорошо продуманная акция. При определенном везении трансакциями, вероятно, снова можно было спекулировать, хотя это граничило с преступлением. Но Алвеша Рейса не беспокоили такие тонкости. Сначала на его счету обнаружилась небольшая недостача, затем она возросла. Банк направлял ему одно напоминание за другим, сообщал, что уже не имеет возможности оплачивать непокрытые чеки. Затем терпение нью-йоркских банкиров лопнуло: «Нэшнл сити бэнк» прекратил выплату чеков Рейса в тот момент, когда он за сорок тысяч долларов купил Королевскую

трансафриканскую железную дорогу, заплатив за нее непокрытым чеком, и тут же взял из капитала компании сто тысяч долларов.

Рейса судили и отправили за решетку. Он отбывал наказание в тюрьме в Порту. Там он спокойно, не ограничиваясь во времени, разработал план, направленный на овладение Португальским государственным банком и всеми национальными финансами. Пятьдесят четыре дня понадобились ему, чтобы разработать грандиозную аферу. Когда он вышел из тюремных ворот, то точно знал, чего хочет. Но ему нужны были сообщники.

Бывший министр финансов да Кошта также имел богатый опыт финансовых афер. Его политическая карьера закончилась скандалом, связанным с коррупцией. Поэтому он поспешил скрыться с глаз людских и перебрался в Анголу, где стал директором небольшой горнодобывающей компании. Там он и познакомился с Алвешом Рейсом.

Да Кошта вернулся в Лиссабон под именем Адольфа Хеннса. Необходимые документы он раздобыл в Анголе. На суде об этом сообщил шахтер Уорвик, работавший в компании, возглавляемой да Коштой. Сосед Уорвика Адольф Хеннис заболел малярией, и мало было надежды на его выздоровление. Чтобы забыться, он стал пить, и вскоре у него вышли все сбережения. Тогда Хеннис, уже не способный работать, попросил директора помочь ему. Директор да Кошта пришел к постели умирающего с двумя бутылками виски «Блэк энд Уайт» и обменял их на паспорт. Больной Хеннис выпил обе бутылки, а утром уже был мертв. Да Кошта, внешность которого за время пребывания в колонии изменилась, вернулся в Лиссабон с документами

мертвого шахтера, прибавив к своему новому имени докторское звание и выдав себя за адвоката.

Следующего «героя» банды мошенников звали Жозе Бандейра. Он тоже однажды, заметая следы и скрываясь от заинтересовавшейся им полиции, оказался в колонии. Жозе Бандейра был негодяем, но его брат Антонио с детства слыл прилежным мальчиком. И он служил в португальском посольстве в голландском городе Гааге. Жозе Бандейра переговорил с братом, и тот позаботился о соответствующем документе и договорился о сотрудничестве с доктором Марангом.

Владелец денежной типографии Маранг связался с Хеннисом, которого знал еще с тех времен, когда тот был министром да Коштой. Хотя да Кошта после многих лет пребывания в Африке действительно изменился, Маранг не мог его не узнать. Фирма Маранга когда-то печатала деньги для Португальского государственного банка. Это было правдоподобным объяснением, почему Хеннис и Рейс обратились именно к доктору Марангу. Они полагали, что фирма Маранга возьмется за выполнение их заказа. Но почему же этот план не был осуществлен? Почему доктор Маранг предложил выгодную сделку конкурирующей фирме «Уотерлоу и сыновья», располагавшейся на лондонской Грит-Уинчестер-стрит?

В то время когда доктор Маранг встретился с адвокатом Хеннисом и выслушал его предложение, он лишь формально еще являлся совладельцем фирмы. Типография уже была почти продана, незадолго до этого печатные станки описали кредиторы, адвокаты которых уже находились в дирекции фирмы и присматривали за каждым заказом. Доктор Маранг, оказавшийся на мели, естественно, обрадовался столь заманчиво-

му предложению, но не мог организовать производство денег у себя. Кроме того, матрицы хранились в сейфе фирмы Уотерлоу. По этой причине план был изменен, и вскоре доктор Маранг появился в конторе сэра Уотерлоу.

Самым сложным было изготовить контракт, который сэр Уотерлоу счел бы настоящим. Его да Кошта и Рейс подделывали особенно тщательно. Дело в том, что у бывшего министра еще со времен его официальной службы осталось несколько бланков «Банка де Португал», предназначенных для заказов и контрактов.

Рейс разбирался в подделке документов и смог изготовить необходимые печати и сфальсифицировать подписи.

Доктор Маранг предложил сэру Уотерлоу контракт, в котором не имелось ничего подозрительного. Он был точно таким же, какие фирма получала и раньше. Документ, как обычно, заверен нотариусом. Подпись нотариуса не являлась подделкой, но и не была действительной.

Рейс изготовил на двойных листах португальского гербового бланка два экземпляра малозначительного договора таким образом, что на третью страницу перешло обыкновенное дополнение: «Одобрено и подписано в присутствии нотариуса, подтверждающего правильность подписей данных бумаг...» Эту официальную бумагу Рейс действительно подписал в присутствии нотариуса, подтвердившего его подпись и скрепившего ее печатью.

Алвеш Рейс принес договор домой, разрезал листы, первую страницу заменил контрактом для типографии, печатающей денежные знаки, оба листа подшил, заклеил специальной лентой и позаботился о том, чтобы на завязках, скрепляющих контракт, стояли печати, как это принято в подобных случаях. Так он получил нотариально заверенный контракт со своей собственной подписью. Этого было недостаточно, но Рейс ничего не забыл. В нотариальной конторе он подписался так низко, что на документе оставалось еще достаточно места, куда можно было скопировать необходимые подписи, знакомые господину Уотерлоу. При лабораторной экспертизе специалисты обнаружили, что подписи, первоначально были переведены через обыкновенную копировальную бумагу, а затем обведены чернилами.

Долго оставалось загадкой, как Рейсу удалось сфальсифицировать подписи. Сделано это было самым простым путем. Он скопировал подписи прямо с денежных знаков, ведь на каждом банкноте есть подпись президента банка и других уполномоченных лиц. Печать с португальским государственным гербом преступники также сделали очень просто. Полиция установила, что однажды Рейс приехал в мастерскую по изготовлению печати и от имени какого-то спортивного клуба заказал круглую печать с государственным гербом в центре. Когда печать оказалась у него в руках, он срезал края с названием клуба, а середину с государственным гербом использовал.

Главным вещественным доказательством на суде стала фальшивка ответа сэру Уотерлоу, составленная от имени президента государственного банка Амашу Родригеша, в котором преступники называли свои полные имена, уполномочивая самих себя и свой «Банко ангола э метропола» распределять фальшивые деньги. И

это письмо, разумеется, было фальшивым. Сэр Уотерлоу допустил фатальную ошибку, когда назначил курьером аферист доктора Маранга.

В то время когда полиция арестовывала обоих главных обвиняемых, доктор Маранг находился в дороге с очередной партией только что отпечатанных банкнотов где-то между Лондоном и Лиссабоном. Португальская полиция выдала международный ордер на арест Маранга, разослала фотографии аферист а и образец его подписи, однако в газетах уже появилось немало сведений о лиссабонском скандале. Доктор Маранг узнал о крахе, и у него было достаточно времени и денег, чтобы скрыться. Ему не доставило много труда раздобыть для себя документы на другое имя.

Позднее на складе транспортной конторы в порту Хуквак-Холланд были найдены два кожаных чемодана, набитых новенькими пятисотэскудовыми банкнотами. Разыскиваемый Маранг избавился от них. Ведь они уже ничего не стоили: португальское правительство придержало всю серию и отдало распоряжение изготовить новую. Рейс и Хеннис были приговорены к восьми годам заключения со строгим режимом и двенадцатилетней ссылке с возможностью замены наказания на двадцатипятилетнее поселение в исправительно-трудовом лагере. Преступники избрали второй вариант. Алвеш Рейс после этого в 1945 году объявился в Бразилии, где занимался торговлей рисом. Он преуспевал. Но полиции стало известно о его слишком полном приключений прошлом, и власти приняли решение выслать его из страны. Рейс вынужден был вернуться в Португалию, где прославился очередным скандалом — распродажей, во время которой нагрел своих кредиторов на сумму в три четверти миллиона швейцарских франков. Он умер от инфаркта 8 июля 1955 года в тишине и спокойствии, словно почтенный пенсионер.

Двадцать пять лет в исправительно-трудовом лагере под тропическим небом — это настоящее чистилище со всей бутафорией. Но даже такое наказание не шло в сравнение с трагедией, постигшей лондонского мэра Уильяма А. Уотерлоу. Дело в том, что «Банко де Португал» через суд потребовал компенсации за те двойные банкноты, которые преступникам удалось ввести в употребление.

Процесс о возмещении убытков длился много лет и стал известной проблемой для всех судебных инстанций, прежде чем дело было передано на рассмотрение высшего суда палаты лордов. Пять высших судей Объединенного королевства предложили сэру Уильяму А. Уотерлоу заплатить 8922 фунта стерлингов — сумму, равную расходам Португальского государственного банка по печатанию новой серии пятисотэскудовых банкнотов. Однако это решение не удовлетворило истца, и новый суд обязал сэра Уотерлоу возместить убытки банку в размере 610 392 фунтов, а также погасить судебные издержки. И он до последнего пенса заплатил требуемую сумму. Сэр Уотерлоу, ставший жертвой преступной аферы, взволновавшей весь мир тридцатых годов, умер в возрасте восьмидесяти восьми лет в приюте для бедных.
(По следам преступлений. — М., 1982)

ПОДСАДНАЯ УТКА ТОНИ ДАКСА

...К рождеству 1967 года городское управление Нью-Йорка преподнесло своим жителям «подарок». Губернатор-республиканец Джон В. Линдсей, победивший на выборах под лозунгом: «Сделаем Нью-Йорк чистым городом!», оказался замешанным в скандале, крупнейшем со времен правления его печально знаме-

нитого предшественника Уильяма О'Дуайера. Скандал разразился вокруг близкого друга Линдсея — «подающего надежды» Джеймса Л. Маркуса. В предвыборной кампании Линдсея он сыграл важную роль, приложив немало усилий, чтобы протащить, наконец, республиканца на высшую должность в Нью-Йорке. Взамен этого Линдсей провел Маркуса в городское управление, сначала как своего «личного советника», а затем назначил его комиссаром по водо-, газо- и электроснабжению.

Этот Маркус не только умел красиво проживать деньги, но и был весьма предприимчивым бизнесменом. Заключив частную кредитную сделку, он основал общество «Помощь развитию» и занялся биржевыми спекуляциями, которые, к несчастью, ничего, кроме долгов на общую сумму 30 тыс. долларов, ему не принесли. В поисках кредиторов Маркус попал в лапы к «акулам кредита» из «Коза ностры». Они покрыли долги и прибрали его к рукам.

Однажды к Маркусу заявился Энтони Коралло, известный под кличкой «Тони Даке» («Тони Утка»), ранее судимый за торговлю наркотиками мафиозо, распространивший свои деловые интересы и на строительный бизнес. Коралло обратил внимание Маркуса на то обстоятельство, что городское управление Нью-Йорка намеревается очистить и капитально отремонтировать громадный бассейн в парке Бронкса — общая стоимость подряда 800 тыс. долларов. Вопреки принятым правилам Маркус не объявил публичного конкурса на этот подряд, а прямо передал его фирме, находившейся под контролем «Коза ностры». На этой «любезности» он заработал 16 тыс. долларов.

Данная афера Маркуса не была единственной. Как ус-

тановлено, «Коза ностра» долгие годы контролировала все воздушные грузоперевозки в нью-йоркских аэропортах. Мафиози основали федеральный союз предприятий, осуществляющих грузоперевозки под руководством и контролем Энтони ди Лоренцо. Фирмы были вынуждены присоединиться к союзу с «начальной пошлиной» 5 тыс. долларов и значительным ежегодным взносом. Те, кто отказался от этих условий, вскоре столкнулись с трудностями: принадлежавшие им грузовики угонялись, а грузы приводились в негодность.

Чикаго, как и Нью-Йорк, несмотря на эмиграцию бывшего босса «Коза ностры» Джанканы в Мексику, по-прежнему сохранял за собой репутацию оплота преступности. В 1967 году был опубликован список наиболее опасных преступников Чикаго, включавший 214 имен, среди которых были имена Энтони Аккардо и Поля Рикки. Одновременно названы 42 предприятия — от ресторанов и отелей до конструкторских бюро, — принадлежавшие «Обществу чести».

Френсис А. Вителло, мелкий мафиозо, ранее осужденный за букмекерство, отказался платить своему адвокату. Дело в том, что у Вителло в швейцарском банке был открыт один из тех печально знаменитых номерных счетов, по которым банк не задавал вопросов, откуда и куда идут деньги, а все операции производились лишь с помощью шифра. Тайна банковских вкладов надежно защищает и эксплуататора, и преступника.

Однажды со счета Вителло таинственным образом исчезли 702 тыс. долларов. К несчастью, деньги принадлежали не Вителло, а шефу «Коза ностры» Бостона Раймонду Патриарке. «Коза ностра» произвела тща-

тельное расследование и установила, что нескольким ловким мошенникам из Штатов обманным путем удалось перевести эти деньги на собственный счет. При операции по возврату денег всячески старались избежать лишнего шума. С помощью адвоката мошенники и гангстеры достигли компромисса, и все было бы шито-крыто, если бы Вителло не отказался оплатить работу адвоката. Тот, в свою очередь, подал на мафиозо в суд, и таким образом американская общественность узнала сенсационный факт, что «Коза ностра» прячет свои многомиллионные прибыли в швейцарских банках. Так же случайно было установлено, что шеф «Коза ностры» из Филадельфии Анджело Бруно, он же владелец фирмы по импорту музыкальных автоматов, положил в швейцарский банк «на черный день» 50 млн. долларов!

Но большего узнать не удалось. Ведь банковская тайна святая святых капитала!

Эти громадные суммы американская мафия смогла получить лишь потому, что пустила чрезвычайно глубокие и прочные корни в экономике страны. В 1964 году журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» прокомментировал это так: «В прошедшие месяцы было обнаружено, что гангстеры с многочисленными судимостями проникли в предприятия с многомиллионными оборотами. Среди них банки, маклерские фирмы Уолл-стрита, земельные конторы и другие почтенные фирмы, которые служат на благо общества. Установлен очевидный факт: проникновение преступников в существующие отрасли промышленности приобрело гигантские размеры».

Далее журнал опубликовал далеко не полный список отраслей, в которые проникла мафия, причем — по

вполне понятным причинам — никакие имена не упоминались.

Землевладение. Окружной прокурор Роберт М. Моргентау считает, что только в Нью-Йорк-Сити инвестиции преступного мира в торговлю земельными участками «выражаются сотнями миллионов долларов». Члены мафии являются главными акционерами в концерне, которому принадлежат два знаменитых небоскреба, в которых разместились учреждения. «Это была операция стоимостью треть миллиарда долларов, — сказал мистер Моргентау... Гангстеры владеют также большинством акций в одном из известнейших небоскребов в Манхэттене. Наконец, широко известный в Нью-Йорке отель является собственностью исключительно преступных элементов. По заявлению правительственных чиновников, мафия владеет отелями и мотелями в Майами, Майами-Бич, Лас-Вегасе, Детройте, Чикаго и многих других городах...»

Банковское дело. Служащие следственных органов полагают, что рэкетиры и шулеры прибирают к рукам многие крупные банки, приобретая их акции. Как акционеры они стремятся использовать свои позиции, для того чтобы получить особые льготы. В большинстве случаев это им удается. В Детройте, если верить словам одного служащего из Вашингтона, банк средней величины полностью перешел в руки мобов. «Он известен как «воровской банк», — заявил этот служащий. У нас есть основания предполагать, что эти банки предоставляют главарям мафии кредиты без обеспечения гарантий. Они открывают им огромные счета на вымышленные имена или на подставных лиц, не задавая никаких вопросов. Почти схожая ситуация в одном из банков на Майами. В Нью-Йорк-Сити известные гангстеры контролируют два банка... Служащий чикагской полиции сообщил: «В минувшие годы гангстеры про-

явили особенно высокую активность в области финансового дела, главным образом в обществах мелкого кредитования и в банках».

Швейная промышленность. Давно уже известно, что конфекционная индустрия, сконцентрированная в Нью-Йорке, захвачена рэкетирами. Многие из них стали миллионерами. Эксперты объясняют эти успехи тем, что большинство рэкетиров не терпят на своих предприятиях никаких профсоюзов. Это позволяет им снизить производственные затраты... По словам экспертов, рэкетиры нанимают на службу в качестве «консультантов по рабочим вопросам» уголовников и бывших убийц из мафии.

Другие отрасли промышленности. Известный главарь мафии из Детройта был тесно связан с заводом кухонных плит в этом городе. Сегодня он вложил свой капитал в бензозаправочные станции и в автосервис. «Только в Детройте члены мафии инвестировали в промышленность капитал в размере 50 млн. долларов», — заявил шеф полиции Джордж Эдвардс. Он назвал 98 предприятий, которые находились под контролем мафии.

Статья в журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» завершалась длинным перечнем (на нескольких страницах) только тех отраслей промышленности, в которых мафиози твердо стояли на ногах. Мафия проникла всюду: от банков и отелей до строительной индустрии, от текстильной промышленности, индустрии по производству автоматов, торговли антикварными вещами до торговли продовольственными товарами. Общий оборот «Коза костры» — заметьте, только легального бизнеса! — по осторожным оценкам экспертов, ежегодно составляет 22 млрд. долларов Судя по этим цифрам,

«Коза ностра» могла бы считаться крупнейшим в США концерном, более могущественным, чем такие гиганты, как «Дженерал электрик», «Дженерал моторз» или «Стандарт ойлз».

Организованная преступность стала неотъемлемой составной частью социальной системы.

(К. Полькен, Х. Сцепоник. Кто не молчит, тот должен умереть. — М., 1982)

НЕНАСЫТНЫЙ МИЛЛИОНЕР

Во французском замке Шато-де-Пелли собралось высшее общество. Новый владелец замка Берни Корнфельд пригласил двести человек гостей. В рыцарском зале пылал огонь — кухня была мала, чтобы приготовить еду для такого количества гостей, и швейцарские повара поджаривали мясо прямо на глазах у приглашенных.

Мало кому удавалось разбогатеть так стремительно, как господину Корнфельду. Его состояние исчислялось миллионами франков. Он владел двумя замками, тремя самолетами, в Женеве у него была вилла, построенная некогда императором Наполеоном для Джозефины, ему принадлежали конюшни с породистыми лошадьми, вода в его ванны бежала из золотых кранов, на прогулку он брал с собой прирученного ягуара. Друзьями Корнфельда были миллионеры и ведущие политические деятели. Папа Павел VI удостоил его частной аудиенцией.

Откуда появилось это неожиданное богатство? Берни Корнфельд был основателем и владельцем Международной инвестиционной фирмы «Инвесторз оверсиз сервисез ЛТД» (ИОС). Он вкладывал деньги своих клиентов в прибыльные дела, проводил торговые операции с акциями, скупал земельные участки, а затем продавал их или строил на них доходные дома, отели, клубы. Одним словом, клиент вместо того, чтобы держать деньги в банке, отдавал их фирме ИОС, которая проводила операции с его вкладами на правах компаньона, и получал проценты от прибыли фирмы. Это казалось выгодным делом, поскольку проценты прибыли фирмы для обеих сторон были выше, чем при обычных банковских вкладах.

Берни Корнфельд, сын румынского эмигранта, родился в Стамбуле и с детства был вынужден самостоятельно зарабатывать на жизнь. Затем его семья переехала в Америку, и он переменил дюжину профессий. Вероятно, это было хорошей школой жизни для парня-бедняка, мечтавшего стать миллионером.

Однако своего часа Берни пришлось дожидаться долго. Он наступил только после войны. Во Франции в то время проходило службу много американских офицеров. Они имели высокое жалованье, а поскольку страна после немецкой оккупации была истощена в полном смысле этого слова, то они не знали, куда тратить деньги. Держать их в банке было невыгодно, ибо вклады теряли ценность. В этой ситуации у Берни родилась идея, которая стоила миллионы. Он решил основать общество, которое избавило бы клиентов от заботы о деньгах и гарантировало бы им прибыль.

Американским офицерам это было выгодно. Более того, каждый из них считал себя предпринимателем, хо-

тя и находился на военной службе в Европе. Увольняясь из армии, они оставались клиентами фирмы Корнфельда. ИОС процветала. Собственность фирмы через несколько лет оценивалась почти в девять миллиардов западногерманских марок. Фирма регулярно выплачивала проценты от прибыли, и в газетах писали о ней как об экономическом чуде. Газетчики называли Берни Корнфельда финансовым гением.

Однако он стал жертвой веры в собственную непогрешимость — начал выплачивать больше денег, чем мог себе позволить. И однажды миллион двести тысяч клиентов, разбросанных по всему свету, узнали, что фирма ИОС потерпела финансовый крах. Мелкие акционеры забрали 82 процента своих вкладов. У Корнфельда были влиятельные связи, он сотрудничал с ведущими банками, однако ему никто не помог. С банкротом никто не хотел иметь ничего общего.

Однако спаситель нашелся. Им оказался американский миллионер и финансист Роберт Л. Веско, известный во многих странах мира. Он был другом семьи тогдашнего президента США Ричарда Никсона и использовал это знакомство в своих целях В свою очередь, Веско также оказал Никсонам немало услуг. Особенно Ричарду Никсону. И тогда, когда он должен был стать президентом, и тогда, когда стремился им стать во второй раз.

В первом случае посредником был брат будущего президента Дональд Ф. Никсон, передавший «подарок» Роберта Веско в фонд избирательной кампании Ричарда Никсона, что было не чем иным, как взяткой. Это произошло в 1968 году. Брат президента помог перевести пятьдесят тысяч долларов с одного банковского счета на другой. А четыре года спустя к Веско пришел

второй брат Ричарда Никсона и любезно попросил его выделить на избирательную кампанию двести тысяч долларов. Как выяснилось позже, Веско прекрасно понимал, почему он должен быть таким щедрым.

Дональд Никсон, племянник президента, был рассеянным молодым человеком без определенных интересов. Он увлекался индийской философией, что было в то время модным, одно время заигрывал с хиппи и даже жил где-то на Среднем Востоке в сомнительной коммуне «Дети цветов». Затем вернулся к американской цивилизации, подстригся, побрился и поступил на службу к Веско в качестве секретаря.

Они вместе занимались торговыми сделками, жили в роскошных отелях Флориды и до такой степени сблизились, что можно даже говорить о возникшей между ними дружбе. Дональд Никсон восхищался своим шефом и очень уважал его. Однажды он заявил, что это единственный человек в мире, который ему никогда не лгал.

Когда обанкротился Берни Корнфельд и журналы словно эпитафии помещали фотографии, иллюстрировавшие его прежнюю роскошную жизнь, эту еле сводившую концы с концами, находившуюся в плачевном состоянии инвестиционную фирму купил Роберт Л. Веско. Разуверившиеся акционеры сначала с надеждой смотрели на Веско, который считался опытнейшим специалистом мирового масштаба в области финансов. Однако их надежда скоро погасла. Через несколько месяцев поползли тревожные слухи: плейбой Корнфельд по сравнению с новым шефом был истинным кладом.

В сенат Соединенных Штатов начали поступать письменные жалобы. В некоторых из них содержались весьма серьезные претензии к Роберту Веско. Когда их стало очень много, властям не оставалось ничего другого, как поручить специальной следственной комиссии сената расследование в отношении ИОС. Три месяца спустя в расчетной ведомости Роберта Веско появилось имя племянника президента. Что это? Случайность? Стечение обстоятельств? Или дальновидность?

В марте 1973 года перед федеральным судом в Нью-Йорке предстали Джон Митчелл, Морис Станз, Роберт Веско и Гарри Сирз. Джон Митчелл был министром юстиции правительства Никсона, Морис Станз — министром торговли, а Сирз — председателем отделения Комитета за повторное избрание президента Ричарда Никсона в Нью-Джерси. Бывшие министры Никсона обвинялись в серьезных преступных действиях: заговоре, оказании давления на должностных лиц и лжесвидетельстве.

В чем же конкретно они провинились? Совершали преступные действия, которые в Соединенных Штатах стали обыденностью: всеми способами, даже незаконными, стремились заработать как можно больше денег. Бывший министр юстиции под судом и следствием? Но и это в Соединенных Штатах не такое уж необычное явление. Вице-президент Агню также предстал перед судом и был осужден за взяточничество и финансовые махинации.

Взглянем на закулисную сторону дела. Когда началось расследование в отношении фирмы ИОС, всемогущий Веско бросил все силы на то, чтобы замять скандал. Использовав свои связи, он направил в Вашингтон

Сирза, который должен был привлечь на свою сторону Джона Митчелла. Последний, в свою очередь, должен был оказать давление на председателя следственной комиссии сената Уильяма Кейси, чтобы тот закрыл глаза на злоупотребления Роберта Веско.

Похоже, это ему не удалось, потому что в январе 1971 года Сирз снова посетил Митчелла и пожаловался, что члены комиссии сената продолжают досаждать его другу Веско неприятными вопросами. Однако следствие продолжалось. И финансисту Веско, знавшему свои возможности, не оставалось ничего другого, как пойти ва-банк. Он решился на крайние меры.

8 марта 1972 года он лично отправился к министру торговли Станзу и предложил ему выгодную сделку: он заплатит по счету Комитета за повторное избрание президента Ричарда Никсона минимум четверть миллиона, а если позволят обстоятельства, то и все полмиллиона долларов, однако за это «содействие» он хотел бы добиться благосклонного отношения следственной комиссии. Министр торговли США не отказался от взятки. Он отвел Веско в офис Комитета за повторное избрание президента, где представил его Джону Митчеллу, бывшему министру юстиции, в то время директору комитета CREEP. Неизвестно, о чем говорил Веско с Митчеллом, однако после ухода финансиста Станз и Митчелл обсудили детали выгодного предложения.

И все же результаты ревизии комиссии сената уже предвещали катастрофу, хотя расследование еще не было завершено. Капитал, полученный Робертом Веско от Корнфельда после краха его фирмы ИОС, находился в надежном месте. Ревизоры даже не подозревали, что миллионер старается перевести за пределы

Соединенных Штатов деньги, полученные от доверившихся ему клиентов из многих стран. При этом преимущественно в страны, где влиятельные связи обеспечили бы ему безнаказанность. Часть денег ему удалось переправить на Багамские острова, часть — в Коста-Рику, где, как утверждалось без ссылки на какие-либо источники, сам президент Фигуерос за соответствующую взятку пообещал не выдавать его Соединенным Штатам в случае, если бы произошло самое худшее.

Веско договорился с Морисом Станзом о том, что деньги будут переданы в избирательный фонд до 7 апреля. Но уже 3 апреля в конторе фирмы Веско в Пью-Джерси появился Эдвард Никсон, чтобы договориться с ним о форме платежей. Одним из условий было выплатить всю сумму наличными в стодолларовых банкнотах. Это напоминало условия похитителей или повадки гангстеров. Случайность ли это?

Вопреки договоренности, выплата денег задерживалась неизвестно почему. Для такого финансиста, как Веско, эта сумма не была головокружительной. Но он знал, что делал, когда не заплатил четверть миллиона в установленный срок. Этот его тактический ход не разгадан ни одним из его опытных партнеров.

Роберт Веско значительную сумму капитала бывшей фирмы Корнфельда перевел на свой банковский счет в Нассау на Багамских островах. Оттуда он снял двести тысяч долларов и передал их Гарри Сирзу. После этого Сирз явился к министру Станзу и вручил ему коричневый портфель с банкнотами. Станз пересчитал доллары и спрятал их в сейф. Вскоре Веско выписал чек на оставшиеся пятьдесят тысяч. Первая половина акции завершилась успешно.

Теперь настала очередь Митчелла. Уже в тот же день бывший министр юстиции договорился о встрече посредника Сирза с главным советником следственной комиссии сената Бредфордом Куком. Нет необходимости пересказывать, о чем шла речь Однако следует подчеркнуть, что все дело было в незаконной просьбе Роберта Веско и что вторая сторона об этом ничего не знала. А Роберт Веско требовал, чтобы комиссия приостановила расследование.

Митчелл, Станз и иже с ними согласились с требованием Веско. Это подтверждается тем, что никто из них никогда и словом не упомянул о взносе Веско, и двести пятьдесят тысяч долларов нигде не были официально зарегистрированы. За такую сумму в Соединенных Штатах можно достичь многого. Кто-то старался, кто-то ходатайствовал, в игру были втянуты даже личные советники президента Никсона. Однако все усилия оказались напрасными. Дело уже приобрело слишком большую огласку.

Не дождавшись прекращения дела, Веско написал письмо брату президента Никсона, в котором совершенно ясно указывал на последствия, которые возникнут, если следствие немедленно не будет прекращено. Миллионер Роберт Веско шантажировал президента Соединенных Штатов.

В ноябре 1972 года Роберт Веско был осужден за расхищение 224 миллионов долларов, принадлежавших клиентам бывшей фирмы Корнфельда ИОС.

Примерно через три месяца после повторного избрания Ричарда Никсона на пост президента Комитет за повторное избрание президента вернул взятку. При-

чина, из-за которой коррумпированные политики капитулировали и отреклись от алчного миллионера, была простой. Дело в том, что в газете «Вашингтон стар ньюс» появилось сообщение, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. Редакции стало известно, что должно быть начато расследование в отношении незаконно предоставленной Комитету за повторное избрание президента Никсона суммы в размере двухсот тысяч долларов. Редактор позднее признался, что это была всего лишь выдумка. Он просто запустил «утку» и ждал, что произойдет дальше. Произошло многое. И прежде всего то, что был приподнят занавес теневой стороны политической жизни.
(По следам преступлений. — М., 1982)

«И НИКАКОГО ОРУЖИЯ ИЛИ НАРКОТИКОВ...»

В нижней части графства Дейд болотистые низменности, местами заросшие высокой травой, тянутся почти до самого Атлантического океана, образуя громадную и необитаемую область, в середине которой Флоридская энергетическая и осветительная компания построила огромную атомную электростанцию.

Несмотря на окрестные болота, гремучих змей и аллигаторов, это гигантское сооружение огорожено и охраняется. По узкой дороге, построенной вдоль искусственного канала, с электростанции можно достигнуть южной границы. За безопасность энергетического комплекса отвечает «Вокенхат корпорейшн», компания из Корал-Гейбс, специализирующаяся на охране сверхсекретных сооружений, принадлежащих как правительству, так и промышленным концернам.

Освещаемый тусклой луной, заставлявшей сверкать белый песок грунтовой дороги как серебро, оранжевый пикап в соответствии с заведенным порядком подъезжал к цепи, преграждавшей въезд на территорию атомной электростанции. Водитель замедлил ход, и фары его автомобиля осветили кусты ризофоры по ту сторону барьера. Только кусты? Нет, среди них стоял огромный дизельный автофургон зеленого цвета, его габаритные огни не горели, и, скорее всего, в нем никого не было.

Остановив пикап, охранник взял в руки лежащий на сиденье радиопередатчик. Но нет, выходить в эфир нельзя. Этой ночью на электростанции проводили кое-какие испытания, и всем сотрудникам было предписано до полуночи не пользоваться радиосвязью.

Вдруг из кустов вышел какой-то человек, молча ударил камнем по ветровому стеклу пикапа и разбил стекло. Водитель дал задний ход, развернул свой маленький автомобиль, вздыбил гравий и умчался назад тем же путем, что и приехал.

Когда охранник исчез в ночи, из кустов вышел второй человек и встал позади первого. Он был вооружен винтовкой «М-1» и страшно разгневан.

«Надо было убить этого недоноска», — прорычал он.
«Нет, — сказал тот, что орудовал камнем. — Это место слишком хорошо, чтобы осквернить его убийством. Мы примем другие меры. Давай-ка сматываться, пока есть время».

Вернувшись в сопровождении шести вооруженных

коллег, охранник смог показать им только несколько сломанных кустов, отпечатки шин на песке и сорванный висячий замок, запирающий цепь. Из канала доносился рев самца аллигатора и кваканье лягушек. Одиночество шептало на тысячу голосов.

«Вот дерьмо!» — сказал охранник.
Специальный агент Кевин Фоули заканчивал дежурство в новом помещении Управления по борьбе с наркотиками (УБН), что немного западнее международного аэропорта в Майами, когда раздался телефонный звонок. Голос звонящего был вкрадчивым и таинственным.

«У меня есть кое-что, что, по моему мнению, могло бы заинтересовать вас, — сказал он. — Нам надо бы увидеться».

«Почему бы и нет», — ответил Фоули.
«Встречайте меня в отеле «Холидей Инн» в Корал-Гейблсе, — закончил звонящий, — через час».

В отеле Фоули ожидал хорошо одетый человек, который представился как Брюс Беркманс-младший, вице-президент по международным связям «Вокенхат корпорейшн». Он сообщил Фоули, что его внимание привлекло одно происшествие, случившееся со служащим компании, и он почувствовал, что должен сообщить о нем соответствующему правительственному органу.

«Ладно, валяйте!» — пробормотал Фоули, отреагировав именно таким образом.

Служащий компании подвез двух колумбийцев, которых немного знал. Пока они объезжали «прекрасный город» — как называли жители свой Корал-Гейблс, — колумбийцы объяснили, что хотели бы договориться, чтобы охрана «Вокенхата» закрыла глаза на одну маленькую контрабандистскую операцию, которую они хотели бы провернуть. Хотя и маленькая, эта операция обещала быть прибыльной и достаточно выгодной для всех. В доказательство серьезности своих намерений пассажиры открыли портфель и попросили служащего «Вокенхата» заглянуть внутрь. Портфель был набит деньгами.

«Они будут ваши, если захотите», — объяснили колумбийцы. Служащий, будучи лояльным американцем, объяснил, что даже если он возьмет эти деньги, то все равно ничем не сможет помочь. Однако, добавил он, он знает кое-кого, кто мог бы пойти на это дело.

«Прекрасно, — сказал один из колумбийцев. — Делайте все, что возможно, и держите с нами связь».

По возвращении в штаб-квартиру корпорации служащий пришел к Беркмансу и рассказал о случившемся. Беркманс посоветовался со своим боссом, бывшим сотрудником ФБР, позвонил в УБН и попал на Фоули.

Специальный агент сразу же подумал, что этот случай заслуживает внимания. Начальство Фоули решило, что Беркманс, занимавший пост вице-президента и обладающий широкими полномочиями, должен сыграть роль клюнувшего на взятку.

Повинующийся приказам Беркманса подчиненный через два дня связался со своими колумбийскими приятелями и назначил им встречу в ресторане. Там и рассказал своим дружкам, что наиболее подходящий фигурой для них является Беркманс, тщеславный и претенциозный мот: он испытывает постоянные денежные трудности и доведен нехваткой денег до отчаяния.

Великолепно, решили колумбийцы, это именно тот человек, которого они ищут.

«Мы хотим, — объяснил Франциско Медина, — поставить одного из наших ребят, одетого в униформу концерна, в одном местечке, которое охраняет «Вокенхат». Мы собираемся выгрузить там кофе и шейки омаров».

«И никакого оружия или наркотиков, — вступил в общий разговор Педро Наварро. — Только шейки и кофе».

Поговорили еще немного, и служащий концерна пообещал найти названного им кандидата и сообщить о результатах. Через два дня он позвонил Медине и сообщил хорошие вести: вице-президент Беркманс готов сотрудничать, но требует аванс. В конце концов, он подвергает опасности свою репутацию и служебное положение, соглашаясь встретиться в ним. Если об этом узнает старый чистоплотный Вокенхат, то вышвырнет его. Медина понял правильно; фактически он одобрил такую алчность и потому попросил номер телефона Беркманса.

Навarро позвонил Беркмансу и назначил встречу в ресторане. После предварительной беседы Беркманс и Медина удалились в мужской туалет, где колумбиец положил пачку в пять тысяч долларов Беркмансу в карман.

После возвращения их из туалета беседа приняла более серьезный характер. Пришел вызванный кем-то из этих колумбийцев Марио Абаскал и присоединился к компании. Медина настаивал, чтобы Марио, переодетый в униформу охранников концерна, и был тем человеком, который должен будет стоять в дальней части территории атомной электростанции. Он должен будет открыть ворота и охранять их, никого не пуская в зону выгрузки контрабанды.

«Мы собираемся доставить туда омаров и кофе, — сказал Навarро. — Именно туда. Это безопасно, поскольку все будет происходить за оградой. Грузовики, которые вывезут контрабанду, приедут по дороге, идущей вне ограждения. Все, что нам нужно, — это продержать ворота открытыми достаточно долго, чтобы грузовики успели въехать и загрузиться. Ну как, идет?»

«Нет», — ответил Беркманс.

Фоули и другие агенты УБН, занятые в этом деле, исключали всякую мысль о том, чтобы доверить исполнять роль охранника концерна «Вокенхата» одному из контрабандистов. Это было бы слишком рискованно. На эту роль предназначали Фоули, и Беркманс должен был убедить контрабандистов согласиться с этим.

«Будет очень трудно, если не невозможно, сделать так, как вы хотите, — продолжал вице-президент. —

Дайте мне подумать и посмотреть, что я смогу сделать. Лучше всего, если я попытаюсь заполучить такого парня, который сделает все, что я скажу. Ему тоже нужны деньги. Я без труда смогу уговорить его».

Они поспорили. В итоге Беркманс все же пообещал сделать так, как предлагали колумбийцы. Он, однако, объяснил, что для начала Марио необходимо прийти в представительство концерна и заполнить анкету поступающего на работу. Избежать этой процедуры нет никакой возможности. Более того, в анкете надо указывать только правдивые сведения, потому что в соответствии с заведенным порядком их будут проверять. Любое несоответствие вызовет подозрение.

К удивлению Беркманса, Абаскал сказал, что ему нечего скрывать и что он придет завтра утром заполнять анкету. Так он и сделал. Агент УБН спрятался в кабинете вице-президента с магнитофоном, и там «Марио дал все сведения о себе: место рождения, образование, прежнее занятие, номер водительских прав и прочее». Беркманс сам задал вопросы и заполнил анкету, чтобы ответы Марио можно было записать на магнитофонную ленту. Между делом Беркманс выспрашивал о задуманной операции, и Марио вынужден был повторять все, о чем говорилось в предыдущий вечер.

«Ну вот, а теперь ты должен пройти испытание на детекторе лжи, — сказал вице-президент. — Это необходимо пройти каждому поступающему на работу к нам».

Один из стандартных вопросов, который задавался

всем поступающим на работу, формулировался следующим образом:

«Есть ли у вас скрытый мотив для того, чтобы стремиться работать именно в корпорации «Вокенхат»?

На другой день Беркманс позвонил Медина и сообщил, что Марио не прошел испытания на полиграфе. Более того, сказал он, как он узнал, каждый работающий на охране атомной электростанции должен иметь специальное разрешение Комитета по атомной энергии. Поэтому нет никакой возможности пристроить Марио на это место.

«Что же делать?» — спросил Медина.
«Я поговорю со своим парнем», — ответил Беркманс.

После небольшой перебранки Медина пообещал посоветоваться со своими коллегами. За это время УБН провело определенную работу и договорилось с кем надо, чтобы на вопросы о Фоули они отвечали, что он работает охранником в концерне. Через два дня Беркманс по делам компании вылетел в Вашингтон. Там его настиг телефонный звонок взбешенного Наварро.

«Где этот парень? Мы готовы встретиться с ним. Груз прибывает!»

Фоули известили, что ему надо связаться с Наварро.
«Эй, — сказал он в телефонную трубку. — Я друг Брюса. Что, хотите повидать меня?»

Они встретились вечером того же дня в одном из ресторанов Корал-Гейблса. Там был и Марио Абаскал, одетый в оранжевый спортивный костюм, на спине которого было от руки написано его имя. Марио сказал, что заведует сварочной мастерской и верит в ее процветание. Наварро «выглядел как член колумбийской мафии», рассказал Фоули, а сам агент был также одет довольно небрежно. «Я видел, что управляющий все время наблюдал за нами — очевидно, боялся ограбления».

После того как немного поболтали, колумбийцы показали Фоули нарисованную от руки карту нужного им района и указали, где находятся ворота, которые необходимого открыть. Ворота были милях в четырех от берега моря, и возле них проходил не один, а два канала. Один, идущий северней, был новым, недавно проложенным энергетической компанией для отвода горячей воды от ядерных реакторов. Старый канал, вдоль которого шла дорога, находился футах в пятидесяти южнее. Чуть дальше дорога и канал поворачивали на юго-запад и выходили из отгороженной зоны, принадлежащей энергетической компании.

«Мы подойдем со стороны океана, — втолковывал Марио, — а ты должен открыть ворота, чтобы можно было вывезти товар».

«Нет вопроса, — сказал Фоули, — но... нельзя ли получить какие-нибудь деньги прямо сейчас?»

«Всей суммы у нас с собой нет, — ответил Марио, — но ты получишь все завтра. Идет?»

«Идет», — согласился Фоули.
«Пошли в туалет», — велел Марио.

Управляющий увидел, как агент, держа маленькую матерчатую сумку, принесенную с собой в ресторан, направился в мужской туалет, а следом за ним пошел туда же невысокий человек в оранжевом костюме. В туалете Марио нагнулся и достал из носка пачку долларов. Фоули пересчитал деньги: пять тысяч.

«Ты получишь остальное утром, при встрече, — продолжил застольную беседу Марио. — У меня будет и небольшая премия для тебя, но только это должно остаться между нами».
«Вот это мне нравится», — ответил агент.

На следующее утро они встретились на стоянке возле ресторана, Абаскал отдал Фоули остальные две тысячи, а затем повез его в серебристом «Ягуаре» по безлюдной, пустынной дороге, идущей среди болот. Возле ворот, о которых уже столько говорилось, они остановились. Тут Марио тщательно разжевал Фоули то, что нужно было делать.

Вот дорога, вот ворота, вот канал. Судно должно войти в канал, разгрузиться, а грузовики должны въехать через открытые ворота и подобрать груз. Затем через те же ворота они должны выехать, и все должно произойти именно так. Дело займет не более часа и должно осуществиться однажды вечером между семью и двенадцатью.

«Если это будет поздно вечером, — спросил Фоули, —

то как вы собираетесь найти вход в канал? Он же чертовски узкий!»

«Спокойно, парень, — ответил Марио, очевидно, углядев случай удивить агента. — У нас есть штурман. Он запросто проведет судно».

«У вас отличная организация», — оценил агент, сочтя возможным выразить удивление.

«Верно, — ответил Марио. — Нам нравится это место. Мы использовали его шесть раз и не имели никаких хлопот. На седьмой раз возникла маленькая проблема с охранником, поэтому-то мы и решили позаботиться об этом, прежде чем придется убить кого-нибудь».
«А что это за проблема?» — спросил Фоули.

Солнце уже садилось, и запах болот усилился. Вдалеке слышался шум дороги.

«Ничего особенного. Охранник проезжал мимо и увидел грузовик, но не заметил наших людей. Как только он убрался, мы закрыли ворота. Нам не хотелось убивать его, потому что в этом случае мы больше не смогли бы пользоваться этим местом».

«Мне бы вовсе не хотелось быть причастным к убийству», — сказал Фоули в страхе.

«Не волнуйся, — завершил колумбиец. — У нас большая организация, и мы хорошо защищены. Мы хотим

воспользоваться этим местом, по крайней мере, еще раз десять в течение следующих нескольких недель. У нас, конечно, есть и другие места для выгрузки, и осведомитель в Береговой охране, так что всю необходимую информацию и о патрулях мы всегда получим».

«А затем, — рассказывал Фоули позже, — я узнал, что речь идет совсем не о кофе с омарами».

Марио, перескакивая с одного на другое, поведал об их организации в Колумбии. В США ее штаб-квартира находится в Атланте, а в этой местности, по словам Марио, ей принадлежит большая недвижимость возле Корал-Гейблса, которая используется для отдыха и совещаний. Фоули мог только гадать, сколько в этих признаниях было правды, а сколько вымысла.

«Той ночью, когда придется действовать, — продолжал Марио, — ты будешь здесь. А я на дороге, в миле или двух отсюда, смотреть, чтобы не было посторонних. Я дам тебе передатчик, и мы сможем поддерживать связь».

На следующий день агент приехал за радиопередатчиком в сварочную мастерскую Марио, которая тоже располагалась западнее аэропорта. Они по-приятельски поболтали. Сразу же стало ясно, что Марио хотел вывести из дела Беркманса и работать с «этим парнем» без посредника. Фоули старательно подыграл колумбийцу и был вполне вознагражден за это, когда Марио перебросил ему через стол рулончик из десяти стодолларовых купюр.

«У нас свои отношения, — сказал Марио. — Но то ли будет, когда придет груз! Держись за меня, и тебе больше никогда не придется вкалывать».

«Вот это мне подходит!» — отреагировал агент.
«Но особо не шикуй, — предостерег маленький сварщик. — Возьми меня: вот мастерская, где я работаю. Если кто-нибудь проверит, то увидит, что я имею солидные долги. Я не сорю деньгами и не болтаю лишнего».

При следующей встрече Марио сообщил, что в тот день, когда они ездили на болота, товар был выгружен на побережье.

«Мы приняли его той же ночью, но в другом месте. Никаких неприятностей не было, но все же это довольно рискованно.

Поэтому нам хотелось бы, чтобы к следующему разу ты был готов». «Я готов», — ответил Фоули и ждал на берегу.

Прошло три недели. За это время Беркманс как-то позавтракал с Марио, который рассказал ему о размере своей организации и ее вооружении. Стремясь доказать готовность к сотрудничеству, Беркманс предложил добиться для Марио и его друзей разрешения тренироваться на стрельбище концерна, но контрабандист отказался, заметив, что их оружие настолько мощное, что для тренировки подойдет разве что соответствующее оборудованный армейский полигон.

9 февраля 1977 года Марио позвонил по специальному номеру, который УБН выделило для всех секретных агентов.

«Привет, — сказал он, — эта штука на подходе. Жду тебя завтра».

Они договорились встретиться в ресторане Говарда Джонсона на Западной 37-й улице. На следующий день Фоули в первый раз надел униформу охранника концерна.

«Это было ужасно — выйти из штаб-квартиры в костюме от «Вокенхата», — рассказывал Фоули позже. — У меня был маленький свисток, служебный значок и форменные ботинки, и я чувствовал себя нелепо».

Коллеги отнюдь не успокоили его чувства: «они улюлюкали, смеялись и фотографировали меня, пока я шел к автостоянке».

Прибыв на встречу, Фоули был поражен, увидев Марио, одетого в униформу еще какой-то охранной службы. У него тоже был значок, свисток и все прочее. На животе у него болталась небольшая пушка.

«Марио, — сказал агент, — Бога ради, сними оружие. Ты не можешь пойти в ресторан с таким арсеналом на бедре».

Контрабандист согласился и бросил кобуру с пистолетом на сиденье автомобиля. Они вошли в ресторан и

сели в отдельном кабинете, положив свои фирменные фуражки на стол, а свистки у обоих покачивались на груди.

«Я чувствовал себя как дурак», — рассказывал Фоули. Появился, как и ожидали, Беркманс. Марио сообщил, что операция назначена на воскресенье 13 февраля. Беркманс пообещал послать своего протеже в эту ночь в нужное место, а когда маленький контрабандист добавил, что груз в этом месте будут принимать и в следующие десять недель, вице-президент сказал, что может сделать это назначение постоянным.

«Ты пока свободен, — сказал Марио, обращаясь к Фоули на прощание. — И помни: очень скоро ты станешь богатым человеком».

На следующий день в штаб-квартире УБН начались приготовления к приему гостей. О происходящим была извещена энергетическая компания, и с ее охранной службой достигнута договоренность о сотрудничестве. Дополнительные люди были получены из Таможенной службы, ФБР и Управления общественной безопасности графства Дейд. В воскресенье после полудня все участники предстоящей операции собрались в помещении УБН. Фоули переоделся в униформу концерна и нашел ее еще более стесняющей. Энергетическая компания доставила двух агентов ко входу канала, отводящего горячую воду в залив. Они разместились на его северной стороне. Со своей выгодной позиции они могли просматривать и южный берег узкого, но глубокого старого канала, построенного еще в те времена, когда о ядерной энергии и не мечтали. У обоих агентов были радиопередатчики и приборы ночного видения. После того как судно войдет в канал, они должны бу-

дут сообщить об этом коллегам, расположившимся вдоль внешних границ гигантского сооружения. План предусматривал беспрепятственную загрузку грузовиков наркотиком, и их собирались перехватить только после того, как они рассеются, направляясь к дорогам, ведущим на север. Слова Марио о тяжелом оружии были восприняты всерьез.

В воздухе над районом операции находился самолет, чтобы с него можно было наблюдать за огнями грузовиков и сообщать об их маршрутах более чем пятидесяти агентам, стоящим в засадах у каждой дороги, заслуживающей этого названия. Наготове стояли и два катера, чтобы перехватить судно, доставившее контрабанду, после того как оно выгрузит марихуану. Ожидали больших трофеев, так как Марио велел Фоули встречать у ворот два грузовика и автофургон.

В 6.15 вечера Фоули в полной униформе подъехал к электростанции, где ему выдали положенные охраннику фонарь, оружие, связку ключей от ворот и маленький грузовой пикап оранжевого цвета.

Ирландец чувствовал себя нелепо бросающимся в глаза. «Ровно в 7.15 вечера я подъехал к воротам. Это был самый темный вечер, который я когда-нибудь видел. Никакого огонька, никакой луны, ощущение, что сейчас появятся привидения. Я вылез из машины. Никого, кроме комаров. Они поедали меня заживо.
Я позвонил: «Марио!» Затем громче: «Марио!»

Он вышел из кустов с большим радиопередатчиком в одной руке и огромным браунингом в другой.
«Все в порядке, — сказал он. — Открывай ворота».

Я открыл замки и распахнул ворота. Он дважды свистнул в свой передатчик и через ворота проехал огромный крытый грузовик с надписью «Дж. Гонсалес нэрсинг компани» на борту. В кабине сидели два парня. Один из них вылез из кабины и присоединился ко мне. Он был молод, намного моложе Абаскала, которому было тридцать три года.

Марио велел загнать мой фургон для мороженого в ворота. Я так и сделал, и он протянул мне три сотни долларов.

«На пиво, — сказал он, — Когда все кончится, сходи выпей».

«Ладно», — ответил я. Он велел закрыть ворота, но не запирать их. Я закрыл, а он остался стоять и глядел на дорогу. В 7.25 он снова свистнул в радиопередатчик, и я услышал два ответных свиста и несколько испанских слов. В последующие десять минут ничего не происходило, и я сказал ему, что мне надо поехать отметиться.

Марио кивнул и сообщил, что еще кто-то находится ниже нас на дороге, дожидаясь других грузовиков. Подъехал большой «Кадиллак» с какими-то людьми, и тот молодой парень, который был со мной у ворот, направился к нему. Он сел в него, и они поехали на запад, впереди меня. Мы проехали около четырех миль, и я свернул вправо, на дорогу, ведущую к атомной электростанции.

«Кадиллак» остановился, и я увидел на левой стороне дороги голубой фургон «доджа», в кабине которого сидели двое. Я взглянул на них и поехал дальше. Через

милю я встретил еще один автофургон, тоже с двумя людьми. Я не знал, участвуют ли они в операции, поэтому остановился и спросил, что они здесь делают? Один из ребят был чернокожим, с густыми усами и смотрел себе под ноги. Другой ответил: «Собираемся половить рыбку». Вокруг него не было никакой воды, я все понял и отъехал еще на милю, где загнал свой пикап в кусты.

Я сидел в кустах вместе с комарами и передавал описание этих грузовиков. Однако я не подумал, что, если бы я на самом деле поехал отмечаться на электростанцию, это отняло бы у меня час в оба конца. Но я подумал, что Марио этого не знает. В любом случае мне необходимо было отлучиться, чтобы передать сообщение.

Около 8.30 я вернулся к воротам. Они были закрыты, и вокруг никого не было. Я включил фары. Из кустов, как и в первый раз, вышел Марио и открыл ворота. Темень оставалась прежней. Я сообщил Марио о встреченных грузовиках, и он велел мне не беспокоиться, потому что все они были уже за воротами.

«Подвези меня», — попросил Марио и прыгнул на сиденье пикапа. Я отъехал примерно на милю и был уже почти на берегу залива, когда увидел большой крытый грузовик и два фургона, стоящие на берегу канала. Я затормозил, и Марио выпрыгнул из машины. Тот парень, ему было не больше двадцати четырех лет, подошел ко мне.

«Слушай, — сказал он, — босс говорит, что собирается купить каждому из нас новый автомобиль, когда все кончится. Ты бы хотел какую модель?»

Я заколебался и затем ответил, что взял бы «Датсун», а он засмеялся и посоветовал не мелочиться, и тогда я сказал — ладно, пусть будет «корвет», а он сказал, что это уже лучше, и таким образом мы договорились к обоюдному удовольствию. Затем я сказал, что снова должен ехать отмечаться, и уехал».

Фоули доехал до ворот, миновал их, закрыл за собой и доехал до перекрестка с дорогой, ведущей к электростанции. Там он вылез из машины и передал последнюю информацию. Хотя болото и было набито людьми, он чувствовал себя одиноко.

В 9.40 вечера агенты, ждущие на берегу, сообщили, что приближаются суда. Маленькое суденышко тащило за собой большое и ввело его в канал с горячей водой, почти рядом с местом, где прижались к земле агент УБН Авелино Фернандес и его напарник.

Когда на судах осознали свою ошибку, раздались богохульные ругательства на испанском языке, и, прежде чем они развернулись обратно в бухту Бискейн и вошли в узкий и глубокий старый канал, им пришлось здорово попотеть.

Донесся звук моторов подъезжающих грузовиков. Их шум наложился на шум судовых двигателей, и внезапно наступила тишина, прерываемая только глухими ударами, как если бы чем-то тяжелым били по деревяшке.

Деревья мешали агентам, но они все же смогли увидеть, как началась выгрузка и как через тридцать минут она закончилась.

Вероятно, что-то случилось с мотором одного из судов, потому что его так и не смогли завести после отъезда грузовиков на запад. В конце концов большое судно «Эндрю» взяло «Ласт Уан» на буксир и вытащило в залив, где оба были перехвачены агентами, находящимися на «рыболовных судах». «Эндрю» уже был тщательно вычищен, но в щелях его палубы были найдены семена марихуаны — остаток груза, от которого только что избавились. На каждом суденышке было по три человека, и всех их арестовали. Никого не удивило, что у всех у них были кубинские фамилии.

Фоули стоял в стороне от перекрестка и ждал. Внезапно с востока появился большой черный грузовик с надписью на борту, который ехал, не включая фар. Он остановился на перекрестке. Из него вышел человек и пересел в шедший следом большой лимузин. Затем, к негодованию агента, грузовик свернул на дорогу, ведущую на север, к Майами. По плану же УБН предусматривалось, что контрабандисты проигнорируют эту проселочную дорогу и поедут по федеральной дороге № 1.

За грузовиком выехал один фургон и тоже свернул направо. Лимузин же поехал прямо. Фоули, не зажигая фар, последовал за грузовиком и автофургоном и начал вызывать по рации свои разбросанные силы, чтобы изменить план. Самолет находился в воздухе, но в окружающих дорогу зарослях маленький караван не был виден. Доведенный до отчаяния Фоули включил фары своего автомобиля, предварительно подав его назад ярдов на сто. Это тотчас заметили с самолета и передали об этом на землю. В воздух подняли и вертолет Управления общественной безопасности графства Дейд, который прошел над Фоули. Где-то впереди грузовые автомобили разделились, но их описания, переданного секретным агентом, было доста-

точно для того, чтобы их смогли опознать дорожные патрули.

Фургон был доставлен на федеральной дороге № 1 южнее Майами, а грузовик перехвачен на федеральной дороге № 27. В каждой машине находилось только по одному человеку, вместе они везли семь тысяч тонн марихуаны.

Второй фургон, точно так же как и «Кадиллак», исчез. Как они ухитрились проскочить через все засады, расставленные вокруг этого района, осталось их секретом. Особенно Фоули сокрушался по поводу «Кадиллака». У него было предчувствие, что в нем находились настоящие боссы организации.

Это была обычная разгрузка корабля-матки, подошедшего к побережью. Согласно данным агента, другие корабли должны были разгружаться в том же месте раз в неделю, до окончания сезона сбора марихуаны в Колумбии. Несмотря на то что УБН заранее знало о предстоящей выгрузке и несмотря на его сложные приготовления, контрабандисты все же выиграли этот раунд, притом что Фоули даже дал по радиостанции описание участвующих в деле автомобилей. Даже после всех принятых мер все главари организации остались целы и невредимы, кроме Марио Абаскала, которого арестовали на следующий день в его сварочной мастерской.

Задержанные автомашины были зарегистрированы по несуществующим адресам и куплены за наличные людьми, которые не умели подписываться слишком разборчиво. Автомобили были зарегистрированы на имена людей, которые и понятия не имели об этом

факте. Однако некоторые из арестованных все же знали друг друга.
(Х. Мессик. Боссы преступного мира. — М., 1990)

ПЛАТИНА НА СВАЛКЕ

В основу книги З. Боровой легли истории о «хищении социалистического имущества», имевшие место в «годы застоя». Неотвратимость наказания — лейтмотив всех материалов, вошедших в сборник.

Никита Петрович Белов, только что приехавший в Мурманск и приступивший к обязанностям заместителя начальника ОБХСС областного управления внутренних дел, вечером ужинал в ресторане «Заполярный». Собственно, ужинал он там не по собственному желанию, а исключительно по служебной необходимости: работники милиции проводили очередную операцию, выявляя спекулянтов дефицитными вещами, которые любили предлагать их посетителям ресторанов.

Белов, как, впрочем, и все принимавшие участие в операции сотрудники, был в штатском. Да и вообще Никиту Петровича в Мурманске еще никто не знал, а внешне он вполне мог сойти за гостя Риги или Таллина.

Он оглядел зал, отметил про себя, что его ребята, сидевшие за несколькими столиками, чувствуют себя свободно и раскованно, потом глянул в окно, но в темноте улицы не смог увидеть майора Сергея Соколова — сотрудника, что был на связи. Однако это не обеспокоило

подполковника, он знал, что детали операции продуманы и связь с управлением внутренних дел надежна.

Вечер подходил к концу, а ничего подозрительного, что могло бы привлечь внимание оперативников, в зале не происходило, хотя они знали, что среди посетителей были спекулянты.

Белов поднялся и пошел одеваться. Почти тут же следом за ним направился к гардеробу высокий парень, что сидел неподалеку в компании молодых людей. Сотрудник ОБХСС, наблюдавший за залом, проследил за ним взглядом: «Клюнул на Белова. Пошел ему джинсы продавать...»

— Послушай, есть одно дело, — начал парень, тронув Белова за локоть. — Ты металлом интересуешься?
— Каким еще металлом? — удивился подполковник.

— Платиной, — шепнул ему на ухо собеседник.
Белов глянул на парня, понял и... начал игру.

— Такой металл всегда нужен. Где? Сколько? Когда?
— Тридцать граммов, тысяча пятьсот рэ.

— Ну что ж, давайте договоримся о встрече. При себе у меня нет такой суммы.

Когда начали обговаривать детали сделки, подошел еще один парень. Белов понял: действует группа. Он сделал знак сотрудникам, и с этой минуты за продавцами платины было установлено наблюдение.

Так неожиданно в тот вечер закончилась операция «Ресторан» и началась другая — «Платина». На следующий день владельцы платины были арестованы. Ими оказались... печники-трубочисты В. Гусяев и А. Острогов.

Кто же они, эти продавцы платины? Что за люди? Наконец, откуда у них драгоценный металл?

Виктор Гусяев. Двадцать три года. Высокий симпатичный парень, тот, что первый подошел в ресторане к подполковнику Белову. Образование среднее. Работает в строительном управлении добровольного пожарного общества печником-трубочистом. Основное занятие вне работы — пьянка. Незадолго до судебного процесса прошел курс антиалкогольного лечения.

Александр Острогов. Двадцать пять лет. Образование среднее. Был дважды судим. Работать не любит. Главным образом сидит на шее у родителей. Печником-трубочистом работал четыре месяца. Вместе с Гусяевым почти ежедневно кутил в ресторанах. На руках постоянно имел большие деньги: спекулянт. С приятелем Ермановым скупал и перепродавал по завышенным ценам дефицитные вещи. Вел «широкий» образ жизни. Для деловых и неделовых встреч снимал квартиру, куда отправлялся в компании Ермановой и двух девиц «без предрассудков».

Александр Ерманов. Тридцать один год. Образование восемь классов. Раньше плавал в рыбопромысловом флоте. Но ходить в море надоело. Стал тунеядствовать, потом — спекулировать. (Деньги-то нужно добывать!) Последнее место работы — сантехник в гостинице «Арктика», откуда был уволен за прогул. Разведен.

Деньги на содержание ребенка не посылает. Такая компания.

Оставив в стороне личную жизнь этих нечистоплотных граждан, поразмыслим вот над чем. Гусяев и Острогов работали в последнее время в большом коллективе. Были на виду у множества людей. Разве их коллеги по работе не задавались вопросом: на какие такие средства молодые люди, не имеющие и полярных-то надбавок, шикуют, оставляют сотни рублей в ресторанах, одеваются в дорогостоящие вещи?

Невооруженным глазом было видно — живут не по средствам. Сколько получали эти печники-трубочисты в месяц?
— По двести рублей, — был ответ.

Нетрудно догадаться, что этой зарплаты им едва бы хватило на пару ресторанных вечеров или на одни американские штаны.

Что касается Ерманова, тут вообще сплошные вопросы: на какие средства он просто существовал (есть, пить-то надо!), если не имел постоянного заработка? А он ведь шиковал, да еще как!

Почему-то удивительно стеснительными становимся мы, когда речь заходит о доходах и расходах некоторых наших сограждан. Неудобно вроде бы считать чужие деньги. А может быть, это деньги, которые перекочевали в карман жулика из нашего же кармана? Или из государственного? Посмотришь на иного: зарабатывает в месяц триста — четыреста рублей, а тратит — поболее тысячи. И машина у него, и гараж, и

«Буран», и дубленки у всей семьи, и дом, как музей, и жена в бриллиантах. Помилуйте, откуда все это берется? С неба, что ли, валится?

Мы наблюдаем, удивляемся... и стыдимся. Стыдимся задать вопрос: на какие средства все это приобретено? Где основной источник дохода? Мы стыдимся, а они — нет. Не стыдятся спекулировать, воровать, жульничать.

Каждый из нас знает, что такое жить по средствам. И каждый в большинстве своем так и живет — по средствам. А если у гражданина расходы превышают доходы, самое время его побеспокоить.

Виктор Судаков работал судокорпусником на Мурманском судоремонтном заводе Министерства морского флота СССР.

Однажды на заводе стало в ремонт учебно-промысловое судно «Комиссар Полухин» управления Севрыбхолодфлот. В числе многих работ, которые выполняли тогда заводские специалисты, была и такая: заменяли систему антикоррозийной защиты обшивки судна, состоящую из десяти аноидных узлов, установленных с внешней стороны корпуса. Вся система анодов закрыта цементными экранами, которые содержат тонкие пластинки платины.

Когда рабочие стали обрушивать с обшивки экраны, вместе с анодами, кто-то из мастеров заметил: «Странно, что нет охраны, ведь в анодах — платина. В прошлый ремонт судно строго охранялось...»

Эти слова слышали многие, в том числе и судокорпусник Судаков. Ремонтники поговорили об анодах и забыли, а Судаков — ушки на макушке — бегом на стапель-палубу, где валялись уже отколотые от обшивки аноидные узлы. Схватил один — и ну потрошить, искать платину.

«Это было очень тяжело, — сообщит он потом на следствии, — поэтому оторвать удалось всего третью часть».
(Если бы было легко, он оторвал бы, конечно, больше.)

Делал он это совершенно открыто, на глазах работающих. И никто из них не остановил Судакова, никто также не сообщил руководству завода, флота о том, что аноды, содержащие драгоценный металл, потрошат и что они вообще валяются без присмотра.

Закончив операцию по извлечению металла, Судаков спокойно удаляется домой, унося в кармане тонкие пластинки металла. Потом он пойдет в хлебный (!) магазин и там взвесит ее (тридцать граммов), потом проверит кислотой: точно — платина. (Спектральный анализ, проведенный в криминалистической лаборатории во время следствия, подтвердит — чистая платина.) Теперь Судаков озабочен одним: как реализовать неожиданно свалившееся богатство?

На помощь приходит его приятель, трубопроводчик, тоже работающий на судоремонтном заводе.

— Знаю я одного парня, он может хорошо продать металл, — успокаивает он Судакова и вскоре приводит на завод Острогова. Судаков передает ему полиэтиле-

новый пакетик с блестящими пластинками и обещает хорошо заплатить за реализацию. Новые друзья договариваются о продажной цене металла: пятьдесят рублей за грамм, то есть полторы тысячи рублей за весь пакет.

Итак, сделка состоялась.
Острогов привлек к реализации металла Гусяева, отдал ему платину. И они вместе ходят по ресторанам, пьянствуют, ищут покупателей, предлагают «товар». Вместе с ними в ресторанах «кейфует» и Ерманов, делая свой бизнес.

Так пересеклись дороги рабочего-судокорпусника Судакова, алкоголика Гусяева, рецидивиста Острогова, спекулянта Ерманова.

На заводе говорили о Судакове разное. Одни отдавали должное его мастерству и трудолюбию, другие отмечали, что «даром не пошевелит пальцем».

Есть еще у нас такие люди, что без оплаты и часа не проработают, ни на минуту не задержатся, чтобы кому-то помочь. А ведь плохо это!

Нежелание работать, исполнять свое дело в любое время — будь оно урочным или свободным — признак равнодушия к этому делу, да и к своей профессии тоже. А равнодушные люди пользы приносят мало. Больше вреда.

К сожалению, в последние годы мы все большее значение придаем материальным стимулам, материальной

заинтересованности во всех сферах жизни: на производстве, в быту, в деятельности культурных учреждений и спортивно-массовых организаций. Даже различные общества (скажем, любителей книги, борьбы за трезвость и т. п.), которые по самой своей сути должны быть общественными организациями, имеют штатных работников.

Мы культивируем корыстное отношение к делу и поколение за поколением воспитываем корыстных людей. Так к чему же мы придем? Разве таким должно быть наше общество?

Народный суд приговорил В. Л. Судакова к трем годам лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду в местах, определяемых органами МВД, с конфискацией имущества, Острогова и Ерманова — к трем годам и шести месяцам лишения свободы каждого с конфискацией имущества и отбыванием наказания в колонии усиленного режима, Гусяева — к трем годам лишения свободы с конфискацией имущества. Суд счел возможным применить к Гусяеву гуманную меру — отсрочку приговора на полтора года.

Несколько дней демонтировала бригада анодную защиту.

— Я руководил электросварочными работами на судне, — рассказывал мастер Г. А. Владимов, — и видел, что все части анодной защиты сбрасывались на стапель-палубу. А когда их накапливалось много, все это складывалось в ковш и увозилось на свалку.

— Утром в понедельник я пришел, — говорил началь-

ник прорабского участка К. А. Рысаков — стапель-палуба уже убрана.

— А куда отвозят мусор?
— На свалку...

— Значит, все девять анодов на свалке?
— Не знаю, возможно.

— Но ведь там могла быть платина...
— А мне наплевать, что там под ногами валяется, хоть платина, хоть золото. Не мое это дело — смотреть. А если даже и увижу, не подниму, — высказал четко свою позицию начальник участка.

В дальнейшем пришлось беседовать со многими работниками судоремонтного завода, членами бригады, которая ремонтировала судно. Все они сошлись на одном: анодную систему вывезли на свалку.

— Но почему же не изъяли оттуда платину? — задавала вопрос корреспондент З. А. Боровая и главному инженеру флота В. А. Данилову, и заместителю директора завода П. Н. Филиппову.

— Не знали, что она там есть, — оправдывались они. Нет, это не так. Весь ход судебного разбирательства доказал, что представители и флота, и завода знали, что в анодах есть драгоценный металл. Да и странно было бы — специалистам не знать конструкции систем корабля.

Вот что написал в своем объяснении в милиции главный механик судна В. В. Алексеев: «О том, что в анодной защите, в анодах, содержится платина, командный состав судна знал».

А когда З. А. Боровая беседовала с Алексеевым, он добавил: «Я поставил об этом в известность и руководство флота, и руководство завода, когда судно шло в ремонт».

Все они о платине знали. Но не хотели обременять себя лишними хлопотами, чтобы извлечь драгоценный металл из цемента, которым он был закрыт.

Итак, десять анодов были выброшены на свалку. Не исключено, что кто-то, подобно Судакову, потрошил их, воздавая хвалу бесхозяйственности, которую проявили и моряки, и ремонтники. Конечно, трудно сказать, сколько платины содержалось в отслуживших свой век анодах, можно только предполагать. Но уж если Судаков из одного анода извлек тридцать граммов...

Существует инструкция Министерства морского флота СССР о порядке сбора и сдачи государству серебра, золота и платины. Но она часто была «забыта» и в управлении Севрыбхолодфлот, и на судоремонтном заводе. Таким образом, ни заказчик, ни подрядчик своих обязанностей перед государством по сдаче драгоценного металла не выполнили.

Согласно аналогичным инструкциям на предприятиях, бережно относящихся к каждому грамму драгоценного металла, коллективы фотолабораторий сдают отра-

ботанные растворы, чтобы не пропало из фиксажей серебро; медики возвращают отслужившие свое рентгеновские снимки (пленки), которые тоже содержат серебро. Высказываются предположения собирать фольгу и консервные банки для последующей переработки.

Мы должны быть рачительными хозяевами. Если у нас много сырья и наша страна богата, это не значит, что мы можем этим богатством разбрасываться.
А здесь на свалке оказалась... платина.

Суд вынес определения в адрес руководства «Севрыбхолодфлота» и судоремонтного завода Министерства морского флота СССР. Лица, виновные в халатном отношении к народному добру, понесли строгое наказание.
(З. Боровая. Торговцы совестью. — Мурманск, 1988)

КРАХ БАББИТОВОЙ «ФИРМЫ»

Еще одно «антиобщественное явление» из сборника «Торговцы совестью».

За бортом сгущались сумерки. Слегка штормило. Траулер «Ясногорск» мурманского Рыбакколхозсоюза стоял у причала села Минькино. Судно готовилось к выходу на промысел. В этом рейсе предстоял заход в иностранный порт.

Экипаж, собравшись в кают-компании, слушал информацию капитана о производственном задании. Затем

представитель отдела кадров флота провел беседу о том, как следует советским морякам вести себя за границей. Он говорил о чести и достоинстве советских людей, о том, что они являются представителями великой державы и это налагает на них большую ответственность.

Рыбаки внимательно слушали, в знак согласия кивали головами.

А траулер, в недрах которого уже было укрыто девятьсот килограммов баббита (антифрикционного сплава для заливки вкладышей подшипников), предназначенного для контрабанды, тяжело покачивался на волнах...

Из экипажа, который насчитывал двадцать шесть человек и состоял в основном из членов колхоза «Ударник», девятеро состояли в сговоре, задумав продать за границей спрятанный на судне баббит (этот сплав пользовался в ту пору большим спросом), а на вырученную валюту как следует отовариться.

Треть коллектива.
Вот они — Николай Седан — матрос, тридцати лет; Юрий Пилоткин — матрос, тридцати лет; Владимир Шауляк — матрос, тридцати лет; Леонид Крупин — матрос, двадцати восьми лет; Евгений Ворогин — повар, сорока пяти лет; Иван Аксенов — боцман, тридцати двух лет; Александр Колеров — рыбмастер, тридцати пяти лет; Владимир Ковалев — электромеханик, тридцати пяти лет.

Среди этой девятки — и боцман. А что такое боцман

на судне? Хозяин. В его заведовании весь траулер. Значит, открыт ко всем емкостям, ко всем помещениям.

Но контрабанда не удалась. За несколько часов до отхода судна следственные органы обнаружили и изъяли девятьсот килограммов баббита. А те, кто готовился их переправить за границу, были арестованы. Затем состоялись три судебных процесса.

... Контрабандисты готовились заранее. Еще никто не знал, когда траулеру выпадает рейс с заходом на Канарские острова, никто не мог с уверенностью сказать, что такой рейс вообще состоится, а «баббитовая команда» исподволь начала заготовку «товара». Как это делалось, где доставали баббит, мы расскажем дальше.

Они были уверены, что рано или поздно пойдут на Канарские острова и сделают свой бизнес.

Из показаний А. Колерова:
«По предыдущим рейсам я знал, что в испанских портах баббит ценится и его охотно скупают испанцы из расчета в среднем по пятьсот песет за килограмм. Я узнал, что у Владимира Ковалева — электромеханика судна — тоже есть баббит и что он тоже хочет вывезти его за границу. Я завез на судно «Ясногорск» первые десять плит баббита и хранил их в каюте, в рундуке».

Напомним, что судно еще немалое время работало в Баренцевом море. Вот так, с подпольным баббитом на борту. «Ясногорск» не раз курсировал то на мойвен-

ную путину, то на промысел креветки. За это время постепенно расширился круг лиц, намеревающихся осуществить аферу с баббитом. Те из «заговорщиков», что оставались на берегу, продолжали усиленно заготовлять баббит, использовать всевозможные лазейки.

Когда «товар» был закуплен, надо было еще исхитриться незаметно доставить его на траулер.

Перед отходом в тот самый задуманный рейс траулер «Ясногорск» ошвартовался у неохраняемого причала около села Минькино, где нет пропускного режима. На судно должны были грузить промвооружение, продукты и прочее.

Руководству колхозного флота было хорошо известно, что многие из рыбаков-колхозников живут в Минькино, и им ничего не стоит занести на траулер, стоящий у причала, словно обычный пассажирский катер, все что угодно. А поскольку почти вся команда — друзья-приятели из одного села, то и отношения между людьми далеко не уставные и вахта соответствующая, обеспечивающая, так сказать, условия «наибольшего благоприятствования».

Здесь бы нужен особо строгий контроль, тем более что на борт уже не раз проносили спиртное, в каютах случались пьянки, по судну бродили посторонние люди. Однако о контроле никто не позаботился.

— Вечером мы пошли к Крупину домой, — вспоминал боцман И. Аксенов, — поужинать. Приходит Седан со своей женой. (В это время он числился вахтенным и

должен был находиться на судне, а не расхаживать по селу.) Говорит: «Ждал, ждал тебя на пароходе, не дождался. Все там уже подготовлено...»

Может быть, читатель думает, что подготовлено к рейсу промвооружение? Снабжение? Нет! Все подготовлено к приему на борт контрабанды, надо только ее надежно спрятать. А для этого нужен боцман, нужны ключи от различных емкостей, куда можно поместить баббит.

— Мы сидели и выпивали вместе с Иваном Аксеновым, — рассказывала жена матроса Крупина Татьяна. — Пришел Николай Седан: «Надо делать дело, а не выпивать!» Когда мы выходили из дома, я увидела во дворе санки, а на них в мешковине лежал баббит. Санки везли Леня и Николай Седан по очереди. Иван Аксенов шел вместе с ними. А мы с женой Седана Валентиной — сзади. Все вместе поднялись на судно. Сначала в каюте пили водку, потом кофе...

Все обыденно, без проблем. Пришли к причалу, притащили на судно баббит, выгрузили его в каюту. Потом выпили за здоровье боцмана и успех операции.

А дальше было еще легче.
— Я подошел к форпику (носовой отсек на судне), — рассказывал Аксенов, — посмотрел. Удивился, что в цистерне вода. Седан спустился вниз, я подал ему свой и его баббит, а также баббит Ворогина, Крупина. «Все? — спросил Седан. — Ничего не забыли?» — «Ничего». Я вернулся в каюту. Через некоторое время появляется Седан: «Все нормально, спрятал, закрутили, лежит под водой».

7 Зак. 1281

Но прежде чем кинуть весь баббит в цистерну, они должны были ее вскрыть. Для этого пришлось откручивать на люке двадцать гаек, завинченных почти намертво.

Дальше события развивались примерно так. К причалу подъезжает на своей машине Ковалев, с ним — Колеров. Они привезли столько металла, что не в силах были дотащить его сами. Баббит им носят из машины на траулер старший мастер лова Мачугин, матросы Пилоткин и Седан.

Неожиданно на палубу выходит капитан. Матросы замирают у бортов с мешками.

— Александр Михайлович, — находится Ковалев, — в город поедете? Могу отвезти вас. Сейчас перегрузим продукты, и милости прошу.

— Да, да, пора и домой, хорошо, что вы на машине, сейчас иду.

Через несколько минут Ковалев увозит капитана, а погрузка баббита продолжается.

Пилоткин, которого Колеров и Ковалев попросили надежно спрятать баббит, откроет топливный танк (для этого ему придется открутить двадцать четыре гайки) и опустит металл в топливо...

— Всю ночь не спал, — пожалуется он судье, — трудился. Да, нелегкая эта работа — контрабанду прятать.

Поскольку не вся команда была посвящена в замысел, контрабандисты предусмотрительно подстраховались, выставив «часового» («Крупин был в это время на верхнем мостике», — сообщил Аксенов).

А почему, собственно, на вахте был Крупин? Он ведь повар. А потому, что на этот рейс повар переквалифицировался в матроса. Так надо было. Он уступил свое место на камбузе Ворогину, у которого тоже «прокисал» баббит — когда еще случай представится сбыть его? Как видим, на судне подобралась очень уж теплая компания. Прикинули и сами решили кадровый вопрос. Капитан не возражал.

В тот день в цистерне было спрятано 387,15 килограмма баббита, приобретенного Седаном, Аксеновым, Шауляком, Пилоткиным, Луневским, Ворогиным, Крупиным. На сумму 16 тысяч 844 рубля. (Справка: один килограмм баббита стоит 45 рублей 75 копеек.)

На вахте в этот день стоял не только Седан, но и матрос Пилоткин.

Итак, операция «Баббит» была продумана заранее: когда переносили на судно и прятали контрабанду, на вахте стояли сами контрабандисты.

А что же старший по вахте третий штурман? Да ничего. Он уединился в своей каюте и не показывал носа на палубе, по которой мешками таскали баббит. Правда, он немного пообщался в пьяным Седаном, который после удачной загрузки баббита в цистерну устроил «прием» и пригласил на него третьего штурмана, — видимо, чтобы отблагодарить за ротозейство. Но Пель-

тин пить отказался и, посоветовав Седану кончать с пьянкой, спокойно удалился в штурманскую, вместо того чтобы выгнать всю пьяную компанию с судна и доложить капитану о ЧП (а пьянка на судне — это чрезвычайное происшествие).

На судне в это время находился и старпом В. А. Синцов. Но он тоже почему-то ничего не видел. «Прокручивал главный двигатель», как он сообщил на суде, поэтому, дескать, не обращал внимания на бегающих с мешками членов экипажа.

Можно представить радость Пилоткина, Седана и всей «баббитовой компании». Они были полными хозяевами траулера.

Потом Аксенов сообщит суду: «У нас был какой-то подъем». Еще бы не подъем, когда так ладно все получается. Ну просто пиратское судно готовится к отплытию, да еще с контрабандой на борту...

Судья во время заседания спросит капитана Мамонтова:

— Как случилось, что на судно пронесли девятьсот килограммов баббита за несколько дней до отхода?

— Полнейшая неожиданность, — разведет руками капитан.
— А вы в те дни как часто были на траулере?

— Напомните мне, — попросит капитан, — где судно

стояло... Тут, как говорится, комментарии излишни.

Итак, капитана контрабандисты просто не брали в расчет. Старпома Синцова тоже. Да и чего его остерегаться, коли старпом сам дал Колерову двести рублей «на дело». И Колеров купил ему четыре плитки баббита.

Каждая плитка весит, между прочим, шестнадцать килограммов. Таким образом, доля Синцова составляла шестьдесят четыре килограмма контрабандного баббита.

Правда, на следствии и в суде Синцов всячески изворачивался и утверждал, что «на дело» — это значит на водку. Сколько же водки хотел старпом завезти на траулер? К тому же, как выяснилось, деньги это вручал подчиненному два года назад.

Ну, положим, даже и на водку. Решил споить команду? Как в таком случае выглядит лицо командира?

«А куда смотрели коммунисты судна? — спросите вы. — И кто они?» Как это? Да те же капитан Мамонтов, старпом Синцов и еще акустик Смычков, который сам был замешан в баббитовой эпопее (хранил десять плит). Но в рейс он не попал...

Итак, на судне идет пьянка, по траулеру бродят все, кому не лень было забраться по трапу, таскают сотнями килограммов баббит, вскрывают горловины цистерн, в том числе топливной, а командный состав судна, словно опустив на глаза шоры и заткнув уши, ничего не видит, ничего не слышит...

Ну а как предполагали будущие контрабандисты извлечь незаметно для остальных девятьсот килограммов баббита в иностранном порту? На что они рассчитывали? На «крепкий сон» капитана и старпома? На помощь вахтенных или еще на что-то?

А как они собирались пронести на траулер и укрыть от таможенного досмотра массу контрабандных товаров, которые они надеялись приобрести, продав баббит? Ведь за девятьсот килограммов преступники рассчитывали выручить четыреста пятьдесят тысяч песет. Если, скажем, стереомагнитофон «Шарп» или «Филипс» стоили, скажем, пятьдесят-шестьдесят тысяч песет, а джинсы от пятисот до тысячи песет, можно себе представить, сколько контрабанды снова должен был принять на борт «Ясногорск». Значит, пиратская девятка была уверена в успехе операции. Откуда же такая уверенность?

— Скажите, свидетель, — спросил судья капитана траулера, — раньше на судах, на которых вы ходили капитаном, обнаруживали контрабанду?
— Нет.

— А вот в судебном деле есть документы, которые говорят о том, что несколько лет назад на траулере «Коршун», которым вы командовали, тоже была обнаружена контрабанда — бронза.

— Да, триста сорок килограммов. Судно стояло в Клайпеде в ремонте.

Тогда не удалось отыскать «хозяина» бронзы, приготовившего ее для провоза контрабандой, и она была при-

шана «ничейной». После этого случая капитана понизили в должности.

И когда в отделе кадров зашла речь о его капитанстве на «Ясногорске», руководители Рыбакколхозсоюза, базы межколхозного флота были категорически против. Более того, комиссия по работе с моряками загранплавания вынесла решение: воздержаться от использования в загранрейсе капитана Мамонтова. Приказ с такой формулировкой издал начальник базы межколхозного флота.

Но тут включается более мощная сила: у Мамонтова, оказывается, есть покровитель — председатель колхоза «Ударник». Он отправляется к руководству Всесоюзного рыбопромышленного объединения «Севрыба», пишет письменную просьбу и добивается, чтобы Мамонтова направили капитаном на «Ясногорск». А Синцов, который должен был идти капитаном, идет старпомом. Всех это устраивало: при нетребовательном капитане — деловой покровитель контрабандистов, старпом.

Но это не все. Энергичный председатель «Ударника» хлопочет не только за Мамонтова, но и за боцмана Аксенова. Да, да! Того Аксенова, который был одним из членов контрабандистской девятки, незаменимым для них человеком.

Примечательно, что до этого пять месяцев Аксенов сидит на берегу, в Баренцево море не ходит — ждет загранрейс, заготавливает баббит. Когда же выясняется, что «Ясногорск» идет в Центрально-Восточную Атлантику с заходом на Канары, у Аксенова появляется горячее желание пойти в этот рейс. Но на место боцма-

на претендует еще один человек — боцман Дубенец, который уже ходил на этом траулере. Тогда Аксенов бежит к председателю колхоза. И в судовую команду вписывается фамилия Аксенова.

Примечательно и другое. В истории колхозного флота своеобразный и характерный след оставил еще один рейс, состоявшийся двумя годами раньше. Тогда траулер «Володарск» после промысла в Атлантике зашел в Лас-Пальмас, где команде предстоял отдых. Примечательно здесь то, что капитаном на этом судне был... Синцов, среди членов команды — Колеров, Мачугин, Пельтин, Пилоткин (знакомые все лица!) Старпом — П. Н. Тарасов (тоже из колхоза «Ударник»).

— В Лас-Пальмасе я продал местному жителю, — признавался А. Колеров, — сто двадцать килограммов баббита. Этот баббит я завез на траулер «Володарск» переда отходом, когда он стоял у причала в Минькино.

Надо сказать, что Колеров запасся не только баббитом, но и бронзовыми деталями промвооружения, которые он украл во время рейса на плавбазе «Григорий Лысенко» по договоренности с ремонтным механиком базы. И ни мало ни много — двести килограммов.

А в Лас-Пальмасе все разворачивалось, как в зарубежном кинобоевике. Колеров отправился в увольнение на берег вместе с группой рыбаков. А возвратился один на испанском катере — уже вместе с «ченчевиком», или «менялой», как называют моряки мелких торгашей, что день и ночь крутятся вокруг наших судов на своих лодчонках, выпрашивая баббит, бронзу и другие металлы, а также промвооружение.

На глазах у вахтенных и старпома Тарасова Колеров и «ченчевик» поднялись на борт траулера и удалились в каюту Колерова.

— Я продал испанцу клинкетный клапан из бронзы, шесть бронзовых чушек и четыре вентиля за двадцать тысяч песет, — рассказывал Колеров суду. — Все бронзовые изделия мне помогали носить из каюты матросы Червак, Климко и старший мастер лова Мачугин.

Ну а как на это все реагировал Тарасов — старпом, который в отсутствие капитана (тот был в увольнении на берегу) отвечал за порядок и дисциплину на судне? Положительно реагировал: посмотрел, как спешно идут торговые дела у Колерова, и удалился в свою каюту.

Баббит контрабандисты доставали в основном у работников судоремонтного завода Министерства морского флота. (Все они выявлены и осуждены.)
(З. Боровая. Торговцы совестью. — Мурманск, 1988)

ЗА БУТЫЛКУ ВОДКИ

Вот имена тех, кто поставлял баббит. Зинув Сайгардинов — кладовщик завода, уже судимый за хищение, тридцати четырех лет; Георгий Славский — слесарь, тридцати шести лет; Леонид Ваконин — гальваник, бывший работник СРЗ ММФ, сорока двух лет; Роберт Савлютдинов — слесарь, тридцати девяти лет, и другие.

С ними Колеров работал на удивление легко. Ребята были сговорчивые. Вместе с Вакониным Колеров на машине подъезжал к воротам завода, где их уже ждали Славский и Савлютдинов, нагруженные баббитом, полученным от кладовщика. Деньги — товар, а сверху — бутылка водки. Так происходила сделка.

Деньги получал Сайгардинов, а водку — Славский и Савлютдинов.

За несколько месяцев кладовщик умудрился украсть триста тысяч килограммов металла на сумму четырнадцать тысяч шестьсот сорок рублей. А получил за это от покупателя Колерова девятьсот двадцать рублей. Его же сообщники Славский и Савлютдинов — девять бутылок водки.

За эту «операцию» суд определил: Сайгардинову — восемь лет лишения свободы, Ваконину и Славскому — по пять лет, а Савлютдинову — четыре года лишения свободы. Все — с отбытием наказания в колонии усиленного режима.

Итак, за каждую бутылку водки сообщники Сайгардинова получили по году лишения свободы.

Когда подсудимым предоставили последнее слово, Сайгардинов, обернувшись к залу, крикнул:
— Граждане, не воруйте, посмотрите на меня!

Очень правильный вывод, но, к сожалению, запоздалый. Как же удавалось Сайгардинову так легко похищать металл на заводе, металл, весьма дефицит-

ный и подлежащий строгому количественному учету?

В том-то все и дело, что он почти не учитывался. И, к сожалению, не только на этом заводе, но и на других предприятиях города и области.

Сайгардинов пользовался тем, что документы на отпуск баббита в цех не проверялись, и отправлял на производство гораздо меньшее количество сплава, чем указывалось в требованиях, с которыми к нему приезжали и приходили рабочие. Тем самым быстро создавал излишки баббита. С такой же легкостью эти излишки переправлялись Колерову через незапертые и неохраняемые ворота судоремонтного завода.

Нетрудно увидеть, что люди, решившиеся ради материальных благ на контрабанду, отнюдь не жертвы случая. На преступление они шли сознательно, обдуманно, заранее подготовившись к нему. За что и понесли наказание.

Но было бы неправильно все случившееся объяснять только личными качествами этих людей, их порочными наклонностями. Следствие и судебный процесс показали, что для совершения преступления в Рыбакколхозсоюзе, в колхозе «Ударник» существовали весьма благоприятные условия.

Статья «Крах баббитовой «фирмы» была опубликована в газете «Полярная правда». После выступления газеты к лицам, которые попустительствовали преступникам, были приняты строгие меры.

Освобождены от занимаемых должностей начальник отдела добычи промыслового флота, заместитель начальника базы флота, директор межколхозного предприятия. Объявлены выговоры председателю Рыбаколхозсоюза и начальнику базы промыслового флота.

Двадцать один моряк лишен права работать на судах загранплавания. Двое исключены из членов колхоза, пять человек переведены на береговые работы.

В отношении старпома Тарасова возбуждено уголовное дело, и он был осужден.

Многие члены партии получили строгие партийные взыскания, один исключен из рядов КПСС.

И вот «компаньоны баббитовой фирмы» стоят перед судом. Понурые лица, изменившиеся за время следствия и судебного процесса почти до неузнаваемости. З. Боровая видела фотографии этих парней, сделанные на промысле во время мойвенной путины. Фотографии предназначались для доски Почета. Какими молодыми и жизнерадостными выглядели они на тех снимках! А сейчас...
Что ж, следственный изолятор — не санаторий.

«Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...» — зачитывается приговор Октябрьского народного суда города Мурманска.

Седан — шесть с половиной лет лишения свободы, Пилоткин — пять лет, Аксенов — четыре с половиной го-

да. Все четверо будут отбывать наказание в колонии усиленного режима. Шауляк, Крупин и Ворогин — по три года условно каждому с отбытием наказания на стройках народного хозяйства. У всех конфисковано имущество.

Областной суд приговорил Колерова к двенадцати годам лишения свободы, а Ковалева — к шести годам лишения свободы в колонии усиленного режима. У них также конфисковано имущество.
(З. Боровая. Торговцы совестью. — Мурманск, 1988)

СЛУЖЕБНЫЙ КАБИНЕТ ПРЕВРАТИЛСЯ В ШТАБ ДЛЯ ПРОВОРАЧИВАНИЯ СОМНИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

1 октября 1993 года в 17.00 в Смольном двое офицеров Петербургского управления Федеральной службы контрразведки (УФСК) вошли в кабинет заместителя мэра Санкт-Петербурга Льва Савенкова и препроводили последнего в следственный изолятор на Литейном. Так началось уголовное дело № 73.

Летом 1994 года следователь по особо важным делам Петербургской горпрокуратуры П. Кривошеев, возглавлявший следственно-оперативную группу, принял решение прекратить дело за отсутствием состава преступления и заявил: Савенков стал жертвой крупномасштабной провокации, подстроенной питерскими спецслужбами. В прокуратуре разразился грандиозный скандал.

Какие же события предшествовали этому инциденту? 10 сентября 1993 года на Великолукской таможне была задержана машина, направлявшаяся из Петербурга в Германию с грузом бутербродного масла (как значилось в таможенной декларации).

Машина уже прошла проверку на Петербургской таможне и получила «добро» на выезд. Почти наверняка этот груз ушел бы за рубеж, если бы здесь, на российской границе, его уже не поджидали питерские сотрудники безопасности.

Вместо масла за кордон переправлялась зернистая икра: 39,5 тысячи банок. В ценах означенного периода это составляло сумму свыше 43 миллионов рублей. Было возбуждено уголовное дело.

А спустя три недели произошел новый таможенный инцидент. 30 сентября 1993 года на погранпункте Торфяновка в Ленинградской области был задержан заместитель генерального директора АО «Русский лес» А. Матвеев. В аптечном ящике своей «Нивы» он пытался перевезти через российско-финлядскую границу 3 ампулы с осмием-187 — редким и очень дорогим металлом платиновой группы. Содержимое трех маленьких ампул оценивалось без малого в полмиллиарда рублей. Было также возбуждено уголовное дело.

Оба дела расследовались Петербургским УФСК. Впрочем, уже 1 октября они были соединены в одно производство. Поэтому что нити от обоих дел, по данным следствия, тянулись в одно и то же место — в Смольный и сходились к одному и тому же человеку — к Савенкову. После задержания в Торфяновке Матвеев признал свою вину и сказал: ампулы с осмием ему

вручил заместитель мэра Савенков прямо в своем служебном кабинете и дал указание вывезти их контрабандой в Берлин.

Сразу же после своего задержания Савенков, как и Матвеев, признал свою вину полностью. Но попытку контрабанды объяснил благовидной и даже благородной целью.

Из показаний Л. Савенкова: «Я... предпринимал шаги к тому, чтобы в интересах городского хозяйства развернуть производство редкого вещества в количествах, которые позволили бы получить городу дополнительные средства для решения множества проблем, в т. ч. и продовольственных. Обращался за поддержкой к Хиже, Собчаку, но взаимопонимания не нашел. Поэтому движение разработанной программы по производству осмия-187 осуществлялось только за счет моей личной инициативы...

Я, конечно, же, понимал противозаконность предпринимаемой акции, прекрасно знал особый порядок перемещения через границу России веществ и материалов, подобных осмию. Но в данной ситуации я был поставлен в безвыходное положение. Средств мне достать было неоткуда, это был единственный вариант. Но еще раз повторяю: после получения денег от Матвеева за реализованный товар я однозначно добивался бы правительственной поддержки производства осмия и реализации его за границей».

Вскоре в процессе расследования происходит крутой перелом. 2 февраля 1994 года, в связи с упразднением органов следствия в системе Федеральной контрразведки, дело было передано в городскую прокуратуру.

Там была создана следственно-оперативная группа, в которую включили и четырех офицеров отдела дознания УФСК.

Но постепенно эти четыре «чужака» из УФСК и руководитель группы прокуратуры П. Кривошеев из союзников превратились в оппонентов, а потом — и откровенных врагов. Начальник отдела дознания УФСК В. Аксаков рассказывает:

— Кривошеев с конца июня ограничил доступ наших сотрудников к материалам дела. Он фактически прекратил расследование доказательств, изобличающих обвиняемых в совершении преступления. Зато все усилия сосредоточил на дискредитации сотрудников ФСК и таможни, задержавших Матьеева с контрабандой и затем осуществлявших расследование по делу.

А вот точка зрения П. Кривошеева: все это дело — не более чем провокация со стороны сегодняшних правопреемников КГБ. Никакой контрабанды не было. Просто Матвееву не дали внести все необходимые сведения в таможенную декларацию. Заполненная лишь наполовину и даже не подписанная им, она потом и вовсе исчезла. Провокаторам из УФСК необходимо было состряпать дело о контрабанде осмия, и они давили на таможенников, дабы те разыграли этот спектакль с «контрабандой».

— На самом деле, — утверждает следователь Кривошеев, — Матвеев действовал по официальному поручению Смольного и вез с собой сопроводительное письмо от Петербургской мэрии. Но оно исчезло точно так же, как и таможенная декларация. Зато непонятным

образом родился протокол о контрабанде наркотиков. Хотя Матвеев на самом деле никаких наркотиков не провозил, но его вынудили подписать этот явно сфабрикованный документ. Так путем грубых нарушений и явных подтасовок сотрудники спецслужб и таможенники создавали «доказательства» обвинения.

Такова позиция П. Кривошеева. Кстати, обвиняемые Матвеев и Савенков отказались от своих первоначальных показаний, от признания собственной вины. Кривошеев направил запрос начальнику УФСК: «Обвиняемые заявляют, что стали жертвой провокаций сотрудников УФСК... Для установления обоснованности указанных жалоб... прошу срочно сообщить в прокуратуру... кто... из сотрудников УФСК руководил операцией по изобличению в контрабанде Матвеева... перечислить всех сотрудников УФСК, которые участвовали в указанной операции...»

Так фигуры на доске поменялись местами: обвиняемые превратились в обвинителей, а интерес следствия стали вызывать офицеры УФСК.

Что же кроется за делом № 73 и за разыгравшейся вокруг него битвой? Провокация наследников КГБ или же стремление вывести из-под удара номенклатурного обвиняемого, обрубить концы ниточки, которая может тянуться от одного из руководителей Петербургской мэрии к разветвленной команде «исполнителей»?

Даже при первом знакомстве с этими материалами возникает слишком много недоуменных «почему»?

Почему официальное письмо мэрии (если оно и впрямь существовало), а также образцы осмия-187 повез за рубеж не сотрудник мэрии, а представитель коммерческой фирмы?

Почему «легальный» осмий, адресованный в Германию, везли через Финляндию? В показаниях самого Савенкова говорится: «С Матвеевым нами обсуждался маршрут его движения за границу... Матвеев спрашивал меня, «звенят» или «не звенят» ампулы, если он будет проходить предполетный контроль в Пулково-2». Какого же «звона» опасались Савенков и Матвеев, если груз и впрямь перевозился не контрабандой, а в официальном порядке и с письмом от мэрии?

Кстати, о письме. Почему этот документ (если он и впрямь существовал) не был соответствующе оформлен и зарегистрирован в делопроизводстве мэрии, где тщательно фиксируется самая малейшая бумажка по любому незначительному вопросу?

Кстати: как только Савенков поведал о своих планах по инвестированию будущих прибылей от осмия в продовольственную программу города, следователи УФСК проверили эту версию. И пришли к мнению, что производство осмия-187 мэрией Петербурга не финансировалось, не входило в программу развития городского хозяйства.

В показаниях самого Савенкова подготовка такого производства от мэрии выглядит следующим образом: «В общей сложности до 1 октября сего года в производство осмия было вложено около 26 тысяч долларов США. Из этих средств лично мною в производство было вложено около 50 тысяч долларов США. Другая часть

средств была предоставлена очень солидной московской фирмой, название которой я не помню. Деньги же мне передавались Казаряном Ашотом Суреновичем, представителем указанной фирмы. Деньги передавались наличными...»

Если Савенков действительно все это говорил, то возникают новые вопросы. Непонятно, почему мэрия собирается налаживать уникальное и высокоприбыльное производство совместно с организацией, которая ведет расчеты не официально, через банк, а через некоего «дипкурьера». Странным представляется и то, что заместитель мэра запамятовал название «очень солидной фирмы», но прекрасно запомнил фамилию, имя, отчество ее полпреда, из рук в руки передававшего ему деньги.

Сильно ставит под сомнение версию про невинного курьера, перевозившего официальный груз, видеозапись, детально показывающая, как произошло задержание контрабандного осмия. Когда эти ампулы были обнаружены на дне дорожной аптечки, тщательно укрытые сверху бинтами, какими-то лекарствами и прочей «фармацией», Матвеев начал объяснять, что это — активированный уголь, который к нему, Матвееву, отношения не имеет.

— Я его нигде не брал. Он лежал здесь, в аптечке... Я не видел, что находится в аптечке... Вот все, что я вам смогу сказать.

Сама по себе любопытна личность автора «открытия мирового уровня», изобретателя «уникальной технологи добычи идеально чистого осмия-187». Это Виктор Петрик — владелец фирмы «Инкорпорация-4 Т», за-

нимающейся выращиванием искусственных гранатов, аметистов и других минералов для ювелирной промышленности. В декабре 1984 года был осужден на 11 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Осужден по 13 статье Уголовного кодекса: от мошенничества до покушения на грабеж, от вымогательства до понуждения к даче ложных показаний.

В январе 1989 года был освобожден условно досрочно. Видимо, воспитательная работа в колонии, где много лет «тянул срок» Петрик, была поставлена образцово. Иначе трудно объяснить стремительное продвижение заурядного уголовника к образу «гениального ученого» и к весьма респектабельной должности советника по экономическим вопросам Петербургской мэрии.

В связи со всем вышеизложенным и руководители Петербургской прокуратуры, и Генеральная прокуратура РФ признали позицию, занятую руководителем следственной группы Кривошеевым, несостоятельной. Вот как развивались дальнейшие события.

В июле 1994 года Кривошеев выносит постановление: «Уголовное дело № 73 в части предъявленного Матвееву А. А. и Савенкову Л. В. обвинения в покушении на контрабанду осмия-187 прекратить за отсутствием состава преступления... Постановление об отстранении от должности Савенкова Л. В. отменить».

Это постановление Кривошеева было стразу же отменено начальником отдела по особо важным делам Петербургской прокуратуры, а уголовное дело № 73 передано другому следователю.

Тогда Кривошеев направил свои письменные возражения руководству горпрокуратуры. Скандал доплеснулся до Генерального прокурора России. Дело № 73 и новый следователь, которому его поручили, были затребованы в Москву. Изучив материалы дела, Генпрокуратура сочла возражения Кривошеева неубедительными и решила продлить следственные действия по этому делу.

Расследование было завершено, обвинение предъявлено.

Правда, одна из действующих фигур сбежала от правосудия. А. Матвеев, будучи выпущенным из следственного изолятора под подписку о невыезде, выступил по телевидению, публично заявил о клевете и шельмовании его со стороны УФСК и... исчез. Вслед за пропавшим в середине октября 1994 года Матвеевым канула в неизвестность и его супруга. Выехала в круиз на теплоходе и обратно в Петербург не вернулась.

На фоне таинственной истории с осмием-187 как-то померк инцидент с почти 40 тысячами банок зернистой икры, которую везли в Германию под видом «масла бутербродного». Следствие считает, что этой акцией дирижировал Савенков.

Его «порученец» — владелец частного предприятия И. Барканов — регулярно докладывал о ходе операции «Бутербродное масло». Барканов же имел дело с «курьерами», взявшимися переправить икру за кордон. Из его показаний: «Оплата услуг указанных лиц была произведена мной из средств, которые мне выделили для этой цели Фодыманов и Савенков. В общей слож-

ности они дали мне оплаты транспортировки 10 тысяч долларов». (И. Фодыманов — партнер Савенкова по бизнесу, проживающий в Германии.)

Как полагают сотрудники УФСК, это — уже не первая партия икры, которую Савенков контрабандно направлял за рубеж. С предыдущей у него все прошло более благополучно, считают следователи. Правда, сперва она была задержана Себежской таможней: 2 тонны икры на сумму 8,8 млн. рублей. Но вскоре по указанию начальника таможни И. Скобелева ей прямо среди ночи был дан зеленый свет, и она отбыла по ту сторону границы. И это при том, что «икра-1» следовала с более чем сомнительным таможенным оформлением. (Когда впоследствии И. Скобелев был арестован, из сейфа в его кабинете изъяли 17 миллионов долларов.)

По убеждению следствия, служебный кабинет заместителя мэра превратился в штаб для проворачивания сомнительных операций. Здесь, в этом кабинете, вручались ампулы с осмием-187 для незаконного вывоза из России. Отсюда коммерсант Барканов самолично рассылал факсограммы за рубеж, организуя продажу контрабандной икры...

Из показаний Л. Савенкова:
«За границей действуют 3 мои личные компании... В Канаде действует компания «LV and VL», в Бельгии работает компания... и в Германии. На счету в бельгийском банке до последнего снятия денег было приблизительно 47—48 тысяч долларов... У меня есть счет в банке в Берлине, на котором имеется приблизительно 7,5 тысячи немецких марок...»

Личная машина Савенкова, заказанная в фирменном магазине «Тойота», обошлась ему в 20 600 долларов. Это — в дополнение к личному же «Мерседесу» (около 40 тысяч немецких марок).

13 сентября 1993 года — на третий день после задержания контрабандной икры на Псковщине — зафиксирован телефонный разговор Савенкова и его знакомого — «Бореньки». Заммэра сетовал на то, что у него «ЧП одно случилось», и просил срочно организовать ему встречу с Кумариным «Вовкой».

Владимир Кумарин входит в число главных «авторитетов» преступного мира Питера, лидер «тамбовской» группировки — одной из наиболее влиятельных криминальных структур, поделивших весь Петербург на зоны влияния.

По сведениям УФСК, когда отправлялась первая партия контрабандной икры, ее до самой границы сопровождала охрана из членов крупной преступной группировки и нанятых ими двух офицеров Невского РУВД Петербурга (сейчас «услужливые» милиционеры осуждена и отбывают наказание).

Л. Савенков был отстранен от должности заместителя мэра.

В одной из публикаций в защиту Савенкова и К, появившейся на страницах «Вечернего Петербурга», звучит версия, связывающая это уголовное дело с октябрьскими событиями 1993 года. По этой версии, арест Савенкова — не что иное, как «косвенная попытка... расправиться с демократией во втором крупней-

шем городе России в преддверии попытки государственного переворота».

К слову, местная пресса уделила очень большое внимание истории с арестом заместителя мэра. По этому поводу продолжают высказываться самые разные версии и суждения. Но что же произошло на самом деле: организована провокация «наследников КГБ», как убеждены многие в городе, или же пресечена деятельность одной из мафий, корни которой уходили в Смольный, бывший штаб революции, а сейчас — центр здешней власти?
(Е. Соломенко. — «Известия», 2 февраля 1995)

ХЛОПКОВОЕ ДЕЛО-2

Как показывает наша отечественная практика, расходы по статье «государственная поддержка предприятий» можно бы с полным правом переименовать в статью «материальная помощь ворам из средств бюджета». Читатели газет времен перестройки хорошо помнят один из крупнейших криминальных скандалов, связанных с хлопкоперерабатывающей промышленностью Узбекистана. «Хлопковое дело» конца восьмидесятых давно уже отшумело и почти забыто. Однако операции с хлопком по-прежнему имеют криминальный оттенок.

«Хлопковое дело-2» — не намного менее масштабное по стоимости украденного. Государственным органам, проводившим проверку, не составило большого труда обнаружить, на сколько миллионов долларов украдено и как. Хотя в этой истории нет обвиняемых. Ничего, кроме воровства.

Согласно данным введенной с января прошлого года таможенной статистики, в 1994 году Россия вошла в число крупнейших экспортеров хлопка, завалив им Австрию, Великобританию, Германию и многие другие страны. И это в то время, когда, по абсолютно достоверным сведениям, на территории России «белое золото» не произрастает.

Узбекистан — крупнейший в СНГ производитель хлопка, собственные фабрики которого не в состоянии переработать и треть того, что произрастает в республике. Таким образом, текстильные предприятия России как бы приговорены перерабатывать узбекский хлопок. Но если в советские времена хлопок шел из братских республик Союза на российские текстильные предприятия почти автоматом, по воле и разнарядке Госплана и Госснаба, то нынче это сырье надо покупать у соседнего независимого государства за твердую валюту и по мировым ценам.

У большинства текстильных объединений сегодня ничего, кроме долгов, нет, и закупать сырье самостоятельно они не в состоянии. Следовательно, если государство не окажет им срочную материальную помощь, то текстильная промышленность попросту погибнет. Так, по крайней мере, ставился вопрос в прошлом году. А по способности шантажировать власти забастовками и другими социально значимыми неприятностями текстильная отрасль идет едва ли не сразу после шахтеров.

Короче говоря, от проблем отрасли просто так не отмахнешься. Поэтому в 1994 году правительство решило поддержать неконкурентоспособную текстильную промышленность и выделило на эти цели 400 миллиардов рублей. Не все эти деньги реально выплачены, но

то, что ушло из казны, было большей частью украдено. Деньги в масштабах отрасли не безумные, но если набить ими всего несколько десятков личных карманов, то получится очень даже неплохо.

Первопричиной того, что к текстильщикам решили присмотреться повнимательней, стали жалобы самих текстильщиков, вернее, администрации Ивановской области. В мае—июне 1994 года она, эта администрация, предприняла очередную атаку на правительство: мол, губите отечественную легкую промышленность, лучше помогите, а то хуже будет...

Задетое правительство в лице Минэкономики решило разобраться, что же происходит с той финансовой помощью, которая все-таки выделяется государством и доходит до предприятий? Со своей стороны к проблеме стало подбираться Федеральное управление по делам о несостоятельности предприятий. Управление стало интересоваться другим странным обстоятельством: ряд текстильных предприятий, получивших деньги и заплативших за хлопок, его не получили.

Возможно, Минэкономики и Управление по банкротствам рано или поздно сами обнаружили бы криминал, однако в разгаре не очень успешных до того поисков таможенники меланхолично выложили на стол свою статистику.

Увиденное ошеломило даже видавших виды правительственных чиновников. Оказывается, только за первое полугодие 1994 года Россия, текстильные фабрики которой вроде бы погибают от недостатка хлопка, вывезла за рубеж 126 тонн этого жизненно необходимого сырья. Более поздних данных еще не было, но

стал ясен масштаб происходящего. Самые крупные комбинаты способны переработать за год 4—5 тонн хлопка. Значит, экспорт за одно лишь первое полугодие мог бы на год обеспечить сырьем минимум 25 крупных предприятий. Однако все это было продано за кордон, притом многие фабрики действительно простаивали из-за отсутствия сырья, кроя на чем свет стоит правительство.

Почему же текстильщики и кто там еще (об этом несколько ниже) гнали на экспорт столь необходимый им самим хлопок? Если коротко, ответ простой: потому что российским потребителям узбекский хлопок дотировался государством и доставался в итоге на треть дешевле мировой цены. И надо быть просто экономическим идиотом, чтобы, получив такой подарок, тратить труд, время, деньги на его переработку, когда можно в мгновение ока на одной бумажной торговой операции заработать 30 процентов чистой прибыли. Все мои дальнейшие рассуждения ничего принципиально нового к пониманию этой проблемы не добавят, а лишь донесут до читателей некоторые подробности и цифры относительно того, как именно воруются госдотации.

Итак, подробности. Правительство выделяет, как того неистово требуют директора заводов, местные власти и общественность, огромные суммы на поддержку, на спасение промышленности. В данном случае речь о текстильной, хотя с высокой степенью вероятности можно утверждать, что нечто подобное происходит и в других дотируемых отраслях. Только там другие цифры, другие схемы.

В нашем случае правительство поручило федеральной контрактной корпорации «Росконтракт» (государствен-

ная компания, созданная на остатках Госснаба) закупить в России по внутренним ценам нефть и продать ее по мировым ценам покупателям в Узбекистане. Узбекский партнер «Росконтракта» тоже никаких долларов никому не платит, а покупает у себя на внутреннем рынке по своим ценам тот же хлопок. Затем идет обмен товара на товар по согласованным в межправительственных соглашениях спискам и сбалансированным в долларах по мировым ценам. В списках этих, естественно, не только российская нефть и узбекский хлопок, но и множество других товаров, необходимых, по мнению правительств, экономикам их стран.

По подобной схеме «Росконтракт» работает со всеми странами СНГ. Узбекистан — крупнейший из партнеров в межгосударственной торговле. За 1994 год товарооборот с ним по этой линии составил 900 миллионов долларов. Поскольку торговля идет клиринговая, то, значит, Россия приобрела товаров на 450 миллионов долларов. 400 миллионов из этой суммы — закупки хлопка.

Всего, по данным Юрия Бахтинова, отвечающего в «Росконтракте» за торговлю с СНГ, в 1994 году в Узбекистане было закуплено 320 тысяч тонн хлопка. Достоверно известно, что за первое полугодие перепродано 126 тысяч тонн. И не было никаких видимых причин, чтобы не перепродавать дешевый узбекский хлопок за рубеж и во втором полугодии.

Именно при реэкспорте и происходит обналичка нефтяного межгосударственного бартера. «Росконтракт» в обмен на нефть закупал в Узбекистане хлопок по мировой цене. Она в течение года менялась, но возьмем приблизительную цену — около 1400 долларов за тонну. Этот же хлопок он продавал текстильным пред-

приятиям России по 1000 долларов за тонну. Итого на каждой реэкспортной тонне можно было заработать до 400 долларов. Перемножьте одно на другое (126 000 х 400), и получится внушительная сумма в твердой валюте.

Когда скандал с реэкспортом хлопка стал выплывать наружу, текстильщики и «Росконтракт» начали обвинять друг друга, пытаясь доказать свою непричастность к этим операциям.

«Росконтракт» на все обвинения в свой адрес отвечает, что его дело — выполнить поручение правительства. А именно: закупить хлопок в Узбекистане и продать российским потребителям. Что происходит с товаром дальше — вне компетенции корпорации. Более того, Бахтинов зачитал мне пункт 12 из типового контракта на поставку хлопка, где сказано, что реэкспорт запрещен. То есть получается, что «Росконтракт» делает все от него зависящее, чтобы дотированный хлопок не перепродавали. Куда же смотрит ГТК, интересуется Юрий Бахтинов, почему выпускает товар, когда в наших контрактах ясно написано относительно реэкспорта?

Но контракт — это предмет взаимоотношений покупателя и продавца. ГТК же с «Росконтрактом» никаких договоров не заключал. По закону вывоз хлопка не запрещен, и таможня не имеет никаких оснований его не выпускать. Другое дело — «Росконтракт». Если его партнер — получатель дотированного хлопка — в нарушение договора реэкспортировал товар, то на него можно и в арбитраж подать, и должна это делать именно федеральная корпорация, заключившая договор по поручению государства. Однако именно этого «Росконтракт» не делает.

— Не так все просто, — поясняет Юрий Бахтинов. — Во-первых, хлопок поступает в Россию не только по межправительственным соглашениям, но и по прямым договорам. Поди разбери, какой именно хлопок реэкспортируется? Во-вторых, предприятия обросли множеством дочерних фирм, которые, собственно, и перепродают хлопок, но на которые действие нашего договора не распространяется.

Что же касается прямых поставок, то здесь все как раз предельно просто. В Управлении легкой промышленности и потребительского рынка Минэкономики на основе той же таможенной статистики смогли подсчитать, что по прямым договорам в Россию завезено не более 30 тысяч тонн хлопка. Даже если предположить, что весь этот хлопок был реэкспортирован, все равно цифра не сходится на 96 тысяч тонн с общим объемом реэкспорта за первое полугодие. И потом, стоит ли перепродавать дорогой хлопок, закупленный по прямым договорам за полную цену, когда есть дешевые госпоставки?

А вот в отношении «дочерних» предприятий Бахтинов абсолютно прав. Экспортерам хлопка из России в прошлом году выступало огромное количество ТОО, ИЧП, (индивидуальное частное предприятие), МП, АОЗТ и прочие образования, которые не были клиентами «Ростконтракта» и напрямую закупить такое количество хлопка для реэкспорта тоже не могли. Какое-то АОЗТ «Шавр» экспортировало почти 10 тысяч тонн хлопка на 14 миллионов долларов. СП «Контэкс» вывезло более 16 тысяч тонн белого золота. Но абсолютным чемпионом выглядит никому не известное ИЧП «ТиТ», реэкспортировавшее в первом полугодии прошлого года 47 тысяч тонн хлопка. Это больше половины того, что получил весь текстильный край — Ивановская область.

Кстати, у главных выбивателей госдотаций — ивановских текстильщиков — концы не сходятся с концами. Как говорит начальник отдела Минэкономики Ольга Филатова, Ивановская область получила 90 тысяч тонн хлопка, а на пряжу пустила только 55 тысяч тонн.

В этом увлекательном и поучительном «хлопковом деле» есть один интересный технический вопрос, который заставляет задуматься о роли «Росконтракта». Вопрос следующий: каким образом эти карликовые и никому не известные гиганты хлопкового экспорта, все эти ТОО, ИЧП, смогли сконцентрировать у себя и вывезти за рубеж тысячи и десятки тысяч тонн сырья? Поясню. В вагон входит 40 тонн хлопка, значит, только тысяча тонн — 250 вагонов. Значит, скромному ИЧП «ТиТ» понадобилось загрузить, обработать и провезти через границу 11 750 вагонов (это только в первом полугодии).

Интересно, что по этому поводу думают железнодорожники и другие профессионалы грузовых перевозок? Между прочим, гигант хлопкового экспорта ИЧП «ТиТ» зарегистрирован в Москве, по адресу подвала, в котором, естественно, ничего нет, и найти само ИЧП пока не удалось.

Но есть еще более интересный технический вопрос. Он состоит в том, что нет никакой технической возможности собрать из остатков сырья на текстильных предприятиях не то что 47 тысяч тонн, но и 16 тысяч, и 10. Годовая программа самых крупных текстильных комбинатов редко выходит за 5 тысяч тонн. Но даже если представить, что нашелся десяток предприятий, которые расстались с годовым запасом сырья, то его сбор по разным адресам, перегрузка и сортировка сде-

лали бы подобную операцию экономически бессмысленной.

В этой связи у людей, занимавшихся по долгу службы хлопковым делом, возникает подозрение, ничем, правда, не подкрепленное, что реэкспорт подобного масштаба невозможен без масштабных оптовых посредников, одним из которых и мог быть «Росконтракт». Сырье, не заходя на предприятия, прямиком переправляется из Узбекистана на Запад. В то же время, без заинтересованного соучастия самих текстильных предприятий, такое дело тоже не могло обойтись. Именно они являются официальными владельцами груза. Кстати, в России было только одно предприятие, которому «Росконтракт» отгрузил 49 тысяч тонн хлопка «в одни руки», и теоретически только оно могло передать «ТиТ» для экспорта 47 тысяч тонн. Название предприятия известно, оно — в Ивановской области. Но сказанное только предположение.

Существует также версия, что часть огромного российского реэкспорта — это скрытый экспорт узбекского хлопка в Западную Европу, который осуществляется в сговоре с российскими получателями хлопка. Эта простая и изящная схема — если она существует — избавит узбекских экспортеров от необходимости платить за транзит (около 40 долларов за тонну). Впрочем, это уже совсем другая история, требующая отдельного рассмотрения.

Наш же рассказ — о вреде и криминальности госдотаций и о пользе хорошо налаженной таможенной статистики.

По «хлопковому делу» правительство назначило спе-

циальную комиссию, Комиссия подготовила свои заключения, в которых нет ни одного конкретного виновника. А откуда им взяться, если закон никак не мешает перепродавать госдотацию? Выводы комиссии сводятся к двум позициям. Если представители Госкомпрома настаивают на полном запрете экспорта хлопка из России, то заместитель начальника Федеральной службы валютно-экспортного контроля Александр Ножников убежден, что следует использовать только экономические ограничители. Никаких официальных решений по этому поводу правительство пока не приняло.

Из всего сказанного следует банальный вывод: самым выгодным и безопасным видом воровства по-прежнему остается казнокрадство.
(М. Бергер. — «Известия», 7 февраля 1995)

ОТ НЕГЛИННОЙ ДО ЛЕФОРТОВО

По стране прокатилась волна преступлений, связанных с фальшивыми авизо (извещение об изменениях в состоянии взаимных расчетов). На взламывая сейфов, воры изымали из банков миллиарды рублей.

Правоохранительные органы бросили немалые силы на расследование необычных для отечественной практики преступлений. Возбудили ряд уголовных дел. Расследуя одно за другим, следственный комитет вышел на Центральное оперативное управление (ЦОУ) при Центробанке России. Собранные материалы в отношении начальника ЦОУ Р. Ситдикова, его заместителей Р. Туровой, В. Попруга и В. Мартынова выделили в

8 Зак. 1281

отдельное производство. Летом 1993 года все руководство ЦОУ арестовали. Его связь с фальшивыми авизо установить не удалось, но выяснилось другое: четверо ответственных работников брали взятки в особо крупных размерах.

Со дня ареста прошло полтора года, и при отсутствии какой-либо информации о работе следствия поползли слухи: у обвиняемых нашлись солидные покровители, дело спустили на тормозах.

Суд, несомненно, будет иметь немаловажное значение для работников правоохранительной системы. Поскольку речь идет, по мнению следствия, о преступлении в кредитно-финансовой сфере, которая регулируется несовершенным законодательством, и поскольку в стране по-прежнему нет закона о коррупции, многое при оценке действий обвиняемых будет зависеть от субъективной точки зрения на те или иные факты, представленные следствием. А это, в свою очередь, вполне возможно, скорректирует поведение следствия при ведении аналогичных дел.

Ни в коей мере не предвосхищая результатов судебного разбирательства, с целью развеять слухи и домыслы, рожденные вокруг громкого дела, расскажем лишь о некоторых аспектах этой криминальной истории.

БТР въехал на Неглинную и остановился у Центрального банка России. Вооруженная автоматами охрана безразлично наблюдала за тем, как рядом пристроились двое «Жигулей». Из первой машины вышли два рослых парня и решительно направились к банку. Минут через сорок они вернулись с брезентовыми мешками, высыпали из них в багажник «девятки» пачки но-

веньких банкнот. Затем снова сходили в банк и принесли еще пару мешков. Багажник оказался забит деньгами доверху.

БТР и «Жигули» отъехали от банка почти одновременно. БТР повез зарплату сотрудникам Министерства безопасности — бывшего КГБ, а «Жигули» — пристраивать добытую наличность. Как считает следствие, добытую на взятки.

До недавнего времени в Центральном операционном управлении при Центробанке России деньги получала исключительно элитная публика: КГБ, Министерство внутренних дел, Министерство обороны... Теперь же клиентами ЦОУ зачастую становятся люди, чье прошлое не назовешь безупречным с точки зрения взаимоотношений с законом. Они выстраиваются к кассовому окошку вместе со своими «оппонентами» из правоохранительных органов, и в этом состоит суровая рыночная действительность, содержащая в себе изрядную долю иронии.

Одним из тех, кто регулярно становился к кассовому окошку, был и Анатолий Пилюгин. Это он вместе со своим охранником, как картофельные клубни, ссыпал в багажник «Жигулей» пачки банкнот. Он возглавлял фирму «Славянский торговый дом». Фирму, как считает следствие, липовую, за душой у которой не было ни значительных сумм денег, ни солидной недвижимости.

Схлопотав в Оренбурге два условных срока, боясь расправы со стороны местных банд, Пилюгин в 1991 году бежал из родного города. Так он оказался в Москве. Здесь у Пилюгина возникла идея создать новую силь-

ную коммерческую структуру, которая бы замыкалась на банке. Для осуществления этой идеи важно было найти нужных людей, установить с ними прочные связи. В апреле 1991 года Пилюгин познакомился с председателем правления Союзпрофбанка Георгием Ивановичем Летуновым. Как ни странно, они подружились. Банкир даже приглашал Пилюгина к себе в дом.

Чтобы лучше понять определенную противоестественность такой дружбы, стоит назвать учредителей Союзпрофбанка: 11 структурных подразделений центрального подчинения ВЦСПСМ, 22 отраслевых ЦК профсоюзов, 90 республиканских и краевых советов профсоюзов, Банк жилищно-коммунального хозяйства и социального развития СССР, Агропромбанк СССР. С одной стороны — управляющий солидным банком, с другой — осужденный, скрывающийся от своих криминальных преследователей и от оренбургской милиции.

В конце года Пилюгин вышел еще на одного ценного человека — президента концерна «Гоар» Сержа Джиловяна. Злые языки поговаривали, будто бы Джиловян оказывал заметную финансовую помощь воюющему Нагорному Карабаху. Правда это или нет, Пилюгина мало интересовало. Он знал главное: концерн богат, ему для коммерческих сделок нужна наличность, а с наличностью стало туго.

Дело в том, что начавшаяся с января 1992 года либерализация цен потребовала большого единовременного увеличения денежной массы в обороте. Ограниченные мощности Госзнака не позволили ни увеличить количество старых купюр, ни наладить производство купюр большего достоинства. Положение создалось критическое. К первому апреля государство задолжало с выплатой зарплаты на 39,7 млрд. рублей. К пер-

вому июля — уже на 221,6 млрд. рублей. Без зарплаты оказались шахтеры, металлурги, учителя. То в одном, то в другом регионе страны возникала угроза забастовки.

Чтобы как-то ослабить напряжение, вначале Верховный Совет Российской Федерации, а затем президент и правительство России приняли документы, которые ограничивали обращение «живых» денег. Все юридические лица, независимо от форм собственности, должны были рассчитаться со своими партнерами в безналичном порядке.

С точки зрения государства, это была вынужденная и крайне необходимая мера. К сожалению, деятельность многих предприятий она поставила в тяжелое положение. Ведь необходимую продукцию за наличные можно было приобрести намного быстрее и значительно дешевле. Безналичное же движение денег в ту пору тянулось неделями.

Как всегда в подобных случаях, уловив ситуацию, появились предприимчивые люди, которые дефицит наличности использовали как доходный бизнес. Пилюгин был одним их них: превращая безналичные деньги в наличные. Схему придумали простую, как гвоздодер.

Председатель правления Союзпрофбанка Летунов и Пилюгин учреждают две фирмы — «Паваду» и «Валентино». Фирмы должны выполнять роль своеобразных насосов для перекачки денег из «Гоар» в... «Гоар». «Павада» и «Валентино» заключают с банком договор, в котором указывают, что наличность им нужна для закупки сельскохозяйственной продукции у населения

(только в таком случае разрешалось обналичивать деньги). Совпрофбанк снимает необходимую сумму со счета «Гоар» и переводит ее на счета фирм-насосов. Затем он передает уже «живые» деньги в «Гоар».

Каждый участник сделки, как установило следствие, получал свои комиссионные. Пилюгину и Летунову Джиловян оставлял девять процентов обналиченной суммы.

Только в первом квартале 1992 года при заявке от Совпрофбанка на 19,9 млн. рублей ЦОУ выдало ему наличных 174,9 млн. рублей.

Разумеется, никому и в голову не приходило заниматься закупками сельхозпродукции у населения, как было обещано в договорах. Наличность, судя по документам, собранным следствием, шла на приобретение туалетной воды, обуви, одежды, телефонов, полиграфического оборудования. Следствие убеждено, что, впрыскивая в экономику немалые суммы, участники обналичивания тем самым значительно усугубили и без того трудное финансовое положение в стране.

За то, что Летунов своим приближенным клиентам обналичил 225 млн. рублей, он, как считает следствие, получил от них в награду не менее 10 тысяч долларов. Материалы дела говорят о том, что Летунов мог многое, но далеко не все. Счет Совпрофбанка был открыт в Центральном операционном управлении, и успех сделок зависел от этого управления. Здесь решали: выделять профсоюзному банку запрашиваемую наличность или отказать. Поэтому отношения с руководством ЦОУ требовали «смазки». Следствие убеж-

дело, что подробно исследовало и собрало достаточно доказательств по этому эпизоду. В частности, абсолютно точно известно, что именно Летунов звонил Ситдикову, Туровой, Попруга, Мартынову, выясняя, в чем они нуждаются, уточнил размеры одежды, марку техники.

А уже парни Пилюгина со списком в руках объехали магазины, закупив все необходимое, затем доставили товары по домашнему адресу Туровой и Мартынова. Эти товары, как считает следствие, и являются взяткой.

Как утверждают адвокаты Попруга и Туровой, товары, обнаруженные на квартирах обвиняемых, приобретены во время распродажи, которую организовал в ЦОУ Пилюгин.

Суд, надо полагать, взвесит эти аргументы. Перечислим лишь то, что изъято следствием в качестве вещественных доказательств: холодильники «Океан», микроволновые печи «Самсунг» и «Голдстар», музыкальные центры «Левис», стиральные машины «Элита», ковры, дубленки.

Фактом остается то, что после этой, как утверждают адвокаты, распродажи «Славянскому торговому дому» Пилюгина — фирме, абсолютно несостоятельной в финансовом отношении, открывают счет в Центральном операционном управлении. Пилюгин вырвался, как и мечтал, на оперативный простор.

Между ним и ЦОУ уже не было посредника. Подарив Летунову за содействие в открытии счета «Вольво» (а

следствие считает эту взаимосвязь доказанной), Пилюгин теперь мог делать деньги не только на обналичивании, но и выгодно пользоваться кредитами.

Кто работает с деньгами, хорошо знает, что такое кредит, полученный в ЦОУ. Это всегда льготный кредит. Если кредитная ставка, установленная советом директоров, скажем, 50 процентов, то и кредит в ЦОУ выдается за 50 процентов. В коммерческом банке он уже выдается с определенной накидкой. О централизованном кредите мечтают все, но доступен он немногим.

Едва войдя в круг элитных клиентов ЦОУ, Пилюгин получил его. И не какую-то мелочь — 405 млн. рублей! Например, в ту пору это были не просто большие деньги, а очень большие. Все они ушли концерну Джиловяна. За эту услугу глава «Гоар» подарил Пилюгину «Мерседес-600».

С открытием счета в ЦОУ начался новый этап в деятельности Пилюгина. Он стал вхож в управление, подружился с начальником ЦОУ Ситдиковым и среди друзей называл Равиля Ахметовича Равилькой. Любил как бы невзначай обронить: «Зайду, поболтаем о том, о сем...»

Следствие установило, что за открытие расчетного счета «Славянскому торговому дому» и концерну «Гоар», за выделение кредитов на 405 млн. рублей, за выдачу из кассы наличными 215,5 млн. рублей Летунов и Пилюгин организовали для работников ЦОУ вторую взятку. На сей раз это были золотые украшения, золотые кольца с бриллиантами и автомобили «Жигули». У всех изъяли десятки тысяч долларов.

Адвокаты утверждают, что и драгоценности, и машины куплены на распродаже по старым, более низким ценам. Суду предстоит оценить и эти аргументы защиты. Но ему, видимо, придется ознакомиться и с такими любопытными данными, собранными следствием. Турова, например, ежемесячно клала на свой личный счет суммы, иногда в несколько раз превышающие ее месячный заработок.

Многие подаренные Попруга вещи обнаружены у ее сына. Говорят, машину, двухкомнатную квартиру, мебель, дорогую видеоаппаратуру он приобрел сам, на кровно заработанные. Что ж, это вполне возможно. Хотя не очень согласуется с тем фактом, что доход его с августа 1988 года по февраль 1993 составил всего 169 тысяч рублей.

Видимо, на суде прозвучат эти примеры нестыковки между зарплатой руководителей ЦОУ, их близких родственников и установленными следствием их реальными доходами. Как поступит суд, если обвиняемым не удастся убедительно объяснить происхождение больших сумм денег и дорогих товаров? И захочет ли он вообще копаться в этих подробностях, восполняя пробел, допущенный законодателями? Ведь в России, к сожалению, все еще нет закона о государственных служащих, который бы четко регламентировал, что чиновничеству можно, а что для него чревато уголовным преследованием. Нет и закона о коррупции, который бы дал ясное определение действия какого должностного лица, по каким признакам можно считать коррумпированными. Все острее встает и вопрос о необходимости наконец ввести ежегодное заполнение каждым гражданином России декларации о доходах, что значительно сузило бы возможности пополнять личный бюджет незаконным путем.

Здесь приводились только примеры взяток, которые, как считает следствие, руководители ЦОУ брали у Пилюгина и его партнеров. Но у ЦОУ немало и других клиентов, у которых были свои причины поддерживать особые отношения с руководителем операционного управления. За полученные кредиты по заниженным кредитным ставкам одни, по утверждению следствия, рассчитывались кредитными карточками, другие — квартирами, третьи — земельными участками и коттеджами, к строительству которых они уже приступили.

Видимо, защите нелегко будет отстаивать в суде интересы своих подопечных. Ведь у следствия на руках сильные козыри и один из них — Пилюгин. Он подробно рассказывал, за что, как, когда, кому и при каких обстоятельствах передавал рубли, валюту, вещи. Он выдал следствию тетрадь, в которой записывал расходы на подарки руководителям ЦОУ. На очной ставке с Туровой Пилюгин, в частности, заявил: «Товары шли в счет так называемых взаиморасчетов по обналичиванию денег между нами и должностными лицами ЦОУ. Денег никто не платил».

Да и сами обвиняемые осложнили работу своим адвокатам, дав показания на первых допросах.

В. Мартынов:
«От Пилюгина я получал в качестве вознаграждений... 20 тысяч долларов США, которые он мне дал в пакете в моем кабинете. Эту сумму примерно в равных долях я разделил между мною, Туровой и Попруга».

«...Когда ко мне в рабочий кабинет пришел представитель «Профбанка» Пилюгин решать вопрос о предо-

ставлении кредита (Пилюгин числился консультантом банка), я попросил его помочь мне с приобретением автомобиля. Пилюгин согласился и примерно через месяц приехал в ЦОУ на ул. Неглинной и пригнал автомобиль ВАЗ-21099. Перед этим я давал ему ксерокопии паспорта моей жены, и автомашина была оформлена на ее имя. Денег Пилюгину за машину я не платил, это было как бы вознаграждение за первоочередное предоставление их банку кредита...»

Р. Турова:
«Впервые в своей жизни я поддалась искушению в приобретении почти бесплатных вещей, в том числе автомашины «Жигули», холодильника, печи СВЧ, музыкального центра, видео и ковра по предложению Попруга... Я от предложения не отказывалась, хотя задавала вопрос о плате за вещи. На что был ответ, что цена это будет символическая. Конечно, я, как опытный специалист банковского дела, умудренный жизнью человек, должна была конкретно поинтересоваться, за какие же услуги преподносится такой подарок...»

В ходе дальнейшего следствия все обвиняемые отказались от первоначальных своих показаний, что, конечно же, не могло не огорчить следственную бригаду. Поэтому основная ее надежда на свидетеля номер один — Пилюгина.

Надо полагать, следствие бережет его как зеницу ока. Хотя однажды едва не лишилось этого весьма важного участника судебного процесса. Он сбежал из госпиталя МВД, куда его определили подлечиться. Выловили беглеца в Литве с помощью местной полиции за несколько дней до того, как Пилюгин должен был получить литовское гражданство.

Занимая невысокое положение среди действующих лиц этой истории, Пилюгин тем не менее является в ней едва ли не ключевой фигурой. Стоя одной ногой в криминальной среде, другой он достаточно уверенно ступал на паркет комфортабельных кабинетов. Это объясняется тем, что чиновничество зачастую само ищет людей с криминальными связями.
(И. Корольков. — «Известия», 1 февраля 1995)

«АЛМАЗНЫЙ» ПОРТНОЙ

Подмастерья портного звали Герман Майнке. Он жил, как все: любил вкусно поесть, выпить рюмочку, посещал вечернюю школу, не пропускал ни одного кинофильма, по воскресеньям в пять часов пил чай. Но в один прекрасный вечер он пересек в Берлине границу, покинул ГДР и отправился искать приключений и богатства в Федеративную Республику Германии, где, как утверждали слухи, манна небесная сама на землю падает.

Майнке был не просто портным. Он обладал исключительной способностью комбинатора и вынашивал грандиозные планы. Сегодня уже никто не может точно сказать, как о «гениальном путешественнике» стало известно в Бонне, но бесспорно то, что в компетентные органы попали секретные сведения, и в полиции на портного было заведено досье с пометкой «VIP — very importent person» («очень важная личность»).

Самолет приземлился. Приставили трап. Показался портной со своей подругой. Едва он успел осмотреться, как перед ним вырос человек в форме. Он откозырял и спросил:

— Господин доктор Майнке?

— Вы не ошиблись! — ответил портной и даже бровью не повел.

— Позвольте приветствовать вас на свободной земле. У меня приказ. Вы должны следовать за мной.

— Куда?
— В здание министерства. Вас ждут.

Большой черный «Мерседес», двадцать минут петляния в лабиринте улиц, ожидание перед светофорами, наконец, правительственный район. Водитель остановил машину перед роскошным зданием. Резиденция Людвига Эрхарда, в то время еще министра экономики, в будущем западногерманского канцлера. Слуга открывает дверь, господин Майнке входит.

Несколько шагов по персидскому ковру, и портной превращается в доктора и инженера. Кланяется министру, но не очень низко, лишь настолько, насколько полагается человеку его «положения».

— Садитесь, — радушно улыбаясь, предложил министр Эрхард, а затем приступил к делу. — Я получил ваше досье, господин доктор. Невероятно интересная идея. Это смелый проект. Исключительный. Я хочу услышать подробности, рассказывайте, прошу вас!

— Не бог весть что, — скромно, но уверенно ответил

портной. — Я все изложил в проекте. Производство алмазов искусственным путем — этим сказано все.

— Так-так, господин доктор, значит алмазы... Но опробован ли ваш метод?
— Положитесь на меня, господин министр.

— Хорошо. Нам нужны умные люди, у нас умеют по достоинству ценить выдающихся ученых. Мы не скупы, а в делах придерживаемся принципа равенства, демократизма.

— Понимаю, — перебил министра портной. — Однако у меня есть условия.

— Об этом позже. Что вам необходимо для производства?

— Самое дешевое сырье: уголь, графит и некоторые горючие материалы, о составе которых я пока предпочту не распространяться. Поймите меня правильно, это тайна изобретателя.

— Мы уважаем авторские права. Мы предоставим вам лабораторию, вы изготовите небольшую партию, которую исследует небольшая комиссия — несколько специалистов. Вы понимаете, мы должны быть спокойны. Произведите совсем немного... Поймите меня правильно, господин доктор, это не недоверие, боже сохрани!..

Производство искусственных алмазов было строго за-

секречено, но знавшие о сенсации любой ценой хотели быть причастными к ней. Они ожидали, что на мировом рынке совершится переворот, верили, что добьются приоритета. И строили грандиозные планы.

Доктор Майнке был скромным человеком, неприметным, неразговорчивым, ничего никому не обещал, и все видели, что он абсолютно уверен в своем изобретении. Сначала он попросил небольшую сумму, всего несколько десятков тысяч марок, для проведения первых опытов. Он оборудовал лабораторию, допоздна засиживался в ней. Ему помогала его ассистентка, они вообще были неразлучной парой. Первого сентября он продвинулся так далеко, что позвонил в министерство, чтобы пригласили представителей общественности и создали комиссию специалистов: изобретатель был готов на их глазах изготовить алмаз.

Обстановка почти во всех лабораториях в мире одинакова. Для непосвященного — это непроходимые джунгли стеклянных пробирок, реторт, кабинок и закутков, а в лаборатории Майнке к тому же находилась аппаратура, не похожая ни на какую другую. Доктор-инженер Майнке переждал, пока гости осмотрят оборудование, усядутся в кресла, затем представил свою молодую коллегу. Ученые господа узнали, что ее зовут Эдельтраут, она доктор наук и племянница изобретателя.

Они вдвоем колдовали над приборами за циферблатами. Вот появился целый букет газовых фонтанчиков там, где отжигалось сырье, из которого должны были быть произведены алмазы. Ученые из комиссии наблюдали за каждым движением мужчины и женщины в белых халатах. Напряжение возрастало. Доктор Майнке, внимательно следивший за показаниями при-

боров, сделал знак ассистентке уменьшить огонь, сам выключил ток. Эдельтраут открыла прибор, щипчиками достала огнеупорную прокладку, положила ее на приготовленную асбестовую подставку.

Серый порошок, несколько ложечек пепла. Он берет пинцет, осторожно разгребает кучку, что-то ищет.
— Алмаз!

Действительно. Все склоняются над маленьким блестящим осколком. Доктор Майнке достал из золы хорошо различимый кристалл алмаза, засверкавший на черной подкладке. Это триумф, победа науки над природой, настоящая современная алхимия! Теперь снова испытания.
— Приветствую вас, господа!

Пришел сам министр Эрхард — решил собственными глазами убедиться в успехе эпохального изобретения. Все были удовлетворены, поскольку профессора провели экспертизу и единодушно подтвердили, что алмаз невозможно отличить от настоящего.

Герман Майнке торжествовал. Его ассистентка счастливо улыбалась. После сердечного поздравления министра Эрхарда доктор-инженер Майнке выступил перед высокопоставленными лицами и торжественным, взволнованным голосом сказал:

— Уважаемый господин министр, уважаемые господа! Разрешите мне в этот торжественный момент, который, вероятно, станет переломным в области химического синтеза в общегосударственном, а возможно, и мировом масштабе, позвольте мне, господин министр,

назвать свое первое изделие вашим именем. Пусть этот алмаз носит имя Людвига Эрхарда!

Начинался век алмазов. Предпринимателей невозможно было остановить. В дюссельдорфском клубе промышленников вскоре собралась западнонемецкая элита. Каждый, у кого в мире бизнеса было имя, а в банке — солидная сумма, хотел участвовать в новом деле с самого начала. Ведь деньги делают новые деньги, а производство алмазов относительно легкий процесс, необходимые для производства компоненты почти ничего не стоили, значит, представилась хорошая возможность разбогатеть. Великий саксонско-веймарский князь Карл Август, барон Гаральд фон Фелькерсамт, Ганнибал фон Люттихау, Эрнст Август Принц цур Липпе, господин фон Трота и господа министры боннского правительства Эрхард, Лер и Делер — все они находились в первых рядах. Затем подключились известные представители рейнской финансовой олигархии во главе с миллиардером Круппом. И директор вновь созданного акционерного общества на том самом месте, где некогда Гитлер посвятил алчных финансовых магнатов из Рейнской области и Рура в свои планы по завоеванию мира, много лет спустя обратился к заинтересованным лицам:

— Уважаемые господа, позвольте всего несколько слов!.. Доктор-инженер Майнке проинформировал благородное собрание о существе дела. Взвешенными словами он наметил перспективы. Ему не хотелось бы утомлять присутствующих подсчетами, цифрами и комментариями. Для этого существуют экономисты. Однако одного обстоятельства он не мог не отметить. В конце концов, это триумф, и ему может позавидовать сам господин Крупп.

— Однако считаю своим долгом сообщить вам, уважаемые господа, о некоторых деталях, — как ни в чем не бывало продолжал господин Майнке. — Если своевременно будет предоставлен необходимый капитал, закуплены в установленные сроки земельные участки, если нам удастся построить заводские помещения и оборудовать лаборатории, если мы вовремя получим машинное оборудование, то я ручаюсь, уважаемые господа, что организую производство таким образом, что заводы компании ХАМАК (Hartmaterial Komanditgeselschaft) будут производить два с половиной миллиона каратов алмазов ежемесячно, а это значит, уважаемые господа, что чистая прибыль, естественно, за вычетом расходов на производство, налогов и прочего, составит шесть миллионов марок ежемесячно.

Герман Майнке победил по всем статьям. Перед такими огромными цифрами, такой сказочной перспективой не мог устоять никто. Все входили в дело, взносы возрастали. Уже после одного этого заседания на банковском счету ХАМАК насчитывалось более миллиона западногерманских марок. Когда с этим было покончено и господа удовлетворенно потирали руки, поднялся миллионер Ганнибал фон Люттихау, только что вложивший в дело четверть миллиона марок, попросил тишины и взволнованно произнес:

— Господа, мы должны благодарить провидение, что нам посчастливилось повстречаться с таким гениальным изобретателем. Я желаю, чтобы небо ниспослало ему долгие годы в здравии! Прозит!

Раздался звон бокалов с шампанским.
Известия о сказочных перспективах компании ХАМАК быстро распространялись, деловые люди в те

дни не говорили ни о чем другом, они расспрашивали друг друга, каждый стремился вложить состояние в столь выгодное дело. В это время верховный американский комиссар в Западной Германии Маклой сообщил боннскому правительству, естественно, секретно, но решительно, что при искусственном производстве алмазов необходимо будет учитывать и американские интересы в этом продукте, и сообщил господам акционерам, что представители американских военных концернов готовы вложить в предприятие до двадцати миллионов долларов.

Предполагалось производить огромное количество продукции.

Зачем столько алмазов? Опытные финансовые львы должны были знать, что перепроизводство приведет к снижению цен, уменьшению спроса. Но этот закон экономики действовал бы в том случае, если бы алмазы предназначались для украшений жен и дочерей богачей, если бы господа магнаты хотели при их помощи завоевать сердца актрис. Но не в случае использования их в дальнейшей промышленной обработке. Американский комиссар Маклой объяснил промышленникам, что американцы заинтересованы в мельчайших камнях, песке, алмазной пыли, то есть скорее в отходах производства алмазов, однако в большом количестве. Ведь алмазная пыль — драгоценное сырье для военной промышленности.

Боннским промышленникам было хорошо известно, о чем идет речь. Именно поэтому они проявили огромный интерес к этому изобретению. Министр экономики Эрхард без воодушевления отнесся к американским предложениям — дружба дружбой, а бизнес есть бизнес. Он не хотел раскрывать тайну производства аме-

риканским конкурентам, несмотря на то, что американское участие в деле могло принести много выгод, ведь это было партнерство победителя (США) и побежденного (ФРГ), к тому же в такой отрасли. Промышленники долго совещались, искали подвоха. Наконец, не осталось ничего другого, как высказать свою точку зрения. В ответе Эрхарда были следующие слова: «В данном случае Федеративная Республика Германии предоставит Соединенным Штатам исключительно выгодное для оборонной промышленности изделие».

И в центре всей этой грандиозной акции находился доктор-инженер Герман Майнке. Западногерманские промышленники решили, что должны беречь его для себя, ведь в таком грандиозном деле ни на кого нельзя положиться. Искусственное производство алмазов — слишком лакомый кусок, и как бы кто-нибудь не похитил гениального изобретателя. Федеральный министр внутренних дел получил секретный приказ, проконсультировался у адвокатов нового концерна и отдал распоряжение организовать круглосуточную охрану изобретателя доктора-инженера Майнке. С этой целью была создана специальная полицейская группа для обеспечения его личной безопасности, а тем самым и будущего предприятия, для которого он был незаменим.

С этого момента за бывшим подмастерьем портного всюду следовали двое неприметных служащих уголовной полиции, а также двое полицейских с чистокровными овчарками с милыми именами Плутон и Купа. Все они должны были охранять Майнке от возможного похищения. А тем временем у изобретателя было море работы. Компания ХАМАК уже приступила к строительству объектов. Доктор-инженер попросил министра Эрхарда поддержать его проект и получил положительный ответ, открывавший все двери, разве-

явший сомнения самых отъявленных пессимистов: «По Вашей просьбе подтверждаю, что, принимая во внимание важность начатой Вами организации производства, а также валютное состояние Федеративной Республики, выражаю заинтересованность в том, чтобы строительство запланированных промышленных объектов было осуществлено как можно скорее, чтобы уже в начале будущего года можно было приступить к производству. Людвиг Эрхард, министр».

Герман Майнке скупал земельные участки, заказывал оборудование, утверждал проекты, с необыкновенном усердием заботился обо всем. Его ассистентка все время работала рядом с ним. Кто-то заметил, что оба доктора даже жили в одном доме, ведь господин Майнке желал, чтобы его ассистентка все время была под рукой. Самоотверженный работник! Тем временем федеральный министр труда Шторх получил приказ из высших инстанций позаботиться о подборе примерно четырех тысяч рабочих, которые должны быть, принимая во внимание важность и секретность производства алмазов, сознательными, безупречными и во всех отношениях лояльными.

Господа, основавшие компанию ХАМАК и сделавшие взносы, жили спокойно. Они выполнили то, что требовалось, — внесли деньги — и теперь ожидали крупной прибыли. И доктор-инженер Майнке жил в соответствии со своими современными возможностями и пытался использовать свое исключительное положение в соответствии со своими моральными критериями. Так, например, он потребовал для личных расходов шестьдесят тысяч марок из кассы компании.

Так проходили дни и недели. Богатые господа забеспокоились. Кроме первого экспериментального образца,

произведенного во время испытаний и названного изобретателем именем министра экономики, никто из них не увидел больше ни единого карата. Тем временем компания строила производственные цеха лаборатории и административные здания. Изобретатель работал без отдыха в своих временных лабораториях в боннском пригороде Дуисдорфе, в бывших казармах Галлвитц, и пытался найти самый экономный способ производства алмазов. Акционеры проявляли нетерпение, и торговый директор ХАМАК Вернер их успокаивал:

— Господа, для столь грандиозной акции необходимо время! Да, акция Майнке нуждалась во времени. Чтобы развеялись сомнения и у акционеров не возникало упреков, что ничего не делается, руководство фирмы основало специальный социальный фонд доктора Германа Майнке. Для рабочих и служащих будущего концерна у строительной фирмы был заказан целый поселок, который сразу же назвали именем торгового директора ХАМАК — «поселок Эрнста Вернера». Именно в это время у компании стало не хватать денег.

Фирма превысила смету строительства на целых десять миллионов марок, и финансисты вынуждены были выплатить сначала пять, а затем и десять миллионов дополнительно, чтобы дело преждевременно не свернулось. Они сделали это с радостью, ведь перед ними маячила перспектива сказочных прибылей, которые они ожидали, как только производство искусственных алмазов будет поставлено на конвейер.

Руководство компании позаботилось о квалифицированном персонале, доктор Майнке уже не работал в лаборатории один на один с доктором Эдельтраут, пер-

сонал расширился, прибыли опытные инженеры-химики, ассистенты после вузовской практики, известные ученые. Однажды, заключив выгодный контракт, в работу включились доктор Юнгерих и доктор Эверхайм, оба в качестве ассистентов изобретателя Майнке. Они работали с господином Майнке десять-четырнадцать дней и вскоре стали просить министра Эрхарда принять их. В заявлении на аудиенцию они указали, что речь идет о секретных и весьма неотложных обстоятельствах, касающихся фирмы ХАМАК.

Господин федеральный министр — человек весьма занятой. «Вас не могут принять, позвоните на следующей неделе». «Господин министр уезжает с официальным визитом за рубеж». «На этой неделе господин министр не принимает, так как будет заседать правительство». Однако оба ученые были настойчивы и все же добились приема. Когда пришло время их визита, секретариат вызвал консультанта — боннского профессора Стакельберга, и господа ученые сделали в его присутствии ошеломляющее заявление: наблюдая за работой изобретателя и беседуя с ним, они пришли к не вызывающему сомнений выводу, что у господина Майнке нет необходимых знаний в области химии и физики, что никакой он не доктор, не инженер, поскольку не обладает даже школьными знаниями в обеих областях, не разбирается в технологии и лабораторной практике, его опыты, проведенные для получения искусственных алмазов, бессмысленны, по всей видимости, Майнке — мошенник, аферист.

Министерство хозяйства передало дело для рассмотрения известному специалисту профессору Стакельбергу, который, изучив детали, подтвердил, что господа правы. Майнке действительно шарлатан, а его грандиозный проект — мошенничество. Дело ХАМАК сразу же превратилось в аферу ХАМАК, и мыльный пу-

зырь лопнул так громко, что заложило уши всем, кто вкладывал в это дело деньги.

Портновский подмастерье Майнке в июле 1953 года с женой предстал перед сенатом земельного суда в Бонне и был обвинен в наглом мошенничестве, на удочку которого попались почти все финансовые знаменитости, промышленные магнаты и несколько федеральных министров. А в итоге?

— Главный обвиняемый Герман Майнке приговаривается к тюремному заключению на три года, его жена и помощница, выдававшая себя за доктора и племянницу мошенника, Эдельтаут, к тринадцати месяцам тюрьмы.

Портновский подмастерье, не так давно отправившийся путешествовать в поисках богатства, выслушал приговор с улыбкой. Он был доволен. Более двух лет (1951—1953) он водил за нос выдающихся хозяйственных деятелей Федеративной Республики: министров, баронов, принцев, директоров банков и председателей правлений крупнейших концернов, которые его всячески обхаживали. Предыстория дерзкого прожекта, в котором опытные финансисты утопили значительный капитал, была прозаичной.

Майнке вычитал в каком-то популярном научном журнале сообщение о возможности производства искусственных алмазов. Это натолкнуло его на мысль опередить события. Он задумал аферу и воплотил ее в жизнь. Но ведь, — скажете вы, — Майнке провел перед узким кругом известных заинтересованных людей пробный эксперимент, во время которого изготовил настоящий алмаз. Все просто. Его ассистентка, а на са-

мом деле жена, незаметно положила в пепел крошку алмаза, которая была спрятана под ногтем мизинца. За день до этого мошенники купили алмаз в Колине над Рейном в фирме «Дюрер» за деньги, выданные им для проведения опытов.
(По следам преступлений. — М., 1982)

ГДЕ НАШИ ФУНТЫ?

Раньше Советское правительство поддерживало забастовки шахтеров. И даже давало им валюту.

Лето 1990 года. Артуру Скаргиллу, руководителю Национального профсоюза горняков Великобритании (НПГ), предъявлено обвинение в присвоении примерно двух миллионов фунтов из денежных средств, присланных в 1984—1985 годах советскими профсоюзами для оказания помощи бастующим шахтерам страны. Обвинения носят форму журналистского расследования, появляются в газете «Дейли миррор», звучат с телеэкрана.

Встречное расследование, проведенное по просьбе профсоюза, дает основание утверждать: Скаргилл виновен, но не в присвоении денег, а в не слишком этичных операциях с профсоюзными средствами. Однако прибывший вскоре в Лондон Юрий Бутченко, руководитель независимого профсоюза шахтеров СССР, подлил масла в огонь, заявив, что он «будет добиваться возврата средств, в свое время переданных в НПГ». И Скаргилл «раскололся». Выступая на профсоюзной конференции в Дарэме, он заявил, что деньги лежат на секретном счете Международной организации горняков в Париже.

К делу по расследованию «растрат Скаргилла», начатому Скотланд-Ярдом, имеет отношение еще один наш соотечественник — лидер воркутинских шахтеров Сергей Масалович. На пресс-конференции в Лондоне он утверждал, что советские шахтеры передали британским коллегам 3 миллиона 600 тысяч фунтов, исчезнувших бесследно. К слову сказать, вслед за этим его заявлением Масаловича пытались найти для получения свидетельских показаний, но обнаружить не смогли.

Сыщики, однако, намерены найти второго обвинителя, написавшего анонимное письмо, в котором утверждается, что руководство профсоюза виновно в мошенничестве и подделке финансовых документов...

1984 год. За дубовыми дверями ЦК КПСС было принято решение об оказании помощи бастующим шахтерам Британии. Ему предшествовало обращение Скаргилла в Советское посольство. Андрей Громыко посылает телекс в Париж, в котором дает окончательное «добро». На счет НПГ в банке «И-Би-Си» в Цюрихе переводится 1 миллион долларов. Было бы смешно сейчас утверждать, что миллион долларов был собран из кровных пенсов и центов советских шахтеров, валюты на руках до сих пор не имеющих.

Швейцарские банкиры возвращают вклад назад, заявляя о незаконности депозита. Пока думали, как об этом доложить в ЦК, что предпринять, прошло почти полгода. Декабрь 1984 — визит в Лондон Михаила Горбачева, тогда второго человека в Москве. Маргарет Тэтчер в беседе с советским представителем настойчиво рекомендовала не усложнять межгосударственные отношения, оказывая помощь шахтерам. Не знаю, с этого ли момента началось «особое отношение» Марга-

рет Тэтчер к советскому лидеру, но то, что просьба была услышана, несомненно, сделало свое дело.

Впрочем, британские журналисты, проводившие расследование, уверены, что и посольство в Лондоне, и КГБ предупреждали Горбачева об опасности «прямой поддержки». Возможно, это и сыграло основную роль при принятии решения. Так или иначе, но после поездки советского лидера в Великобританию профсоюз горняков заявил, что деньги следует использовать для поддержки не только шахтеров Британии, но и других стран. Скаргилл встретил это решение с пониманием, и в январе 1985 года счет был открыт в Межконтинентальном банке в Дублине. Вслед за этим 1 миллион 137 тысяч долларов были переведены через Варшавский народный банк на указанный выше счет в ирландской столице, венгерские и немецкие товарищи дополнили его до 1,4 миллиона долларов.

Май 1991 года. «Гардиан» провела новое расследование, сообщив, в частности, что западные разведслужбы произвели проверку советских банковских переводов по всей Европе, дабы найти следы финансовой помощи британским шахтерам.

Ясно одно: далеко не всегда Советское правительство возражало против шахтерских забастовок. Было время — и валюту не жалели.
(С. Бабусенко. — «Новое время», май 1991)

ПИРАМИДА «ГАЙСТРАХА»

«Мы люди бедные, но честные», — эта фраза была своеобразной визитной карточкой Вадима Грамовича, директора коммерческой фирмы «Гайстрах».

Вадим действительно был бедным журналистом, пил не французский коньяк, а редакционный спирт, и закусывал его отнюдь не омарами, но «сэндвичем» из черного хлеба и полесского свиного сала. Талантливому и умному хлопцу из провинции были тесны строгие рамки «застегнутой на все пуговицы» партийно-советской журналистики. Но он еще не знал, чего ему больше хочется, как всякому заядлому охотнику: торговать лисьими шкурами или поступать в Литинститут. Горбачев объявил «перестройку и ускорение» — и Вадим Грамович здраво рассудил, что при таком раскладе лучше совмещать приятное с полезным. Для этого нужно было уйти из газеты белорусского МВД, и в 1989 году он снял с себя мундир офицера, перейдя на вольные журналистские хлеба.

«Грам» (так его часто называли приятели) перепробовал массу занятий — в этом он был как две капли воды похож на многих бизнесменов—выходцев из творческой интеллигенции. То было веселое и безумное время, когда создавались и в одночасье рушились огромные состояния. Тогда в письменном столе одного бывшего журналиста могли лежать несколько сот тысяч американских долларов наличных, нигде не учтенных, на которые можно было купить, наверное, всю центральную часть Минска с Домом правительства, памятником Ленину и нищими в подземных переходах... Тогда другой знакомый «новый белорус» с дипломом журфака в сейфе утром вел переговоры из соб-

ственной «Вольво-960» по спутниковой связи, а вечером, в наручниках и с небольшим — «для порядка» — фингалом под глазом, давал показания бойкому «оперу» по делу о торговле ванадием, палладием, стронцием или о чем-то там секретно-стратегическим еще, а ночью уже спал на свежевыстиранных, пахнущих ландышем простынях дипвагона «Москва—Париж».

Жизнь, казалось, была прекрасна и удивительна. Она, как калейдоскоп, переливалась всеми цветами радуги. В глазах, словно искры, вспыхивали доллары, дойчмарки, фунты стерлингов... А Вадим Грамович любил зайти к бывшим коллегам по перу, невзначай спросить о зарплате и хохотнуть: «Я иногда в день столько зарабатываю...» И тут же накручивал телефон: «Алло, вагоны с лесом вышли? Понял... Это Балахна? Почем у вас газетная бумага?» В кабинете воцарялось благоговейное молчание.

14 апреля 1995 года, ближе к обеду, Вадим Грамович вышел из своего офиса в гостинице «Минск», что находится недалеко от здания МВД, сел в белый БМВ-520 и уехал. Это была не его машина — свой джип «Исудзу-Трупер» директор КФ «Гайстрах» отдал в ремонт, а БМВ попросил напрокат.

Работники фирмы ждали его к 16.00, потом — к 18.00. Тщетно. Как стемнело — начали волноваться. Было отчего: многие знали, что Вадим уехал за крупной суммой денег. Подняли на ноги всех, кого можно: родственников, знакомых, милицию, больницы, морги. Тщетно.

Лишь несколько человек, отчасти посвященных в финансовые дела Грамовича последних лет, понимали в

тот момент: вот-вот может взорваться «бомба». Потому что утром 15-го, чуть свет, по коридорам загрохочут сапоги, туфли и ботинки десятков, сотен людей, у которых «Гайстрах» уже почти полтора года под проценты брал деньги взаймы. Они ушли сегодня, обнадеженные и успокоенные фразой:
— Вадим уехал за деньгами, скоро вернется.

Люди поверили. Говорят, в январе 1995 года у Вадима уже была подобная ситуация — трудности с дензнаками. Уже стучали в 391-ом гостиничном номере кулаками по столу встревоженные «вкладчики», так, что подпрыгивали канцелярские принадлежности; уже замирали от страха за сохранность офисной мебели и собственных причесок сердца Кати и Оли — «агентов по приему займов и оформлению договоров». Но Вадим уехал в пургу и метель — и вскоре возник на пороге с волшебным чемоданчиком. Щелкнули замочки — открылось чарующее нутро, набитое пачками банкнот.

Он объехал с этим чемоданчиком всех кредиторов. Спрашивал: «Сколько?» — и тут же отсчитывал любую сумму. Это производило магическое впечатление. Вадику верили — и несли, несли многие тысячи долларов.

Еще теплилась надежда, что и в апреле Вадим так же вернется, распахнет дверь, обязательно улыбнется — и начнется «раздача слонов». Но этого не произошло. В милицию, прокуратуру посыпались заявления пострадавших при падении «пирамиды»: «Я, такой-то, давал тогда-то фирме «Гайстрах» (читай: Грамовичу. — Авт.) взаймы под проценты энную сумму в рублях, долларах или иной валюте. Согласно договору, деньги должны быть мне возвращены к такому-то сроку. Но директор фирмы исчез. Мне причинен значительный

моральный и материальный ущерб. Прошу помочь и т. д.».

Прессинг этих заявлений и других демаршей «вкладчиков» был столь велик, что, «по настоятельному совету прокуратуры», Московский РОВД Минска возбудил уголовное дело. Статья — 91 прим: «хищение в особо крупных размерах», расстрельная... В первых бумагах по делу черным по белому было написано, что Грамович похитил «3 миллиарда рублей и более 2 миллионов долларов».

Милиция «взяла в оборот» упомянутых «девочек» Олю и Катю, «мальчиков» Пашу и Сашу, коммерческих агентов, также занимавшихся приемом денег. У них изъяли четыре убористо исписанных фамилиями и цифрами блокнота. Это и была часть «черной» бухгалтерии «Гайстраха» — не для чужих глаз и налоговой инспекции так сказать. Принятые наличные деньги агенты ежедневно сдавали лично Грамовичу; через кассу они не проходили и в банк, само собой, не сдавались. Оперативники «механически» прикинули на калькуляторе сумму — вот и вышли те самые «3 миллиарда» и «2 миллиона». Потом они «рассыплются», потому что, во-первых, по немалым займам и процентам Вадим, как оказалось, с лихвой рассчитался раньше, а во-вторых, часть «кредиторов» просто не обратилась в «органы» за возвратом денежек. Но это было потом.

А пока все в Минске и окрестностях гремело: «Грамович!.. Кто бы мог подумать!..» Вадим Владимирович был личностью популярной и известной во многих кругах. По роду профессиональной деятельности ему в свое время приходилось общаться с высокими чинами МВД, КГБ, Прокуратуры и воротилами бизнеса, видными «партократами» и «демократами», националиста-

ми и русофилами, поэтами и бомжами, генералами и «ворами в законе». Один из близких друзей Вадима назвал его на допросе «патологически честным». Я бы выделил еще одну черту — «болезненную» коммуникабельность. Общение, обмен информацией нужны были ему, как океанская вода — Ихтиандру. Думается, тот факт, что его считали «своим» и за праздничным столом у экс-секретаря ЦК комсомола, и за «рюмкой чая» у какого-нибудь спившегося минского «Вергилия», — этот факт пьянил Вадима, был предметом его гордости.

Итак, он знал многих, и многие знали его. Более того: немало «сильных мира сего» тоже ссужали его деньгами. Конечно, их фамилии не фигурировали в тех четырех потертых блокнотах — сделки свыше 50 тысяч долларов Вадим заключал только с глазу на глаз, без кать и оль... «Комитетчики» и милиция, динамовские спортсмены и еврейские толстосумы тоже несли Вадиму кровные доллары в надежде на дивиденды. А он платил — и неплохо платил. Его двоюродный брат, тоже бизнесмен, утверждает, что «некоторые вкладчики работали с Вадимом по три года — и не было вопросов».

Возможно, так оно и есть. Но этих людей, наживших с помощью Грамовича гигантские суммы, нет в числе потерпевших и истцов. «Зачем “светиться”?» — резонно рассуждают они. — Вадим объявится — разберемся. Нет — только лишнее внимание к своим персонам привлечем». Впрочем, ограничиться этим — значит, оскорбить сию публику косвенным обвинением в инертности и беззубости. Милиции известно, по меньшей мере, о двух «бригадах» бандитов, которые «параллельно» искали (ищут?) Грамовича. Одну якобы отрядили спортсмены, вторую — еврейская «диаспора». Сведений о результатах поисков пока нет. Молчит Ин-

терпол, молчит и уголовный розыск СПГ. У бандитов, извините, не спрашивал.

А следствие потихоньку заходит в тупик. Причем — закономерный. Большинство из 560 «физических лиц», предъявивших официальные претензии Грамовичу, заключили с ним стандартные договора. Доверившихся простой расписке — немного. Так вот, договора (чаще всего они многократно продлевались, по ним «отщипывались» весьма аппетитные проценты) имеют два маленьких, но весьма существенных пунктика.

Первый: чтобы не «подставлять» клиентов, Грамович вписывал в графу «заемная сумма» уже полную, с дивидендами, цифру — иначе по этому договору всех заимодавцев можно было бы привлечь к ответственности за сокрытие доходов от налогообложения.

Второй нюанс: в случае неуплаты указанной суммы в срок Вадим обязывается «отстегнуть» пеню 1—2% за каждый просроченный день. А ограничений по времени — нет.

Иными словами, с точки зрения юриспруденции к Грамовичу невозможно предъявлять какие-либо претензии. Моральные — может быть... Исчез «по-английски», никого не предупредив. Хотя ясно ведь человек сказал: «Еду за деньгами». Ноу комментс.

Сколько же он, однако, должен? Вот уточненная сумма: 1 025 426 000 белорусских рублей, 1 039 787 долларов США и 25 748 дойчмарок. Самое время сказать о тех, кто на них претендует. Значительная часть работала с Грамовичем не один месяц и, повторюсь, успела непло-

хо на этом нажиться, а то и «погасить» процентным доходом внезапные потери. Все они находятся в здравом рассудке, под дулом пистолета их в гостиницу «Минск» никто не загонял... Вадим Грамович, безусловно, обладал немалым даром убеждения, но вряд ли удастся доказать, что он и его подчиненные загипнотизировали сотни людей, заставив каждого выложить на стол заветные «пять сольдо».

И самое главное: у всех был выбор! Хотелось надежности — почему не отнести в банк? Ах, там процент был меньше?! Но ведь в 1994—1995 годах некоторые фирмы предлагали гораздо более головокружительный «подъем», чем «Гайстрах». Ах, знакомые советовали: мол, надежная контора. Ну а своя голова на плечах — для чего? Коммерция в бывшем СССР — это постоянный риск, игра, лотерея. Особенно — «пирамидальная» коммерция. Примеры «Хопров», МММов, «Русских домов Селенга» были перед глазами, во всех газетах, на всех голубых экранах. Но...

Что подвело? Грешен славянин — азартен до судорог. Игрок до кончиков ногтей. Какой там Лас-Вегас, какое Монте-Карло!.. Один пожилой джентльмен из бывших военных, накопивший валюту по германиям-чехословакиям, «погорел» на «Гайстрахе». Каково же было удивление сотрудников милиции, когда они увидели вояку спустя некоторое время в той же гостинице «Минск», но этажом выше: дед участвовал в строительстве новой «пирамиды». Мусоля палец, отсчитывал «зелень», а миловидная секретарша вписывала его славное имя в блокнотик... Другой пенсионер «соблазнил» целый коллектив СКБ крупного промышленного предприятия: дамочкам раздавал презенты — цветочки, конфетки, а на восхищенные вопросы: «Откуда?» — под большим секретом сообщал, что снимает процентные «сливки» в «Гайстрахе». Такой вот бесплатный «видеоклип» с ме-

стным Леней Голубковым. О, эти загадки русской души!

Нет слов: жалко стариков, отдавших Грамовичу последние 100 «баксов» или несчастный свой миллион, надеясь сберечь деньги от инфляции. Жалко немощных, собиравших лишнюю копейку на лечение. Да всех жалко. И Вадима — тоже. Почему-то, хоть убей, не верю тем, кто убеждает: «Видели в Италии (Франции, Америке, Австралии) — загорает, на яхте катается. А чего там — на миллион долларов можно жить припеваючи».

Конечно, он не был ангелом. Но мне почему-то кажется, что присказка про «бедных, но честных» — не просто ради красного словца.

Контролировал ли он долларовый водопад, низвергавшийся на него в течение полутора-двух лет? Куда уносил полученные деньги и откуда возвращался с тем самым чемоданчиком? Какие такие дела «прокручивались» им (или его компаньонами) для получения такой солидной прибыли? Ведь даже в феврале—марте 1995 года он мог выплачивать заимодавцам до 15—20% в месяц по долларовым и 40—45% — по рублевым суммам.

«Лес, бумага», — так отвечал Вадим двоюродному брату, который был смущен, когда родственник возвратил ему долг с «наваром».
— Зачем, Вадик?! — обалдел брат.

— Бери, бери, это твое, — смутился Грамович и поспешил сменить тему беседы.

Кое-кто считает, что давняя любовь Вадима ко всяким спецслужбам — КГБ, МВД — в условиях «развитого рынка» переросла в деловое сотрудничество: благодаря его денежкам «поднялись» фирмы, использующие бизнес как ширму — для борьбы с преступностью.

«Гайстрах» в мае 1994 года проверяла налоговая инспекция Фрунзенского района. Результат? Так, мелкие нарушения, наказанные незначительными штрафами. «Занятия видами деятельности, не предусмотренными Уставом, не установлены». Налоговый инспектор в офис «Гайстраха» не выбывала — ей вполне хватило бумаг, предоставленных главбухом.

«Забуксовавшему» следствию (хищение никак не удавалось доказать) подсказали новый состав преступления: «Грамович занимался незаконной банковской деятельностью». Но в августе 1995 года зампред Нацбанка Беларуси Сидоров официально ответил на запрос: для того, чтобы занимать деньги и отдавать их, лицензия не нужна. Работа с валютой? Такая лицензия и валютный счет у Вадима были.

Что остается? Что вменять в вину исчезнувшему директору КФ «Гайстрах»? Мошенничество? Но надо доказать умысел. Он усматривался бы, заключай Вадим долгое время сделки на несколько месяцев вперед, накапливая деньги, чтобы в один прекрасный день «сделать ноги». Но он платил, рассчитывался... И только последние полмесяца («Вадим в это время вдруг стал каким-то не таким...», — вспоминает один из его работников) начал постепенно «перекрывать кран». Но его ли в том вина? Пока не найдется — не узнаем.

Что отыскали? Многое — и ничего. Владелец БМВ нашел спустя две недели свою машину на стоянке возле кинотеатра «Октябрь» в Минске. Было разбито заднее левое стекло в дверце. Моторный отсек — грязный, будто ездили по проселку. Пробег 7—8 тысяч километров. Но пока милиция «раскопала» хозяина иномарки, он успел ее продать. «Засветился» и сотовый телефон Вадима, который 14 апреля был с ним. Некий юноша нашел его однажды вечером, прямо на газоне в центре Минска. Принес на станцию сотовой связи — милиционер-охранник отобрал красивую штучку. Долго водил юношу за нос, а потом объявил, что... телефон у него украли.

Установлено, что по этому телефону говорили еще пару недель после исчезновения Грамовича. Но номера, зафиксированные в счетах на оплату, ничего нового следствию не дали.

Опросили сотни людей — никто толком ничего не пояснил, не пролил свет на следы Вадима. Лишь один его знакомый рассказал, что встретил его в тот самый день в походной одежде и темных очках: Грамович направлялся к электропоезду, а за ним будто бы шли двое мужчин с какими-то чемоданами. Богатое воображение способно дорисовать содержимое чемоданов, а также билет в кармане — до Майами на одно лицо. Исчезла и Ирина С., женщина, с которой он последнее время жил.

Работники «Гайстраха» разбрелись. Милиция изъяла офисную мебель и оборудование, а также две автомашины, принадлежавшие Вадиму. Отыскали несколько десятков фирм (в том числе — дочерних «гайстраховских»), которые должны Грамовичу энную сумму, впрочем, не сравнимую с его долгом.

(А. Жихарев. Пирамида «Гайстраха». — «Уголовное дело», 1995, № 8)

ГЕНЕРАЛЫ РАСТРАТИЛИ МИЛЛИАРДЫ

Это были миллиарды, на которые можно кормить всю российскую армию два с половиной месяца.

В распоряжении редакции газеты «Известия» оказались уникальные документы, которые дают яркое представление о том, почему в нашей армии происходят такие трагедии, как на острове Русский, почему солдаты мерзнут и голодают в Чечне.

Один из этих документов, объемом в 26 машинописных страниц, называется «Акт ревизии финансово-хозяйственной деятельности Главного управления торговли Министерства обороны Российской Федерации, связанной с выполнением целевых программ поставок продовольственных товаров в 1994—1995 гг.». Ревизия закончена 25 марта. Проведена она группой генералов и офицеров Главной военной инспекции России под руководством генерал-лейтенанта Владислава Ваевского. Инспекции подверглись центральные торговые базы Минобороны, управления торговли Московского военного округа, Московского округа ПВО, Дальневосточного, Северо-Кавказского военных округов и Тихоокеанского флота.

Сейчас, чтобы хоть как-то прикрыть вопиющее мздоимство руководителей Тыла Вооруженных Сил, идет

лихорадочное редактирование этого акта. Между тем документы свидетельствуют: комиссия вскрыла убытки и хищения денежных средств в системе Главного управления военной торговли, которым командовал в это время генерал-майор Виктор Царьков, на сумму в 200 млрд. рублей. Кроме того, задолженность по кредитам коммерческим и полевым банкам, а также Минфину России за бюджетные ссуды и проценты по ним составляют по учреждениям военторга 661,6 млрд. рублей. На эти деньги можно было кормить всю российскую армию и флот в течение двух с половиной месяцев.

Как же все произошло? Довольно тривиальным способом. В 1994—1995 годах Главное управление торговли с разрешения и при поддержке заместителя министра обороны России — начальника Тыла Вооруженных Сил генерал-полковника В. Чуранова направило в адрес Минфина России несколько писем с просьбой о конвертации в российские рубли 37,9 млн. немецких марок, поступивших на счет Минобороны после расформирования торгово-бытовых предприятий Западной группы войск, в том числе и той валюты, которая подлежала возврату государству. Просьба объяснялась крайне тяжелым положением с военной торговлей в отдаленных гарнизонах, необходимостью обеспечить продовольствием и товарами первой необходимости военнослужащих частей, расположенных в районах Крайнего Севера, Дальнего Востока и приравненных к ним областей, членов их семей, а также воинов, выполняющих миротворческие функции в горячих точках.

Разрешение было получено. Но в Хабаровск, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Североморск и другие отдаленные города и гарнизоны России деньги на закупку на месте необходимых военнослужащим и их семьям

товаров (кстати, с учетом железнодорожных перевозок на 10—60 процентов более дешевых, чем в столице) не пошли. Стратеги из Хрустального переулка, а именно там, в исторических зданиях Средних торговых рядов Москвы, и располагается руководство Тыла Вооруженных Сил РФ и подчиненное ему Главное управление торговли Министерства обороны (ГУТ МО), решили сами распорядиться этими средствами. Московские генералы начали сами заключать договоры на поставку продовольственных товаров для периферии с различными коммерческими фирмами, тоже расположенными в столице.

Например, одной из дружественных тыловому начальству фирм — Российской финансово-промышленной группе вместо 7,3 млрд. рублей (в ценах на 15 июля 1994 года), на которые была подписана товарная спецификация, ГУТ МО выделил платежным поручением № 224 от 15 июля 10,36 млрд. То есть выдал беспроцентную ссуду на 3 млрд. При этом сама фирма закупила продовольственные товары в оговоренные соглашением сроки только на 1,8 млрд. рублей, то есть на 17 процентов перечисленной суммы, а остальное поставляла в течение пяти месяцев после окончания договорных обязательств.

Кому и куда ушли проценты и разница от этой сделки, можно только догадываться. Но одно известно точно, и это зафиксировано в акте ревизии: Российская финансово-промышленная группа нанесла ущерб Главному управлению торговли Минобороны (ГУТ МО) в размере 6,5 млрд. рублей. Правда, штрафные санкции к ней со стороны руководства ГУТ МО на сумму в 680 млн. не предъявлялись, а расчет за поставленные товары по курсу доллара шел не на день окончания договорных обязательств, а по факту поставки, что опять принесло убытки военным на 2 млрд. рублей.

И таких «дружеских» фирм, как РФПГ, на подряде у генерала Царькова, его начальников и приближенных была не одна и не две. В 1994 году Главное управление торговли получило от Минфина России под гарантии своего Министерства обороны ссуду для доставки военных грузов, в том числе и продовольствия в районы Крайнего Севера. Размер ссуды был равен 120 млрд. рублей, проценты по ней составляли треть учетной ставки Центробанка России. Погасить ее военные должны были до 30 мая 1996 года, а в качестве гарантии представили депозит в размере 30 млн. немецких марок вместе с процентами по нему, размещенный на срок до 14 апреля 1995 года в «Мост-Банке».

Полученные от Минфина деньги ТУТ МО перечислил в порядке предоплаты за продовольственные товары коммерческим компаниям: «Золотой диск» — 35,2 млрд., ФПК «ВАД» — 37,5 млрд., ТОО «Арей» — 40,1 млрд., АО «Торговый дом ГУМ» — 1,2 млрд. рублей. И только 6 млрд. из Центрального военторга ушло на пополнение оборотных средств в управления торговли Ленинградского, Приволжского и Дальневосточного военных округов, Северного и Тихоокеанского флотов. Начальник ГУТ МО генерал-майор Царьков и его заместители заключили с четырьмя фирмами-посредниками тридцать одинаковых по своей сущности и содержанию договоров, по которым без каких-либо жестких условий для коммерсантов и юридических гарантий военным предусматривалась предварительная оплата всех запланированных контрактов. Так 95 процентов бюджетной ссуды оказалось на счетах коммерсантов.

И ребенку ясно, что без предварительных условий и без жесткого контроля со стороны чиновников ГУТ МО перечисленные деньги не были подтверждены ни количеством товаров, ни их реальной стоимостью. Более

того, общая стоимость товаров, подлежащих поставке, с учетом действовавшего на тот момент курса доллара была равна 75 млрд. рублей, а получили фирмы 114 млрд. То есть 38,9 млрд. беспроцентного кредита они смогли использовать по своему усмотрению. И, конечно, использовали.

Мало того, что ни один килограмм необходимого груза не был доставлен на Крайний Север, как это предусматривали договоры, в течение двух-трех месяцев или, в конце концов, в ходе навигации, до ее окончания, а наоборот — грузы пошли потребителям уже после окончания навигационного завоза. Что увеличило стоимость каждой банки консервов в два-три раза.

Но если кто-то думает, что за такую доставку товаров, например, из Москвы во Владивосток, а оттуда в тот же Петропавловск-Камчатский или на Чукотку платили, как было оговорено договором, фирмы-посредники, то глубоко ошибается. Сделано это тоже было за счет ГУТ МО России. И фирмы «сэкономили» для себя 4,8 млрд. рублей. Более того, они выставили управлению торговли Тихоокеанского флота счет за эту дорогу и тоже получили компенсацию в размере 281,5 млн. рублей.

И это еще не все. Общая сумма договоров, заключенных с фирмами-посредниками, определялась, как водится, в рублях, а цена товара — в долларах США. Но руководство ГУТ МО не зафиксировало эквивалентную цену товара в рублях на момент заключения договоров. Это позволило поставщикам пересчитать стоимость доставленных грузов на момент их поступления к потребителю. Общий ущерб военной торговли от разницы в курсе доллара составил 15,8 млрд. рублей, а упущенная выгода 17,2 млрд. рублей.

Показательна в этом плане афера, проведенная чиновниками ГУТ МО России совместно с фирмой «Пладо». 6 июня 1995 года руководители военной торговли без каких-либо экономических обоснований приняли решение о перечислении этой фирме 78,2 млрд. рублей на поставку в армию продовольствия. В тот же день эти деньги ушли в банк «Возрождение» на открытый тогда же расчетный счет фирмы. Сами же продовольственные договоры были оформлены только в конце сентября.

Но и это не самое интересное. За время, прошедшее до заключения договоров, как установила военная прокуратура Московского гарнизона, на деньги, выделенные ГУТ МО, фирма «Пладо» закупила 13,9 млн. долларов, из которых 12,8 млн. долларов перевела различным иностранным фирмам в оплату контрактов, не имевших никакого отношения к продовольственному снабжению армии. Кроме того, на 9 млрд. рублей она провела кредитование таких фирм, как известная нам РФПГ, «Фирма-22», «Лик», «Русское оружие».

Более того, закупив на перечисленные Главным управлением торговли деньги рис, гречку, масло, муку и супы, «Пладо» не отправила их в адрес военных гарнизонов, а перепродала другим фирмам — «Орис» и УТК «МГ», за что получила еще 10,7 млрд. рублей прибыли. В спецификациях же тех товаров, которые дошли до военных, по уже устоявшейся традиции цена указывалась в рублях, а в генеральном соглашении, заключенном с ГУТ МО России, в долларах. И опять разница в курсах валют на момент подписания соглашения и на дату поставки составила 12,5 млрд. рублей. Конечно же, в пользу коммерсантов. И, видимо, не только их.

Одним из самых ярких примеров лихого разбазаривания руководством Тыла Вооруженных Сил выделенных правительством России средств может служить операция, проведенная на 1812-й Центральной торговой базе ГУТ МО, по закупке в прошлом году для семей военнослужащих дефицитного сахарного песка. По заключенным с фирмами «ВАД» и «Арей» договорам на эту базу должно было поступить десять тонн сахара. Фирмы закупили его в московском АО «Роспищепром» только через три месяца после получения денег от военных. Заплатили АО по 1500 тысяч рублей за тонну, но перепродали сахар ГУТ МО уже по цене 1690 тысяч рублей и по 1860 тысяч рублей за тонну, положив себе в карман 3,3 млрд. рублей прибыли. А ГУТ МО потеряло из оборота 9,5 млрд. рублей.

Более того, из той партии сахарного песка и на сегодняшний день не известна судьба 2,7 тысячи тонн сахара на 5,1 млрд. рублей. Все документы на него есть. А на склады 1812-й ЦТБ он не поступал. И найти его невозможно.

Но что сахар?! В марте 1995 года по товарному кредиту под 16 процентов годовых из центра России началась поставка продовольственных товаров на Дальний Восток. С марта по июль туда поступило 709,8 тонны грузов на общую сумму в 9,2 млрд. рублей. Среди них: масло растительное — 217,5 тонны, кофе растворимый — 10,47 тонны, консервы мясные — 247,4 тонны, молоко сухое — 85,5 тонны...

Должно было прибыть 384 тонны сахара, но его нет и по сей день. Срок реализации сухого молока истек еще в дороге, и его придется отдать на корм скоту. А поступившая с базы «Мострансбизнеса» в январе нынешнего года партия кофе в количестве 4,4 тонны не

имеет сертификата качества. Срок реализации 1757 его банок, расфасованных по 200 граммов, истек в ноябре 1995 года, а 41 тысяча банок по 100 граммов — в марте нынешнего. Кофе никто не берет, так как он (это установлено специальной комиссией) имеет неприятный смолистый цвет, но начисто лишен вкуса и запаха. А мясные консервы, которые, кстати, даже не имеют запаха мяса и похожи на жиденькую кашицу, являются не чем иным, как кормом для собак «Педигри Палом», да и то самого низкого качества. Собаки его не едят.

А в 456-м управлении торговли на космодроме «Байконур» с 13 июня по 15 июля прошлого года получили от ТОО «Фирма-22» по железной дороге 19 контейнеров с мясными консервами, сделанными в ФРГ. По заключению главного государственного санитарного врача города Ленинска (столица космодрома) и на основании акта экспертизы ВО «Союзэкспертиза» они не могут быть реализованы из-за непригодности к употреблению даже животными и должны быть уничтожены. Общая сумма ущерба, причиненного государству, составила 3,8 млрд. рублей.

Но, наверное, нет больше смысла рассказывать о всех коммерческих комбинациях различных московских фирм, которые с помощью Главного управления торговли Минобороны и его начальства лишили армию, ее солдат и офицеров средств, выделенных им государством на продовольствие. Нет смысла вспоминать названия этих фирм — многие давно уже их поменяли, сменили реквизиты, владельцев, юридические адреса. Ищи ветра в поле.

Правда, известны должностные лица ГУТ МО России, которые подписывали с ними договоры, выделяли

деньги на сомнительные коммерческие операции, а потом «забывали» выставлять штрафные санкции и прощали нарушение договорных обязательств. В «Акте ревизии», на который мы ссылались, эти люди названы. Это генерал-майоры В. Царьков, М. Иванченко, полковники В. Белый, Я. Филиппов, В. Кем. Начальник ГУТ МО, его замы, руководители экономических и коммерческих отделов... Нет, как водится, фамилий только тех военачальников, по рекомендациям, звонкам, записками которых заключались те или иные контракты, проводились те или иные коммерческие операции, кто по своему служебному положению был конечной инстанцией в принятии сомнительных и в конце концов убыточных для армии и государства решений. Никто не несет сегодня за это никакой ответственности. Ни юридической, ни административной, ни моральной.

Вряд ли за 200-миллиардный ущерб государственной казне и за 661-миллиардный долг бюджету ответят самые главные виновники — руководители Тыла Вооруженных Сил. Не генеральское это дело — расплачиваться за собственный непрофессионализм и корыстолюбие. На такой случай припасены стрелочники. Их обязательно назначат.
(В. Литовкин. — «Известия», 3 апреля 1996)

КОСТЯ-ВЕКСЕЛЬ

Незнакомец назвался Костей и деловито обменялся со всеми рукопожатием. Его пальцы были холодными и вялыми, казалось, что держишь в руке остывшую сосиску. Судя по наружности, он мог быть менеджером в фирме среднего полета, рекламным агентом или распространителем косметики. Столь непри-

мечательную наружность раньше имели младшие научные сотрудники.

Костя явно хотел казаться сильным и спокойным. Как же еще может выглядеть бизнесмен, который предлагает сделку на 100 млрд. рублей?

Но в Федеральном вексельном доме уже доподлинно знали, что Костя — жулик, его предварительную информацию тщательно проверили в Министерстве финансов. Костя предложил посредничество в приобретении векселей, выпущенных в погашение государственного кредита 1992—1994 годов агропромышленному комплексу, на сумму 100 млрд. рублей. На фондовом рынке операция сейчас распространенная. Но предложенных Костей векселей в природе не существовало...

В последнее время подобные предложения поступают в Федеральный вексельный дом регулярно — раз в неделю. И уже можно говорить не об эпизоде, не об отдельном новоявленном Остапе Бендере, а о возникновении в нашей стране новой финансовой аферы. Механизм ее запутан, в прежние времена аналога не было. Но на то и рынок — сложным финансовым схемам соответствуют сложные финансовые махинации.

В 1992—1994 годах государство предоставило агропромышленному комплексу кредиты на 18 триллионов рублей. Эти средства были отправлены на село через коммерческие банки. Излишне говорить, что кредит возвращен не был — в АПК деньги уходят как в прорву. И ЦБ решил проблему просто — списал деньги с корсчетов банков. Для успокоения возопивших банков в 1995 году были придуманы векселя

Минфина, принят федеральный закон и порядок их выпуска. С сентября 1995 года выпущено 8 серий на общую сумму 23 триллиона (процент набежал) рублей.

Векселя Минфина через региональные казначейства распространяются по коммерческим банкам. Погашение векселей из расчета 10 процентов годовых (не щедрый расчет!) начнется с 1 сентября 1998 года и рассчитано на 8 лет.

Стоит ли объяснять, что перепродать вексель и получить за него хоть какие-нибудь деньги мечтает каждый нормальный банкир. Показательно, что цена векселя при операциях на вторичном рынке составляет от 5 до 30 процентов номинала в зависимости от года погашения. Выдача векселей началась лишь в конце 1995 года. Это новая область фондового рынка, здесь немало путаницы с реестрами, с векселедержателями, с полномочиями региональных казначейств и Минфина.

И на такой благодатной почве месяца два назад были замечены ловкие дельцы, соратники нашего Кости, которые предлагали посредничество в приобретении векселей. И речь, как рассказывают в Федеральном вексельном доме, заводилась о гигантских пакетах в 100—200 млрд. рублей. Откуда?! Ведь банкам раздавались пакеты по 10 млрд., крупнее — большая редкость. Но если уж рисковать, то по-крупному.

Визит Кости в офис Федерального вексельного дома — исключение, мы его специально уломали. Обычно лжепосредники назначают встречу в холлах банков, в автомашинах, в вестибюле госучреждений. Самих вексе-

лей они, естественно, не показывают — помахивают в воздухе лишь реестром с фальшивыми номерами. Механизм такой: покупатель открывает в указанном банке счет, перечисляет деньги, а через неделю, будьте уверены, получает свеженькие векселя. В Федеральном вексельном доме подсчитали, что за два месяца фальшивых предложений поступило на сумму более 3 триллионов рублей. Сравните с общим объемом вексельных траншей...

Сам Костя ничем не рискует. Если ему скрутят руки, он сделает невинные глаза: вышла ошибочка, я такая же жертва, помогите. Но Костя с прочими «детьми вице-премьера Заверюхи» — не причина, а следствие той беспримерной расточительности, которую проявляет государство к не сумевшему и не желающему подстроиться к требованиям рынка агропромышленному комплексу. Появление Кости закономерно и неизбежно. Вы знаете, кто следует в арьергарде разлагающейся армии...

— Ладно, ребята, вы думайте, а мне надо к Виноградову еще в Инкомбанк забежать, — сказал костя на прощание. — Но не тяните, желающих много.

И, стрельнув на прощание сигарету, он удалился таким же сильным и спокойным, как и прибыл.

(С. Лесков. Как Костя-вексель нам миллиарды предлагал. — «Известия», 1995)

ДУРАКИ НЕ УМНЕЮТ

Финансовые пирамиды в провинции по-прежнему процветают. Мадам Носкова покинула город Таганрог тайно, не известив об этом даже самых близких людей. Ее автомобиль нашли брошенным в Ростовском аэропорту. Вместе с Носковой пустились в бега ее дочь, внучка, сожитель. В России эту милую провинциальную семейку увидеть, скорее всего, уже не удастся, и к поискам подключили Интерпол.

Семья Носковых оставила родному городу щедрое наследство. Два дома, дача, шестнадцать земельных участков под строительство коттеджей, пара КамАЗов, магазины, 250 млн. рублей в банке и прочее движимое и недвижимое имущество, что должно, конечно, несколько скрасить таганрожцам горечь расставания с Лилией Носковой, которая прихватила с собой в дальние странствия на память о любимом городе и его удивительных обитателях шесть млрд. рублей наличными.

Из города Таганрога в ясную погоду через гладь залива видны огни города Азова. Примерно в то же время в Азове готовился к отъезду в неведомые палестины некто Альберт Жуковский. Ему тоже было пора: он успел собрать с земляков свой миллион долларов. Но Жуковскому повезло меньше, чем Носковой: его взяли вместе с нажитым добром...

Схему, по которой любой мошенник даже в любой Нижней Пупырловке может быстро сколотить миллион долларов, описывать не надо. Летом 1994 года, когда миллионы российских кандидатов в рантье пережи-

вали первый стресс по поводу крушения МММ, когда каждая старушка могла на пальцах объяснить принцип «пирамиды», Лилия Иванова Носкова размещает свою фирму «Наско» под «крышей» объединенного профсоюза трудящихся кооперативных предприятий и начинает активно заниматься их, трудящихся, социальным страхованием. К весне 1995 года страховая компания «Наско-Таганрог» уже вовсю привлекает вклады населения под 195 процентов годовых. И исправно платит проценты (что характерно: не только чиновникам из городской элиты, но и пенсионерам). Реклама в городской газете была, пожалуй, уже лишней тратой денег. Беспроволочный бабушкин телеграф разнес желанную весть, небольшой городок загудел, заволновался и поверил.

«Наско-Таганрог» вскоре становится самой популярной страховой компанией в городе. Вопрос был уже не в том, верить ей или нет, а в том, как попасть в число избранных, которым позволено стать вкладчиками, чтобы получать стабильный процент. В городе Таганроге нашлось более десяти тысяч граждан, имевших свободные деньги и желавших их приумножить без всяких на то усилий. Именно они и составили «золотой запас» мадам Носковой.

Исследованием потрясающей наивности вкладчиков, отлично знающих, что судьба — быть обманутым, но тем не менее закапывающих свои денежки в очередное поле чудес, пусть занимается медицина. Нас интересует другое: а чем занимаются спецслужбы? Число их в России растет день ото дня. Например, налоговая полиция?

Что ж, она первой из всех других органов обратила внимание на компанию, имевшую в активе более мил-

лиона долларов, а в прибыли не больше 25 млн. рублей. Изучение бухгалтерии «Наско-Таганрог» вскоре выявило, что Ирина Лидовская, бухгалтер фирмы и дочь мадам Носковой, лишь десятую часть всех операций со вкладами проводила официально, остальные деньги каждый вечер в больших мешках увозились из операционного зала домой. Утром мешки везли обратно на фирму, и работа с населением продолжалась.

В июне прошлого года налоговая полиция возбудила против Носковой уголовное дело по факту сокрытия доходов в особо крупных размерах. Однако это не помешало мошеннице скрыться, прихватив с собой все деньги. А «инсинуации» местной прессы по поводу того, что Носковой позволили убежать покровители из городских властных структур, «не нашли в ходе следствия подтверждения».

Одной из главных причин того, что в больших, средних, маленьких и крошечных городах России, как пузыри, вспухают и лопаются «пирамиды» районного масштаба, начальник Управления федеральной службы налоговой полиции по Ростовской области генерал-майор Владимир Лазовский считает полнейшую безнаказанность мошенников.

По мнению Владимира Лазовского, с мошенническими фирмами не позволяют эффективно бороться прорехи в законодательстве. Доказать законным путем корыстный умысел в действиях «игроков в пирамидки» можно в самом деле только после того, как они убегут за кордон. До этого же момента продолжается «проклятая неизвестность»: а вдруг очередной финансовый пузырь будет платить обещанные проценты всегда?..

...Таганрог недолго скорбел по сбежавшей мадам Носковой.

Сейчас в этом чудном патриархальном городке новый кумир — фирма, которая не только платит хорошие проценты, но и обеспечивает всех своих вкладчиков дешевыми продуктами питания. Умысел пока не просматривается — видно, миллион долларов еще не собрали...

(Ю. Беспалов. Почему дураки не умнеют. — «Известия», 1996)

ЯДЕРНЫЙ РУБЛЬ

Мало кому известно, что Советский Союз — ныне СНГ — крупный и агрессивный экспортер урана и услуг по его обогащению. Что же касается подробностей нашего проникновения на этот рынок — это одна из великих нерассказанных историй современного бизнеса.

В широких коридорах фирмы пустовато, темновато, даже безжизненно. Можно подумать — это одно из тех мест, где готовятся к последней зарплате. А между тем здесь варятся великие дела. Фирма — «инфант террибль» современного урановo-топливного бизнеса, потрясатель структур мирового рынка, постоянный объект обвинений в недобросовестной конкуренции, нарушении писаных и неписаных законов торговли...

— Скажите, вы обогащали в 80-х годах южноафриканский уран?
— Нет.

— А это правда, что вы наводнили весь мир своими посредниками и торговыми агентами?
— Давайте лучше об этом не будем, пожалуй.

Не будем, так не будем... Начнем издалека. В 1968 году советский представитель на Венской конференции по нераспространению ядерного оружия объявил, что СССР, подобно США, готов оказывать странам — членам Договора о нераспространении услуги по обогащению урана. Пробить дверь на мировой рынок — для начала в Западную Европу — должно было в/о «Техснабэкспорт», в экспортном варианте — «Тенекс».

И оно ее пробило в 1971 году, когда с французской фирмой был заключен первый крупный долгосрочный контракт на услуги по обогащению; тогда-то все и началось. А впрочем, нет, началось все гораздо раньше, когда из разгромленной Германии приехал доктор Гернот Зипп.

Разумеется, приехал он не по своей воле, а был вывезен, чтобы продолжить, уже на советской земле, начатые в Германии работы над обогащением урана. Обогащать было что — вскоре после начала геологоразведочных работ по урану выяснилось, что страна располагает достаточным для любой ядерной программы ресурсами (сейчас они оцениваются как крупнейшие в мире). За долгие годы развития ядерной индустрии использовались десятки рудников на Украине, в России, Казахстане и Средней Азии. Ферганская область, Киргизия и Таджикистан были крупнейшими районами

уранодобычи в 50—60-е годы, позже центр производства переместился в Казахстан и РСФСР (Краснокаменск).

Первый завод по обогащению «металла», то есть повышению содержания в нем радиоактивного изотопа 235 был запущен в Свердловске в 1949 году — его-то в начале 70-х и решили загрузить европейскими заказами. Именно тогда в поле зрения «Техснабэкспорта» среди других деятелей мировой ядерной торговли, которых фирма собиралась использовать, попал дюссельдорфский бизнесмен герр Альфред Хемпель.

Сотрудничество с Хемпелем, контролировавшим целый куст торговых фирм в ФРГ, преимущественно в Дюссельдорфе и Швейцарии, началось, во всяком случае для сторонних наблюдателей, в духе здорового, законопослушного и даже играющего некую позитивную внешнеполитическую роль предпринимательства. В 1972 году Хемпель учредил в Москве представительскую контору, в 1973 — получил право вести в ФРГ дела «Техснабэкспорта» как производителя услуг по обогащению и с того времени продал этих услуг на сумму не менее 100 млн. долларов. Бонн и местные промышленные круги поддерживали это сотрудничество как альтернативу более дорогим услугам американских заводов по обогащению. Более того, Хемпелю, имевшему хорошие контакты в Москве и Восточном Берлине, приписывалась закулисная роль в межправительственных консультациях по вопросам сотрудничества в различных сферах ядерной промышленности и науки, и не только в них... Именно поэтому вплоть до самого последнего времени он пользовался политической поддержкой и отнюдь не сразу был выбит со своих позиций в ФРГ, несмотря на тяжесть упавших на его фирмы подозрений.

В 80-х годах Хемпель несколько раз попадал в неудобные ситуации, связанные с участием его фирм в незаконной посреднической торговле ураном и тяжелой водой. Конечными покупателями выступали ЮАР, Аргентина, Индия; поставщиками — или, во всяком случае, основными подозреваемыми — Китай, Норвегия и Советский Союз. Речь шла, в частности, о поставках советской тяжелой воды в Индию (торговля этим продуктом в те годы осуществлялась «Техснабэкспортом») и посредничестве в операциях по обогащению на советских предприятиях урана из оккупированной ЮАР Намибии для использования на западногерманских и австрийских АЭС (что противоречило санкциям Совета Безопасности ООН против ЮАР).

«Дело Хемпеля» в 1988—1989 годах приняло серьезный оборот, стало предметом слушаний в бундестаге и его комитетах. Перед лицом этих обвинений Хемпель был вынужден притормозить деятельность своих фирм в ФРГ и перевести часть операций в другие страны, в том числе и в Бельгию, где совместно с южноафриканскими бизнесменами он владел фирмой «Медгеникс».

В 1989 году «Тенекс» разорвал, во всяком случае официально, отношения с Хемпелем и передал функции представителя своих интересов в ФРГ, ранее принадлежавшие одной из фирм Хемпеля («Роштофф-Айнфур»), франкфуртской фирме «Урангезельшафт». Последняя получила и право вести операции «Тенекса» в Люксембурге, Швейцарии, Голландии и Австрии.

Вот что любопытно: «Урангезельшафт» — участник международного консорциума, эксплуатирующего один из крупнейших в мире урановых рудников — намибийский Рудник Рёслинга.

То есть тот самый рудник, который фигурировал в деле «Хемпель» — «Тенекс». И все-таки: обогащался в СССР намибийский уран или нет?

Некоторые западногерманские эксперты по ядерным отношениям ФРГ и ЮАР (например, Вольф Гайслер) и местные «зеленые» активно утверждали в 80-х годах, что это так. О серьезности этих подозрений свидетельствует и слушание этого вопроса в 1980 году в Комиссии ООН по Намибии. Представители СССР считали за благо все отрицать или отказываться от комментариев. В 1983 году в руки «зеленым» попали некие документы фирмы Хемпеля, где фигурировал факт обработки в СССР намибийского урана, но в ответ на соответствующий демарш «Тенекс» заявил лишь о намерении разорвать связи с Хемпелем, что, как уже говорилось, произошло значительно позже. «Тенекс» указал, что в контрактах с западногерманскими фирмами оговорено, что уран не должен быть южноафриканского или намибийского происхождения, а проверить соблюдение этого пункта нет возможности. «Зеленые» тогда не поверили и, скорее всего, правильно сделали — в таких случаях речь обычно идет не о возможностях, а о желании.

В 1986 году в международных кругах ядерной индустрии распространились данные, что СССР закупил у ЮАР партию урана по недорогой цене. Это увязывали тогда с предположениями о дефиците в Советском Союзе собственного уранового сырья, напоминая, что в 1979—1984 годах Москва, по неподтвержденным данным, безуспешно пыталась закупить уран в США, Канаде и Австрии. Может быть, действительно в течение какого-то периода возникала необходимость в привлечении ресурсов из-за рубежа; а может быть, поставка урана для обогащения с дальнейшей переправкой в Европу была ошибочно принята за закупку для собственных нужд...

Впрочем, 1986 год ознаменовался куда более важным явлением: конкуренты почувствовали, что «Тенекс» резко активизировался и начал менять свою стратегию на мировом рынке.

Что побудило отцов-руководителей в Минатомэнергопроме определить для «Тенекса» новую, суперагрессивную линию поведения? Все вместе — закат эпохи нефтедолларов, острая нужда в валюте, сокращение военного потребления урана, чернобыльский удар по перспективам собственной ядерной энергетики.

Кроме того, как полагают на Западе, правительство в Москве располагало и располагает крупными складскими запасами как природного, так и высокообогащенного, произведенного ранее для военных целей урана. Естественно, должна была возникнуть мысль о коммерциализации этих запасов. Еще несколько лет назад считалось, что мы не владеем технологией конверсии высокообогащенного урана в низкообогащенный, пригодный для энергетических целей. Однако недавно созданная Минатомэнергопромом и объединением «Арзамас-2» (производящим ядерное оружие) компания «Четек» объявила о намерении заняться такой конверсией — что, между прочим, подтверждает и сам отрицаемый Минобороны факт существования избыточных запасов. Что касается накопленных запасов природного урана, то они оцениваются на Западе в объеме, равном почти трехкратной величине годового производства бывшего «некоммунистического» мира. Не нужно быть экспертом, чтобы представить себе, что произойдет с мировым рынком, если на него рухнет эта масса продукта. Между тем слухи о якобы готовящейся массированной интервенции циркулируют.

Любопытно, что идея двигать на внешний рынок уран

присутствует не только в структурах Минатомэнергопрома. Некий источник в кругах мирового ядерно-топливного рынка сообщил специализированному журналу «Ньюклиэфьюэл», что «в Советском Союзе есть люди, знающие о наличии в стране запаса (природного урана на складах), но не контролирующие его. Они не раз выходили на западные компании с проектами продажи урана за различные типы товаров — например, за компьютеры. Но эти планы быстро испарялись». Здесь сразу вспоминается информация (впрочем, неподтвержденная или, может быть, быстро «обрубленная»), что планы бартерной торговли ураном были у злополучного концерна АТН...

Но, похоже, мы здорово забежали вперед. Короче, в 1986 году для «Тенекса» началось второе пришествие.

Стратегия второго пришествия напрашивалась: вторгнуться на ранее не освоенные рынки США, Канады и Дальнего Востока, увеличить долю в Западной Европе, продавать не только услуги по обогащению чужого урана, но и свой «металл» в натуральном и обогащенном виде.

Сейчас уже можно сказать, что, несомненно, новый прорыв «Тенекса» состоялся: в Америке скандал разразился в 1989 году, когда министр энергетики Уоткинс впервые привел расчеты ущерба американским производителям; вскоре запаниковали и европейские фирмы, обращаясь в Евратом и ЕС с требованиями защитить их от «недобросовестной конкуренции» со стороны «Тенекса».

А в чем, собственно, дело? Во-первых, конкуренты недовольны очень низкими ценами «Тенекса» — ценами,

которые они считают демпинговыми. Во-вторых, интенсивным использованием посредничества и ряда других приемов, позволяющих «сменить флаг», скрыть государственную принадлежность поставки.

А Америке, ФРГ действует ряд фирм, замеченных или подозреваемых в выполнении для «Тенекса» негласных посреднических услуг по реализации товара. В США это — «Нуэкско трэйдинг», «Палмко», «Парсенз оверсиз», «Ай-си-ди-групп», «Норд Америкэн текнолоджи энд трэйд»; в ФРГ — «Стеаг ернэнергие», «Нукем». (Это помимо фирм и СП, официально представляющих интересы «Тенекса».) Зачем? Чтобы не «светиться» со своими действительно катастрофически низкими ценами (хотя, возможно, они и не являются демпинговыми, то есть не стоящими ниже издержек). Можно представить себе и другие варианты — вспомним Хемпеля. Видимо, политических барьеров для «Тенекса» не существовало. В 1988 году, еще до восстановления нормальных межгосударственных отношений с Южной Кореей, уран был продан и в эту страну — через «Парсенз оверсиз» и «Норд Америкэн текнолоджи энд трэйд», имеющую в Корее филиал.

Но в конце концов — бизнес есть бизнес, у него свои привычки. Есть вещи поважнее деловой и политической этики и даже международного права — я имею в виду цену самого бизнеса, его человеческую цену.

В районе Краснокаменска, где расположено крупнейшее в России месторождение урана и Приаргунский горно-химический комбинат, поставляющий уран, в том числе и в Америку, радиационный фон — 60 микрорентген в час при норме 12—20 микрорентген. Никакой защиты, кроме респираторов, в карьерах не используется. Говорят, что частота онкологических забо-

леваний здесь выше, но никакой достоверной систематической информации об этом нет. Проблематикой радиационной физиологии занималось раньше 3-е Главное управление Минздрава, оно имело свои объекты на полигонах и заводах, но вся эта информация по-прежнему закрыта.

Другой пример — законсервированный в 1965—1966 годах рудник в поселке Кизыл-Кай, в районе Красноводска (Туркмения). По официальному акту местной санэпидстанции, вокруг шахты и отвала гамма-фон — 60—80 микрорентген в час с точечными очагами до 2500. На загрязненной отвалами территории сейчас размещены мастерские, гараж, автозаправочная станция, в бывших административных зданиях рудника — психбольница. Так же как и в Краснокаменске, здесь известны случаи использования породы из отвалов для частного строительства.

Никакой рекультивации земель на урановых рудниках не проводится: еще бы, это дело дорогостоящее, а зачем? Восстановление территории бывшего восточногерманского комбината «Висмут», где уран добывался для СССР и совместно с ним, оценивалось западногерманским Министерством экологии и ядерной безопасности сначала в 4 млрд. долларов, а теперь уже в 12 млрд. Еще в 1988 году здесь работала группа восточногерманских медиков и специалистов, привлеченных местной лютеранской церковью; в их докладе был сделан вывод, что врожденных дефектов здесь выше среднего.

Человек в респираторе не знает другой жизни и, возможно, искренне полагает, что его главная проблема — на сколько повысят зарплату благодаря валютным поставкам фирме «Нуэкско» и построят ли детский сад.

На самом деле его главная проблема называется проблемой длительного воздействия малых доз радиации. Но с этой мыслью невозможно прожить жизнь...

Решение вопроса о последствиях длительного воздействия малых доз радиации требует масштабных, систематических и абсолютно честных наблюдений на нескольких поколениях. Он остается открытым; единственное, что можно утверждать совершенно определенно, так это то, что в мировых военных кругах и кругах ядерной энергетики немало людей и организаций, заинтересованных в том, чтобы он был решен вполне определенным образом.

«Работа на урановых рудниках не опаснее, чем на любых прочих, — сказал мне человек, начинавший в 50-х годах геологом и всю жизнь связанный с урановой промышленностью. — Во всяком случае, пить и курить точно вреднее. Наша отрасль ничем себя не запятнала».

Конечно. Ну разве чуть-чуть... Но ведь жить вообще вредно — правда?

(С. Моргачев. Ядерный рубль. — «Совершенно секретно», 1992, № 4)

ЗАБИРАЛ ОН СВОЕ

Нашей стране есть чем гордиться. Среди множества жуликов, объегоривших своих сограждан путем создания липовых компаний, банков и фондов, много

выдающихся специалистов своего дела. Например, хозяйка фирмы «Властелина» Валентина Соловьева, которая надула 20 тысяч человек на громадную сумму, что позволяет ей предлагать трехмиллионный залог за свое освобождение. Но чемпионом страны в классе мошенников, конечно же, считается Сергей Пантелеймонович Мавроди, создатель гигантской «пирамиды» «МММ-нет-проблем», опустошившей карманы миллионов россиян. В благодарность за это они избрали его депутатом Госдумы и защитили тем самым от карающей руки правосудия. И все же, несмотря на исключительно высокую квалификацию Сергея Пантелеймоновича, в стране нашелся человек, который надул и его самого. Вот как это было.

Когда в конце июля 1994 года начался крах «пирамиды» МММ, Сергей Кулаков понял, что находится на краю гибели. В акциях Мавроди у него крутилось 50 тысяч долларов, из которых 44 тысячи он занял. А у нас, как известно, есть традиция убивать безнадежных должников и за гораздо меньшие суммы.

Мавроди объявил, что будет отдавать деньги только малоимущим — пенсионерам и инвалидам. Кулаков не был ни тем, ни другим. Он был просто безработным — бывший офицер, который перебивался случайными коммерческими операциями в надежде набрать начальный капитал для основания собственного дела и поставивший все, что у него было, и много сверх того, на рулетку МММ в надежде сорвать выигрыш.

Что творилось тогда возле офиса Мавроди на Варшавском шоссе, из телевизионных репортажей хорошо известно всем. Тысячные толпы людей давились насмерть, чтобы пробиться к кассам, и это было страшно. Напрасно, впрочем, думали те, кто стоял снаружи,

что стоит зайти внутрь — и деньги в кармане. Внутри было еще страшнее.

— Туда привозили людей на инвалидных колясках, парализованных, слепых, без рук, без ног. Мне казалось, что собралась вся инвалидная Москва. Мне было крайне жалко этих людей, и себя мне было очень жалко, потому что с крахом МММ я попал в ситуацию, из которой не было выхода. Я понимал, что в этой толпе нужно выдумать что-то сверххитрое и в то же время простое. Только Остап Бендер смог бы придумать что-нибудь подходящее...

Покрутившись вокруг, Кулаков отправился к знакомому бизнесмену в надежде занять денег. А в кабинете босса случайно находился его сотрудник — бывший епископ католической церкви в Москве, который вдруг говорит: «Сергей, почему бы тебе не попытаться выручить свои деньги с помощью церкви?» Гениальная ведь идея!

У католического епископа оказался знакомый православный архиепископ Катакомбной церкви, которому тот и позвонил: помоги, мол, бедному человеку. Архиепископ вначале стал отказываться: не могу я, живот болит, выпил чего-то не то накануне. Тогда Кулаков и говорит: «Отцы, я ж вам десять процентов на двоих выпишу в случае успеха! На миллионы дело!»

Ах, вот оно что... Ну ладно, говорит архиепископ, пусть часика через полтора подъезжает, я буду готов.

— Приезжаю — он и вправду готов. В клобуке, с панагией, все как положено. И я понимаю, почему он со-

гласился: живет в маленькой квартирке пятиэтажной «хрущевки», и живет бедно. Мне он тут же выдал полную форму священника и справку, что по званию я иеромонах. Только бороды у меня нет. Так и пошли. Владыка впереди с посохом, а я за ним с чемоданом, набитым акциями. Заодно к своим я захватил еще на 50 тысяч долларов акций своих друзей, погоревших точно так же, как и я, — какая разница! — если получится, значит, получится!

Толпа нас пропустила, хотя и с трудом. Охранники немного подумали, но тоже пропустили, сказали: идите к заведующему филиалом, он направит вас в комиссию, которая решит, давать или нет. Оказалось, кстати, что в этой комиссии сидит известный диктор телевидения Балашов, которого мой владыка знал по встречам на телевидении во время религиозных передач, и это нам тоже в некоторой степени помогло.

Управляющего филиалом звали Александром, как по отчеству — я сейчас не помню, помню только, что диктор Балашов его почему-то назвал кагэбэшником. Пока мы его ждали, моему архиепископу захотелось, извините, по нужде. Передал он мне свой посох и клобук и удалился. А я стою, жду. Вдруг ко мне подходит пенсионерка. Батюшка, говорит, благослови! Я растерялся — не знаю, как это делается, не уверен даже, в какую сторону нужно крестить. И жалко мне ее, и смех разбирает из-за идиотской ситуации, и страх: если засмеюсь, то все, конец. Тогда я ей говорю: извини, дочь моя, не могу. В присутствии высшего сана, который сейчас в туалете, не имею права. Ну, она отошла в сторону, а ко мне тут же подходят два американских журналиста из «Вашингтон пост». И тоже с вопросами: «Скашите, пошалуста, вы пошему здиес? Какие есть цели, приведшие вас сюда?»

Я еще больше испугался: если начнут разговор о религии — я тут же поплыву. Не знаю ведь даже, где Христос родился, не знаю. И тем же манером им отвечаю: старшее духовное лицо сейчас появится, оно на все вопросы и ответит. А мне запрещено правилами. К счастью, тут владыка появился, забрал у меня посох и со всеми быстро разобрался — кого надо благословил и на вопросы ответил.

Официальная легенда у нас была такая: наши прихожане пожертвовали деньги (а некоторые и акции приносили) на строительство часовни Николая Чудотворца. Но Мавроди все испортил. В подтверждение легенды изготовили мы и бумагу на официальном бланке Катакомбной церкви — все было как полагается.

Наконец появился кагэбэшник Александр и направил нас в комиссию мимо огромного множества людей, сидевших на ступеньках лестницы в ожидании своих денег. Видимо, отчасти помогло знакомство моего владыки с Балашовым, потому что бумагу нам быстро подписали. Однако денег в тот день получить не удалось: бумагу должен был завизировать управляющий филиалом, который уже уехал домой.

Назавтра мы снова приехали. Увидев сумму — а у нас было акций на 100 тысяч долларов, — кагэбэшник Александр испугался. Нет, говорит, этого я не могу. И тут даже архиепископ упал духом. Я понял: если не верну деньги сегодня — не верну никогда.

Тогда я нарушил церковную субординацию. Стукнул кулаком по столу и закричал: «Как вам не стыдно! Людей вы ограбили, теперь церковь грабите?! Люди жертвовали последним, вы и это отнимаете?!»

Если в этот момент и врал, то только наполовину. Отнимали они и в самом деле последнее, и в общем получалось, что вместе с жизнью.

Александр дрогнул. «Ладно, завтра я позвоню Сергею Пантелеймонычу, и он примет решение».

«Нет, — говорю я, — вы сейчас идите и звоните. Прямо при мне!»

Беру его за руку и веду — там у них есть специальная комната связи с Мавроди, куда больше никого не пускают. Ждем. Наконец он выходит: Мавроди согласен, вы получите деньги сегодня. Сейчас.

Спустились мы в подвал. Там акций с изображением Мавроди у стен — кипы до потолка, только что отпечатаны. И деньги дают. Но деньги только пятисотрублевками — это получается больше десяти мешков. Как их увезти? Хотя у меня микроавтобус, но ведь вынести еще надо!

Звоню охранникам того самого знакомого бизнесмена: помогите за три миллиона. Нет проблем! Приезжают на «Волге» с мигалкой, начинаем грузить в микроавтобус мешки.

Толпа на улице увидела, что из офиса несут деньги мешками (они же не знают, какие там купюры!), и настроение ее сразу изменилось. Реакция на наши рясы теперь была другая: «А-а, почем опиум для народа! Ишь, кресты понадевали, с палками тут ходят...»

Священникам полагалось по договору за работу по семь миллионов рублей. Архиепископу я отдал микроавтобус, на котором деньги возили, и еще четыре миллиона в придачу — он остался вполне доволен.

Когда отдал деньги друзьям, вернул все долги, у меня осталось пять тысяч долларов, и я был страшно рад. Главное — мне удалось надуть Мавроди!..

Вот такая произошла история, в которой круто перемешались депутат, бизнесмен, супермошенник (все в одном лице), церковь (да еще не одной конфессии), горе и беды сотен тысяч людей, которых государство неспособно защитить. Кто прав, кто виноват — не нам решать. Кстати, в действиях Сергея Кулакова — бывшего военнослужащего, который до сих пор ищет работу, — состава преступления нет. Забирал он у Мавроди свое, вполне законно, хотя и несколько своеобразно. Что касается стороны моральной — тут тем более судить не нам, на это есть Судия небесный. Рассказ этот — лишь точный и беспристрастный оттиск сегодняшней жизни.

(Б. Руденко. Как надули Мавроди. — «Совершенно секретно», 1995, № 8)

ТЕНЕВЫЕ КОРОЛИ БЕНЗИНА

В 1991 году в МВД РФ обсуждался вопрос о целесообразности существования Управления по борьбе с хищениями социалистической собственности (УБХСС). Экономисты утверждали, что, как только на смену соцхозяйству придет мало-мальски организо-

ванный рынок, необходимость в экономической милиции отпадает, а хоздела станут приоритетом арбитража. Однако УБХСС ликвидировано не было — лишь сменило название и стало Управлением по экономическим преступлениям. С первый дней спецы ГУ ЭП доказали, что они не зря едят свой хлеб. Они вскрыли грандиозную аферу с поддельными авизо, они разоблачили деятельность теневиков-коммерсантов, организовавших массовое хищение, скупку и перепродажу стратегического сырья. В частности, нефти и нефтепродуктов.

— Информация, поступающая к нам в МВД, — рассказывает начальник ГУЭП России полковник Вячеслав Солтаганов, — свидетельствует о том, что в топливно-энергетическом комплексе страны корыстные преступления приобретают массовый характер. Подобные преступления углубляют экономический кризис, создают дополнительную социальную напряженность в обществе. Только в первом полугодии 1992 года подразделениями МВД было выявлено 400 таких правонарушителей. Ущерб от них исчислялся десятками миллиардов рублей.

Корыстный криминал в нефтедобывающей и нефтеобрабатывающей промышленности получил развитие с того времени, когда предприятия топливного комплекса страны были наделены правом на самостоятельную внешнеэкономическую деятельность, а также правом на беспошлинный вывоз производимого сырья за границу. В результате свободной внешнеэкономической деятельности только от 120 бывших государственных, ныне коммерческих, организаций, занимающихся экспортом нефти из России, госбюджет недополучил 190 млрд. рублей! А поставки нефтепродуктов, равно как и легальная их добыча на внутреннем рынке, сократилась на 20 млн. тонн.

— В то же время большинство сделок в топливно-энергетическом комплексе, — продолжает Солтаганов, — либо не контролируется государством, либо невыгодны ему. Так, в Амурской области органами внутренних дел производилась проверка фактов вывоза в КНР 100 тысяч тонн (!!!) бензина, который был организован без соглашения с областным руководством и без оформления соответствующих лицензий. Недобросовестные экспортеры в ущерб интересам России извлекают из государственной нефти неконтролируемую прибыль, большая часть которой впоследствии оседает на частных счетах иностранных банков. МВД располагает информацией, что экспорт одной тонны нефти обходится иностранцам в два доллара взяток, даваемых представителям министерств, ведомств, руководителям краев, областей, директорам промышленных предприятий. Ежегодная сумма взяток должностным лицам, разрешающим вывоз сырья из страны (и это помимо нелицензионного вывоза!), составляет 100 млн. долларов! Например, в Калининградской области в 1992 году было пресечено свыше 500 попыток контрабандного экспорта нефтепродуктов на 600 млн. рублей. Аналогичная ситуация сложилась и в других регионах России. А именно во всех свободных экономических зонах.

Особый размах контрабанда энергоносителей получила на Псковской границе. Только один начальник местной железнодорожной станции Пыталово Шохин ухитрился по собственной инициативе вывезти в Прибалтику 180 цистерн горючего, заработав «Жигули» и 500 тысяч рублей. Видно, недаром администрация Псковской области обращалась к правительству России за правом безлицензионного и внетаможенного вывоза нефти. Даже несмотря на то, что правительство отказало областным администраторам, те своей властью разрешили 27 незаконных пересечений границы, отправив в ту же Прибалтику 17 ты-

сяч 600 тонн стратегического российского сырья. («Голос», 1992, № 36—37)

ВОРОВСТВО НА ЯНТАРНЫХ ПРИИСКАХ

Несанкционированная добыча янтаря ведется в Зеленоградском районе около поселка Муромское. По словам заместителя начальника по землеустройству администрации области Галины Егоровой, площадь участка в Зеленоградском районе, на котором расположены залежи янтаря, составляет 500 га. Он был обнаружен случайно в 1994 году одним из местных трактористов.

Масштабы нелегальной добычи уже приближаются к промышленным. В отличие от обладателей лицензии на добычу янтаря, выбрасываемого на берег во время шторма, для которых орудием производства служит обыкновенный сачок, «полевые» старатели работают лопатой и ножом.

В сутки многие старатели зарабатывают до 50 долларов. Крупные куски янтаря продают по цене 120 тыс. рублей за килограмм, но попадаются они реже, чем в карьерах комбината. Милиции, которая время от времени навещала старателей, удавалось изъять в лучшем случае 10 кг янтаря за рейд. Это объясняется тем, что спрятать янтарь в земле можно в считанные секунды. Старший оперуполномоченный отдела экономических преступлений УВД Калининградской области Сергей Зайцев сообщил, что зимой в Муромское сотрудники УВД не выезжали, а летом рейды бывали по

два-три раза в месяц. Штраф в случае задержания нелегальных старателей составляет от 3 до 10 минимальных окладов.

Воруют и с карьеров «Русского янтаря». Так, в 1995 году на карьерах было незаконно добыто около двух тонн янтаря. В то же время сотрудники УВД полагают, что только за один месяц в Литву незаконным путем переправляется около трех тонн янтаря. Только в 1995 году было выявлено четыре подпольных миникомбината с полным циклом обработки.

(Л. Беррес, С. Азарова. — «Коммерсантъ-дейли», 28 марта 1996)

ОПЕРАЦИЯ «ОБЫСК»

Вот подробности того, как действовала налоговая полиция в операции против руководителя МММ.

Мавроди встретил гостей в клетчатой рубашке, спортивных штанах и домашних шлепанцах. Кроме него, дома были его брат Вячеслав и два охранника. В квартире неубрано и небогато. Оружие лежало рядком: газовый пистолет и разрешение, охотничье ружье и разрешение. По устному признанию хозяина, он время зря не терял: стирал компромат в памяти компьютера и отдавал приказы закрыть пункты продажи акций АО МММ.

Обыск длился недолго — примерно к 22 часам все закончилось: изъяли винчестер и пару коробок с доку-

ментами, проливающими свет на деятельность АО «Инвест-Консалтинг». К дому подъехал темно-красный «джип» со спецохраной господина Мавроди. Полицейские передали телохранителям ключи от штаба, а хозяина с братом, двумя охранниками и парочкой вовремя подоспевших адвокатов увезли в Департамент налоговой полиции на допрос. Мавроди был в прострации. В полночь его перевезли на Петровку. Повторно полицейские обыскали штаб-квартиру 8 августа.

В тот же день полицейские обыскали офис господина Мавроди. На Варшавке, 26, где МММ арендовала подвал и три этажа в небольшом административном здании. К приезду полиции чиновники по приказу Мавроди уже прекратили обслуживание пострадавших акционеров.

Сопротивления полиции никто не оказывал: офис давно охраняется милицией и ОМОНом. Из руководства был только и. о. управляющего Андрей Шарков — он сопровождал полицейских по территории.

Запертые кабинеты не обыскивали, а опечатывали. Работа до полуночи кипела только в подвале: из-за закрытой двери слышались зычные голоса. Дверь отворили не сразу. Оказалось, что в просторном, но душном подполье без окон, заваленном пачками и тюками с билетами МММ, корпели 15 женщин и двое мужчин — в тайне от всех они дыроколами дырявили или гасили эти билеты. Кто они и что делают в подполье — налоговой полиции узнать удалось лишь спустя 2 часа.

Первое, что сделали полицейские, прибыв на Варшавку в полдень другого дня, — распечатали кассу. Одна-

ко даже после этого сотрудники МММ акционеров обслуживать не стали — блюли приказ Мавроди. Под строгим контролем внутренней охраны МММ, которая с помощью телекамер следила за каждым шагом полицейских, они обыскивали один за одним кабинеты офиса.

Сюрприз ждал их на лестнице. Поднявшись на третий этаж, очутились в тамбуре перед тремя дверьми. Одна из них, судя по множеству брошенных на столах калькуляторов, была местом, где работали экономисты. Другая — комнатой отдыха. А куда ведет третья дверь, и. о. управляющего, по его словам, не знал. Бронированную дверь пришлось вскрывать. Все сделали аккуратно: полицейские нежно отодвинули дермантин и, вырезав специальной дрелью с алмазным сверлом замок, вошли. В небольшой комнате, где не было столов и какой бы то ни было другой мебели, вдоль обеих стен стояли в ряд сейфы и мешки. В сейфах лежали «неучтенные денежные средства» в мелких купюрах по 100, 200 и 500 рублей, а в мешках — билеты МММ.

По ходу обыска обнаружились также интересные детали из жизни чиновников МММ. Оказалось, что листовки от имени союза акционеров, а также письма пострадавших множились на ксероксе и на бумаге офиса на Варшавке личным составом АО МММ.

Третьим в списке обыскиваемых предприятий был банк, где «Инвест-Консалтинг» хранил свои денежки. Финальный этап операции оказался чрезвычайно мирным: «Национальный пенсионный банк» сдался без боя. Операция началась в 15.00 и закончилась через четыре часа.

5 августа это уголовное дело было направлено в прокуратуру. В этот же день подозреваемый Сергей Мавроди арестован с санкции прокурора.

По структуре МММ можно изучать историю стихийного формирования российского рынка: сначала кооперативы и малые предприятия, потом ТОО и ИЧП, акционерные общества закрытого и позже — открытого типа. Предпринимательский гений Сергея Мавроди споткнулся на АОЗТ «Инвест-Консалтинг». Оно зарегистрировано в феврале 1994 года по адресу: Москва, Малая Пироговская, д. 21, кв. 1. Главный директор — Сергей Мавроди, главбух — его брат Вячеслав. Уставной капитал — 2,5 млн. рублей. Счет в «Национальном пенсионном банке» (председатель правления С. Мавроди). Деятельность: консультации, выпуск и купля-продажа ценных бумаг. «Инвест-Консалтинг» заявил в налоговую инспекцию, что хозяйственной деятельности в первом квартале не имел. Финансовая проверка закончилась для «безгрешных» печально: акционерное общество утаило от государства выручку на 24,5 млрд. рублей наличными. По закону, все эти деньги АО обязано отдать в казну. Плюс 100 процентов штрафа. Всего — 49,1 млрд.
(И. Фролова. — «Московские новости», 1995, № 32)

ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ

Индивидуальное частное предприятие «Властелина» резко отличалось от других не менее известных компаний, занимавшихся сбором средств с населения. Хозяйка фирмы Валентина Соловьева себя не рекламировала и не обещала своим вкладчикам золотых гор. Она просто выполняла свои обязательства. И довольно долго — почти год. За это время она успела собрать с

населения России астрономическую сумму: по сведениям из различных источников, она достигала 17 триллионов рублей. Это почти $^1/_4$ часть бюджетного дефицита, предусмотренного проектом федерального закона на 1995 год. Тогда она решила, что обязательств можно не выполнять, и скрылась. Корреспондент газеты «Коммерсантъ-дейли» Семен Головко провел расследование деятельности «Властелины».

Все известные следствию подробности биографии Валентины Соловьевой сводятся к тому, что она родилась в 1952 году на Сахалине, где в 1970 году закончила техникум. Чем она занималась после получения среднего технического образования — достоверно неизвестно. По данным Главного информационного центра МВД России, Соловьева среди судимых не значится. В то же время ходят слухи, что в 70-х годах она организовала в Серпухове подпольный цех по производству полиэтиленовых пакетов. За это ее якобы обвинили в незаконном предпринимательстве и хищениях в особо крупных размерах (минимальная ответственность, предусмотренная за эти преступления, — 8 лет лишения свободы). На свободу она как будто бы вышла во второй половине 80-х годов.

Сотрудники МВД в то же время утверждают, что после Сахалина она жила не в Серпухове, а в Самаре. В Москву ее будто бы привезли представители одной из крупнейших в России сибирских преступных группировок, чтобы она открыла «свое дело» и отмывала деньги. Как бы то ни было, в 1991 году Валентина Соловьева сняла квартиру в Ивантеевке, а затем вышла замуж и прописалась в Москве в квартире мужа на Рязанском проспекте.

В начале 1992 года супруги сняли квартиру в Любер-

цах, открыли там ИЧП «Дозатор» и стали заниматься торгово-посредническими операциями. В ноябре Соловьева переехала в Подольск и открыла там ИЧП «Властелина», которой «Дозатор» передал все свои права.

«Властелина» также ничем выдающимся поначалу не отличалась — торговала холодильниками, стиральными машинами и разными ТНТ. Денег на счетах Соловьева не держала и все операции проводила наличными. Торговля приносила прибыль, хватало на то, чтобы арендовать под офис административное здание Подольского электромеханического завода. Бандиты ее не беспокоили: «крыше» она платила регулярно (по одним сведениям — подольской преступной группировке, по другим — сибирской бригаде, которая ее привезла). Правоохранительные органы тоже не трогали «Властелины».

Рассказал ли кто-нибудь Соловьевой, как торговать дешевыми автомобилями, или она придумала эту схему сама — неизвестно. Но в декабре 1993 года она объявила, что сдавший ее фирме деньги через месяц-полтора получит новый автомобиль по цене на $^2/_3$ ниже, чем в автосалонах.

Несмотря на то, что оборот у «Властелины» был неплохой, средств, чтобы начать масштабную торговлю дешевыми автомобилями, у Соловьевой, по словам оперативников ГУВД Москвы, не было. Сыщики предполагают, что в ноябре 1993 года через крупный коммерческий банк, имеющий доступ к бюджетным средствам, она получила наличными 30 млрд. рублей «на раскрутку». Эти сведения, кстати, во многом определили отношения сотрудников правоохранительных органов к «Властелине» в дальнейшем.

Соловьева пообещала вернуть деньги через три месяца. В начале декабря она закупила у дилеров АЗЛК и АвтоВАЗа автомобили. Первые клиенты, сдававшие средства под машины в декабре, не знали, что автомобили уже ждут их на стоянках «Властелины». В конце января 1994 года они уехали домой на собственных машинах.

Счастливые обладатели поделились радостью со своими друзьями. Друзья тоже захотели дешевых машин. К середине февраля почти все жители Подольского района, у которых «в чулках» набралось от 2 до 5 тыс. долларов, стали клиентами «Властелины». Тем, кому не хватало автомобиля, Соловьева давала деньги на покупку новой машины в автосалоне. О «Властелине» начали поговаривать в Москве и Подмосковье.

К концу февраля автомобили закончились, а собранные средства значительно превышали 30 млрд. рублей Соловьева легко рассчиталась с банком. На то, чтобы получить новую партию машин, у нее был примерно месяц.

Соловьева выкрутилась легко: она стала скупать на автомобилестроительных заводах неукомплектованные автомобили, стоящие на заводских стоянках, еще с конца 1980-х годов, за половину себестоимости готового автомобиля. Руководству заводов это была выгодно — повторная сборка обходилась довольно дорого. К тому же большая часть автомобилей, которую скупала «Властелина», была давно уже списана. Выгодно было это и Соловьевой: новая «девятка», которую она продавала примерно за 5 тыс. долларов, обходилась ей в 2,5 тыс. долларов. Налогов с этих сделок, естественно, никто не платил — все расчеты с заводами производились наличными.

Клиентов не смущало то обстоятельство, что, не добравшись до дома, им приходилось ставить машину в ремонт и перебирать или менять двигатель — вложенные во «Властелину» и ремонт средства были намного меньше, чем стоимость новой машины. К тому же привыкшие покупать некачественную продукцию потребители винили во всем автомобильные заводы.

Постепенно дело Соловьевой разрасталось. Выполнение «Властелиной» своих обязательств действовало лучше всякой рекламы. После того как несколько сотрудников УВД Подольска получили во «Властелине» автомобили, ее услугами решили воспользоваться работники правоохранительных органов. Филиалы фирмы были открыты на станциях техобслуживания «Москвич», расположенных практически во всех областных центрах России. Собранную с местных жителей наличность руководители филиалов отвозили Соловьевой. Получив деньги, хозяйка «Властелины» распоряжалась отгрузить плательщику автомобили. К апрелю о маленьком предприятии узнали во всей России.

Деньги во «Властелину» несли все. В первую очередь, скопившие по нескольку тысяч долларов и избежавшие краха в МММ и «Чаре». Затем среди клиентов Соловьевой появились сотрудники органов внутренних дел, ФСК, прокуратур России, Москвы и Московской области, а также налоговых органов и спецподразделений МВД. Организованнее всех действовали сотрудники УЭП ГУВД Москвы и Управления ФСК по Москве. В УЭП, например, негласным приказом начальника управления был назначен оперативник, который собирал деньги с сотрудников. Чтобы облегчить его работу, ему выделили отдельный кабинет. Собрав средства, он передавал их посреднице, муж которой в то же время собирал деньги с московских контрразведчиков (фамилия супругов не разглашается по просьбе сотрудников

УЭП). Супруги вкладывали средства во «Властелину» на свое имя, но оперативники предупредили Соловьеву, кто их истинный владелец. К августу все вкладчики из УЭП ездили на «Москвичах-2141» от Соловьевой. Супруги-посредники с каждого автомобиля в среднем получали по 600 тыс. рублей.

Сотрудники МВД и прокуратур тоже старались сдавать средства через посредников. Напрямую действовали только налоговые инспекторы и полицейские. Они, кстати, были первые, кто проверил финансовую деятельность «Властелины». У них это долго не получалось. Если верить отчету руководства Департамента налоговой полиции по Московской области перед областной думой, Соловьева долго не представляла фискальным органам никаких документов. От встречи с полицейскими она уклонялась, ссылаясь на занятость, а охранявшие офис «Властелины» милиционеры и на порог их не пускали. Прибегать к помощи ОМОН и спецподразделений налоговая полиция опасалась — у офиса было слишком много народу, и подобного рода «наезд» парализовал бы работу фирмы на несколько дней, что вызвало бы возмущение вкладчиков.

После долгих мытарств полицейские все-таки получили от Соловьевой кое-какие бухгалтерские документы, проливающие свет на деятельность «Властелины» в 1993 году. Они были в полном беспорядке. Соловьева объяснила это тем, что у нее неопытный бухгалтер. По итогам проверки ее заставили уплатить в бюджет около 2 млрд. рублей. Она выплатила их в августе. Это не помешало ей обеспечить сотрудников налоговой полиции Москвы и области новыми автомобилями, чем те остались довольны.

В мае Соловьева объявила о приеме депозитных вкла-

дов в рублях и валюте. Процент по двухнедельному рублевому вкладу составлял 50%, на месяц — 100%. Валюту она принимала под 40% годовых с выплатой процентов ежемесячно. Окончательно поверившие в надежность фирмы сотрудники правоохранительных органов начали сдавать ей деньги на депозит, тем более что в списках Центрального банка России, где были названы компании, принимающе вклады населения без лицензии, «Властелины» не было. Чтобы не смущать вкладчиков, в договорах о размещении средств Соловьева называла свое ИЧП банком.

На депозитных вкладах Соловьева развернулась по-настоящему. Чтобы сдать ей деньги, милиционеры залезли в долги к знакомым коммерсантам, одалживая по 100—200 млн. рублей. Вслед за ними во «Властелину» стали вкладываться и представители преступных группировок. Они предпочитали открывать депозит в валюте, заключая договоры на суммы от 500 тыс. до 1,5 млн. долларов.

Есть и непроверенные сведения о том, что держатели крупных депозитов во «Властелине» были известные деятели культуры и правительственные чиновники. Кто давал им средства на размещение во «Властелине» или они рисковали своими сбережениями — неизвестно.

В конце августа 1995 года Соловьева заключила договор с АО «Москвич» (новое название АЗЛК) о поставке машин по ранее согласованным с ней ценам (примерно на 20% ниже, чем через дилеровскую сеть). Взамен Соловьева пообещала предоставить «Москвичу» льготный кредит в 200 млрд. рублей и обеспечить работников завода дешевыми автомобилями и жильем. Через свой профсоюз сотрудники завода стали давать

деньги «Властелине», чтобы по дешевке купить у нее продукцию собственного производства. В общей сложности они сдали Соловьевой около 15 млрд. рублей.

Тогда же она начала принимать вклады под строительство коттеджей и продажу квартир в Митино, Жулебино и Бутово. Она даже подготовила два письма на имя президента России с просьбой выделить крупные кредиты. Строительством должны были заниматься фирмы «Властелина-2» (бывшая парикмахерская) и «Властелина-3». Но коттеджи и квартиры никто не получил — в начале сентября фирму залихорадило. Начались первые перебои с выплатами.

Первый неприятный инцидент произошел во «Властелине» в конце августа. К офису фирмы приехали сотрудники московского РУОП, которых охрана не пустила за деньгами вперед очереди. За это они избили охранников, а заодно и вкладчиков фирмы. Прокуратура Московской области возбудила уголовное дело по факту превышения власти. После проведения всех допросов, по утверждению следователя Мособлпрокуратуры по особо важным делам Вячеслава Калинина, обвиняемые появятся.

Может быть, эта история и стала формальной причиной для приостановления выплат. Однако Соловьева никуда не скрывалась и потихоньку продолжала рассчитываться с высокопоставленными сотрудниками правоохранительных органов, которые вкладывали средства по примеру своих подчиненных. Правительственные чиновники, по оперативной информации, к тому времени свои деньги уже забрали. Остальным она объясняла, что у фирмы возникли временные трудности, однако не говорила, какие. Большинство вкладчиков верило, что проблемы скоро закончатся —

Соловьевой продолжали сдавать деньги. Однако появилась и очередь, состоящая из ожидающих выплат. Чтобы отсечь основную массу заемщиков (ее составляли люди, вложившие по 5—10 млн. рублей или сдавшие деньги на автомобили). Соловьева действовала так. С утра она принимала вклады. После обеда подсчитывала сданные средства и говорила, сколько денег раздать людям. Кассиры раздавали, и вкладчики немного успокаивались.

Однако бандитов и сотрудников милиции не покидало чувство беспокойства. Они понимали: если Соловьева скроется, своих средств они не получат никогда. Сотрудники МВД установили за Соловьевой наружное наблюдение. Бандиты тем временем пытались договориться о возврате средств «с крышей» «Властелины», но безуспешно. Заявлений в прокуратуру от вкладчиков не поступало. Тем не менее 7 октября 1995 года прокуратура Подольска возбудила уголовное дело. Представители налоговой полиции утверждают, что это было сделано «с их подачи». По фактам сокрытия доходов.

Прокуратура это отрицает — дело возбудили по фактам мошенничества во «Властелине». Но фирма продолжала работать — милиционеры боялись арестовывать счета фирмы, боясь возмущения вкладчиков (видимо, сказался печальный опыт возбуждения дела против МММ).

Соловьева скрылась только 20 октября 1995 года. Предварительно она расплатилась с оперативниками. Через два дня в подольскую прокуратуру поступило первое заявление на «Властелину». Еще через две недели в «Подольском рабочем» было опубликовано открытое письмо Валентины Соловьевой, адресованное

прокурору Подольского района Александру Хилю. Соловьева не обещала, что со всеми расплатится, но просила прекратить уголовное преследование. Уголовное преследование не прекратили. 31 октября 1995 года была создана следственно-оперативная группа. Соловьеву объявили в розыск.

К началу февраля количество пострадавших от «Властелины», направивших свои заявления в органы внутренних дел, достигло 2,5 тысячи человек. Ущерб, нанесенный гражданам, оценивался к тому времени в 60 млрд. рублей. Однако стоит учесть, что сотрудники правоохранительных органов и бандиты, которые являлись одними из основных вкладчиков «Властелины», заявления не подавали. Нет заявлений и от правительственных чиновников. В то же время неофициальные источники называли цифры на несколько порядков выше. Некоторые даже называют суммы от 10 до 17 триллионов рублей.

Однако на счету «Властелины» и организаций, которым она отправляла средства под контракты о строительстве, успели арестовать 200 млн. рублей. Был наложен арест и на имущество фирмы — недостроенные коттеджи в поселках Вороново и Астафьево. Остальных денег следствие пока не нашло.

Пока сотрудники ГУВД Московской области и бандиты ищут Соловьеву, вкладчики пытаются вернуть свои деньги. Первым делом они обратились в суды с исковыми заявлениями. Суды их удовлетворили и выписали исполнительные листы. Однако денег, находящихся на счету Русско-славянского коммерческого банка, хватит на то, чтобы выплатить не более, чем 10 вкладчикам.

Остальным просто не достанется. К тому же рассматривать гражданские иски до завершения уголовного дела, считает следствие, просто преждевременно. Однако среди тех, кто подал иски к «Властелине», есть и милиционеры. Один из них, получив на руки исполнительный лист, специально взял отпуск и сидит в банке — ждет, когда начнутся выплаты.

Одновременно появились некие структуры, предлагающие помочь с получением средств у «Властелины». Они публиковали объявления с предложением о своих услугах в газетах «Экстра-М» и «Центр-Плюс». Тем, кто позвонил по указанному в объявлениях телефону, предлагали встретиться. Условия возврата были таковы: вкладчик отдавал свои документы о передаче средств «Властелине» под автомобиль или на депозит и платил исполнителям 20% предоплаты от требуемой суммы. После того исполнители исчезали. Как выяснили впоследствии сотрудники МВД, этим бизнесом решила заняться одна из грузинских преступных группировок. У них даже хватило наглости потребовать предоплату от обратившегося к ним сотрудника ГУВД, но он денег вперед не дал.

Однако многие оперативные сотрудники МВД России относятся к проблеме возврата средств довольно скептически. Среди них ходят слухи, что перед тем, как исчезнуть, Соловьева расплатилась со всеми своими партнерами по работе. В частности, с ее помощью был урегулирован конфликт между сотрудниками АвтоВАЗа и АО «Москвич» и руководством предприятий из-за невыплаты заработной платы. Часть собранных средств она перечислила на счета, указанные ей людьми, которые помогли фирме с выделением первого кредита, а впоследствии нашли подступы к руководству автомобилестроительных заводов. Ею также были сделаны крупные вложения в золотодобывающую промы-

шленность. Естественно, она прихватила денег и с собой — на жизнь.

Так закончила свою деятельность Валентина Соловьева. О том, где она находится, известно столько же, сколько и о том, откуда она появилась.
(С. Головко. — «Коммерсантъ-дейли», 11 февраля 1995)

КЛАДБИЩЕНСКАЯ КАРЬЕРА

Этот человек работал в должности заведующего городским кладбищем Мурманского бюро спецобслуживания недолго — всего три месяца. Но за эти неполные сто дней он нанес людям столько душевных травм, что ущерб просто невозможно представить. Он отказывал в разрешении хоронить умерших рядом с могилами их родственников и близких, хотя места поблизости было достаточно.

Пришедшей к нему старушке, которая несколько лет назад потеряла мужа, а теперь еще и сына, предлагал хоронить его в другом конце кладбища на расстоянии примерно полутора километров от могилы отца. А детям, хоронившим отца, также отводил место для могилы в километре от могилы ранее умершей матери.

Он гонял людей за какими-то совершенно ненужными справками, требовал, чтобы на заявлениях разрешить захоронение рядом с могилой близкого были подписи всех (?!) оставшихся в живых родственников, даже если они живут и не в Мурманске. Он изобретал сотни причин для отказа.

По кладбищу за ним постоянно ходили заплаканные люди в траурных одеждах, в кабинете унижались убитые горем родственники умерших. По двенадцать часов под дождем и снегом выстаивали они в очередях перед конторой, чтобы попасть на прием к начальнику.

А он тянул волынку и ждал. Ждал, когда эти измотанные предпохоронными заботами люди догадаются, что ему надо... дать взятку.

Наиболее догадливые сразу выкладывали деньги, и немалые, лишь бы разрешились все их затруднения. Менее догадливым он в конце концов называл сумму сам.

Сразу же решались все «сложные» вопросы, отводились места под захоронение, зачастую даже без обследования участка.

За взятки продавал он и памятники.
... Дело слушалось в областном суде. В перерыве между заседаниями журналист З. Боровая поговорила с одной из женщин, которую несчастье привело в кабинет заведующего кладбищем — Прудкова.

— Доченька у меня умерла, Наташенька. Двенадцать лет девочке. Острый лейкоз. А за несколько лет до этого я похоронила мужа, — рассказывала Раиса Трофимовна Б. — И, конечно, мне хотелось, чтобы Наташенька лежала рядом с отцом. Место-то позволяло. Я поехала вместе с сыном на кладбище. К конторе подошли, еще девяти часов не было. А там уже людей полно.

Стали ждать. Приходит заведующий, я к нему. Он и слушать меня не захотел: отойдите, говорит, не мешайте, я буду сейчас принимать тех, кто за памятниками приехал.
Но ведь мне хоронить надо!

Не помню, как домой поехали. Села я во дворе на скамейку, плачу. Они говорят — надо ехать в бюро спецобслуживания, что в центре города. Поехали мы вместе с соседом нашим. Там такая внимательная и чуткая женщина нас встретила, оказалось, что она — начальник бюро. Успокоила, расспросила обо всем, узнала, в каком месте могила мужа, и разрешила доченьку похоронить рядом. Позвонила этому Прудкову, чтобы не препятствовал.

На следующей день поехали мы снова с сыном к заведующему. Пошел он смотреть место: нет, говорит, нельзя, десять рублей, тогда разрешу. И пошел к себе в контору. Я бегу за ним, думаю — уйдет, и — все. А в коридоре народу! Я остановилась. А он обернулся ко мне и говорит: «Женщина, зайдите».

Я вошла в кабинет, полезла в сумку, достаю пятьдесят рублей, руки дрожат. «Положите в папку», — сказал он спокойно. Я положила и ушла. Потом мне выписали разрешение на захоронение.

— Он не только отказывал в захоронении, — говорит Тамара Ивановна И., которую, как и других, Прудков вынудил дать взятку. — Он еще и издевался над людьми. Мы хоронили мужа сестры. Обратилась к Прудкову с просьбой выписать документы. Он и не глянул в нашу сторону — выпроводил. Народу много стоит около конторы, все ждут. А холод страшный в

тот день был: около двадцати градусов мороза. Люди просят выдать разрешения на захоронение, а он ни на кого не обращает внимания, все время убегает куда-то из конторы. Потом взял и уехал на машине. Отсутствовал минут сорок. Мы совсем окоченели. Приезжает, мы снова к нему. Он как начал на нас ругаться — это на тех, у кого и так непоправимое горе. Мешаете, дескать, мне работать! А через некоторое время вышел на крыльцо, и, страшно сказать, стал перед плачущими людьми песни петь и читать стихи. Какое кощунство!

На суде, когда свидетели вспоминали этот день и судья спросила Прудкова, как он посмел так себя вести, он ответил:

— Ну и что? У них горе, а у меня хорошее настроение! Да, Прудкову доставляло какое-то особое удовольствие измываться над людьми, унижать их.

Журналистка разговаривала со многими мурманчанами, которых Прудков обирал, они возмущались не только тем, что он требовал взятки, но особенно тем, что издевался над их горем.

— Это же настоящий садист! — сказал в суде один из свидетелей.
— Да он фашист! — показал на Прудкова другой.

Не укладывается в голове, что нормальный человек может такое допустить. Но он был в здравом уме.

Жестокость его не знала предела. Однажды в отсутствии Прудкова работница кладбища разрешила двум

пожилым супругам похоронить в указанном ими месте сына, погибшего в Афганистане. Узнав об этом, Прудков устроил ей разнос, а потом по вечерам ездил домой к сломленным несчастьем родителям погибшего и требовал: «Выкапывайте!»

Откуда же взялось это страшное существо? Кто такой Прудков и как он попал на место заведующего кладбищем, где должен работать человек, обладающий особыми душевными качествами, — чуткостью, тактичностью, внимательностью?

Трудно сказать, где, в какой семье родился, как воспитывался Прудков, кто его родители. Хотя просто не верится, что у такого изверга могут быть нормальные родители. Невозможно рассказывать о его жизни, так как беседовать с Прудковым просто не хотелось, он вызывал отвращение.

А вот история его перехода на должность заведующего кладбищем весьма любопытна. За последние годы Прудков, по образованию инженер-механик, сменил несколько мест работы. И везде, за исключением одного лишь предприятия, он проявлял себя негодным работником и плохим человеком. Об этом сообщается в многочисленных негативных характеристиках. Последнее место работы — Арктикморнефтегазфлот. Оттуда по переводу он перешел работать в горкомхоз, сразу же — в бюро спецобслуживания.

По инструкции на должность заведующего кладбищем должен назначаться человек, уже проработавший какое-то время в системе жилищно-коммунального хозяйства. Но этот «испытательный срок» — для тех, у кого нет высшего образования. А если оное есть, то ни-

каких препятствий к назначению нет. Почему дается такое преимущество тем, кто окончил вуз, совершенно непонятно, ибо общеизвестно, что вузовский диплом отнюдь не является гарантией высоких моральных качеств его обладателя.

Конечно, должность заведующего кладбищем нельзя назвать престижной, на нее не так уж много желающих. Но это не значит, что на это место можно брать первого попавшегося. Никому не пришло в голову присмотреться к нему внимательнее, оценить его чисто человеческие качества. Диплом, которым он обладал, открыл ему беспрепятственный путь к «выгодному» месту, дал власть над беспомощными людьми.

Надо сказать, что беспринципность проявили и кадровые управления Арктикморнефтегазфлот. На телефонный запрос бюро спецобслуживания о личности Прудкова они ответили, что он неплохой механик. А о человеческих качествах предпочли не распространяться, потому что сами не чаяли побыстрее от него избавиться.

Кладбищенской карьере Прудкова предшествовала некрасивая история, случившаяся в бытность его в длительной командировке в Николаеве, на одном из ремонтировавшихся судов. Тогда он умудрился перессорить экипаж с судоремонтниками и едва не сорвал ремонтные работы. Уже будучи отстраненным от должности, чуть было не устроил взрыв котла. Но кадровики управления обо всем этом умолчали.

А вот какую характеристику дали они Прудкову, когда ее потребовало следствие:

«...Прудков зарекомендовал себя только с отрицательной стороны. К работе относился халатно, считал, что занимаемые им должности не соответствуют его способностям и образованию. Заносчив и высокомерен с окружающими. Имеет вздорный и склочный характер. В коллективе неуживчив...»

Да разве взяли бы Прудкова в бюро спецобслуживания, зная о такой характеристике? Но никто коммунальщиков не предупреждал, что за «фрукт» к ним переходит, и они его приняли.

Прудков развернулся сразу же, как говорится, с ходу. Червонцы замелькали в его руках, как игральные карты у шулера. Конечно, будь он поумней, он хотя бы не хамил людям, а брал бы взятки втихую. Но таков уж его характер — обобрать и при этом еще унизить. К тому же он чувствовал полную беспомощность своего непосредственного начальства, двух нерешительных и излишне снисходительных женщин, — начальника бюро и заместителя — и вовсю пользовался ею. Правда, у них в конце концов терпение лопнуло, так как жалобы шли потоком.

Начальник бюро спецобслуживания Надежда Валентиновна Осколкова рассказывала:

— Мы выносили ему выговор за выговором. Я его много раз приглашала для бесед, стыдила, требовала изменить поведение. Но все напрасно. Потом поставила перед профкомом вопрос о его увольнении. Профком дал согласие. Однако увольнять Прудкова они не спешили. «Некем было заменить», — объяснят потом причину этой волынки. Вот уж поистине незаменимый взяточник!

Клиенты и заказчики оказались более принципиальными и предприимчивыми людьми — сообщили о мздоимце в милицию.

... Суд приговорил Прудкова к восьми годам лишения свободы в колонии усиленного режима с конфискацией имущества.
(З. Боровая. Торговцы совестью. — Мурманск, 1988)

ДВА СПОСОБА, КОТОРЫЕ ИСПОЛЬЗОВАЛА МАРДЖОРИ

Марджори Е. работала в бухгалтерии Первого национального банка в Атланте и совершила растрату более 3 млн. долларов. Использовала она два разных способа.

Первый их них включал в себя выписку чеков на свой счет в этом же Первом национальном, благодаря чему она покупала дорогие произведения искусства, драгоценности, автомобили, мебель и делала другие дорогостоящие приобретения. Затем, когда ее чек поступал в этот банк (входящим кассовым письмом), она уменьшала общий баланс по текущим счетам, но чеки изымала до того, как их можно было обработать и вычесть сумму покупки из ее личного счета. В результате подобных действий баланс по текущим счетам в главной книге был меньше, чем сумма всех текущих счетов клиентов.

Второй ее способ заключался в том, что она совершила вклады на свой счет при помощи чеков, выписанных

на другие банки, и изымала чеки еще до того, как они были отправлены в исходящих кассовых письмах. Таким образом, сумма на ее текущих счетах в других банках никогда не уменьшалась. Денег на этих счетах было недостаточно, чтобы покрыть выписанные ею чеки, если бы те дошли до стадии обработки. В результате этого способа сумма по текущим счетам увеличивалась, но общей баланс по главной книге не возрастал.

Оба этих способа приводили к тому, что сальдо по контрольному регистру не соответствовала итогу по индивидуальным счетам клиентов (в сторону занижения). С течением времени, пока Марджори выписывала все новые и новые чеки, разница между итогом по индивидуальным текущим счетам и по контрольному регистру увеличивалась все сильнее.

Для сокрытия своих действий и чтобы не дать ревизорам обнаружить ее аферу, в конце каждого отчетного периода Марджори изымала какие-либо уже использованные ранее официальные банковские чеки (кассовые чеки) и отправляла их в исходящем кассовом письме в Федеральный Резервный банк. Поскольку там все процедуры автоматизированы, никто лично не проверял все и не мог заметить, что они проходили уже по нескольку раз. Фактически некоторые из них даже почернели от многократной обработки.

Этой афере способствовала политика Федерального Резервного банка по выдаче незамедлительного кредита Первому национальному на сумму, равную той, что содержалась в его исходящих кассовых письмах. На следующий день, когда чеки обрабатывались в ходе обычной банковской процедуры, Федеральный Резервный осознал, что эти официальные чеки были выписа-

ны не на другие банки, а на сам Первый национальный, и возвращал свой первоначально выданный ему кредит. Это снова нарушало баланс Первого национального, но всего на один день, когда проводилась аудиторская проверка. Баланс по банковским книгам сходился, и вся «недостача» была «спрятана» в Федеральном Резервном банке. Поскольку финансовая отчетность готовилась всегда на конкретную дату, то для аудиторов банковский баланс всегда сходился.

(У. Альбрехт, Дж. Венц, Т. Уильямс. Мошенничество. Луч света на темные стороны бизнеса. С.-Пб., 1995)

«ЭТО ОГРОМНЫЙ ВКУСНЫЙ ПИРОГ»

В 1982 году Джон Майкл Гревитт, бригадир корпорации «Дженерал Электрик», без тени смущения заявил, что их корпорация грабит правительство. В присутствии своих примерно 30 коллег он сказал, что наряды, сдающиеся начальнику цеха, — не те, что выходят из его конторы. Тут же встали еще несколько человек и подтвердили его слова. Даже после этого выступления начальники Гревитта по-прежнему оказывали на него давление, чтобы тот уговорил подчиненных приписывать данные в своих нарядах. Ему было сказано, что если этого не будут делать подчиненные, то придется этими делами заняться ему самому. Когда Гревитт отказался, подделкой нарядов занялись вместо него начальники. Судя по словам Гревитта, все делалось довольно тонко. «При помощи фломастеров они (начальники участков, цехов) подделывали наряды-заказы. Обычно переправлялись данные по видам работ так, чтобы их оплата проходила по линии бюд-

жета. Те бригадиры, которые отказывались подделывать свои наряды, должны были направлять их своему начальнику участка, Роберту Келли, который в этом случае собственноручно заполнял чистые бланки нарядов. После смерти Келли пришедший ему на смену Билли Виггинс продолжал заниматься тем же.

Как-то Виггинс сказал Гревитту, что «Дженерал Электрик» — это огромный вкусный пирог, так что каждый, кто с ними (мошенничает), может получить свой кусочек, а тот, кто против, будет только облизываться.

Фальсификации и подделки в «Дженерал Электрик» стали образом жизни. Один из бригадиров признался, что он лично за восемь месяцев подделал 50—60% всех нарядов своих подчиненных. Когда Гревитт заявил своему начальнику, что из-за этого тот может сесть в тюрьму, последовал ответ, что здесь приказы может отдавать только он и никто никогда их не схватит.

В конце концов терпение у Гревитта кончилось, и он решил, что нужно поставить в известность кого-нибудь, кто сможет что-нибудь с этой проблемой сделать. Как-то в выходные он проник в контору и снял копии со 150 подделанных нарядов и табелей. После этого он на восьми страницах изложил суть происходящего и направил все материалы Брейну Х. Роу, старшему вице-президенту по производству двигателей. В то же день Гревитт был уволен с «Дженерал Электрик».

Последующее расследование со стороны ФБР и Аудиторского агентства Министерства обороны показало, что правительству США было выставлено фальшивых счетов на сумму 7,2 млн. долларов. Кроме того, за три

года, что Гревитт работал в своем цеху, там было подделано 27% табелей и нарядов-заказов.

(С. Альбрехт, Дж. Венц, Т. Уильямс. Мошенничество. Луч света на темные стороны бизнеса. — С.-Пб., 1995)

ИСКУССТВО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ ПОМОГЛО АФЕРИСТУ ОБОБРАТЬ ДРУГА

На этот раз речь пойдет о деле фонда «Нефть-Алмаз-Инвест». Его гендиректор Синтайе Тесфайе успел побывать в Бутырском СИЗО по обвинению в хищениях. Оказавшись на свободе, он узнал, что активы его фонда разворованы. Тесфайе обвиняет во всех своих бедах ГКИ, Следственное управление ГУВД Москвы и своего бывшего партнера Османа Мансура. Именно с ним он сейчас и судится.

И снова бесконечные сумрачные коридоры арбитражного суда: юристы, адвокаты, судьи, секретари, предприниматели... Взгляд останавливается на невысоком темнокожем человеке, одетом в мягкий темно-зеленый костюм. Он тут же представился: Синтайе Тесфайе. Основатель и руководитель скандально известного чекового инвестиционного фонда «Нефть-Алмаз-Инвест».

Тесфайе объяснил: «В конце прошлого года меня отпустили на свободу. Про мой арест два года назад тре-

звонили везде. О моем освобождении не сказали никому».

В марте 1994 года Синтайе Тесфайе арестовали по обвинению в мошенничестве. Поводом для ареста послужили некие невыполненные обязательства по поставке сахара. Потом Тесфайе попытались инкриминировать хищение более 600 тыс. приватизационных чеков. После окончания следствия и передачи дела в суд Тесфайе выпустили на свободу. Пока он сидел, в организованном им в 1993 году фонде «Нефть-Алмаз-Инвест» несколько раз менялось руководство, за контроль над ним боролись различные правительственные чиновники, а его активы тем временем быстро таяли.

Тесфайе быстро изложил суть конфликта. «Мы судимся с банком «Марго». Его председатель — Осман Мансур, мой бывший друг и партнер. Но наша дружба закончилась с моим арестом. Пока я сидел в Бутырке, Осман, используя печать и учредительные документы фирмы «Данта-Капитал» (управляющая компания фонда), торговал пакетами акций предприятий, принадлежащих фонду. А это — 100 крупнейших предприятий России. Все это происходило в тот момент, когда властные структуры ставили в фонд своих людей, а следственное управление и ГКИ проверяло его со всех сторон. Но реальным хозяином фонда в то время был Осман Мансур».

В АО «Росшина», например, гендиректору «Нефть-Алмаз-Инвеста» рассказали, что появившийся там однажды Осман Мансур представился как Тесфайе (тот в это время был в Бутырке), показал учредительные документы и печать АО «Данта-Капитал» и продал от его имени пакет акций «Росшины». В дальнейшем Мансур выписывал своему сотруднику доверенности

от лица Тесфайе, продолжая от имени заключенного торговать активами фонда. «В итоге были проданы пакеты акций 7 крупных предприятий, принадлежащих «Нефть-Алмаз-Инвесту». Ущерб, нанесенный фонду, составил $10 млн.».

«Чтобы придать этим сделкам вид законности, — объясняет Тесфайе, — Осман Мансур решил подстраховаться судебным решением. Якобы под поручительство «Нефть-Алмаз-Инвеста» «Данта-Капитал» получил в банке «Марго» кредит в 200 млн. рублей. От имени банка Мансур подал иск, набежавшие проценты довели долг до астрономических размеров, и суд постановил взыскать с фонда 4,7 млрд. рублей. Но ведь Мансур козырял в суде фальшивыми документами, которые ни я, ни один из моих сотрудников никогда не подписывали. Так в суд был представлен кредитный договор, по которому в обеспечение 200-миллионного кредита были заложены пакеты акций 42 предприятий, которыми владел фонд, проценты за несвоевременное погашение основной суммы долга составляли свыше 1000 годовых. Во время судебных слушаний от имени «Нефть-Алмаз-Инвеста» был представлен отзыв: якобы фонд согласился с предъявленными к нему претензиями. Но подписан-то он был одним из моих доверенных лиц — Исаевым, который к тому времени покончил жизнь самоубийством. В итоге суд удовлетворил иск Османа. А когда обман с продажей принадлежащих моему фонду акций вскрылся, он показал всем судебное решение, объяснив, что «вообще-то все законно». Одним словом, Осман просто воспользовался моим доверием. Но после того, как я оказался на свободе и узнал о его аферах, я перестал с ним здороваться».

На самом деле эту ситуацию объяснить довольно легко. Тесфайе и Мансура связывали давние деловые отношения. Тесфайе был одним из учредителей банка

«Марго», а расчетные счета «Нефть-Алмаз-Инвеста» и его управляющей компании «Данте-Капитал» находились в этом банке. Также партнеры владели несколькими фирмами за рубежом. Их счетами они могли пользоваться только вместе, однако в случае смерти или ареста одного из них другой получал право единолично распоряжаться счетом. Отношения между партнерами были более чем доверительные. Однако стоит лишь вспомнить о биографии Османа Мансура, чтобы понять, что его поступки Тесфайе мог легко предсказать.

В российской прессе об Османе Мансуре написано довольно немного. Года два-три назад ходили упорные слухи о том, что он является агентом КГБ (об этом поговаривали и чиновники Госкомимущества), что среди бывших и нынешних генералов органов Госбезопасности у него есть шеф и что коммерческая деятельность Мансура проходит под их полным прикрытием. Но мало кто знает, что гражданин Судана Осман Мансур учился в Москве в мединституте и остался в стране, женившись на москвичке. Начал он свою карьеру в 1986 году с должности неофициального агента турбюро Объединенных Арабских Эмиратов «Юсеф». Благодаря его деятельности турбюро развалилось, за что он и был уволен. Тогда Мансур открыл в Москве фирму «Afro-Arab», зарегистрировав ее в Британской торговой палате. Уставной капитал составлял 100 фунтов стерлингов, а оплаченный — 2 акции номиналом 2 фунта. Зарабатывал он на том, что организовывал арабам лечение у Святослава Федорова, помогал Автоэкспорту и Тракторэкспорту выйти на ближневосточный рынок. Летом 1987 года в соответствии с британским законом о компаниях фирма «Afro-Arab» была ликвидирована. В 1988 году над Мансуром нависла угроза наказания за мошенничество, и его суданский паспорт был изъят компетентными органами Объединенных Арабских Эмиратов.

Тогда Мансур добыл британский паспорт через Английское посольство в Абу-Даби и уехал в Лондон, благополучно избежав тюрьмы. В тот же год он вновь приехал в Россию и, действуя от имени глав «Abu-Dabi Commertial Bank» шейха Судана бин Султана Дахери (владельца консорциума «Дахери групп», объединяющего более 20 компаний Объединенных Арабских Эмиратов), предложил Святославу Федорову создать СП. Офтальмолог проверил потенциального партнера на благонадежность через Внешкомбанк и, выяснив, что никакого отношения к шейху он не имеет, отказался от сотрудничества с ним.

Но неудача не расстроила Мансура. В 1988 году он распространил среди российских бизнесменов так называемый рекламный проспект. Он объявил себя гражданином ОАЭ и рассказал, что его английская фирма «Afro-Arab Industrial Projects» является членом торгово-промышленной палаты Великобритании и входит в консорциум «Дахери групп». Далее было указано, что банковские круги западных стран решили создать крупный валютный фонд с активами примерно $415 млрд. и предложить их советскому правительству бесплатно на 50 лет как альтернативное средство для превращения рубля в конвертируемую валюту. Операции с этими средствами якобы было поручено проводить фирме «Afro-Arab Industrial Projects», которая должна продавать доллары по курсу $23 за 100 рублей.

Желающих обменять рубли на доллары нашлось немало. Например, фирмы «Эстек» и «Альков» попытались обменять 1 млрд. рублей на $ 230 млн. (при этом по курсу Госбанка $230 млн. были равны 142 млн. рублям). Рубли были перечислены Мансуру, но валюту российские предприниматели, естественно, не получили. Находчивый Мансур свалил все на Минфин и

Внешэкономбанк, которые якобы запретили ему проводить конвертацию.

В то же время в российские властные структуры поступило циркулярное письмо Посольства Объединенных Арабских Эмиратов. В нем говорилось, что Мансур не является гражданином ОАЭ, а все подозрительные сделки он совершает, присвоив себе статус уполномоченного представителя ряда торговых организаций ОАЭ (необходимые представительские документы Мансур подделал). Деятельность Мансура, по мнению посольства ОАЭ, нанесла огромный ущерб торговым интересам обеих стран.

Но на биографии Мансура письмо никак не отразилось. Он начал сотрудничать с кооперативом АНТ и в 1990 году чуть не спровоцировал арест в Будапеште двух его сотрудников. Они приехали в Венгрию для переговоров с Мансуром о продаже авиадвигателей на сумму 120 млн. рублей. После того, как сделка сорвалась, он вручил одному из них дипломат с $140 тыс. наличными в виде неустойки за сорванную сделку. Затем неожиданно заявил, что сотрудники АНТа вымогали у него взятку. Спасло их только то, что в последний момент Мансур представил российским правоохранительным органом новый контракт, в котором $140 тыс. значились как неустойка.

После этой истории Осман Мансур окончательно осел в России, учредив банк «Марго» и фирму «Марго-интернейшнл». Не без его участия был создан и фонд «Нефть-Алмаз-Инвест», в развале которого в конечном итоге Мансур сыграл не последнюю роль. Когда я узнал все эти подробности, то задался вопросом: как Тесфайе мог доверять такому аферисту? Этот вопрос побудил меня поинтересоваться биогра-

фией самого гендиректора «Нефть-Алмаз-Инвеста».

Отцу Синтайе Тесфайе пришлось эмигрировать в СССР в конце 70-х годов: в это время в Эфиопии начались гонения на коммунистов. Синтайе приехал в Советский Союз, когда ему было всего шесть лет. Он учился в простой советской школе, высшего образования не получил.

Свою коммерческую деятельность в России Тесфайе начал в 1988 году. Тогда ему было пятнадцать лет. Однако на первых порах у Синтайе возникли трения с милицией. Летом 1988 года его хотели привлечь к уголовной ответственности за мошенничество: предприимчивый Тесфайе брал у доверчивых покупателей деньги на видеоаппаратуру и вместе с ними исчезал. Но уголовное дело закрыли, так как Синтайе на момент совершения преступления не исполнилось 16 лет.

В 1992 году Тесфайе создал фирму «Союзпродимпорт», которая собирала предоплату под поставки сахара, табака и других товаров. Но свои обязательства перед партнерами, как в прошлом и перед покупателями видеоаппаратуры, он выполнял не всегда. Коллеги Тесфайе утверждают, что всякий раз молодой предприниматель становился жертвой обстоятельств: иногда партнеры его «кидали», иногда он не мог выполнить свои обязательства из-за постоянного роста цен, курса доллара и т. д.. Кстати, именно в тот момент он и познакомился с Османом Мансуром.

«Сахарные» сделки Синтайе попали в поле зрения Управления по экономическим преступлениям (УЭП) ГУВД Москвы. Обвинение в хищениях ему предъявили в тот момент, когда основанный им фонд «Нефть-

Алмаз-Инвест» стал одним из крупнейших в России. Коллеги Синтайе утверждают, что он постоянно помнил о своих «сахарных» долгах и расплатился бы с кредиторами. Но не успел. Теперь ему предоставилась такая возможность. Однако для начала, по всей видимости, он постарается получить долги с Османа Мансура, своего бывшего друга и партнера.

(А. Малых. Искусство перевоплощения помогло аферисту обобрать друга. — «Коммерсантъ-дейли», 17 мая 1996)

ЛЮБОВЬ И ДЕНЬГИ

Стремительный взлет Валентины Хуммельбруннер, новоиспеченной австрийки русского происхождения, достоин отдельного описания. Предприимчивая уфимка за несколько лет сколотила крупное состояние. Помогали ей мужчины. Последний ее муж, бывший гендиректор Уфимского НПЗ Александр Воронин, за помощь жене почти год содержится в Уфимском СИЗО по обвинению в растрате госимущества. К Хуммельбруннер у милиционеров также имеются серьезные финансовые претензии, и будь она в России, то наверняка составила бы компанию своему супругу.

«Сама я из Уфы, — начала свой рассказ Валентина Хуммельбруннер. — Родилась там и выросла. Закончила музыкальное училище, затем Московский институт культуры. В свое время работала на административной должности в Кардиологическом центре, была дирижером-хоровиком. Но это все было так, несерьезно. Жизнь мою перевернуло знакомство с австрийцем Зигмаром Хуммельбруннером».

Валентина увлеклась Хуммельбруннером летом 1986 года в Ялте, где отдыхала вместе с сыном и первым мужем (к тому времени супруги прожили вместе целых 10 лет). «Уже весной следующего года, — говорит Валентина, — мы поженились, и я переехала в Зальцбург, где у Зигмара был магазин по продаже ковров. Но быть домохозяйкой мне не хотелось: я поняла, что больше не смогу сидеть дома, стирать да мыть посуду. Мне хотелось действовать, заниматься настоящей работой.

Мы с Зигмаром зарегистрировали фирму «Хуммельбруннер импорт-экспорт», и я поехала назад в СССР — искать деловые контакты. Работа пошла успешно. С союзным Минздравом я заключила договор на поставку из Австрии линии по производству одноразовых шприцов. Было заключено еще несколько выгодных контрактов. Слухи о моих деловых успехах докатились до родной Уфы. Мне позвонили из Башкирии и предложили сотрудничать. В начале 1990 года я встретилась с министром здравоохранения Башкирии, а чуть позже ко мне приехал мэр Уфы Зайцев и попросил закупить для города мощную асфальтовую установку. Я выполнила свои обязательства. Быть гарантом оплаты договоров администрация города обязала Уфимский нефтеперерабатывающий завод (УНПЗ). Так я познакомилась с его директором Александром Ворониным.

Он мне сразу понравился. Сильный мужик. Он меня от Зигмара увел. Но это было позже, а пока я активно начала работать с башкирами».

«В начале 1992 года от администрации Уфы поступил новый заказ — на реконструкцию 7-го этажа самой крупной местной гостиницы «Россия», — продолжает

Хуммельбруннер. — До того момента в республике не было ни одного нормального отеля. Это не нравилось иностранцам. Финансировать проект должен был опять-таки УНПЗ Воронина и Новоуфимский завод.

Ремонтные работы были проведены моей фирмой блестяще. Со всех сторон сыпались благодарности, а на приемку отделанного этажа съехалось все руководство республики. Более того, во многом благодаря нашему сотрудничеству с Ворониным Уфа и Зальцбург вскоре стали городами-побратимами. Никаких финансовых претензий ко мне тогда не было, хотя вся документация тщательно проверялась. Поэтому нынешнее положение вещей меня сильно удивляет».

Прервем здесь рассказ фрау Хуммельбруннер. Надо объяснить, какие же претензии предъявляют к ней и к Воронину следственные органы.

Суть их заключается в следующем. По данным МВД Башкортостана, при реконструкции гостиницы «Россия» и одного из санаториев республики УНПЗ без должных на то оснований перечислил фирме «Хуммельбруннер» гораздо более крупные суммы, чем предусматривалось заключенными договорами. Речь идет о нескольких сотнях тысяч долларов США (точная сумма следователям пока неизвестна). А когда Александр Воронин решил заняться поставками в Башкортостан товаров народного потребления, то заключил договор с фирмой «ДЦИ Ост Холдинг», в которой Хуммельбруннер была управляющей. В результате этой сделки около $8 млн. были перечислены на счет «ДЦИ Ост Холдинг» в венском Ригербанке, а затем переведены на счета «Хуммельбруннер импорт-экспорт». Следственные органы располагают данными, что при этом Валентина получила $2,5 млн. прямой прибыли (следо-

ватели подозревают, что завод сильно переплатил за поставленные товары).

Валентину Хуммельбруннер эти обвинения только удивляют. Она говорит, что в 1992 году встречала правительственную делегацию из Башкортостана, возглавлял которую заместитель председателя Совмина республики и министр торговли. Стороны заключили договор о совместной деятельности на сумму $40 млн. Гарантом оплаты должен был опять выступить Уфимский НПЗ. Однако деньги на счета фирмы «Хуммельбруннер» переведены так и не были, поскольку башкирская сторона вскоре расторгла договор в одностороннем порядке.

Разрыв контракта делам Валентины Хуммельбруннер не помешал. Она развелась с мужем и перебралась в Вену, где начала скупать престижную недвижимость. Как подсчитали башкирские милиционеры, она вложила в недвижимость более 100 млн. австрийских шиллингов (свыше $9 млн.). Самым основательным приобретением стал роскошный дворец Хохенфельс, стоивший 46 млн. шиллингов ($4,3 млн.). Кроме того, по данным следователей, только развлечения ради Хуммельбруннер открыла ресторан с русской кухней «Полина», кафе с «эксклюзивными сладостями от Валентины» и салон красоты «Ла Белла Виста».

В 1993 году Александр Воронин покинул кресло директора Уфимского НПЗ. Ситуация на заводе тогда была крайне напряженной: одна проверка сменяла другую, но найти какие-либо финансовые нарушения проверяющим не удалось. «Под Воронина просто копали, — заявляет Валентина. — Александр не хотел уходить. Завод был для него почти всем. Он ведь прошел путь от простого слесаря до директора». Однако новая

должность Воронина не могла ему не понравиться: он был назначен торговым представителем Башкортостана в Австрии. Летом 1994 года Валентина Хуммельбруннер вышла за него замуж. Однако счастливой совместной жизни у молодоженов не получилось.

«Уже через несколько месяцев после назначения на должность, — вспоминает Валентина Хуммельбруннер, — Воронин послал президенту Башкортостана Рахимову официальную телеграмму, в которой отказался от дальнейшей работы. Это было связано с тем, что Рахимов распространял про него грязные слухи. Кроме того, в республике начались гонения на русских, которых увольняли со всех значительных постов. Воронин же пользовался большим авторитетом, являлся заметной личностью, к его мнению прислушивались. Теперь же, видимо, Рахимов решил с ним разделаться. Уже тогда было ясно, что Александру возвращаться назад нельзя. В своей фирме я сделала его управляющим, и он получал зарплату, как и всякий другой мой работник».

25 июля 1995 года Воронин по делам фирмы отправился в Свердловск. В «Шереметьево-2» его арестовали представители МВД Башкортостана. «Недавно из Башкирии вернулся мой австрийский адвокат. У него создалось твердое убеждение, что арест Воронина — не что иное, как политический заказ», — сообщила г-жа Хуммельбруннер.

Арест явился для Воронина и его жены полной неожиданностью, хотя уголовное дело против бывшего гендиректора УНПЗ было возбуждено еще в 1994 году. Более того, в австрийское министерство юстиции пришла следующая информация: «Используя служебное положение, гендиректор УНПЗ Воронин с 1990-го по

1993 г. нанес ущерб возглавляемому им предприятию как минимум на $4 млн.».

МВД Башкортостана в интересах следствия не раскрывает всех деталей этого дела. Известно лишь, что правоохранительные органы уже располагают достаточными доказательствами вины Александра Воронина. Для сбора необходимой информации пришлось совместно с Интерполом провести большую работу за рубежом, выявляя цепочку западных банков, через которые заводская валюта поступала на личные счета Валентины Хуммельбруннер. Однако 9 месяцев в Уфимском СИЗО не сломили Александра Воронина. Он попрежнему отказывается от большинства предъявленных ему обвинений.

Сама Хуммельбруннер даже в Австрии не чувствует себя в безопасности: «Мне не раз угрожали. По телефону и лично. Обещают достать меня в любом случае. Люди из башкирского МВД постоянно терроризируют моих родственников. У меня нет возможности навестить родителей. Я знаю, что им одного Воронина уже мало. Им нужна и я тоже. Они все твердят, обворовали всю Башкирию. А в декабре прошлого года в Австрию приезжали двое представителей МВД Башкортостана — Бухарметов и Меньшов — и потребовали от местной прокуратуры возбудить уголовное дело против меня. Заходили они и ко мне. Попросили $1 млн. за то, чтобы закрыть дело Воронина. Я их выгнала. (В Уфе прокомментировали это так: «После окончания следствия мы готовы выпустить Воронина под залог, если сумма залога будет достаточной для того, чтобы покрыть нанесенные им убытки». — «Ъ».) А спустя полтора месяца в мой офис заявился прокурор Австрии Мекис и потребовал $600 тыс., а взамен пообещал полное спокойствие. Представляете мое состояние: с одной стороны австрийцы, а с другой башкиры. Я за-

писала разговор с вымогателем, и прокурора вскоре арестовали. Кстати, финансовые дела моей фирмы долго проверяли австрийские налоговые организации. Ничего противозаконного не нашли. Что касается заявлений о том, что вся моя недвижимость приобретена на деньги Башкирии, то это полная чушь. Все куплено на кредит, взятый в австрийском банке СА. Об этом, кстати, извещены и руководители башкирского МВД. Я намерена подать в суд. Сумма иска — $3,2 млн. Я уже поняла — единственное, чего они хотят, так это разрушить мой бизнес. Так, у меня в России есть сеть магазинов. Во всех магазинах уже побывали люди Рахимова в сопровождении автоматчиков и конфисковали весь товар».

Публикации по семейному делу Хуммельбруннер-Воронина регулярно появляются в австрийских, чешских и израильских газетах. Благодаря этому башкирские милиционеры быстро пополняют компрометирующим материалом папки с уголовным делом. Так, израильская газета «Секрет» сообщила об аресте в Вене двух поляков и трех австрийцев, специализировавшихся на поставках из СНГ малолетних проституток. Все задержанные были в хороших отношениях с Валентиной Хуммельбруннер. А чешская полиция задержала шестерых подростков из Уфы, привезенных в Чехию торговцами живым товаром. Башкирские милиционеры считают, что к этому причастен Александр Воронин.

Но, с другой стороны, трудно поверить, что бывший директор НПЗ, сумевший сколотить крупный капитал, занимается столь грязным бизнесом. «Он достаточно умный человек, чтобы вовремя остановиться», — так характеризуют его бывшие сослуживцы. Более резко комментирует эти публикации Валентина Хуммельбруннер: «Вся эта грязь нужна лишь для того, чтобы уничтожить Воронина как личность».

Довольно неожиданную поддержку Воронин получил от депутата Госдумы России Александра Аринина. Народный избранник на недавней пресс-конференции в Уфе заявил о «нарушениях прав человека в Башкортостане» и выступил в защиту тех, кто «невинно страдает из-за своих политических убеждений от нынешней гнилой и коррумпированной диктатуры, установившейся в республике».В качестве последнего примера милицейского произвола был назван арест Воронина.

Как считает Валентина Хуммельбруннер, Воронину трудно рассчитывать на положительный исход этого дела. «Они уже почти год держат его за решеткой и не выпустят, даже если против него нет никаких улик. Воронин слишком много знает про башкирскую нефтяную кухню и может быть опасен для Рахимова (в свое время Воронин сменил на должности директора УНПЗ ушедшего в большую политику Муртазу Рахимова, нынешнего президента Башкортостана». Впрочем, считают милиционеры, на арестантские нары Воронина привела не излишняя информированность, а алчная роковая женщина в лице Валентины Хуммельбруннер.

(Д. Куйбышев, С. Кудряшов. Любовь и деньги навсегда меня поймали в сети. «Коммерсантъ-дейли», 16 мая 1996)

«ФОРМИРОВАНИЕ КРЕДИТНОЙ ИСТОРИИ»

Управление департамента налоговой полиции Московской области возбудило уголовное дело по факту мошенничества и уклонения от уплаты налогов «Щелковского благотворительного фонда медицинской элотациологии», калининградского холдинга БИОТОН и еще нескольких фирм, руководил которыми 36-летний Сергей Осипов. Эти фирмы, по мнению налоговых полицейских, недоплатили в бюджет 1 млрд. рублей налогов, а БИОТОН взял в кредит $1,2 млн. и перекачал деньги за рубеж. Дело было передано для следствия в Калининградское УВД, которое предъявило Осипову еще и обвинение в мошенничестве. Однако предприниматель, как водится, убежден в своей невиновности. Он поведал о том, как заставляет американских миллионеров платить ему деньги за сохранение их деловой репутации.

Как-то в редакцию газеты «Коммерсантъ-дейли» позвонил адвокат и сказал, что у его клиента возникли проблемы с правоохранительными органами: его обвинили в мошенничестве. Получив согласие на встречу, адвокат привел своего клиента в редакцию. Клиент, Сергей Осипов, представился биокибернетиком и «лойером», пояснив, что это надо переводить как «законник». В разговоре он сыпал замысловатыми терминами, говорил сразу обо всем, так что понять суть сказанного было довольно сложно. Сказал, что на жизнь зарабатывает, «переигрывая мультимиллионеров», но ясности в беседу это не внесло. По его словам, в 1993 году он по корпоративным договорам управлял капиталами 200 российских, швейцарских, американских фирм; кроме того, он знает, как повысить зарплату каждого учителя на $100 в месяц и как поднять доходность гос-

бюджета на $100 млрд. При этом Осипов заметил, что закон никогда не нарушает, а просто трактует его по-своему. Видимо, его трактовка стала непонятна сотрудникам Калининградского УВД, которые обвинили его в мошенничестве. При этом, правда, они отметили, что «человек Осипов неординарный и масштабами мыслит космическими». Им-то, кстати, и пришлось разбираться с тем, как Осипов «переигрывал мультимиллионеров». Оказалось, очень просто — берет кредиты и гасит их за счет новых. На это и живет.

С правоохранительными органами Осипов познакомился в 1993 году. Коммерсант посчитал, что созданный им в подмосковном городе Щелково «Благотворительный фонд медицинской элотациологии» случайно переплатил 20 млн. рублей в бюджет, и попросил налоговую инспекцию вернуть деньги. В ответ к нему в фонд направили проверяющих. В результате выяснилось, что фонд недоплатил в бюджет свыше 200 млн. рублей. Заинтересовала налоговую службу и квартира г-на Осипова в Бостоне (она стоит $536 тыс.).

Налоговая полиция решила заодно проверить несколько принадлежащих Осипову коммерческих структур. Первой из них стала холдинговая компания БИОТОН, которая по уставу должна была заниматься реализацией малоликвидных ценных бумаг. Полицейские выяснили, что в начале 1993 года компания перекачала за границу $1,2 млн. и не уплатила с этой суммы 130 млн. рублей налогов. Деньги были переведены американской компании EGK через швейцарскую фирму МОКОМР под контракты на поставку электронной техники для отверточной сборки компьютеров. Контракты выполнены не были, а деньги в Россию не вернулись.

Затем выяснилось, что $1,2 млн. Осипов взял на три месяца в кредит в Щелковском филиале Межрегионбанка, указав в качестве залога компьютеры. При этом, по данным налоговой полиции, компьютеров у Осипова не было, а подпись и печать нотариуса на договоре залога были поддельными. Хотя Осипов утверждает, что погасил весь кредит за несколько месяцев и вернул свои компьютеры из залога, полицейские считают, что он смог вернуть банку лишь около 2 млн. рублей.

Чтобы расплатиться с филиалом Межрегионбанка, под его же банковские гарантии многочисленные фирмы Осипова взяли кредиты примерно у 40 коммерческих банков. По словам Осипова, Щелковский филиал Межрегионбанка выдал банковские гарантии, якобы заинтересовавшись тем, что около 10 американских фондов через коммерсанта Осипова выразили готовность инвестировать в российские предприятия около $4 млрд. Осипов дал понять банку, что эта сумма может быть направлена на его корсчет. Правда, обещанные миллиарды филиал Межрегионбанка так и не увидел. Вместо этого более пяти банков потребовали у гаранта свои деньги. Помимо прочего, налоговые службы пришли к выводу, что семь фирм, которые получали кредитные деньги, не уплатили государству свыше 1 млрд. рублей налогов.

В итоге налоговая полиция возбудила уголовное дело по факту мошенничества и передала на расследование его в Калининградское УВД.

Сотрудникам Калининградского УВД дело показалось запутанным и сложным. Помучившись несколько месяцев, они все-таки предъявили Осипову обвинение в мошенничестве. Попутно они выяснили, что предпри-

ниматель никакой не биокибернетик, а бывший студент Института марксизма-ленинизма при ЦК ВЛКСМ, куда попал благодаря своей работе в Щелковском райкоме комсомола.

По данным правоохранительных органов, многочисленные фирмы Осипова не занимались коммерческой деятельностью. Коммерсант получал оборотные средства тем, что брал кредиты под фиктивные контракты, заключенные между его фирмами. Затем долги выплачивались (не всегда и не полностью) за счет последующих кредитов, взятых в других банках. Сам Осипов называет это «формированием кредитной истории».

Когда «история» принесла на счета Осипова много денег, он решил выйти на международный уровень. Помог ему в этом немецкий предприниматель Кинш, с которым Осипов случайно познакомился. Кинш тогда сидел без денег и требовал, чтобы российское государство вернуло ему DM10 млн. за различное оборудование, поставленное им Академии наук СССР. Академики РАН, ставшей правопреемницей союзного учреждения, объясняли, что за грехи Советского Союза отдуваться не будут. Тогда Осипов предложил своему новому партнеру выкупить у него долг за DM5 млн. Немец согласился и специально для этого открыл в Швейцарии фирму ИОКОМР. Взяв несколько кредитов (в том числе в Межрегионбанке), Осипов перечислил DM5 млн. и тут же попросил Кинша отправить их в Америку на счет EGK, пообещав, что вскоре деньги вернет. Кинш выполнил просьбу компаньона и денег больше не увидел.

Тогда Кинш обратился в суд. Но Осипов представил суду контракт, согласно которому немец передавал ему долг академии, а также поставленное ей оборудо-

вание для того, чтобы он использовал его как залог под получение кредита. Кроме того, Осипов доказал, что перевел Киншу DM5 млн., а уж как тот дальше распорядился деньгами — это его проблемы. В результате Кинш суд проиграл, после чего сразу подал второй иск, желая вернуть себе $250 тыс., которые Осипов занимал у него, видимо, на карманные расходы. Этот иск немец выиграл, и суд наложил арест на бостонскую квартиру Осипова, которую тот, по версии правоохранительных органов, купил себе на перекаченные за рубеж деньги.

Осипову версии следствия и решение американского суда не понравились. Поэтому он написал письма Виктору Черномырдину и Биллу Клинтону, где пожаловался на гонения со стороны следователей и судов, а заодно предложил внедрить свою программу экономического развития России и Америки. Ответов он не получил и пока готовится к тому, чтобы отстаивать в суде свою невиновность по обвинению в мошенничестве.

Осипов уверен, что найдет объяснение по поводу всех претензий следствия. Он заявил, что квартиру в Бостоне ему подарили иностранные партнеры за то, что на американском фондовом рынке он «индоссировал ценные бумаги». По словам Осипова, когда он сообщил это следователю, «тот ничего не понял, обиделся и решил к этому эпизоду больше не возвращаться». Предприниматель также объяснил, что сбежать за границу он никогда не собирался, потому что «в России думается лучше», а квартира нужна ему для поддержания имиджа: в том же доме живет г-н Дукакис, баллотировавшийся одновременно с Биллом Клинтоном на пост президента.

Кроме того, Осипов признался, что, заключая контрак-

ты на получение техники, под которые кредитные деньги были перекачены за рубеж, он заранее знал, что контракты эти выполнены не будут. Оказывается, техника Осипову была не нужна: просто он хотел поиграть на психологии партнера. Тут-то Осипов и раскрыл схему, по которой «переигрывал мультимиллионеров».

К примеру, рассказал предприниматель, у руководителя фирмы EGK Роберта Элтона, куда были перечислены DM5 млн. за поставку компьютеров, жена — «лойер при правительстве США» и четыре дочери «на выданье», так что огласка его деловых проблем помешала бы и карьере жены, и благополучию дочерей. Как только был просрочен срок поставки техники, Осипов спросил у партнера, во сколько тот сам оценил бы свой имидж. Американец ответил: $20 млн. Тогда Осипов попросил у него половину этой суммы в качестве компенсации за сорванный контракт. По словам Осипова, пока этих денег он не получил, поскольку «время играет на него» и сумма задолженности EGK растет. Правда, следствию Осипов сказал, что просто не торопит американца с возвратом долга, чтобы не испортить с ним добрых отношений.

По мнению адвоката предпринимателя Виктора Барезина, ни к неуплате налогов, ни к перекачке денег за рубеж Сергей Осипов вообще не имеет отношения, поскольку еще в 1993 году передал руководство БИОТОНом и фондом другим лицам. Правда, как отметили следователи, это произошло уже после того, как налоговые службы заинтересовались фирмами Осипова.

На прощание Осипов рассказал о своих новых деловых проектах. Он намерен создать новую структуру — На-

родный налоговый клуб России, который, по словам российского «лойера», сможет официально освободить своих членов от уплаты налогов. По всей видимости, неприятности с российскими правоохранительными органами еще не убедили Осипова следовать букве закона.

(Е. Вранцева. Жизнь взаймы. — «Коммерсантъ-дейли», 24 января 1996)

НАЛОГОВАЯ ПОЛИЦИЯ И «ФОНД КАРАВАЕВА»

Жизнь фармацевта Виталия Васильевича Караваева полна загадок. Доподлинно известно, что родился он в Риге в 1913 году. Медицинский факультет Рижского университета Караваев окончить не успел: был отправлен в лагерь то ли просто так — было время сталинских репрессий, — то ли за воровство. Сегодня последователи Караваева считают его гениальным биохимиком и философом. В области медицины Караваев исследовал состояние среды обитания клеток организма: межклеточной жидкости и крови, особенно их электролитный состав. Руководитель «Фонда Караваева» Александр Леонтьев считает, что «вклад Караваева в медицину равен вкладу Циолковского в космонавтику». История «бальзамов Караваева» началась с середины 60-х годов, когда Виталий Васильевич приехал в Москву и разработал принципы создания бальзамов «Витаон», «Аурон» и «Соматон». За счет них он всю жизнь поддерживал свое тело в превосходном состоянии. Будучи семидесятилетним стариком, на съезде йогов в Болгарии Караваев выполнил такие асаны, которые никакому другому йогу оказались не под силу.

Впрочем, сотрудники правоохранительных органов относительно деятельности Караваева придерживаются иной точки зрения. По их данным, он был простым уголовником, полжизни просидевшим в сталинских лагерях. Его талант заключался лишь в том, что он для выживания в тяжелых колымских условиях из очень простых растений создал несколько препаратов. Никакими чудотворными свойствами они не обладают, а сегодняшние его последователи просто делают на его имени деньги. В подтверждение своих слов они продемонстрировали несколько писем клиентов фонда, в которых они жалуются на недомогание, аллергию, появление непонятной сыпи после применения препаратов «Фонда Караваева».

Сотрудники правоохранительных органов не выпускают из поля деятельности московского «Фонда Караваева» и его дочерней организации ТОО «Милофарм», которые занимаются производством бальзамов «Витаон», «Аурон» и «Соматон». Они выяснили, что один из лекарственных препаратов производится без необходимой лицензии Минздрава, который, кстати, приказал изъять масло «Витаон» из всех аптек на территории России. Налоговые органы также имеют претензии к фонду: по их мнению, он недоплатил крупную сумму в бюджет. Однако руководство фонда не оставляет надежды выпутаться из всех неприятностей: пока ему удалось отсудить у долгопрудненского завода ТОС (Московская область) право на использование товарных знаков «Витаон», «Аурон» и «Соматон».

У истоков создания «Фонда Караваева» стояла третья жена Виталия Караваева (всего их было четыре) Маргарита Кокорева. В 1985 году после смерти Караваева ей по наследству достались тетради с записями караваевских изобретений в области лекарственных препаратов. Речь идет о бальзамах «Витаон», «Аурон» и

«Соматон». Пять лет вдова не знала, что делать с этими записями. К производству бальзамов ее подтолкнул отставной военный Александр Леонтьев.

С ним Кокорева познакомилась в 1990 году совершенно случайно — в бане. Она предложила Леонтьеву натереться одним из этих препаратов перед тем, как идти в парную. Действие бальзама так понравилось отставному полковнику, что он решил поставить его производство на поток.

Для этого Леонтьев, Кокорева и несколько их знакомых в 1991 году учредили общественную организацию. Назвали ее «Фондом Караваева» и написали в уставных документах, что фонд намерен заняться созданием принципиально новых лекарственных препаратов. Командовать фондом стал отставной полковник.

«Начинать дело было тяжело, — вспоминает Леонтьев, — сначала даже производственных площадей не было, и приходилось варить бальзамы на кухне». В 1992 году «Фонд Караваева» заключил договор с долгопрудненским заводом тонкого органического синтеза (ТОС) на производство препаратов и арендовал помещение под офис на том же заводе. Через некоторое время, по словам Александра Леонтьева, ТОС решил увеличить объем производства. Тогда же была нарушена уникальная технология: «В частности, на предприятии начали разбавлять водой эфирный концентрат, используемый для приготовления бальзамов». Это нарушение определил главный специалист фонда Борис Мокеев, принюхавшись к одной из проб.

Тогда Леонтьев предложил заводу создать совместное предприятие, в котором доли акций распределить по-

ровну, но управление оставить в руках «Фонда Караваева». Это, по мнению полковника, позволяло контролировать производство и исключить возможность нарушения технологии. Руководство ТОС согласилось, но взамен потребовало передать ему права на использование товарных знаков «Витаон», «Соматон» и «Аурон». Фонд не согласился и в феврале 1994 года разорвал отношения с заводом. Между тем сотрудники завода утверждают, что конфликт с «Фондом Караваева» произошел из-за того, что его представители не перечисляли заводу положенные ему суммы от реализации продукции.

Тем не менее долгопрудненский завод до конца 1995 года продолжал производство «Витаона», «Соматона» и «Аурона», но по другой технологии, исключив из состава ингредиентов эфирный концентрат. Представитель ТОС пояснил, что технология изготовления бальзамов осталась та же; единственное изменение состояло в том, что Борис Мокеев перестал «заряжать» руками чаны, где варился препарат.

Леонтьев считает, что ТОС незаконно использовал названия бальзамов, так как в мае 1994 года Государственный комитет по изобретениям и открытиям зарегистрировал за «Фондом Караваева» «Витаон», «Соматон» и «Аурон» в качестве товарного знака. Кроме того, по мнению Леонтьева, в производстве препаратов Караваева необходимо использовать эфирный концентрат, секрет которого ТОСу неизвестен.

У самого фонда не было возможности производить препараты до 1995 года. Только учредив ТОО «Милофарм» и заключив договор с НПО «Союз» (Люберцы), «Фонд Караваева» возобновил выпуск «Витаона», «Соматона» и «Аурона». В феврале 1995 года фонд пере-

уступил право на использование товарных знаков ТОО «Милофарм», и в августе это товарищество подало в областной арбитражный суд иск к ТОСу о нарушении прав на товарный знак.

Еще в 1994 году у Минздравмедпрома возникли сомнения по поводу качества препаратов, выпускаемых «Фондом Караваева». Была даже организована проверка, но лаборатория по экспертизе космических средств Российской академии наук в октябре 1994 года определила, что бальзамы «Аурон» и «Соматон», несмотря на аммиачно-скипидарный запах, полностью соответствуют гигиеническим требованиям.

Первые проблемы у бальзамов Караваева появились в марте 1995 года. Кубаньфармнадзор запретил продажу препаратов «Фонда Караваева» в аптеках Краснодарского края, так как последствия их применения не изучены. 18 сентября 1995 года следственная часть УВД Восточного округа возбудила уголовное дело по факту незаконной предпринимательской деятельности «Милофарма», запретив производство и реализацию «Витаона», «Аурона» и «Соматона».

По версии следствия, масло «Витаон» является лекарственным препаратом, и согласно Указу президента России «О лицензировании отдельных видов деятельности» его производство должно лицензироваться Минздравмедпромом. (Следует заметить, что у ТОСа, который, по мнению Александра Леонтьева, незаконно производит масло, соответствующий документ есть.)

Следствие полагает, что лицензия лицензионно-аккредитационной комиссии Федерального управления медико-биологических и экстремальных проблем на реа-

лизацию лекарственных препаратов, которую ТОО «Милофарм» получило в марте 1995 года, недействительна. Как выяснилось, эта структура может выдавать лицензии только подведомственным организациям, а ТОО «Милофарм» таковой не является. В октябре 1995 года по просьбе следствия Государственный научно-исследовательский институт по стандартизации и контролю лекарственных средств провел экспертизу масла «Витаон», выпускаемого «Милофармом», и установил, что в нем слишком мало эфирных масел и камфоры.

Леонтьев, однако, пояснил, что эта лицензионно-аккредитационная комиссия является государственным органом и он не может нести ответственности за ее ошибки. Кроме того, отставной полковник отметил, что лишь в конце декабря 1995 года ему из Минздравмедпрома пришел официальный ответ, гласивший, что полученная «Милофармом» лицензия недействительна. К тому же в лицензии нигде не упоминается «Витаон», а речь идет лишь о реализации лекарственных препаратов вообще.

Леонтьев также заявил, что масло «Витаон» он выпускает как сугубо гигиеническое средство, на что у него есть соответствующее разрешение Санэпидемнадзора Москвы. Кроме того, арбитражная лаборатория Торгово-промышленной палаты в результате экспертизы признала, что масло «Витаон» соответствует требованиям, предъявляемым к гигиеническим средствам.

Но на этом неприятности фонда не кончились. 9 ноября 1995 года Управление департамента налоговой полиции Москвы возбудило еще одно уголовное дело по факту сокрытия доходов фонда от налогов.

Сотрудники налоговой полиции сочли, что ТОО «Милофарм», незаконно пользуясь налоговыми льготами, не заплатило государству примерно 2,8 млрд. рублей. Дело в том, что согласно закону «О налоге на прибыль» предприятие, которое производит товары народного потребления, при определенных условиях освобождается в первые два года от налога на прибыль. Налоговые органы, сославшись на «Методические рекомендации по отнесению промышленной и сельскохозяйственной продукции» Госкомстата России, отметили, что препараты «Аурон» и «Соматон» не являются товарами народного потребления, а значит, льгота присвоена неверно. После этого руководство «Милофарма» сделало запрос в Госкомстат, где ответили, что согласно все тем же «Методическим рекомендациям» «Аурон» и «Соматон» являются товарами народного потребления.

Причину проблем с правоохранительными органами Александр Леонтьев усматривает, в первую очередь, в недобросовестной конкуренции со стороны долгопрудненского завода ТОС. Леонтьев связывает взрыв офиса «Фонда Караваева» в марте 1995 года и покушение на жизнь главного специалиста фонда Бориса Мокеева с деятельностью этого предприятия. Впрочем, доказательствами он не располагает, а руководство ТОС и представители налоговых органов называют версии, выдвинутые Леонтьевым, абсурдными.

18 декабря постановлением следственной части УВД Восточного округа был снят арест с производства и продажи препаратов «Аурон» и «Соматон». 26 декабря областной арбитражный суд постановил прекратить изготовление и реализацию долгопрудненским заводом ТОС препаратов, продающихся под товарными знаками «Аурон», «Соматон» и «Витаон», а также обязал предприятие уничтожить все имеющиеся у него этикетки.

В свою очередь, Минздравмедпром разослал по аптекам страны директивное письмо с требованием изъять из продажи и прекратить использование лекарственных средств, производящихся ТОО «Милофарм». Однако отставной полковник Александр Леонтьев заявил: «Если «Фонд Караваева» прикроют, я полезу в танк».

(Л. Беррес. Налоговая инспекция загоняет отставного полковника в танк. — «Коммерсантъ-дейли», 18 января 1996)

ЗАЕМЩИКОВ ЗАСТАВЛЯЛИ ОТРАБАТЫВАТЬ ДОЛГИ

В Новосибирске завершился процесс по обвинению нескольких сотрудников службы безопасности «Российской национальной страховой компании» в похищении людей. Сотрудники СБ занимались тем, что по заказу банков выбивали кредиты, которые по каким-либо причинам не были возвращены в срок. По приговору суда они получили от двух до четырех лет лишения свободы. Столь мягкое наказание удивило сотрудников РУОП, которые проводили задержание обвиняемых.

В 1993—1994 годах страхование коммерческих кредитов (или страхование ответственности заемщика) было весьма популярным видом услуг. Большинство российских банков предоставляли ссуды под гарантии дружественных или даже дочерних страховых компаний. В Новосибирске одним из лидеров по этому виду страховых услуг (которые, впрочем, страховыми в чистом виде назвать нельзя) являлась страховая компания

«Росстрах». По состоянию на начало 1994 года в структуре страховых поступлений компании около 60% составляли платежи по страхованию риска непогашения коммерческого кредита. Между тем к началу 1994 года «Росстрах», как и большинство других участников этого рынка, столкнулся с обвальными невозвратами кредитов. Компания не собиралась погашать ссуды за страхователей. В то же время подавляющему большинству должников было нечем расплатиться со страховщиком кредита. Не надеясь получить деньги ни с должника, ни со страховой компании, банки прибегли к услугам арбитражного суда. Впрочем, большинство разбирательств «Росстрах» выиграл — профессиональные юристы в свое время составили удобные договора. Однако уже в середине 1994 года популярность страхования ответственности заемщика пошла на убыль. Обеспечением для получения кредита стала не гарантия страховой компании, а залог. Сейчас этот вид услуг почти ушел в прошлое.

В июне 1993 года дирекцией АО «Российская национальная страховая компания» («Росстрах») и начальником службы общественной безопасности УВД НСО был согласован и утвержден устав службы безопасности «Росстраха». В соответствии с ним СБ могла собирать информацию о деловых партнерах, изучать рынок, охранять имущество учредительной компании, жизнь и здоровье сотрудников фирмы. Лицензией № 0148 от 17 марта 1993 года «Росстраху» было предоставлено право страховать ответственность заемщиков за непогашение кредитов. После этого АО стало страховать указанную ответственность коммерческих организаций и фирм, получающих кредиты в различных кредитных учреждениях Новосибирска. Большое количество несвоевременно погашенных банковских кредитов заставило компанию в рамках СБ создать оперативно-розыскной и следственный отделы, которые занимались розыском заемщиков, уклонявшихся от уплаты креди-

тов, и контролировали целевое использование выданных кредиторами средств. Получая от должников, уклонявшихся от возврата кредита, требуемые денежные средства, сотрудники СБ могли рассчитывать на премию в размере 5—10% взысканной ими суммы.

Начальник службы безопасности «Росстраха» Валерий Белов сразу решил обеспечить своих сотрудников оружием. В августе 1993 года у начальника склада одной из военных частей он купил три ПМ с патронами, 500 тротиловых шашек, 500 капсюлей-детонаторов и 100 метров огнепроводного шнура. Кроме того, Белов приобрел 184 патрона калибра 5,45 мм и пять патронов калибра 9 мм.

Первый заказ на работу с должником, как следует из материалов дела, поступил от Сибирского торгового банка в начале августа 1993 года. Банк поручил Белову найти директора ИЧП «Гейзер» Медведева, который взял кредит в 50 млн. рублей, застрахованный в «Росстрахе». Медведева вскоре нашли и доставили в офис страховой компании. Белов сообщил ему, что им якобы заинтересовались в РУОП. Рассказав, что близкие должников часто «попадают под трамвай», Медведеву предложили вернуть кредит. Он согласился продать свои автомашины УАЗ-452, ВАЗ-2106 и дачу. Должника завели в оружейную комнату и закрыли на замок — условием освобождения было погашение кредита.

Две недели Медведев содержался под стражей. Его навещали родственники. Они думали, что действия охранников совершенно законны. Когда автомобили и дача были переоформлены, Медведева освободили, обязав каждое утро приходить в офис СБ «Росстраха». Для полного погашения задолженности он открыл но-

вую фирму — ИЧП «Азия-Транзит-Торг-сервис» — и с помощью Белова под фиктивный договор о закупке кофе получил в Сибирском строительном банке кредит в размере 100 млн. рублей. После этого 85 млн. рублей были сразу перечислены на расчетный счет «Росстраха», а Медведеву вскоре вернули УАЗ и дачу.

Вторым потерпевшим стал директор ИЧП «Универ» Щукин, который в мае 1993 года получил в Ладабанке два кредита на общую сумму 100 млн. рублей. В ноябре, узнав от сотрудников банка, что кредиты не погашены, Белов поручил своим сотрудникам разыскать Щукина и доставить его в квартиру, купленную службой безопасности специально для содержания должников. 19 ноября, подходя к двери своей квартиры, Щукин увидел двух мужчин, которые разговаривали на лестничной площадке с его женой. Представившись работниками «Росстраха», они пригласили его на улицу поговорить. Там Щукина затолкали в машину, надели наручники, завязали глаза шарфом и увезли. В квартире его обыскали, изъяли газовый пистолет Agent-35 и пристегнули наручниками к трубе отопления. Наконец 22 ноября предпринимателя доставили в офис СБ. Там Белов предложил ему создать новую фирму, получить кредит и рассчитаться с банком. Щукин согласился. Когда он вернул кредит, его отпустили.

Разобраться с директором ТОО «Зест» Захаровым помешало вмешательство родственников, которые обратились за помощью в милицию. В июне 1993 года Захаров получил в Сибирском торговом банке кредит в 30 млн. рублей, но вовремя деньги не вернул. Утром 14 декабря сотрудники СБ «Росстраха» приехали к Захарову домой. Он сказал родным, что вернется через несколько часов. На следующий день мать и жена Захарова стали его разыскивать. Дежурный «Росстра-

ха» сообщил, что в помещениях страховой компании предпринимателя нет. Знакомые также не знали о его местонахождении. Тогда мать похищенного написала заявление о пропаже сына в Железнодорожный РОВД. Вместе с сотрудником милиции Шараповым она встретилась с Беловым, который заверил ее, что Захарова отпустили еще накануне. После встречи с милиционером Белов заехал на квартиру, где держали должника, отвез его в центр Новосибирска и отпустил.

В это же время служба безопасности занялась директором ИЧП «Траст» Бучневым. В августе 1993 года он получил кредит в размере 25 млн. рублей. Белов вызвал к себе Бучнева для решения вопроса о возврате кредита, но тот отказался говорить на эту тему. Тогда трое подчиненных Белова приехали во двор дома на Красном проспекте, где проживал Бучнев. Заправив тротиловую шашку, они разбили молотком окно в «Волге» ГАЗ-3102, принадлежавшей Бучневу, бросили туда бомбу и уехали.

Далее Белов и его соратники занялись директором ИЧП «Ваал» Александром Сясько, который не погасил взятый в сентябре в Ладабанке кредит на 152 млн. рублей. Рассмотрев предоставленные банком документы, Белов пришел к выводу, что Сясько, получая кредит, заранее знал, что не сможет вернуть деньги. Белов выдвинул должнику условие — либо документы будут переданы в милицию, либо Сясько останется в «Росстрахе» и будет работать по возврату кредита. Сясько согласился. Продукты питания ему приносил брат Владимир. Впоследствии братья договорились с Беловым, чтобы он оставил Владимира Сясько заложником, а Александра вместе с сотрудником СБ отправил в Алма-Ату за деньгами (туда был перечислен кредит). 11 января 1994 года Владимир добровольно сменил брата. На следующий день его перевезли в

12 Зак. 1281

квартиру. Иногда разрешали общаться с родственниками по телефону. 26 января сотрудник СБ вернулся из Алма-Аты один и сообщил, что Сясько пока денег не нашел, но пообещал скоро решить вопрос.

Но вопрос так и не успел решиться. 9 февраля помещения «Росстраха» взяли штурмом сотрудники СОБР. Предварительно они получили информацию о том, что в офисе страховой компании могут быть заложники. В процессе обыска оперативники местного РУОП обнаружили чужие документы, бланки удостоверений работников милиции, расписки о добровольном нахождении в компании, взрывчатые вещества, оружие и патроны и милицейскую форму. Владимир Сясько был освобожден.

Расследование тянулось более двух лет. В результате пятеро бывших сотрудников СБ все же были признаны виновными в вымогательстве. Белов получил четыре года лишения свободы, его подчиненным дали меньшие сроки — двоим по три года, еще двоих приговорили к двум годам и шести месяцам с отсрочкой исполнения приговора на два года. Представители РУОП, занимавшиеся этим делом, высказали недоумение по поводу такого незначительного наказания.

(М. Незнанский. Заемщиков заставляли отрабатывать долги. — «Коммерсантъ-дейли», 8 мая 1996)

«ШКУРНОЕ» ДЕЛО

Колхоз «17 сентября» в Беларуси — хозяйство во всех отношениях крепкое. Имеет солидные доходы от полеводства и животноводства. Но, пожалуй, поистине «золотой жилой» здесь стало выращивание пушных зверьков. Это та «конвертируемая валюта», с помощью которой удается открыть любые двери, получить корма, стройматериалы, оборудование и все остальное, что за «деревянные» не купишь. И хотя сама звероферма внешне представляет собой весьма примитивное сооружение, обнесенное неказистым проволочным забором, коммерческая сила ее, пожалуй, во много раз превышает возможности животноводческих суперкомплексов.

Эту перспективность отрасли в условиях нарождающихся рыночных отношений прекрасно понял и Павел Михайлович Алексейчик, который в марте 1988 года удачно сменил пост секретаря парткома экспериментальной базы «Вольно-Чернихово» на должность председателя колхоза.

К слову сказать, бизнесменом он оказался, говорят, неплохим. Колхоз интенсивно строился — были средства и на жилье, и на объекты соцкультбыта. С другой стороны, трудно даже представить, что, сидя на «золотой жиле», можно прогореть. Но, впрочем, речь у нас пойдет не об экономической стратегии, а о нескольких частных случаях, так сказать, о невидимой постороннему взгляду механике бизнеса.

Утром памятного 23 января 1991 года, на следующий день после знаменитого павловского указа, приехал из

Минска в хозяйство некто В. И. Графенков, человек, занимающийся «индивидуальной» трудовой деятельностью. Поскольку связи у него с руководителем хозяйства (как он впоследствии писал) были хотя и не столь давние, но крепкие, В. И. Графенков не топтался в приемной и сразу же зашел в кабинет председателя.

После короткого делового разговора тот вызвал к себе представителей бухгалтерской службы и приказал, выражаясь казенным языком, «оформить отпуск шкурки норки» на сумму чуть более пятидесяти тысяч рублей. Что и было мгновенно исполнено. Деньги в колхозную кассу тут же были внесены — купюрами пятидесяти- и сторублевого достоинства. И только после этого остатки кассы были заактивированы, хотя постановление требовало это сделать гораздо раньше.

Помнится, как в то январское утро тысячи пенсионеров, которые заработали свои денежки нелегким трудом, страдали у еще не открывшихся дверей сбербанков, как звонили в редакцию растерянные инвалиды в тревоге, что потеряют свои скромные сбережения. Вся страна, казалось, вздрогнула от неожиданного подозрения в мошенничестве.

И только (как показали многочисленные беседы с работниками прокуратуры) деловой председатель колхоза «17 сентября» П. М. Алексейчик и его не менее деловой партнер-индивидуальщик В. И. Графенков ничего не ведали. Не знали об этом, видимо, и главный бухгалтер колхоза вместе с кассиром, беспрекословно подчинившиеся указаниям председателя. Более того, последние по приказу того же П. М. Алексейчика без слова протеста, без всяких сомнений и угрызений совести пошли на подлог: сделка была

оформлена 22 числом, а затем на накладной была затерта фамилия предпринимателя-индивидуала В. И. Графенкова, у которого в то утро «случайно» в кармане оказались пятьдесят тысяч нелюбимыми правительством купюрами.

Казалось бы, все ясно! Но почему же было закрыто это уголовное дело? Как ни смешно, но в той грандиозной акции союзного правительства, преследовавшей целью выявить и наказать «рублем» мошенников, как раз об ответственности этих мошенников в спешке забыли. Впрочем, может быть, и намеренно. Нет в том знаменитом постановлении ни слова о наказании лиц, которые нарушат правила обмена. И это обстоятельство поставило, как мы поняли, правоохранительные органы в тупик. По какой статье привлекать?

Вот, например, как просто и убедительно впоследствии доказывал свое алиби предприниматель-индивидуал. На вопрос: звонил ли Алексейчику до 23 января, без колебаний ответил: «Да, звонил, но совершенно не помню, когда, сколько раз и с какого телефона». — «Как много в тот день привезли запрещенных к обмену купюр?» — «Не помню». — «Ведете ли учет своих доходов и расходов?» — «Раньше вел, сейчас не веду, поэтому ничего конкретного сообщить не могу». — «Каковы ваши заработки?» — «Не знаю точно, но на жизнь хватает...»

Вот такой веселенький диалог. Прокуратура республики потребовала от следователей, ведущих это дело, выяснить источники и размеры доходов предпринимателей, регулярно покупающих шкурки в колхозе. Но на запрос в налоговую инспекцию, например, о том же Графенкове пришел скупой, как мужская слеза, ответ, в котором сообщалось, что доходы его проверить нель-

зя, так как заполнение декларации не предусмотрено законом. Запросы, посланные в Донецк, Вильнюс и другие города, находящиеся в соседних государствах, где живут другие покупатели шкурок, вообще остались без реагирования.

Не менее забавно объяснял свои деловые ходы и некто М. З. Клемперт, директор малого предприятия с внушающим доверие названием «Доброта». «В начале 1990 года, — писал он в объяснении, — я попросил П. М. Алексейчика продать шкурок на 16 тысяч рублей. (Заметим в скобках, что дельцы приобрели шкурки пушного зверя по цене, сравнимой, скажем, сегодня с ценой килограмма не очень изысканного печенья.) Деньги были мои, жены и других родственников. Шкурки выделал знакомый, который в настоящее время уехал в Израиль. В конце 1990 года — начале 1991 я приобрел шкурок еще на 70 тысяч. Часть денег были мои, а часть дал какой-то (!?) коммерсант из Италии, с которым я познакомился на выставке в Минске. Установочных данных его не знаю, но скоро он приедет в Минск опять, у него есть мои координаты...»

Колхоз «17 сентября», судя по документам ревизии, имеет крепкие деловые связи с предпринимателем из Вильнюса Л. Павловичем (против фамилии которого, правда, в одном месте стоит ремарка «не установлен»), с малым предприятием «Визон» в далекой Донецкой области, кооперативом «Музыка» (?) из первопрестольной и даже с фотографом кооператива «Луч» Б. Е. Шендером, который проживает и трудится на ниве искусства в том же Донецке, а также с другими большими и малыми предприятиями и отдельными рыцарями рыночных отношений.

Многим из них шкурки продавали без всяких фор-

мальностей в виде лицензий на вывоз, которые предусмотрены законодательством по защите потребительского рынка.

(В. Самойлов. «Шкурное» дело. — «Народная газета», 3 марта 1992)

КООПЕРАТИВ «ОРУЖЕЙНИК»

Красивое оружие. Так и тянет крутануть вороненый барабан, обнять ладонью удобную, изящно отделанную деревом рукоятку, положить палец на спусковой крючок и лихо бабахнуть по мишени. Но достаточно представить себе, что этот ствол, увенчанный блестящей алюминиевой трубкой глушителя, направлен тебе в голову, сердце или живот, и всякая охота любоваться изделием талантливого оружейника пропадает. Какая уж тут, к дьяволу, красота!

Всего револьверов этой модели у молодого оршанца Александра Р. изъято аж четырнадцать. Сколько всего Саша их собрал за несколько лет, только он один и знает. Да вряд ли скажет, хотя количество стреляющих предметов вряд ли изменит качество наказания. Но за каждым револьвером стоят члены подпольного «кооператива» инструментальщиков, регулярно выполнявших Сашины заказы на заводских станках. В цеху, в рабочее время. Как правило, за бутылку-другую, иногда за небольшие деньги. Имена нескольких «наемников» известны, но наверняка не всех. Арестован пока только сам заказчик. Он же конструктор, слесарь-сборщик и продавец...

Крах оружейной фирмы Александра Р. — прежде всего заслуга Витебского УКГБ. А если еще конкретнее — сотрудников его ОП-отдела борьбы с организованной преступностью.

Именно кропотливая оперативная работа, начатая по «сигналам», привела работников нового отдела к Александру Р., симпатичному молодому сторожу, неплохо живущему на мизерную зарплату с женой-домохозяйкой и двумя детьми. Ночью Саша охранял клуб, а днем трудился в собственной мастерской при частном доме. Уйдя с завода «Легмаш», умелец поставил оружейное производство на поток. Поначалу продавал револьверы по 16 тысяч, потом рыночная конъюнктура подсказала другую цену: 200 долларов.

Сашины мелкокалиберные револьверы предназначались для убийства. Более того, для убийства подлого, исподтишка. Глушители позволяли сделать выстрел не слышным за несколько шагов. Вместе с 14 револьверами изъяли 8 пневматических винтовок и два пистолета, которые были переделаны тоже под «мелкашку». Те и другие пробивают две сложенные вместе доски толщиной по 2,5 сантиметра каждая с трех метров. Саша отлично знал, что покупатели из Москвы и Прибалтики берут его «пушки» не для самообороны. Знала это и его жена. Эхо далеких выстрелов из «фирменных» стволов Александра Р. резко отозвалось в его доме. В его семье, в его судьбе. И в судьбах других людей. В частности, инструктора по спорту из одного колхоза, небескорыстно поставлявшего оршанскому «левше» пневматические винтовки и мелкокалиберные патроны...

Вскоре после ареста Александра Р. в печать из органов МВД попало сообщение об этом. И когда спустя

несколько дней оперативники наведались к очередному подозреваемому в торговле «стволами», нашли у него, можно сказать, мелочь.

— Прочитал, что людей с оружием шерстят, и попрятал свое на всякий случай, — нагло ухмыльнулся догадливый хозяин, заметив огорченные лица непрошеных гостей.

Но несмотря на этот незначительный, в общем, «прокол», акция «Оружие-2» тоже оказалась эффективной. Сашу взяли 4 сентября, а 19-го уже нагрянули в Барань, куда вел след с того же объединения «Легмаш». В рабочем городке — спутнике Орши, задержали троих, ранее судимых. Один из них, Сергей П., сразу был арестован. Он занимался реставрацией оружия, сохранившегося с войны. В его руках, например, вновь обретали способность стрелять автоматы, пролежавшие в земле полвека. Кроме двух ППШ со специально укороченными прикладами, у Сергея нашли немецкий пистолет «Вальтер», револьвер и самодельный автомат, напоминающий израильский «узи». Подобных автоматов, как выяснилось, Сергей сделал несколько и продал по 70 тысяч рублей уголовникам с юга. Остальная техника тоже предназначалась для торговли с «урками». Сергею с его другом и помощником нужно было много денег. Но не для «красивой» жизни, а для покупки наркотиков. Основательно «сел на иглу» и третий житель Барани, оружейник-одиночка, у которого нашли карабин, собранный на базе охотничьего ружья, и много патронов. С виду как новые боеприпасы оказались почти самодельными. Старательный мастер монтировал их из стреляных гильз военного времени, очищенных от коррозии пуль и свежих охотничьих капсюлей. Палили эти патроны безотказно.

Заодно с оружием у баранской группы обнаружились две тайные лаборатории по приготовлению наркотиков: огромная мясорубка для измельчения маковой соломки, растворители и другие химикаты, несколько мешков сырья — не менее чем на 600 тысяч рублей по цене «черного» рынка. Готовилось это зелье не только для себя, но и на продажу...
(С. Буткевич. — «Народная газета», 30 сентября 1992)

ВОРЫ В ПОГОНАХ

В то время, когда автолюбители, ограниченные скудным лимитом «талонного» горючего, чуть ли не благодарны спекулянтам за дорогие, но столь необходимые литры, в военном городке Болбасово, что под Оршей, жидкое топливо считают тоннами, даже десятками тонн. А то и вовсе не считают. Списать цистерну чистейшего авиационного керосина здесь не проблема. Целый состав горючего можно «спрятать» в документах так, что концов не найдешь. За 10 минут прогазовки четырехмоторная громадина сжигает тонну дорогого нефтепродукта, за час полета — 10 тонн. Количество этих минут и часов можно отразить в бумагах поразному. А еще разрешается сливать горючее прямо в воздухе при особых условиях полета. Поди потом узнай, слил или не слил. И вообще — летал или не летал...

Оформив в один прекрасный день договор с неким гражданином России о поставке «дизельного топлива» в хозяйство, руководители колхоза «Барацьбіт» отлично знали, что под мифическим россиянином подразумевается офицер из военной части, которая дислоцируется неподалеку, в Болбасово. Об этом мог догадаться и ребенок: машинам-топливозаправщикам, приво-

зящим в колхоз горючее, больше неоткуда было появиться. Ведали, что творят, и водители-прапорщики, которым за «левые» рейсы было уплачено 35 тысяч рублей. Только за три дня (7,8 и 9 сентября), в течение которых «керосиновая цепочка» находилась под наблюдением сотрудников Госбезопасности, «Барацьбіт» получил 115 тонн краденого горючего. Расчет последовал 16 сентября в Орше, рядом с банком, откуда колхозный кассир вынес 460 тысяч рублей. У кассира «плату за страх» взял военный. Отсчитав свою долю, передал «дипломат» сослуживцу, который, не обидев себя, доставил полегчавший ручной «сейф» в Болбасово и отдал его еще одному соучастнику. Вот тогда-то и были арестованы главные члены преступной группы: из подразделения техобслуживания аэродромов капитан, лейтенант, старший прапорщик и просто прапорщик. Вместе с деньгами, из которых, правда, за 3 часа «комиссионеры» успели 30 тысяч потратить.

Понятно, председатель колхоза «Барацьбіт» будет убеждать, что пошел на эту нечистую сделку из самых честных побуждений: на пороге зима, а котельную топить нечем. Но чрезвычайно трудно поверить в бескорыстие руководителя хозяйства, главбуха, кассира. Покупку керосина можно было оформить официально, перечислить деньги в дивизионную казну. Но сделано-то все иначе, чтобы часть наличных, снятых с банковского счета, прилипла к рукам покупателей горючего. Неспроста ведь сделка не отражена в бухгалтерских документах, а керосин не оприходован...

В этой непростой операции принимала участие довольно большая группа оперативников: около 20 чекистов из отдела борьбы с организованной преступностью и их оршанские коллеги, розыскники местной милиции, работники военной контрразведки. Они блестяще

справились со своей задачей. Но не считают ее до конца решенной. По их данным, «болбасовский» керосин таким же незаконным путем сбывался и в другие хозяйства района. Так что работы еще хватит. И опять-таки стоит предупредить председателей колхозов и директоров совхозов: если ваши деньги пахнут керосином, покайтесь заранее. В противном случае придется держать ответ по всей строгости закона, конкретнее — по статье 91 прим Уголовного кодекса «за коррупцию». (С. Буткевич. — «Народная газета», 30 сентября 1992)

КУРЫ В СОСТАВЕ ВВС СНГ

Оперативную группу возглавил Анатолий Михайлов. В ней — Александр Киб и Владимир Марченко.

В военном городке оперативников ждали представители особого отдела Владимир Царицынский и Вячеслав Окунев. Извещенные по телефону, они с пониманием и участием отнеслись к неожиданному визиту милиции.

Огромный воздушный лайнер смотрелся на аэродромном поле величественно и горделиво. Что называется, с приподнятыми крыльями были и его хозяева: командир корабля подполковник Алтухов и два чина рангом повыше — полковники Руденков и Ахрименко.

Формальности с представлением, объяснение цели визита со ссылкой на закон о защите потребительского рынка республики. Военные отмахивались от милиции, как от соперника, не стоящего внимания.

— Вы что! Никаких продуктов на борт не принимали.

Михайлов настаивал. Дебаты то затихали, то разгорались с новой силой.

— Да, есть 20 ящиков масла! — став в позу, сказал, как отрезал, полковник Руденков. — В грузовом отсеке лежат. Но самолет досматривать не позволим!

Категоричный тон экипаж уловил сразу. Люки вмиг были задраены. Нервная беседа с оставшимися на земле военными чинами все больше окрашивалась недружелюбными оттенками и вскоре перенеслась на КДП — командно-диспетчерский пункт.

Руденков связался с начальником гарнизона, командиром авиачасти полковником Резиным.

— Ну-ка, дайте мне к телефону этого храбреца, — запросил гарнизонный начальник.

Старший оперуполномоченный Михайлов взял трубку. — Осмотр запрещаю! — железные нотки в голосе на другом конце провода. — Вы нарушаете режим секретности: самолет военный. Будете препятствовать взлету — применю силу!

— Мы при исполнении, — не отступал Анатолий Иванович. — У нас тоже оружие. Поступим адекватно. Так что лучше приезжайте...

Некоторое затишье на КДП оперативники использовали по-своему. Доложили в отдел начальнику Афонину о затруднениях, просили подкрепления. Информация пошла на Минск.

Ничего не подозревавший полковник Резин прибыл полный решимости и непреклонности. А следом за ним явился патрульный офицер с автоматчиками. Ситуация накалялась.

Резин, то ли для пущей важности, то ли всерьез, приказал командиру корабля взлететь.

— Мы встанем под шасси — взлетайте, — голос у Михайлова стал ниже и жестче.

— Не могу взлетать, товарищ полковник, — сетовал Алтухов. — Неясная ситуация.

И тут взорвался Михайлов.
— В каком государстве вы служите, товарищ полковник? И кто вам дал право не выполнять наши законы?

Полковник Разин не желал слушать. Он подчиняется штабу армии, расположенной в России. И законы Беларуси ему нипочем. Он — экс-территориален, а значит, недосягаем. Ни для милиции, ни для Министерства по делам обороны Республики Беларусь.

Трудно сказать, как бы развивались события дальше, не подоспей к оперативникам подкрепление. Прибыл

Афонин с заместителем Карцевым. «Жигули» подогнали к самолету, чтобы при необходимости поставить перед лайнером хоть какой заслон.

С шести вечера до полуночи длились словесные баталии, переносясь от КДП к самолету и от него обратно. В конце концов, умерив пыл, полковники пошли на отцепную. Отдали 20 ящиков масла, но в самолет оперативников так и не пустили.

Наутро военный лайнер взлетел, но, покружившись в воздухе, сел обратно. Трибуналом пригрозили полковникам или еще чем, пока неясно. Очевидно другое: ситуацию подкорректировали особисты через свое начальство.

Михайлову снова пришлось ехать на место. Но на этот раз в группе был и военный прокурор.

Нарушений в действиях милиции он не усмотрел. Состоялся и досмотр лайнера. Оказалось, что прятать полковникам было что. Из отсеков самолета оперативники извлекли в придачу к 20 еще 11 ящиков сливочного масла, 170 килограммов сахара, два бидона сметаны, изрядное количество кур, мяса, тушенки, майонеза, маргарина. А еще — обои, изоплен, рулоны натурального меха.

Разумеется, никаких разрешающих документов на вывоз продуктов и товаров у военных не было.

Досмотром дело не кончилось. Важно было узнать, откуда, собственно говоря, «дровишки»? Поникшие воен-

ные давали показания уже в милиции. И вот какая открылась картина.

Полковник Руденков приехал поездом в Гомель из подмосковной воинской части еще 27 марта. И прямиком к начальнику военторга-210 Анатолию Шабанову. Благо, дорожка была знакомой. Полковник уже дважды взлетал отсюда военным самолетом, загруженным и мясом, и колбасой, предназначенными якобы для офицеров части. На этот раз захотелось военным заготовителям еще и масла, и кур. Но — увы!
(А. Готовчиц. — «Народная газета», 4 апреля 1992)

ФИНАНСОВЫЕ ОПЕРАЦИИ ОТ ИМЕНИ 8 МИЛЛИОНОВ СТРАХОВАТЕЛЕЙ

Руководство белорусского Госстраха в течение почти двух лет скрывало огромные суммы прибыли от налогообложения, а начальник этого ведомства Петр Стасюк нередко распоряжался деньгами клиентов в сугубо личных интересах.

Итак, сначала о налогах. Их, как известно, платить не любит никто, в том числе и почтенный Петр Никитович. Правда, в отличие от простых смертных людей, а также предприятий и организаций, Госстрах имел счастье родиться и трудиться под крылом могущественного Минфина, то бишь самого сборщика «податей» в госказну. Ну как не воспользоваться таким родством! И Петр Никитович, естественно, не упустил шанс. В 1990 году под его чутким руководством Госстрах утаил от бюджета республики 851 тысячу 100 рублей, а на

следующий год, вот уж действительно аппетит приходит во время еды, скрыл от казны целых 2 млн. 591 тысячу 400 рублей.

Однако, пойманный за руку сотрудниками Управления по борьбе с экономической преступностью МВД республики, Петр Стасюк не растерялся и в объяснительной справке «чистосердечно» признался, что все махинации по сокрытию доходов Госстраха от налогообложения проделаны им исключительно в интересах... страхователей. И посему Петр Никитович попросил не забирать эти деньги в бюджет, не применять штрафных санкций, а всю сумму перечислить на выплату компенсаций страхователям. Вот такая мгновенная метаморфоза из мошенника да в жертву. И теперь уже господин Стасюк пытается доказать, что нет для белорусских страхователей человека роднее и заботливее, чем он сам. Хотя, не загляни в это ведомство налоговая инспекция и работники правоохранительных органов, вряд ли бы сердобольный начальник так рьяно взялся отстаивать финансовые интересы своих клиентов. «Подпольные» деньги наверняка были бы вложены в какое-нибудь коммерческое предприятие, которых Госстрах учредил немало, и приносили бы дивиденды предприимчивому начальнику и его сподвижникам. Условия для подобных махинаций, как мне кажется, у руководства Госстраха в последнее время самые благоприятные. Но об этом чуть позже. А сейчас вернемся к вопросу «о благоденствии и благодетеле».

Как установлено проверкой, в 1990—91 годах Госстрах республики очень активно скупал у ПО «БелАвтоМАЗ» и Барановичского автоагрегатного завода валюту. Причем на приобретение СКВ было использовано 6 млн. 125 тысяч рублей из средств резерва фондов взносов по страхованию жизни, что категорически запрещено, поскольку эти деньги предназначены для вы-

платы страховки по дожитию и по случаю смерти, а также для выкупных сумм и выдачи ссуд. Из этого же резерва взносов по страхованию жизни Госстрах перечислил в октябре 1990 года 10 млн. рублей сроком на 6 месяцев в виде займа Белорусскому промышленно-инновационному банку. Деньги эти Госстраху еще не были возвращены в декабре 1991 года. Вот здесь бы, Петр Никитович, и порадеть за интересы страхователей. Из 676 тысяч долларов США, приобретенных Госстрахом у автозавода и автоагрегатного 400 тысяч были переведены на счет СП «Белтехнолог», а остальные отложены на... командировочные расходы.

Надо отметить, что в загранкомандировки для изучения опыта иностранных страховых фирм США, Канады, ФРГ, Польши Петр Никитович ездил охотно. А при случае мог и кого-нибудь из друзей свозить, естественно, за счет Госстраха. Так, 11 апреля 1991 года для поездки в США Стасюком и представителем Ингосстраха Холецким из казны Госстраха республики было получено 4500 долларов. Кроме того, авиабилеты были приобретены за счет «заведения». Однако, как выяснилось сейчас, А. С. Холецкий не имел никакого отношения к белорусскому Госстраху, не было и документов, подтверждающих цели и задачи его командировки в Соединенные Штаты. К тому же при пересчете сумм по данной командировке установлено, что фактическая стоимость авиабилетов составляла 6678 рублей, а не 7534, в результате чего по командировке Стасюка на расходы по ведению дела было излишне отнесено 1428 рублей.

Впрочем, это мелочи. Были дела и покрупнее. Например, по договору с Ладабанком (коммерческим банком социального развития г. Тольятти) в июле 1990 года Главное управление Госстраха БССР передало на депозитный счет 80 млн. рублей сроком на 1 год с выпла-

той 8 процентов годовых. А еще за каждые 8 млн. рублей Ладабанк отгрузил Госстраху один автомобиль. Несомненно, сделка выгодная. Только опять же удача почему-то улыбнулась верным людям Петра Никитовича и Стасюку-младшему, работающему под началом своего отца. Именно они в августе прошлого года купили эти автомобили.

Кстати, об автомобилях. В октябре 1990 года Белорусский промышленно-инновационный банк передал Госстраху автомобиль «Вольво». Причем фактически безвозмездно — за оказание услуги по предоставлению займа на сумму 4,5 млн. рублей в счет пониженного трехпроцентного тарифа. И эта сделка, Петр Никитович, совершена от имени и по поручению 8 миллионов белорусских страхователей? Какая же от этого польза, на «Вольво»-то разъезжаете лично вы?

Хотя этот вопрос к руководителю Белгосстраха сегодня, возможно, уже не совсем уместен. Ведь возглавляемая им фирма получила в октябре прошлого года статус государственно-коммерческой организации и вольна распоряжаться всей имеющейся прибылью самостоятельно. Такой вот подарок сделал «великому комбинатору» Совет Министров.
(Н. Дебело. — «Народная газета», 13 марта 1992)

ПРИВИДЕНИЯ И ПРИЗРАКИ НА ЗАБРОШЕННОМ СОВЕТСКОМ АЭРОДРОМЕ ПОД БЕРЛИНОМ

Берлинские газеты сообщают, что бывший аэродром Западной группы войск «Шперенбенг» используется российской организованной преступностью для тайной переправки контрабандных грузов и людей.

Расположенный южнее Берлина военный аэродром «Шперенбенг» в сентябре 1994 года после вывода Западной группы российских войск был закрыт германскими властями. Дальнейшая его судьба не ясна: то ли он станет главными гражданскими воротами столицы Германии, то ли навсегда исчезнет с европейских карт. Местные власти ведут дискуссию, где же создавать основной гражданский аэропорт для столицы Германии? Выбор невелик. Кроме действующего аэропорта «Шенефельд» и закрытого «Шперенбенга», места для будущего гиганта вокруг Берлина больше нет. Придется или перестраивать «Шенефельд», или строить новый аэропорт на бывшей советской базе. Главное его достоинство — он расположен на достаточном удалении от многонаселенных районов Берлина, что значительно повышает безопасность и улучшает экологию.

Но начиная с лета 1995 года жители расположенных вокруг «Шперенбенга» деревень регулярно слышат, как на заброшенном аэродроме ночью взлетают и садятся какие-то самолеты. Местные жители уверены, что к ним вновь стали прилетать российские самолеты. Жители деревень Куммерсдорф и Александердорф, хорошо знающие типы российских самолетов, так как несколько десятилетий слышали и видели их, забили тревогу. Их бургомистр Детлеф Арндт написал офици-

альное письмо в бундесвер с просьбой проверить авиационную активность на закрытом бывшем военном аэродроме. В своем письме бургомистр утверждает, что «минимум один раз в неделю на аэродром «Шперенбенг» прилетают российские военно-транспортные самолеты».

Представитель третьей военно-воздушной дивизии бундесвера, расквартированной на бывшем аэродроме «Гатов» в Берлине, заявил, что посадка в темноте на заброшенной взлетно-посадочной полосе с технической точки зрения невозможна. Вместе с тем, для того чтобы радары не обнаружили самолет, необходимо лететь на высоте, не превышающей 100 метров над землей. Но для больших транспортных самолетов это чрезвычайно сложно.

Однако стопроцентной гарантии дать не можем, подчеркнул немецкий офицер, ведь Русту удалось долететь до Красной площади.

Как считают германские специалисты, маршрут предполагаемых полетов, скорее всего, может пролегать через Калининград и Балтийское море. Полет через воздушное пространство Польши невероятен, так как на стометровой высоте длительное время удержать самолет невозможно.

Несмотря на твердые убеждения командира подразделения истребителей полковника Райнхарда Мака (его подчиненные охраняют воздушное пространство Восточной Германии), что ни одного случая нелегального прилета российских самолетов не зафиксировано, работники пожарной службы аэродрома «Шенефельд» собственными глазами видели российский самолет ти-

па АН-24, о котором никто потом ничего толком сказать не смог.

Жители самого Шперенбенга вместе со своим бургомистром Уве Краином уверяют, что, если бы российские самолеты садились и взлетали в «Шперенбенге», то они в любом случае по звуку сразу же определили бы любой тип российских самолетов. Но пока они ничего не слышали. Никаких сигналов тревоги не подает и аэродромная охрана «Шперенбенга». Однако бургомистр Арндт в своем письме уверяет, что минимум один раз в неделю, как правило, в ночь с субботы на воскресенье российские самолеты прилетают в «Шперенбенг». Может быть, это и так, а может, это фантом прошлого регулярно посещает жителей деревень вокруг заброшенного советского аэродрома.
(Б. Лысенко. — «Известия», 11 января 1996)

МЯСО ДЛЯ «ГАГРАКУРОРТА»

Одна из хитрых комбинаций была разыграна в 1992 году на Гомельщине. Причем вольно или невольно в эту нехорошую историю были втянуты зампред местного облисполкома А. Костюченко и даже заместитель премьер-министра республики А. Шахнович.

А дело было вот как. 31 января 1992 года А. Костюченко обратился к А. Шахновичу с просьбой в порядке исключения разрешить Гомельскому облисполкому отгрузку объединению «Гагракурорт» 60 тонн мяса, 5 тонн сыра и 5 тонн масла животного по действующим в республике розничным ценам. Все эти продукты, согласно «прошению», предназначались для питания населения Гомельщины, находящегося на отды-

хе и лечении в здравницах Абхазии. Что ж, святое, можно сказать, дело — позаботиться о несчастных земляках-чернобыльцах. И зампред Совмина, не мешкая, в тот же день собственноручно начертал резолюцию на вывоз указанных продуктов в Абхазию. А уже 10 февраля по приказу А. Костюченко гомельский Мясомолторг отправил продовольствие в Гагры, куда оно через некоторое время благополучно прибыло.

Словом, продоперация завершилась успешно. Оставалось только пожелать отдыхающим в Гаграх гомельчанам приятного аппетита.

Ответ из Гомельского обкома профсоюзов мгновенно развеял миф о добром начальстве. Оказывается, в январе—марте этого года из 619 запланированных ранее путевок «Гагракурорт» выделил гомельчанам только 130. Да и на те не нашлось покупателей. Например, Обком профсоюза работников агропромышленного комплекса, имевший неосторожность «выбить» 80 путевок, еще в январе расторгнул договор с «Гагракурортом» по причине отсутствия желающих отдыхать в этом, безусловно, райском, но, увы, небезопасном уголке. Не рискнул отправить детей в Абхазию и Обком профсоюза работников народного образования.

И все же нашлись люди, не посрамившие славных родимичей. Они не побоялись в январе—марте нынешнего года съездить на отдых в Абхазию. По имеющимся сведениям, таковыми являются пятеро членов профсоюза кооперативов и малых предприятий. Выходит, из-за них были потревожены высокопоставленные государственные мужи.

Пусть даже у великолепной пятерки был зверский ап-

петит, все равно съесть столько продуктов ей явно не под силу. Неужели в облисполкоме не знали, сколько их земляков набирались сил в гостеприимной Абхазии?

В таком случае, почему не отправить продуктов вдвое, втрое больше или, наоборот, меньше? Вполне уместен здесь и известный вопрос: «Кому это выгодно?» Само собой разумеется, очень повезло «Гагракурорту». Продукты эти объединению были проданы по действующим в Беларуси розничным ценам. Они ведь значительно ниже оптовых цен, установленных на случай вывоза продовольствия за пределы республики. В письменном обращении к А. Шахновичу А. Костюченко объясняет необходимость предоставления такой «льготы» для «Гагракурорта» тем, что при заключении договоров на 1992 год расчет стоимости питания объединение производило по розничным ценам. Следовательно, поставка продовольственных товаров по оптовым ценам приведет к резкому удорожанию путевок и сделает невозможным для многих гомельчан выезд на оздоровление в Абхазию.

Вообще-то объяснение вполне логичное. Если бы в Гагры действительно съехались сотни отдыхающих из Гомельщины.

Но в жизни получилось все не так, как на бумаге. Тем не менее, 60 тонн мяса, 5 тонн сыра и 5 тонн масла благодаря чуткому руководству А. Костюченко по дешевке уплыло за пределы республики. В результате этой сделки суверенное государство потеряло несколько миллионов рублей. Странно, почему заместитель премьер-министра не поинтересовался, сколько человек осчастливил своим вниманием А. Костюченко. Кстати, все продовольствие было выделено из областных фон-

дов, а это значит, что кто-то из «Гагракурорта» полакомился дефицитными продуктами со стола жителей Гомельской области.
(Н. Дебело. — «Народная газета», 7 апреля 1992)

ПЛАКАЛИ ВАШИ «МЕРСЕДЕСЫ»

В 1991 году в темном небе бизнеса блеснула яркая звезда 37-летнего минского предпринимателя Александра А. К этому скромному труженику «автоторговли» представители белорусского делового мира слетелись, словно мотыльки на свет фар.

Александр манил их широкой перспективой покупки импортных лимузинов, в которых ухабы отечественной дороги к рынку покажутся не более чем песчинкой.

Его предприятие «Мостранс-Вайцзеккер» с отчаянной смелостью обещало продавать машины с прогнивших свалок Запада по дико низким ценам.

Первыми клиентами на пути нашего бизнесмена оказался кооператив «Гарант», который он и взялся в предельно сжатые сроки завалить «иномарками».

Встретившись с председателем кооператива, поведал до боли слезную историю прощания со своим любимым братом, который, женившись по большой и благородной любви на немке, отъезжая от столичного перрона то ли в Кельн, то ли куда-то в Баварию, — впрочем, не важно куда, — сказал следующее:
«Жди меня, я привезу в город «Кадиллаки»!

И вот добрые вести: через пару дней должны прибыть первые автомобили. Они уже в пути. Их где-то трясет по железной дороге в районе Варшавы.

— Короче, я вылетаю в Москву встречать контейнеры. Вносите аванс, — веско заключил новоявленный комбинатор.

«Гарантовцы», спящие и видящие себя в шикарных «Вольво» и «Опелях», тут же откликнулись на почин: «Автомобиль — не роскошь...» и ссудили «Мострансвайцзеккеру» кругленькую сумму.

Яркая индивидуальность Александра А. подкупила и одного ассистента Минского мединститута, который, нажав на акселератор своих желаний, отдал последние сбережения со словами: «Катитесь вы — к «Мерседесу!»

Чем располагал к себе коммерсант? А нужно было, оказывается, совсем малость: поразить неискушенных собеседников знанием автоцен, по-деловому четко назвать срок прибытия машин из-за «бугра». А на просьбу:
— Подскажете, что лучше брать.

С видом знатока ответить:
— Конечно, «Форд-скорпион».

В общем, Александр, как и всякий крутой предприниматель, был для непосвященных воплощением солидного деятеля, все могущего и все достающего.

Но недолго музыка играла в салоне несуществующих машин. Чем дольше переносились сроки автопокупки, тем настойчивее становились телефонные звонки кредиторов. На принципиально прямой вопрос: где «тачки»? — Александр пускался в пространные описания возникших трудностей, которые якобы с наскока не возьмешь. Естественно, первое время его успокаивающие монологи действовали, как сеансы Кашпировского. Но потом... Потом пришлось даже «просигналить» через своих знакомых в милицию: мол, донимают его фирму проклятые кооператоры, шантажируют, вымогают какие-то тысячи...

После этого, правда, «гарантовцы» несколько остыли и уже слезно умоляли вернуть лишь деньги. Покупка лимузинов как-то сама собой стала ненужной. Но Александр пошел дальше, собрал своих покупателей в круг и держал перед ними такую речь:

— Господа, вынужден вам открыть великую и ужасную тайну: ваши денежки накрылись. Их у меня, наглым образом украли...

Услышав подобную «исповедь», любители автомобилей взвыли, как пожарная сирена. Примчавшись в один из минских РОВД только и смогли выпалить:

— В тюрьму прохвоста! Чтоб ему небо было всю жизнь в клеточку! Пусть не возвращает тысяч! Но мы требуем суда!

Суд выяснил: фирма «Мостранс-Вайцзеккер» существовала исключительно в воображении Александра, брата у него в Германии нет и никогда не было, а за-

явление о продаже «ссуды» нигде ранее не регистрировалось.
(В. Лещенко. — «Народная газета», 3 июня 1992)

ИНДИЙСКИЙ МИГ УДАЧИ

Крупнейшая государственная авиастроительная компания Индии «Хиндустан Аэронотикс» (ХАЛ) подписала с Сирией и Египтом контракты на поставку запасных частей для истребителей МиГ-21, сообщило агентство «Франс Пресс». Стоимость контрактов оценивается в один миллион долларов. «Это только начало, — заявил президент компании Р. Н. Шарма. — В ближайшие дни у нас в руках будет соглашение еще на один крупный заказ».

При иных обстоятельствах можно было бы порадоваться за индийских партнеров. Если бы они не нарушили международное право, запрещающее торговать лицензионной продукцией без согласия и без уплаты обговоренного процента с суммы сделки стране, предоставившей Индии право на производство запчастей для МиГ-21. А исключительным авторским правом в данном случае обладает Россия.

В госкомпании «Росвооружение» сообщили, что Индии никто не давал права свободно распоряжаться собственностью России. По лицензии ХАЛ может производить запчасти только для МиГов, стоящих на вооружении ВВС Индии. Если же возникает возможность выйти за пределы национальных границ, то компания по общепринятым правилам обязана была получить согласие Москвы и перечислить с ожидаемого миллиона долларов соответствующий процент российскому

предприятию — держателю лицензионного права. Дели в переговоры с «Росвооружением» по поводу намечающейся сделки не вступал, деньги по банковским каналам не переводил. Поэтому при подтверждении достоверности сообщения «Франс Пресс» Москва предпримет соответствующие контрмеры, в сущность которых в госкомпании вдаваться не стали. При этом добавили, что нарушение лицензионного права — довольно распространенное явление, и не только в отношении России. «Это нечестный бизнес, но очень выгодный».

Мировая торговля вообще никогда не отличалась уважительностью к международным нормам поведения. Миллион долларов, конечно же, лучше, чем тот же миллион, но без нескольких сотен тысяч, которые ХАЛ пришлось бы перечислить в Россию. А так как мировая торговля вооружениями переживает сегодня не самые лучшие времена — во многих регионах расходы на оборону стремительно сокращаются, — то нарушение юридических прав и просто беспощадная драка стали нормой поведения.

Еще пять лет назад, например, никто не обращал внимания на старые самолеты, полагая, что их жизненный путь закончен. Сегодня уже с десяток фирм толкаются локтями за право продлить срок службы ветеранов до 2020 года. Самый большой кусок в этом пироге — МиГ-21, серийное производство которого началось в 50-х годах. Общим счетом 5500 МиГов все еще несут свою службу в более чем 40 странах. И хотя самолет, бесспорно, российский, за право модернизировать его сражаются компании Израиля, Великобритании и Франции.

В торговом бизнесе нормальным считается продолжать

размахивать кулаками и после того, как предмет соперничества уже кому-то достался. Самый свежий пример — шум вокруг российского контракта на поставку в Малайзию самолетов МиГ-29, поднятый журналом «Милитари текнолоджи», принадлежащим немецкой издательской группе «Менх». Контракт уже давно выполнен, скоро состоятся показательные полеты обученных малайзийских пилотов. МиГи-29, доставшиеся ФРГ в наследство от ГДР, на недавних маневрах в очередной раз побили всех своих западных противников аналогичного класса. И тем не менее журнал попытался заронить в сознание потенциальных российских клиентов в Юго-Восточной Азии сомнение в качестве самолета, предположив, что в Малайзию Россия спихнула не модернизированные МиГи-29Н, как запрашивал покупатель, а старье со склада.

В Московском авиационном производственном объединении, выполнившем малайзийский заказ, не могут спокойно говорить об этом журнале. Оказывается, за производством всей партии самолетов круглосуточно следили командированные в Россию представители заказчика, которых заподозрить в некомпетентности нельзя. Всю работу они приняли без замечаний.

Торговля оружием, включая запчасти, — суровый бизнес. Здесь много улыбаются и бьют из любого положения.
(А. Сычев. — «Известия», 4 ноября 1995)

БИЗНЕС НА ЭЛЕКТРОННЫХ КАРТОЧКАХ

«Хочешь жить — умей вертеться», — этим расхожим утверждением, похоже, руководствовались трое жителей Брюсселя, организовавших доходный бизнес за чужой счет. Воспользовавшись тем, что американская нефтяная компания «Шелл» предоставила клиентам новый вид услуг — электронные (по подобию кредитных) карточки для расчетов на автозаправочных станциях, молодые люди похитили несколько таких «ключей» и стали предлагать заправку по сниженной цене водителям грузовиков и такси.

Поскольку представительство «Шелл» по каким-то причинам не заявило в полицию о продаже, новоявленные предприниматели преспокойно продолжали набивать карманы. Неизвестно, как долго бы это продолжалось, если бы они случайно не узнали о конкуренте — некоем жителе города Льеж.

Выследив «коллегу», преступники проникли к нему на квартиру под видом инспекторов уголовной полиции. После того, как «нефтяной магнат» пожертвовал карточкой в обмен на жизнь, его поместили в багажник машины и увезли в направлении Брюсселя. Остановившись затем на безлюдной стоянке для автомобилей, преступники избили конкурента, взяв с него слово молчать. Несколько минут спустя перепуганного до смерти льежца подобрала полиция, которой он сразу поведал о случившемся. Через полчаса преступная троица была арестована.

УРАНОВАЯ КОНТРАБАНДА

Тайной из тайн считалось до недавних пор то, что Чепецкий механический завод имеет дело с ураном.

Город Глазов десятилетиями оставался закрытым. Но вот стала известной история, которая взбудоражила всю Удмуртию. В Бресте с середине октября были задержаны два жителя Глазова и военнослужащий, пытавшиеся продать за границу несколько килограммов радиоактивного металла. Совместными действиями органов безопасности Беларуси, Российской Федерации и Удмуртии удалось арестовать 12 человек, причастных к вывозу урана.

Как выяснилось, на заводе со строгим пропускным режимом исчезли более ста килограммов урана-238. Сам по себе он не очень опасен, но из него можно получить уран-235 — сырье для ядерной энергетики. По данным Прокуратуры республики, часть металла уже продана в страны ближнего и дальнего зарубежья.

Похитители, в основном это рабочие, имеющие отношение к переплавке и уничтожению металла, в большинстве своем даже не предполагали, что занимаются контрабандой. Хранили они металл в гаражах, квартирах. А основной перевалочной базой стало Александровское кладбище в Ижевске, с которого и забирали товар перекупщики.

ОПЕРАЦИЯ «ЯСТРЕБ»

Операция «Ястреб» началась в октябре 1973 года, после того как в полицию обратилась женщина, очень озабоченная судьбой своего мужа. Группа по борьбе с наркотиками, возглавляемая Пирсоном, выдав себя за деловых людей, «купила» кокаин, после чего арестовала трех его продавцов и поместила их в тюрьму графства. Через несколько недель к Пирсону пришла некая испанка, чтобы предложить свои услуги в качестве осведомителя, чтобы в обмен за доставленные ею сведения она могла помочь своему мужу — одному из этих трех ожидающих суда арестованных. Детектив не завербовал ее, но в течение трех месяцев изредка беседовал с ней. Она выдала много информации о перевозках кокаина, но эта информация была старой и малоценной. Пирсону стало ясно, что она говорит это по наущению мужа, который, очевидно, собирается скрыться после того, как только его выпустят под залог.

В январе 1974 года Пирсон занимался с группой новичков, обучая их сложному искусству наблюдения. Но одновременно он не выпускал из поля зрения эту женщину и ее мужа. Позже он допросил обоих в связи с каким-то делом о просроченном векселе. Оба выражали готовность сотрудничать, но мужчина так и не дал никакой ценной информации. Однако через пару недель его жена пришла, чтобы назвать главного пушера, негра. У пушера купили порцию наркотика, после чего его арестовали. В награду ее мужу устроили назначение низкого залога, и он вышел на свободу.

После этого женщина дала понять, что хотела бы скомпрометировать своего мужа, чтобы дружки вы-

13 Зак. 1281

швырнули его из бизнеса с наркотиками. Пирсон счел, что это логично, и согласился работать с ней. В конце концов разоткровенничался и муж, чему в немалой степени способствовала его половина, и указал сотню кубинцев, способных сразу же продать килограмм кокаина или героина. Для того, чтобы приступить к закупкам столь большого количества наркотиков и выявлению такого множества торговцев, Управлению общественной безопасности графства Дейд не хватало средств, и оно обратилось в Управление по борьбе с наркотиками. С его помощью был сформирован отряд особого назначения, состоящий из федеральных агентов и полицейских графств, и люди Пирсона стали работать в контакте с ним. УБН доставило также наличные деньги, и начались закупки наркотиков. Исходили из того, что каждый участник операции должен всегда быть в состоянии купить килограмм и более героина или кокаина. Оптовая же цена килограмма кокаина в то время составляла 20 000 долларов.

«Поскольку латиноамериканская община довольно-таки замкнута и в ней зачастую относятся с недоверием к англосаксам, — рассказывал Пирсон, — было редчайшим везением заполучить сразу двух осведомителей, хорошо знающих наркотический бизнес. Мы сочли нужным вести игру до тех пор, пока позволяли финансы».

На первых порах попытались получить как можно больше установочной информации о каждом подозреваемом, чтобы в случае необходимости его всегда можно было обнаружить и арестовать.

Выяснилось, что многие из этих кубинцев постоянно разъезжали между Майами и Нью-Йорком, штат Нью-Джерси. Это смогли установить потому, что УБН полу-

чило разрешение вести подслушивание в штате Нью-Джерси телефонных разговоров тех самых людей, в отношении которых в Майами велось расследование, и обмен информацией оказался полезен для обоих штатов.

«Наркотики, которые мы закупили в Майами, могли послужить уликой против подозреваемых при рассмотрении в суде обвинения в сговоре», — разъяснил Пирсон.

Среди названных осведомителями оказались братья Устрада, Рональдо и Хосе, которые были замешаны и в получившем широкую известность деле «Французской связи», рассматривавшемся в Нью-Йорке. Почти каждый, на кого указала супружеская пара, оказался по шкале УБН преступником первого или второго класса. Короче говоря, это были главные торговцы наркотиками, а не просто всякая мелочь вроде уличных пушеров.

Муж прошел рубеж, за которым уже нет возврата, когда ввел секретных агентов ко многим торговцам наркотиками и поручился за них. Агенты сняли две квартиры в майамском квартале Коконат-Грев и поселили в одну из них чернокожего полицейского Лэнни Лоренса. Ему дали новый «Кадиллак» и кучу денег, чтобы производить нужное впечатление. Вскоре на Лоренса смотрели как на очередного Франка Мэтьюза. Многие сделки по наркотикам были заключены в этих квартирах, оборудованных кинокамерами и микрофонами.

Жена сделала очень многое для получения информации о личности подозреваемых. Различными путями

она добивалась сведений об их возрасте и адресе, описывала внешний вид и даже узнавала номера водительских прав. Зная же номер, полицейские могли получить фотографию подозреваемого из картотеки Службы дорожного патрулирования штата Флорида.

Иметь дело с кубинскими торговцами наркотиками оказалось весьма приятно. Рассматривая продажу кокаина как бизнес, а не как щекочущее нервы приключение или акцию протеста, они всегда вовремя приходили на встречу. Такой торговец бесплатно давал образец товара, предоставляя покупателю время для проверки качества. Только в том случае, если покупатель был доволен, начинались переговоры о цене и количестве.

«Это были профессионалы, — рассказывал Лоренс. — Существовало даже неписаное правило, что в течение двадцати четырех часов можно возвратить наркотик, если вдруг изменишь свои намерения. Мне было приятно работать с ними. За год мы сделали сорок восемь покупок, и каждая заняла не более пятнадцати минут. Они дорожили своей репутацией и старались поддерживать ее. Это было замечательно, особенно после стольких лет общения с людьми, которые во всем обманывали вас и нарывались на ссору».

Была также получена и передана соответствующим учреждениям информация, относящаяся к другим преступлениям — ограблениям, убийствам и т. п. Но после года наблюдений пришли к выводу, что за этот период слишком многие подозреваемые уехали или были арестованы в других местностях. Решили, что настало время произвести первые аресты в ходе операции «Ястреб». После совещания с помощником министра юстиции США были выписаны ордера на арест

сорока пяти человек, в делах которых уже имелись фотографии, сведения о приметах, адреса и данные об автомобилях.

«Если бы кому-нибудь велели пойти и арестовать любого американца, то с собранными нами сведениями он мог запросто пойти и арестовать его».

Так как эти аресты затрагивали большое число юрисдикций — в графстве Дейд множество независимых городов, — было необходимо подобрать представителей из правоохранительных органов. Сформировали отряд из 120 полицейских, предназначенный для производства арестов, которому придали необходимый технический аппарат: клерков, техников, фотографов и прочих. Наступил январь 1975 года.

Пирсон узнал, что несколько человек из числа подлежащих аресту намеревались на новогодние каникулы покинуть графство. Пока они еще находились в городе, и у Пирсона имелся список адресов, по которым их можно было найти. Рейд с целью ареста всех 45 человек был назначен на три часа утра в понедельник. Пирсон взял Терри Барка, агента УБН и своего близкого друга, а также двух людей из своего подразделения, и всю субботу и воскресенье перед началом рейда они разыскивали тех, кто собирался уехать, и арестовывали их. Они не сообщали арестованному о причине ареста и откладывали просьбы об определении суммы залога до понедельника, чтобы арестованные не смогли подать сигнал тревоги. Последний подозреваемый схвачен за три часа до начала главных событий.

Собранным членам отряда были даны необходимые инструкции и приказано приступить к арестам в пять

часов утра. Всякие радиопереговоры запрещены. К десяти часам утра арестовали 30 человек. К трем часам дня отыскали еще семерых. Только четыре человека избежали ареста, потому что довольно далеко уехали на уик-энд и, узнав о событиях в городе, предпочли не возвращаться. Некоторые из арестованных заключили сделку с обвинителями, признав себя виновными в менее тяжких преступлениях, и избежали тюремного заключения, но большинство из них довели до суда. Все они были признаны виновными. Таким образом, путем разумного сотрудничества с двумя осведомителями и методичного ведения расследования правоохранительные органы добились успеха в деле, по которому, как правило, бывает невозможно собрать достаточно улик.

Эта операция имела огромную ценность и сама по себе, помимо привлечения к ответственности торговцев наркотиками. «Она открыла нам действительные масштабы латиноамериканского бизнеса на наркотиках», — объяснил Пирсон.
(Х. Мессик. Боссы преступного мира. — М., 1990)

ДЕЛО «ЮНАЙТЕД БАМБУ»

...Вооруженные до зубов федеральные агенты и нью-йоркская полиция совершают налет на героиновую лабораторию в тихом районе и обнаруживают внутри большие блоки тайваньского белого героина. Удивительно, но наркотик еще не размолот.

Организованная преступность среди китайцев из Таиланда, Гонконга, Малайзии включает как традиционные виды рэкета — вымогательство, азартные игры и проституцию, так и контрабандный ввоз иммигрантов

и наркотиков. Полиция говорит, что китайские преступные синдикаты, базирующиеся в Гонконге, все больше перемещаются в США, отчасти из-за страха перед тем, что возвращение английского владения под контроль Китая в 1997 году поставит под угрозу их богатство, влияние и относительную свободу действий. Хотя об их деятельности еще многое не известно, специалисты правоохранительных органов говорят: все больше свидетельств тесных рабочих отношений между гонконгскими триадами — иерархическими преступными обществами, возникшими около 300 лет назад, и несколькими важными тайными организациями или деловыми ассоциациями в США. Власти говорят, что лидеры тайных организаций из нескольких городов, включая Нью-Йорк, Торонто и Бостон, летали в Гонконг, чтобы встретиться там с главарями триад и закрепить их отношения путем «сжигания желтой бумаги», церемонии, которая хотя и носит менее формальный характер, чем раньше, все же пожизненно делает человека членом триад.

Бесспорно, самым известным из немногих подтвержденных документами примеров этих новых отношений является дело «Юнайтед бамбу». В 1984 году три боевика тайваньской триады, которая утверждает, что насчитывает 15 тысяч членов, убили американского писателя китайского происхождения по имени Генри Лю в пригороде Сан-Франциско. Лю опубликовал критическую биографию тайваньского президента Цзян Цзинго, и руководитель «Юнайтед бамбу» Чэнь Чили, который известен по кличке «Сухая утка», говорит, что его наняли для этого убийства высокопоставленные военные Тайваня (они отрицают какое бы то ни было отношение к этому заговору). Сухая утка отбывает длительное тюремное заключение за это убийство.

Убийство Лю приоткрыло завесу секретности над империей «Юнайтед бамбу» и над обширной сетью тайных организаций и триад и ее глубокой вовлеченностью в торговлю героином в США. В ходе громкого и широкого судебного процесса 8 членов триад были осуждены в 1986 году за множество нарушений закона, связанных с наркобизнесом. Сегодня агенты правоохранительных учреждений могут проследить путь высококачественного героина, который находят на улицах крупных городов Америки, через Амстердам и Гонконг до знаменитого района «золотого треугольника», охватывающего часть Мьянмы, Лаоса и Таиланда. Специалисты по наркотикам говорят, что триады контролируют поток наркотика на всех стадиях этого процесса, переправляя крупные партии до Бангкока, а затем за границу, где прибыли часто маскируются под денежные переводы и возвращаются назад триадам.

В сентябре 1987 года полиция начала аресты сети, в которую входило около 50 человек в различных районах мира, захватив 33 фунта героина в Нью-Йорке, 48 фунтов в Бангкоке и 53 фунта в провинции Юньнань в Китае. Среди арестованных были шеф-повар китайского ресторана в Нью-Йорке гонконгский гражданин, нанявший покупателя героина в Таиланде, и гражданин Малайзии по имени Он Чинхок, которого раньше арестовывали по обвинению в контрабанде деталей ЭВМ. Представление о том, насколько разветвлена деятельность триад в США, было получено во время суда над «Юнайтед бамбу». В записанном на магнитофонную пленку разговоре член банды по имени Чэнь Чийн рассказывал о поездке на машине из Лос-Анджелеса во Флориду. «В любом городе, где вы увидите китайский ресторан, — сказал Чэнь Чийн, прозвище которого «Желтая птица», — вы можете войти и сказать им, что связаны с «Юнайтед бамбу». Они о вас позаботятся».

Полиция и прокуроры в замешательстве, а иногда поражены изощренностью азиатских банд — но они, несомненно, встревожены склонностью к насилию ямайских преступников, вероятно, наиболее активных среди новых этнических банд. Кармен Марино, кливлендский прокурор, рассказывает об известном главаре ямайской банды, который сидел в «Мерседесе», когда свободный от работы водитель автобуса подал автобус назад и случайно врезался в его машину. Свидетели показали, что этот главарь спокойно вытащил пистолет, выстрелил 4 раза и убил шофера автобуса. С тех пор главарь обвинен еще в двух убийствах. «Эти люди, не колеблясь, убьют вас, — говорит Марино, — и не моргнут глазом».

Это банды, называемые «отрядами», начали главным образом с контрабанды марихуаны с Ямайки в США. «Но они обнаружили, что кокаин и крэк могут принести больше денег, — говорит Джеймс Браун, специальный агент отделения БАТО в Майами. — Марихуана занимает много места, а прибыли не так высоки». С ростом прибылей пришел рост насилия — и диверсификация. Считают, что некоторые ямайские отряды пускают в оборот прибыли от наркотиков в США, однако наиболее известные отряды — «Душ» и «Блестящий» — занялись торговлей оружием. «Мы имели дело со всевозможными этническими группами, участвующими в торговле наркотиками, — кубинцами, колумбийцами, черными американцами, — говорит сержант Джеймс Скотт из полиции округа Метро-Дейд в Майами. — Но ни у одной из них нет такого оружия, как у ямайских банд. Нет ничего необычного в том, что останавливаешь их машину и обнаруживаешь две-три автоматические винтовки».

«Им ничего не стоит зайти в магазин и купить десяток пистолетов по 600 долларов, — говорит федеральный

агент, следящий за деятельностью отрядов в Канзас-Сити, где в результате налетов на курильни крэка за два года было захвачено 183 пистолета, 37 штурмовых винтовок и 3 пулемета. — Умножьте каждую проданную партию на десять, и вы узнаете масштабы их деятельности».

Как и в случае с азиатскими бандами, многое еще не известно о преступных организациях граждан Ямайки. Руководители БАТО создали специальный банк информации в Вашингтоне на известных и подозреваемых членов ямайских банд. Считается, что в США действуют 20 отрядов с 3 тысячами членов. Но вот статистика, вызывающая настоящий ужас: полиция говорит, что эти отряды, возможно, участвовали в 600 убийствах, связанных с наркотиками, по всей стране.

Все активнее в торговле героином на Северо-Востоке, во Флориде, а также на западном побережье США принимают участие израильские банды, состоящие, как считают, главным образом из сефардов, евреев, родившихся в арабских странах. «Мы видели, что израильтяне покупали героин в Пакистане, Турции и Таиланде, — говорит старый агент УБРН. — Теперь мы видим, что они способны взаимодействовать с другими преступными организациями, включая «Коза ностру».

«Эта тенденция к сотрудничеству типична для новых этнических банд», — говорят правоохранительные органы. Китайский режиссер, а также мать и дочь, которые руководили сетью публичных домов, платили мексиканским контрабандистам-иммигрантам за тайный ввоз молодых азиатских женщин с Тайваня в США. Китайская тайная организация доставила этих женщин на самолете с Тайваня в Гватемалу, а затем на автомашинах переправила в Мексику, где контрабандис-

ты взяли их под свою опеку и перевезли через границу. Ши, известная по кличке «Старшая сестра», брала с клиентов по 20 долларов за вход в свои публичные дома, а затем клиенты платили от 50 до 80 долларов в зависимости от услуг внутри. «Дело Ши показало, что тайная преступная организация может нелегально проникнуть в США, вступить в союз с местными преступниками, а затем открыть их (двери) для бизнеса». (Война с наркомафией. — М., 1992)

СТИРАЛЬНАЯ МАШИНА ДЛЯ ДОЛЛАРОВ

Отмывание денег, вырученных в результате противозаконных махинаций — в первую очередь в наркобизнесе, превратилось в колоссальную подпольную индустрию, которая представляет серьезную проблему не только для отдельных стран, но и для мировой финансовой системы в целом. Власти США, например, в настоящее время предпринимают решительные меры для борьбы с наркомафией, под контролем которой оказались целые секторы экономики страны.

В 1989 году американские спецслужбы раскрыли широкомасштабную операцию по отмыванию наркодолларов, в которой Медельинский картель, как считают, очистил, по крайней мере, миллиард.

1. Наркодоллары переправлялись торговцам золотом и драгоценностями в Нью-Йорк и Лос-Анджелес.

2. Поддельные золотые слитки доставлялись из Уруг-

вая, чтобы создать видимость законных импортных операций.

3. Деньги упаковывались в ящики, предназначенные для перевозки золота, а затем доставлялись в торговую компанию, находящуюся под контролем наркокартеля.

4. Затем деньги размещались на вкладах в банках — по мере осуществления фиктивных сделок по продаже поддельных драгоценностей.

5. После этого вклады переводились с помощью электронной системы в банк на Манхэттене, контролируемый наркокартелем. Затем они «расползались» через Панаму по разным странам мира, главным образом по Европе.

6. В конце концов деньги прибывали в Колумбию, где использовались для оплаты расходов по трансакциям, а также для покупки дополнительных партий кокаина. Часть выручки отправлялась обратно в США, где эти деньги вкладывались в недвижимость или использовались иным образом.

Гостиница в Виллемстаде, солнечной столице Антильских островов... Сотрудник местного отделения французского банка провожает посетителя-американца через помещение казино в удобную комнату, из окон которой открывается живописный вид на гавань. Потягивая коктейль, его будущий клиент говорит, что вскоре ожидается бурный поток «зелененьких», в котором будут «кувыркаться шестизначные суммы», и что он хотел бы без лишнего шума перевести их в США.

— Скажите, а эти деньги, м-м, не запачканы? — осторожно осведомляется сотрудник «Креди Лионе».

Незнакомец протестующе машет руками.
— Ну что ж, — произносит банкир, заказывая второй коктейль, — тогда будем печь «слоеный пирог»...

Что такое «слоеный пирог»? Сначала французский банк выдает ссуду своему клиенту-американцу для основания корпорации в Роттердаме, где он кладет свой капитал на счет в местном отделении упомянутого банка. Американец будет контролировать деятельность новой корпорации через антильскую кредитную компанию и при этом, в соответствии с законами о правах личности, действующими на островах, его фамилия как владельца останется неизвестной. После этого карибское отделение «ссудит» его собственные деньги, находящиеся на счете в Роттердаме. Как просто, не правда ли?

Если налоговая служба спросит американца об источнике его капитала, он может указать в соответствующей графе весьма известный в мире банк.

В 1989 финансовом году трофеи агентов по борьбе с наркотиками составили 89 тонн, что на 44 процента больше соответствующего показателя в 1988 финансовом году. Это, как считают многие, лишь вершина айсберга наркобизнеса.

Стоимость кокаина, ввозимого в Соединенные Штаты, — 28 млрд. долларов. Парадокс состоит в том, что нарколорды свободно используют для отмывания барышей многие из финансовых служб, которыми может вос-

пользоваться любая корпорация из списка «500» журнала «Форчун». В этом процессе, который зачастую занимает менее двух суток, преступники ухитряются превратить 20- и 100-долларовые банкноты в новенькие купюры, которые ни у кого не могут вызвать подозрения, а их происхождение обнаружить практически невозможно.

Когда наркодоллары попадают в круговерть мировой финансовой системы, на карту ставится очень многое. Воротилы наркобизнеса, кажется, скупили целые секторы американской экономики, однако «слоеные пироги», подобные описанному выше, а также другие методы заметания следов часто не позволяют американским властям докопаться до истинных источников обогащения. Показателен пример: фиктивные корпорации, базирующиеся на Антильских островах, контролируют более одной трети земельных участков в США, находящихся в собственности иностранных инвесторов, многие из недавно возведенных небоскребов в Лос-Анджелесе, а также значительное число независимых кинокомпаний, создающих такие фильмы, как «Рэмбо».

Бизнесмены и частные лица могут не предавать широкой огласке размеры своих активов. При этом нарколорды отмывают ежегодно до 100 млрд. долларов, ухитряясь пользоваться легальными средствами.

— Не могу понять, как мы можем быть столь близорукими, — возмущается председатель сенатского подкомитета по терроризму, наркотикам и международным операциям Джон Керри. — Действующие федеральные правила настолько расплывчаты, что просто руки опускаются.

Президент Буш, со своей стороны, заявил, что отмыватели денег должны стать главным объектом в борьбе против наркобизнеса, и распорядился о выделении 15 миллионов долларов для финансирования первых этапов контрнаступления. Хотя для подобной задачи эта сумма ничтожна, сам факт глубокой озабоченности президента Соединенных Штатов создавшимся положением свидетельствует об изменении подходов администрации, которая в недавнем прошлом выступала против ужесточения контроля над деятельностью банков. Объявлено о начале формирования специальных федеральных сил. С отмывателями надеются покончить с помощью новейших достижений компьютерной техники и специально составленных программ. В этой хитроумной баталии уже есть первые результаты. Так, Министерство юстиции США добилось того, что в пяти странах были заморожены банковские счета одного из руководителей Медельинского картеля.

Работа сборщиков налогов, в задачу которых входит выявление денег, нажитых незаконным путем, весьма осложняется тем, что им приходится действовать, образно говоря, в условиях ограниченной видимости. Многомиллиардное течение «грязных» денег движется в океане законных операций. В нем, по различным оценкам, плавает более триллиона долларов. Бывает и так, что в этом потоке оказываются деньги несколько иного происхождения. Например, аргентинский бизнесмен хочет обойти налоговые правила и вывозит свои сбережения из страны; транснациональная корпорация, которая стремится максимально снизить налоги на дивиденды, размещает капитал в наиболее выгодном для себя месте; южноафриканский инвестор, опасающийся экономических санкций, переводит вклады за рубеж; восточногерманский коммунистический лидер незадолго до объединения Германии откладывает деньги на черный день в швейцарском банке. Да мало ли что еще... Экономический прогресс зависит, безус-

ловно, от того, насколько гибко и эффективно действует мировая финансовая система. Однако, как признают представители федеральной налоговой службы, только в результате налоговых махинаций ежегодно «исчезают» до 50 млрд. долларов.

Стержнем процесса отмывания денег на мировом уровне является американская валюта. Огромные суммы вывозятся из США в обычном багаже, поскольку туристов и путешественников редко проверяют на границе. «Куски» покрупнее покидают США на частных самолетах или в контейнерах для морских перевозок, которые досматриваются выборочно. Вот почему должностные лица не могут с уверенностью сказать, где в данный момент находятся 80 процентов долларовых банкнот, которые печатает министерство финансов. Как только доллары покидают свою родину, они с легкостью пера попадают на черный рынок, в особенности в странах, экономика которых переживает трудности, ведь доллар — самая предпочтительная валюта.

Первый, пожалуй, наиболее сложный шаг — это депонирование «горячих капиталов» в каком-либо финансовом учреждении, принадлежащем США, поскольку налоговая служба требует, чтобы все банки предоставляли отчеты о трансакциях на сумму 10 тысяч и более долларов. В начале 80-х годов отмыватели ловко обходили эти препятствия, нанимая людей, которые вносили большое число вкладов на сумму менее 10 тысяч долларов.

Теперь американское правительство требует, чтобы банки строго следили за подобными случаями, но нарколорды разработали новую тактику. Поскольку розничные торговцы, которые оперируют крупными сум-

мами, как правило, не попадают под действие правила о 10-тысячном пределе, отмыватели начали создавать фиктивные компании.

— Для торговцев наркотиками иметь такую фирму — все равно что разрабатывать золотую жилу, — считает вице-президент «Уэллес Фарго бэнк».

Например, ресторан, который не принимает оплату чеком или по кредитной карточке, а берет только наличными, может стать отличной «стиральной машиной». В принципе годится любая подставная фирма, поскольку правительственные чиновники буквально захлебываются, обрабатывая ежегодно до 7 млн. финансовых отчетов (для сравнения: 10 лет назад их было менее 100 тысяч), а в таких условиях выявить незаконные сделки весьма сложно.

Как только деньги попадают в какое-либо финансовое учреждение, они начинают циркулировать с колоссальной скоростью. Общаясь с банками с помощью факсимильной связи или персонального компьютера, можно переводить суммы в разные страны мира. Цель — запустить доллары в мировой водоворот, где их количество настолько велико, что никакой, даже самый изощренный, контроль не окажется эффективным.

По мере того как в последнее время финансовый центр тяжести смещается в сторону стран тихоокеанского региона, как грибы растут всякого рода убежища для дельцов на таких далеких островах, как Науру в юго-западной части Тихого океана или Палау и Трук в Микронезии. Жители Вануату вдруг обнаружили, что международные финансовые операции значительно выгоднее, нежели выращивание кокосовых орехов и

таро. В столице Вануату Виле, например, сейчас нередки сделки на сумму 100 млн. долларов.

Главным центром отмывания денег все же остается Гонконг. Там трудно найти человека, который в той или иной степени этим не занимается, причем почти всегда на законном основании. Дело в том, что законы этой страны позволяют осуществлять всевозможные финансовые маневры.

— Но нашим пуританским стандартам, — говорит один американский банкир, — отсутствие в Гонконге общественного контроля выглядит просто скандальным.

Гонконг — это поистине Мекка для торговцев оружием, наркотиками и всевозможных пиратов делового мира.

— Ну скажите, где еще я мог бы быть посредником в сделке по продаже пулеметов из Китая, золота с Тайваня и по поставкам из Панамы? — спрашивает бразильский торговец оружием.

На недавних слушаниях в конгрессе США в Вашингтоне сенатор Керри сообщил об исследовании, согласно которому одним из магнитов для наркодолларов становится в последнее время Канада. Одна из причин этого — отсутствие в стране положений с требованием предоставлять отчеты о денежных вкладах.

— Торговцы наркотиками пересекают границу и кладут деньги в банк или распоряжаются ими каким-либо иным способом. Есть свидетельства, что подобные

случаи имеют место практически каждый день, — рассказывает Джон Керри.

Как в США обнаружить центр по отмыванию денег? Один из способов — фиксирование избыточных сумм, которые поступают в местные отделения Федеральной резервной системы. Например, в 1985 году в майамском филиале был избыток в размере 6 млрд. долларов. После нескольких лет энергичных действий правоохранительных органов этот показатель снизился до 4,5 млрд. долларов, но при этом увеличилось число незаконных операций в Лос-Анджелесе, где избыток поступлений наличными резко возрос — от 166 млн. в 1985 году до 3,8 млрд. в 1988.

Наступление Буша на наркобизнес подкрепляется такими мощными силами, как ЦРУ, Агентство национальной безопасности, Пентагон, таможенные службы. Чтобы нанести сокрушительный удар, необходима поддержка финансовых кругов страны. Однако некоторые банкиры относятся к этому без энтузиазма.

— Они часто отождествляют обычные финансовые операции с отмыванием, — сокрушается майамский адвокат Джеральд Хулихэн, — создавая впечатление, будто сражаются с торговцами наркотиками.

С другой стороны, эксперты заявляют, что Вашингтон не сможет контролировать ситуацию до тех пор, пока финансовые учреждения страны не сделают свою документацию полностью доступной. В противном случае колумбийские картели наркобизнеса, возможно, заставят мировую финансовую систему действовать так, как им заблагорассудится.
(Война с наркомафией. — М., 1992)

ЭЛЬДОРАДО

Воспетое поэтами и романистами Эльдорадо, край золотых россыпей, — это и есть, как известно, нынешняя Колумбия. Легенды о несметных сокровищах этой земли живы и поныне. И не только легенды. Вот-вот начнется подъем добра чуть ли не на миллиарды долларов с испанского галеона «Сан-Хосе», потопленного англичанами почти 300 лет назад у колумбийских берегов.

Но и без старинных кладов экономическое положение страны — на фоне общего латиноамериканского кризиса — выглядит, в общем-то, неплохо. Ежегодный рост производства, испытавшего спад в начале десятилетия, стабильно составляет около 4 процентов. Долговые обязательства Колумбии представляются международным финансистам гораздо более надежными, чем расписка ее соседей.

Раскинувшийся у подножия живописной горной гряды, на краю цветущей равнины, именуемой колумбийцами «боготинской саванной», прекрасный город Богота по благоустройству и великолепию архитектуры, по меньшей мере, не уступает другим столицам континента. Здесь, на высоте 2,5 километра над уровнем моря, под экваториальным солнцем, вечно комнатная температура, а язвы неизменной латиноамериканской бедности не так бросаются в глаза.

Но уже в столичном аэропорту «Эльдорадо» невольно останавливаешь взгляд на ведомых бравыми капралами немецких овчарках с заплетающимися ногами. Приученные к наркотикам, чтобы в состоянии абсти-

ненции с большим рвением выискивать их среди багажа, и тем, увы, обреченные на скорую гибель, эти жертвы человеческих пороков словно предупреждают приезжего от обольщения картинами благополучия. И потом не сразу привыкаешь к солдатам на мирных улицах, но в боевой готовности: ствол карабина задран в небо, палец на спусковом крючке, глаза из-под каски напряженно обшаривают окрестности. Что-нибудь, например укрепления из мешков с песком у здания газеты, то и дело подтверждает сказанные мне епископом Н. слова: «Пронизывающий колумбийское общество страх все не исчезает...»

— Ситуация сейчас тяжелее, чем когда-либо в истории страны, — сказал мне другой священнослужитель, монсеньер Родриго Эскобар, генеральный секретарь Конференции епископов Колумбии. — Ситуация просто ужасная и продолжает ухудшаться. Некоторые говорят о сложившейся у нас «культуре насилия».

— В Колумбии много форм насилия, — эту фразу из уст генерального секретаря городской администрации Медельина Рамиро Валенсия я услышал в первый, но не в последний раз. — Насилия с идеологической подкладкой и без. Ведь эсмеральдерос — торговцы изумрудами — та же мафия, и более древняя, чем кокаиновая.
(Война с наркомафией. — М., 1992)

«ЛЕД» ВМЕСТО «СНЕГА»

В США появился синтетический заменитель кокаина.

Все больше людей в Америке говорят, что война против наркотиков бессмысленна: американский рынок всегда найдет альтернативу для удовлетворения своих потребностей. И вот подтверждение: появился новый наркотик, по эффекту похожий на крэк, однако обладающий более мощным и продолжительным действием. Он получил имя «айс», то есть «лед».

Американских экспертов волнует, что даже победа над торговцами кокаином ничего не даст, так как место кокаина займет этот новый наркотик, который стартовал в Гонолулу. «Лед» можно производить в любой химической лаборатории средней оснащенности, а исходное сырье продается совершенно легально.

Не впервые американские потребители наркотиков обставляют власти. В конце 70-х годов высоко ценилась колумбийская марихуана «Санта Мария Голден». Когда американские власти смогли затруднить ввоз этого наркотика, потребители начали производить собственную марихуану, только в большем количестве и лучшего качества. Сегодня «бессемянная» разновидность, созданная в Соединенных Штатах, по крайней мере в 10 раз сильнее бывшей колумбийской «королевы».

Нечто подобное вот-вот произойдет со «льдом». Речь идет о курительных кристаллах метафетамина — препарата, разработанного в Японии в начале века и ис-

пользовавшегося в течение продолжительного времени для лечения нарколепсии (внезапный сон), повышенной активности у детей и даже против ожирения. По причине стимулирующего действия метафетамин несколько лет назад был поставлен вне закона, однако его продолжали производить в подпольных лабораториях в виде порошка для вдыхания под названием «спид» (скорость).

Действие «льда» подобно эйфории от крэка, однако длится не 15 минут, а 8 часов. Последствия «путешествия» гораздо более ярко выраженные. Это сильная депрессия, которая может продолжаться до 48 часов.

Наибольшее количество обнаруженного «льда» получено в лабораториях Гонконга, Южной Кореи и Филиппин. Он уже добрался до таких отдаленных городов, как Сан-Франциско, Сан-Диего, Лос-Анджелес и Финикс, хотя наибольшее количество по-прежнему потребляется в Гонолулу. Проведенные там исследования показали, что из 700 человек, нуждавшихся в срочной медицинской помощи в связи с употреблением наркотиков, 50 процентов курили «лед».

Власти утверждают, что потребители еще не почувствовали весь вред нового наркотика. По сообщению «Нью-Йорк таймс», «лед» широко употребляют средний и высший классы, так как он считается относительно «чистым» (не нужно посещать притоны, где продается крэк, нет необходимости в инъекциях). Хотя в течение длительного времени метафетамин в виде «спида» считался «кокаином бедняков» из-за низкой цены, торговцы наркотиками держат цену на «лед» достаточно высокой — 50 долларов за одну десятую грамма.

Как бы то ни было, «лед» способен изменить панораму борьбы против наркотиков в Соединенных Штатах, а может быть, и во всем мире. Уильям Беннет, до недавнего времени руководитель программы по борьбе с наркотиками в США, заявил: «Курительный метафетамин может стать наркотиком 90-х».
(Война с наркомафией. — М., 1992)

КОКА ОСТАЕТСЯ САМОЙ РЕНТАБЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЙ

На раскаленной солнцем крыше генерал произносит речь. По его приказу около 20 тысяч мужчин и женщин, стариков и детей с плакатами и зелеными веточками в руках собрались на площади перед казармами в городе Учиса. От 5-часового стояния на 42-градусной жаре они едва держатся на ногах. «Кампесинос, кокалерос! — взывает к ним генерал. — Крестьяне, производители коки! Без вашего участия невозможно что-либо сделать. Солдаты Перу находятся здесь, чтобы помочь вам, защитить вас...» Четвертый раз за день слышат собравшиеся эти слова и вновь радостно кричат в ответ, изображая на лицах восторг и полное одобрение. Попробовали бы они вести себя иначе или даже просто промолчать. Со всех сторон их окружают вооруженные солдаты.

С апреля 1989 года бригадный генерал Альберто Арсиньега является «военно-политическим губернатором» субзоны № 8 в Перу, в которую вошел весь район долины Альта Уальяга с центром в Учисе. У него абсолютная власть над местными жителями, но и сам он во многом зависит от них. Части спецназа и пехоты, бронетранспортеры и вертолеты, подчиняющиеся ему,

призваны противостоять в этом районе террористической деятельности маоистской группировки «Сендеро луминосо» («Светлый путь»). Если крестьяне поддержат террористов, погибнет много солдат, а сам генерал не выполнит возложенной на него миссии. «Мне приходится сражаться не столько против сендеристов, — утверждает Арсиньега, — сколько за то, чтобы привлечь крестьян на нашу сторону». Когда пряником, а когда и кнутом.

Альта Уальяга — крупнейшая в мире плантация коки — стала в Перу еще и местом, где центральное правительство ни в социальном, ни в политическом, ни в экономическом, ни даже в военном плане не имеет практически никакого веса. Сейчас около 300 тысяч человек проживают в долине, которая еще 50 лет назад, пока не проложили шоссе из Анд к Тихоокеанскому побережью, была почти безлюдной. И хотя в Уальяге разбиты обширные плантации масличной пальмы, действует фабрика по переработке и производству масла, хорошо растут кофе, какао и другие культуры, большинство крестьян предпочитает заниматься иной деятельностью.

Уровень жизни здесь выше, чем по стране, благодаря выращиванию и продаже коки. Этот невзрачный, примерно полутораметровый в высоту куст с зелеными листьями, маленькими белыми цветами и овальными красными зернами уже через 18 месяцев дает первый урожай, а в последующие 30 лет с него можно снимать по три-четыре урожая в год. Быстрое распространение и популярность коки, из которой делают кокаин, связаны не только с постоянным спросом на нее за рубежом. Она поддерживает существование страны-банкрота, каковой является Перу, и ее нищего народа. В 1970 году плантации коки занимали 20 тысяч гектаров, а в 1989-м — уже 200 тысяч. Если не будет разработа-

на специальная программа, предусматривающая эффективную замену коки другими культурами, считают перуанские специалисты, к 1992 году площадь плантаций достигнет 500 тысяч гектаров, что приведет к непредсказуемым экологическим нарушениям.

Кока остается самой рентабельной культурой. И в этом тоже один из секретов ее успеха. Если за урожай риса с гектара можно получить до 600 американских долларов, каучука — до 3000, то за коку — от 3500 до 4000 долларов. Официальным покупателем в Перу является национальное предприятие коки (ЭНАКО), которое периодически договаривается с крестьянами о цене, не превышающей в среднем одного доллара за килограмм (торговцы наркотиками, или наркос, не торгуясь, дают в 3 раза больше. В результате из 110 тысяч тонн ежегодно производимой коки законно приобретается лишь 15 процентов).

Но, похоже, это мало волнует правительство. В сентябре 1989 года, после 4 месяцев ожидания платы за сданные урожаи риса и кукурузы, крестьяне Уальяги объявили забастовку. Правительство согласилось удовлетворить все их требования и... обмануло. Деньги не только не были выплачены, но и не поступил заказ на новый урожай. Кукуруза и рис гниют в амазонской сельве. Зато процветают производители коки и нелегальные торговцы.

— Здесь кокалеро зарабатывает до 200 долларов в неделю, — рассказывал мне председатель кооператива производителей коки «Альта Уальяга» Хусто Сильва. — Крестьянам все равно, что выращивать, лишь бы это помогало прокормить и одеть семью. И когда правительства Перу и Соединенных Штатов договариваются о совместных планах борьбы против наркобизнеса, они

забывают о крестьянах, их нуждах и семьях, не предлагают равноценной замены этому прибыльному производству. Поэтому крестьяне так ненавидят всех тех, кто покушается на коку, дающую жизнь, поэтому объединяются во «фронт защиты коки». Они устали бороться, против них и государство, и «Сендеро луминосо», и торговцы наркотиками.

Организованный Хусто Сильвой кооператив как раз и направлен на защиту крестьянских интересов. Он мечтает создать агропромышленный комплекс, который бы через 10 лет смог заменить производство коки в Альта Уальяге. Но для этого нужны покровители и средства. А их нет. Начинание пока так и осталось на бумаге.

— Нам неоткуда ждать помощи, — уверял меня 27-летний Эдуарда Сото. У него есть свой надел — 2 гектара, засаженные кустами коки. — Нам говорят: «Не выращивайте коку». А что взамен? На что жить, если больше ничего не продашь? В сельве нет хозяев. Если меня прогонят отсюда, найду другое место — сельва большая — и все равно буду выращивать коку.

—-Кому вы ее продаете? Государству или торговцам наркотиками? — спросил я его.

— А кто больше заплатит, — хитро улыбнувшись, ответил парень. — Ну а лучше и, главное, вовремя платят, конечно же, контрабандисты.

Какими бы средствами ни стремились государственные, общественные и военные деятели изменить жизнь и положение перуанских крестьян, те в силу

материальной заинтересованности остаются невольными пособниками наркобизнеса.

Парадоксально: если для стран Европы и Америки кока — злостный наркотик, то для Перу — это священная трава инков. Сравнивать коку с кокаином все равно что Перу с Соединенными Штатами. И если в развитых странах в росте наркомании обвиняют производителей, то в развивающихся — потребителей.

Уже в 2000 году до н. э. индейцы, населявшие нынешние территории Перу и Боливии, знали коку. Подсчитано, что и сегодня в Перу ежегодно потребляют до 8 миллионов килограммов коки. Потребление не заключается единственно в пережевывании листьев. Скорее это магический ритуал, в котором соединились вера и надежда, мистика и реальность, общение с отнятыми богами, связь человека с высшими силами. Уже 4 тысячелетия андские индейцы часами жуют листья коки, чтобы снять стресс и усталость, заглушить боль и голод, ощутить бодрость и прилив сил.

В эпоху испанской конкисты кока стала предметом всеобщих споров. Хотя испанцы и считали потребление коки вредной привычкой, они поняли, что кока способствовала повышению производительности труда индейских рабочих, а потому закрывали на это глаза. В то же время церковь, усматривая в ритуале религиозный смысл и ересь, всячески преследовала сторонников коки. Эта борьба прекратилась после того, как испанский король Филипп II издал закон в пользу коки.

— В Перу ярко выражены две культуры, — рассказывал президент Перуанского института культуры и ди-

ректор Национального музея доктор Фернандо Кабьесес. — Западная, завезенная выходцами из Испании и других европейских стран, и индейская, существовавшая у исконных жителей этих мест. Их различия настолько огромны, что не признающий или не желающий признать это не поймет смысл происходящего в Перу. К сожалению, этого не поняли во времена испанского владычества. Затем республика пыталась искусственно сблизить их, а добилась лишь разрушения индейской культуры. Но последняя оказалась жизнеспособной не только благодаря своей внутренней силе и связям, но и... благодаря листьям коки, ставшим символом индейской нации.

Ни один антрополог или медик не смог еще доказать, что употребление коки так, как это делают индейцы, пагубно сказывается на человеческом здоровье. Наоборот, считают перуанские ученые. Постепенное исчезновение культуры коки в стране приводит к алкоголизму, деградации населения.

Многие ученые пытались разгадать чудодейственные свойства листьев коки, и в 1794 году перуанец Иполито Унуане доказал, что они абсолютно безопасны для здоровья, снимают стресс, физическую и умственную усталость. Многочисленные химики также искали ключ к секрету «травки». Одному на них — Альберто Нойману — удалось выделить кокаин. С этого момента кока исчезла из физиологических лабораторий Европы и Америки. Миром завладел кокаин. Все словно забыли, что листья коки имеют 14 (!) алкалоидов, которые с тех пор уже так никем и не изучались.

А между тем медики ухватились за кокаин, выясняя его влияние на нервную систему. Интересно, что первые работы принадлежат известному психиатру Зиг-

мунду Фрейду, который впервые испытал кокаин на своих пациентах, страдающих депрессией, алкоголизмом и морфинизмом. Он был настолько потрясен «чудесным свойством», что сам пристрастился к наркотику. Не гнушался им и создатель образа великого сыщика Шерлока Холмса писатель Конан Дойл.

После опытов Фрейда фармацевтическая индустрия США и Европы приступила к массовому выпуску кокаина. Появилась даже такая реклама: «Кокаин — это наркотик, чьи чудесные свойства заменяют пищу, труса делают храбрецом, молчуна — говоруном, избавляют от алкоголизма и опиума». Во всем мире распевали веселые песенки о кокаине. Наркотик был узаконен, что и привело к величайшей трагедии, разыгравшейся в наши дни. Кокаиновый бум с разрушительной силой обрушился и на людей, и на природу. Кока оказалась вырванной из естественной среды, стала добычей алчных торгашей и наркоманов...

В Альта Уальяге живут по законам спроса и предложения военного времени. «Сендеро луминосо», контрабандисты и завербованные ими наемники, правительственные силы порядка давят на крестьян, прибегают к насилию и нарушению прав человека: «Если не с нами, то против нас, если не поможешь, заплатишь жизнью». В этой войне уже погибло 15 тысяч человек, а материальный ущерб исчисляется, по некоторым данным, 20 млрд. долларов — сумма, примерно равная внешнему долгу Перу.

В последние три года террористические группировки стремятся установить свой контроль над индейскими деревнями, перекрыть важнейшие магистрали, а в геополитических мечтах грезят о захвате 60 процентов национальной территории. В свою очередь, торговцы

наркотиками, контролируемые колумбийской наркомафией, имеют доллары, чтобы купить у крестьян листья коки, сеть тайных лабораторий, чтобы сделать пасту, и самолеты, чтобы перевезти полуфабрикат в Колумбию для изготовления чистого наркотика.

Начальник Национального управления полиции по борьбе с наркотиками генерал Хуан Сарате уверен, что сейчас в Перуанской Амазонке насчитывается до 150 подпольных аэродромов. В определенные периоды только в районах Учисы и Токаче приземляются ежедневно по 5 самолетов, увозящих затем от 350 до 500 килограммов пасты. «В ноябре 1989 года, — рассказывал генерал Сарате, — полиция обнаружила и разгромила 37 тайных лабораторий, захватила в общей сложности 4 тысячи килограммов пасты». В прошлом же году, по данным полиции, было продано листьев коки более чем на 2 млрд. долларов. Причем только 400—800 млн. остались в Перу, из них от 4 до 10 процентов попали в руки «Сендеро луминосо». Эти деньги идут на терроризм и убийства, разведку, обучение боевиков в соседних странах, США и Западной Европе, а также на закупку оружия на мировом черном рынке. Это и позволило заговорить о связи мафии и экстремистов — наркотерроризме.
(Война с наркомафией. — М., 1992)

КОФЕ ПО-АМСТЕРДАМСКИ

«Все еще не верите? — с улыбкой произнес обаятельный темноволосый Фред, торговец наркотиками из Амстердама. — Пойдемте, и все увидите сами».

Небольшая уютная кофейня, которых сотни и сотни в

Амстердаме, была пустой, несмотря на вечерний час. В углу сидел лишь один посетитель — аккуратный молодой человек студенческого вида. «Они не знают, кто я, — бросил мне через плечо мой гид, — я работаю в другом районе. А теперь смотри!»

Фред приблизился к стойке, протянул хрустящую бумажку в 25 гульденов и сказал: «Два кофе и марихуану».

«Какую вы предпочитаете травку, — вежливо осведомилась девушка, — из Марокко, Афганистана или Ливана?» Фред покосился в мою сторону, усмехнулся и сказал: «Из Афганистана». Через минуту на прилавке появились две чашки кофе, маленький пакетик с зеленым квадратиком наркотика и коробочка папиросной бумаги.

«Готово, — сказал Фред, небрежно бросив пакетик на стол. — Это тебе сувенир из Амстердама. Сам-то я не курю и не колюсь».

Аренда кофейни стоит не менее миллиона гульденов в год, однако предприниматели охотно вкладывают деньги в эти заведения, так как вклад быстро окупается. Продажа гашиша и других видов легких наркотиков не запрещена законом. Полиция вмешивается лишь в двух случаях: если наркотики продают несовершеннолетним или если в кафе начинают торговать героином и кокаином. Возможно, это пощечина общественной морали, но голландские власти придерживаются такого мнения: пусть уж лучше высококачественный гашиш продают в красивой упаковке в хорошо контролируемых полицией местах, где предприниматели будут поддерживать «торговую марку», чем бу-

дет происходить то же самое, но в подворотнях и без контроля. Это вполне укладывается в общую концепцию министерства благосостояния, здравоохранения и культуры, направленную на борьбу против распространения СПИДа и наркотиков в Голландии; постоянный контакт с «группой риска», медицинское просвещение, распространение стерильных игл и шприцов, а также противозачаточных средств.

Полиция Амстердама не охотится за наркоманами, ее цель — обезвредить торговцев наркотиками, перекрыть пути поступления в страну «тяжелых наркотиков», а также крэка и айса. Они борются с тем, чтобы Голландия перестала быть перевалочным пунктом в мировой торговле наркотиками.

В Голландии количество людей, употребляющих героин в комбинации с кокаином, колеблется от 15 до 20 тысяч человек при населении в 14,8 млн. человек. 40 процентов тяжелых наркоманов живут в Амстердаме, еще 30 процентов распределяются по трем крупным городам: Роттердам, Гаага и Утрехт. В основном это не коренные голландцы, а представители этнических меньшинств из Суринама и Молуккских островов, а также эмигранты из Марокко и Турции. Немало среди них и западногерманских немцев, которые постоянно проживают в Голландии.

Голландию иногда называют «Меккой наркоманов». Это верно лишь отчасти. Такое впечатление складывается у людей неискушенных, когда они видят, как продают в кафе «космические пироги» — выпечку, начиненную марихуаной. Видят витрины специализированных магазинов, которые пестрят сотнями различных видов трубок, кальянов и других приспособлений для употребления легких наркотиков... Такому впечатле-

14 Зак. 1281

нию способствует, конечно же, и то, что законы весьма снисходительны: если при вас обнаружат до 15 граммов гашиша или марихуаны, то проблемы не будет. Это для индивидуального пользования. Вот и едут в старинные голландские города со всего мира не только за туристическими красотами.

«Я отсидел 10 лет, — рассказывает Фред. — Бежал из бельгийской тюрьмы. Но дела своего не бросил».

Фред откровенничает: «В нашей стране много свободы. Можно было бы ее немного и ограничить».

Действительно, практическое отсутствие границ в странах Общего рынка играет на руку торговцам наркотиками. Наркотики поступают в Голландию из Марокко, Ливана, Турции и Афганистана. Естественно, существует разветвленная сеть производителей и распространителей во всех этих странах, но контроль над доходами осуществляет небольшая группа лиц. Наркотики попадают в Нидерланды самыми различными путями. Из Марокко, например, морем доставляются в Испанию, оттуда — грузовиками через Францию и Бельгию. При высокой интенсивности грузоперевозок на трансъевропейских скоростных дорогах невозможно проверить каждый грузовик, а спрятать в огромной махине несколько пакетиков легко. Водители охотно сотрудничают с торговцами — это хороший приработок, а риск — минимальный. Из Ливана «товар» раньше шел морем в порт Роттердама. Однако введение компьютеризации в международном масштабе дало возможность поставить под контроль и проследить путь каждого контейнера, который был загружен в районе Ливана. Из Афганистана наркотики всегда поступали по железной дороге — кружным путем, нередко через социалистические страны. Долго, но зато

безопасно: транзитные грузы до поры до времени мало интересовали таможенников. Сейчас ситуация резко изменилась.

Почему же в Нидерландах, где, казалось бы, открыты все шлюзы для наркотиков, наркоманов сравнительно немного? Ответ, возможно, в том, что нет уж очень резких перепадов, столкновений нищеты и богатства. В Нидерландах все живут примерно на одном уровне. Нет большого числа людей, которые бы мучились от постоянного ощущения несправедливости, обреченности. Голландцы честно трудятся для общества, и оно берет на себя заботу о них. Причем трудятся не для спорного счастья своих внуков, а для своего собственного, сегодняшнего.

«Счастье — не в уходе от жизни», — постоянно твердят молодым голландцам ученые, педагоги, врачи. Они много времени уделяют профилактике наркомании в школе, например, показывая фильм, где засняты мучения наркоманов от наркотического голода. В Амстердаме действует широкая социально-медицинская государственная программа, направленная на помощь наркоманам, учрежден фонд. Наиболее интересная часть программы — помощь женщинам-наркоманкам. Создан специальный кризисный центр, где лечатся женщины-наркоманки, в том числе проститутки, употребляющие героин, что создает повышенную опасность распространения СПИДа. Больные в течение трех месяцев получают бесплатную медицинскую и психологическую помощь.

«Пока у наркоманов есть деньги, всегда существует соблазн достать порцию наркотика, — рассказывает директор фонда Фриц Как, — поэтому те, кто действительно решил изменить образ жизни, добровольно от-

дают свои деньги нашим сотрудникам, и мы с их согласия контролируем все расходы».

Несмотря на угрозу распространения СПИДа, лечение наркоманов в стране продолжает быть делом чисто добровольным. Голландские врачи весьма пессимистично относятся к принудительному лечению: мы можем «сломать» наркомана на время, но если он сам не изменит своего отношения к наркотикам, то все равно рано или поздно вновь к ним вернется. Излечение приходит не в результате медицинского вмешательства, а из-за того, что наркоманы находят иной путь жизни».

Красный автобус медленно ползет по амстердамским улицам, останавливаясь на людных перекрестках и площадях. Это — своеобразный передвижной пункт по антинаркотической пропаганде, профилактике СПИДа. Здесь же «тяжелые наркоманы» получают от сотрудников фонда бесплатный матадон — заменитель героина. При одном условии — постоянный контакт с врачом.

Программа дает реальные результаты: со времени наркобума в 1984 году, когда было зарегистрировано рекордное количество наркоманов как среди самих голландцев, так и среди приезжих и наибольшее количество смертей от сверхдоз, страшные показатели неуклонно ползут вниз. Но растет и число новых наркоманов среди молодежных групп. Средний возраст сегодняшнего голландского наркомана — тридцать и выше. Это едва ли не «последние из могикан» — представители поколения «детей цветов».

Гораздо большая проблема для страны — это эпидемия быстродействующих и не вызывающих привыка-

ния наркотиков, захлестнувшая школы Нидерландов. Сказывается она и на росте молодежной преступности: вымогательства, кражи в автомашинах. Хозяева автомобилей сейчас не только ничего не оставляют в автомобиле, по и просто их не запирают: закроешь, все равно сломают, замки только повредят.

Как говорили мне голландские социологи, отношение к наркоманам со стороны «нормального» населения с каждым годом все более ухудшается. Они начинают вызывать не просто раздражение у людей, «интегрированных в систему», а страх и ненависть. Все больше голландцев начинают забывать о своей знаменитой терпимости и требуют ужесточения законов в отношении наркоманов.

«Мы — буфер между гражданами и наркоманами, — признается директор фонда. — Из-за СПИДа и роста молодежной преступности на почве легких наркотиков горожане готовы швырять наркоманов в наши многочисленные каналы».
(Война с наркомафией. — М., 1992)

РАЗНОЦВЕТНЫЙ ПОТОК МЕТАЛЛОВ

В 1992 году корреспондент «Литературной газеты» О. Болоцкий вступил в контакт с торговцами цветными металлами. Это был своего рода эксперимент.

«Факс пришел через двадцать семь минут после телефонного разговора. Скорость, масштабы делового

предложения, а главное, абсолютная легкость, с которой был получен факс, где вероятные партнеры предлагали сделку, полностью выдавая себя и свой незаконный бизнес, повергли в состояние шока.

Итак, была предложена до конца 1992 года тысяча тонн никеля по цене 1 300 000 рублей за тонну и обещано до 3000 тонн в 1993 году. Помимо этого, любезно сообщили об имеющемся скандии со всеми разрешительными документами и лицензией. Цена — 122 доллара за 1 грамм.

К этому моменту я уже достаточно знал о нелегальной, полулегальной и вполне законной торговле цветными металлами, но собственное столкновение с этим видом бизнеса каждый раз убеждало меня, насколько широкий масштаб приобрело разграбление страны.

Факс пришел из Москвы. Для полноты эксперимента начал обзванивать Урал. Неизвестные люди, абсолютно не интересуясь, кто я и зачем мне похищенный с предприятий металл, тут же с готовностью сообщали о собранных ими запасах. В Екатеринбурге мне предложили 100 тонн меди и посетовали на отсутствие никеля, но заверили, что он непременно будет, ибо «товарищи из Норильска» должны вот-вот подъехать. В другом месте этого же городка никель нашелся. Мне обещали 8 тонн по 900 тысяч рублей за тонну. Кроме того, имелось 300 тонн меди. В Челябинске 9 тонн никеля после недолгого торга мне «уступили» по 2 тысячи долларов за тонну.

— Но он же у вас не лицензионный и без документов (то есть ворованный), — пытался я сбить цену.

— Конечно! — засмеялись на другом конце провода, но не уступили более ни цента.

После нескольких звонков картина стала ясна, и продолжать «переговоры» было бессмысленно. Металл находился везде, а если его не оказывалось, то меня клятвенно заверяли, что достанут, непременно достанут, только надо немножечко подождать.

И тогда я попросил о встрече человека, который знает о подобном бизнесе абсолютно все.

— Цветные металлы используются кругом: титан — в авиастроении, медь — в кабельной и электронной промышленности, никель применяется в никелировании поверхностей. Собственно, контрабандой металлов занимаются оттого, что дело это чрезвычайно выгодное, — сказал мой собеседник. — Наша прибыль — 200—400 процентов. Дорожные издержки и взятки различным чиновникам в принципе минимальны. Это хороший вид бизнеса!

Из беседы я понял, что существуют два способа «приобретения» цветных металлов на уральских заводах. Первый отчасти легальный. С помощью взяток тому, кому пользование металлами разрешено по госценам (как правило, это руководители предприятий Миноборонпрома), заключаются договоры, предусматривающие продажу российским коммерческим структурам цветного металла за безналичный расчет и по минимальным ценам.

В мае 1991 года тонну никеля покупали за 120 тысяч рублей. Мировая цена была 7200 долларов. Тонна метал-

ла отпускается «на сторону» за взятку в 500—1000 долларов. После чего подписывается разрешение на продажу товара. Фирмы, которые приобретают его, тут же перепродают металл (тоже за безналичный расчет) другим российским фирмам, которые созданы, как правило, в Москве частными лицами из Прибалтики, или же совместным российско-прибалтийским предприятиям. Продают официально по смехотворной цене. Допустим, купили за 120 000, а реализовали за 125 тысяч. Но это лишь видимая по документам часть денег. Остальные 2—3 тысячи долларов передаются из рук в руки. За сделку, вернее за то, что оформлено документально, взимается, как и положено, налог. Он минимален. Но огромная «шапка» долларов, полученных в Москве, не учитывается никем. Куда металл направляется, понять совершенно нетрудно — только на Запад. Каждый день десятки, сотни машин идут по российским дорогам в сторону Прибалтики.

Помимо полулегального способа приобретения металлов, есть и нелегальный. В основе его — элементарное воровство. Настоящий бум охватил предприятия, которые или производят цветные металлы или же используют их в собственных технологиях. Воруют одиночки, воруют организованные группы, воруют рабочие, инженеры, уборщицы — все, кто может до металла дотянуться, кто может его протащить через проходную.

— Металл шел, идет и идти будет! — утверждает мой собеседник. Перекупщики «набираются» металлом, сосредоточивая его в гаражах, на заброшенных базах и совершенно «левых» предприятиях, ожидая гонцов из Прибалтики, которые имеют на руках «живые» деньги.

Собственно техническую сторону «дела» обеспечивают

российские посредники: сопровождение грузов по России, обеспечение автотранспортом, поддельными документами и т. д. и т. п. Издержки по транспортировке минимальны: машина от Челябинска до Вильнюса стоит 150-200 тысяч рублей. При условии, что это КамАЗ или СуперМАЗ, которые могут взять на борт от 10 до 20 тонн «товара», это совершенно смехотворная цена. Дело поставлено на широкую ногу. Фирмы совершенно официально нанимают вооруженных милиционеров, которые сопровождают груз до границы с прибалтийскими государствами. Более того, достаются спецпропуска, предназначенные для грузов с повышенной опасностью и позволяющие полностью исключить досмотр машин рядовыми сотрудниками ГАИ. Безусловно, милиционеры, сопровождающие машины, прекрасно знают, что везут они совершенно не то, о чем говорится в документах, но предпочитают принимать условия игры. Уж больно хороша плата. День пути оценивается 10—15 тысяч рублей, т. е. в месячную зарплату сотрудника милиции по месту его основной работы.

Именно деньги являются тем волшебным пропуском, который позволяет преодолеть все юридические и таможенные барьеры, кстати, достаточно призрачные. На границе России и Беларуси машины подвергаются лишь выборочному досмотру. Но и здесь, чтобы исключить какие-либо неприятности, дается взятка 25—30 тысяч рублей за машину.

Размах коррупции — вот что больше всего поразило меня в ходе многочисленных переговоров. Ни один из тех людей, которые занимаются «перегонкой» металлов в страны Балтии, ни разу даже не предположил, что какой-либо чиновник может оказаться человеком честным и принципиальным. Всегда речь заходила лишь о сумме, которую необходимо «дать в лапу».

Занимаясь этим расследованием, я позвонил по частному объявлению, которое отыскал в газете «Из рук в руки», человеку, желающему приобрести никель. Памятуя о тех тоннах металла, которые «приобрел» на Урале, я с ходу предложил ему 9 тонн. Мое сообщение вызвало огромный интерес. Как обычно, имени моего не спросили.

Далее я посетовал, что вынужден заниматься не своим делом — приятель срочно уехал, а я должен как можно быстрее «перебросить» груз в Литву, но каналов у меня нет.

— А что есть? — спросил меня
— Только товар и деньги!

— А документы?
— Сами понимаете, какие.

— Помочь можно, но проход через все таможни обойдется вам в 20 процентов общей стоимости товара.

Я задумался, но тут мой собеседник предложил совершенно новый путь в Литву.

— Сколько у вас груза? — спросил он.
— Тридцать тонн, — ответил я, прибавив при этом, что заплачу хорошо.

— Не будем мелочиться. А канал есть. Хороший канал, надежный. Военно-транспортная авиация. Сейчас идет вывод наших войск из Прибалтики. Самолеты с

вооружением, людьми, техникой приземляются в Подмосковье на военные аэродромы. Обратно уходят порожняком. Вот на них и вывозится металл.

— А кто-нибудь пробовал? — заопасался я за свой «товар». — Конечно, так работают уже больше года. На аэродром можно попасть. Подъезжаете прямо к самолету, загружаете груз — и через час он в Литве, под Шауляем, тоже на военном аэродроме. Никаких проблем. Сейчас мои друзья переключились на редкоземельные металлы. Сами понимаете, удельный вес меньше, а рентабельность на 20—30 процентов выше. Не бойтесь. Здесь армия охраняет ваш «товар».

Я спросил о цене.
— Так, — сказал собеседник, — у вас тридцать тонн. Значит, надо заказывать два рейса АН-12. Цены приемлемые — 900 долларов.

— С тонны? — испугался я.
— Нет, за весь самолет. Расплачиваетесь прямо там, с экипажем.

— А не обманут?
— Нет. Армия, как и гражданские, тоже кушает хлеб, — назидательно закончил мой «просветитель».

Но вернемся с неба на землю.
Калининград — российский форпост на побережье Балтики. Калининград — старинный красивый город. Калининград — путеводная звезда российского бизнеса. Если бы не было этого города, то его необходимо было бы выдумать. Кто подсчитает, сколько сотен и тысяч тонн металлов, нефти, древесины было направ-

лено всевозможными — истинными и подставными — российскими фирмами в этот город? Уверен — никто. Наверное, по объемам поставок нефти хватит, чтобы ею закачать предварительно осушенное Балтийское море, металлов — чтобы заново возвести все дома города из меди, никеля и титана, ну а древесины — чтобы штабелями уложить до самого солнца. Большая часть всего этого испаряется в Литве и Латвии. Но фирмы, направляющие товар в Калининград, не бьют по этому поводу тревогу, а очень даже довольны.

Еще один «спец» по металлам со смехом рассказывал мне, как один их шоферов, которого «потеряли» легковые машины сопровождения, и в самом деле заехал в Калининград. За сердце держались и русские, и литовские посредники. А потом, когда все-таки грузовик отыскали, шоферу было сказано только одно:

— Никогда не надо ездить в Калининград. Нам там делать нечего!

Подставным подпольным и вполне легальным фирмам Калининград нужен, чтобы не платить деньги за лицензию на вывоз металлов. По документам груз идет из России в Россию. А куда он в конечном итоге попадает, никого не волнует, кроме самих поставщиков, но эта дичайшая ситуация. Допустим, я покупаю 100 тонн никеля. Естественно, оформляю груз на Калининград и без всяких лицензий гоню его туда, но по дороге, конечно же, сдаю налево. И вы думаете, какие-либо государственные органы будут контролировать прохождение моего груза, вы думаете у меня кто-то будет спрашивать об этом деле? Нет.

Металлом интересуются таможенники, чтобы брать с

меня плату, и бандиты-рэкетиры, которые облагают проходящие машины «пошлиной». Опасность начинается после Москвы, говорили мне. Самый большой поток грузов идет через столицу России, Беларусь и Литву — на Клайпеду. От Смоленска до Беларуси работают организованные банды рэкетиров. Поэтому люди, занимающиеся «металлическим» бизнесом, прекрасно знают, на что они идут. Они берут в дорогу оружие и едут на легковых машинах прикрытия. Спереди или позади большегрузных автомобилей следуют легковушки — как правило, в радиусе действия радиостанций и не обозначая особенно явно свою связь с грузовиком. На российско-белорусской границе легковая машина пересекает таможенный пункт, передавая записку, где указан номер машины, которую нужно пропустить без проверки, или же вручая конверт, где лежат деньги, а на конверте — номер все того же грузовика. Но иногда возникают сложности — в том случае, если купленные российские таможенники начинают вести двойную игру и сообщают номера машин, идущих с «грузом», белорусским рэкетирам. Чтобы избежать подобного, «бизнесмены» выпускают две машины и платят, собственно говоря, за пустую или же с нейтральным грузом, а КамАЗ с «товаром» стоит в общей очереди. По контрольному автомобилю наблюдают за последующими событиями. Если происходят неприятности, то таможенникам приходится худо: их или калечат, или «штрафуют», требуя за отступничество крупные суммы.

«Группы сопровождения» набираются преимущественно в Москве и из криминальной среды. Такса за обеспечение безопасности товара — от 300 до 400 долларов с тонны. Сколько наемников будет охранять цветные металлы — неважно. Человек, берущийся за организацию охраны и провоза груза до литовской границы, волен сам определять число охранников. Сопровождение груза — крайне опасная работа, и люди,

идущие на это, прекрасно понимают, что в любой момент может быть применено оружие.

— Несколько месяцев тому назад в Дубровенском районе Витебской области были убиты три рэкетира. Видимо, нарвались на людей, которые не хотели платить, — утверждает мой информированный собеседник.

Кровавый след сопровождает этот бизнес. На Урале то и дело происходят вооруженные столкновения между различными группировками, контролирующими подпольную торговлю цветными металлами. Это лакомый кусок, и многие готовы силой отобрать его.

— Летом 1993 года под Челябинском были убиты два литовца. Двух российских посредников убили в Магнитогорске, — рассказывает мне знающий человек. — Но сколько было подобных смертей из-за металла — трудно сказать.

На Урале основными объектами нападений становятся литовцы и латыши.

Если говорить о никеле, то в день за последние полтора года через литовскую границу проходило около 200 тонн!

Как правило, русский посредник довозит груз до пограничного местечка Ошмяны в Беларуси. Там его встречают литовские «партнеры», которые и обеспечивают провоз металла через границу. Принцип прост — славяне работают со славянами, а литовцы с литовцами. И объясняется это не национализмом, а обыкно-

венным практическим расчетом. Если граждане Балтии будут давать взятки на территории России, то обойдется им это значительно дороже. И россияне, и прибалты имеют на особо важных участках дороги своих доверенных лиц, которые легко ориентируются в местной криминальной ситуации, поддерживают прекрасные отношения с милицией и таможней.

Как-то в разговоре с моим главным «источником» информации я задал вопрос, к которому подбирался давно.

— Вы слышали про нашумевшее убийство семерых таможенников в Мядининкае в 1991 году? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Это местечко на литовской границе. — Что же там произошло? — Между ошмянской и мядининкайской таможнями существовало негласное соглашение: смены, которые работали параллельно (а они, как правило, так и работали), брали взятки «в одни руки», то есть если груз проходил через эти таможни «на Калининград», то деньги за него брали, как правило, в Мядининкае, а если машины шли «на Москву», то пошлина взималась в Ошмянах. Затем деньги делились в нормальной и спокойной обстановке. При пересечении границы в Мядининкае берется от 300 до 500 долларов за машину. В день через этот пункт проходят не менее десяти машин с металлом. По сведениям, которые я получил от генеральных литовских посредников — владельцев фирм, специализирующихся на перевозке цветных металлов, в ту ночь в Мядининкае либо не было достигнуто договоренности о провозной таксе, либо одна из сторон ее нарушила — резко и некрасиво.

Моя версия такова: были выплачены деньги, получено

добро на пропуск груза через таможню, но на дежурство неожиданно заступила смена, которая не знала о подобной договоренности и не захотела пропускать груз. А перевозчик груза вправе, заплатив деньги, не вникать в технические подробности всех этих «пересменок». Это первый вариант. Второй: какие-то внешние обстоятельства заставили таможенника противиться провозу груза — может быть, комиссии какие-то; может быть, среди убитых были агенты, которые вели работу по выявлению каналов; может быть, вмешались конкурирующая группировка и переплатила деньги за то, чтобы груз не проходил через границу. В конце концов могло случиться и так, что деньги дали белорусам, а те решили не делиться... Мои литовские партнеры, когда речь заходила об этом убийстве, говорили так: вольно или невольно таможенники нарушили правила игры. Мядининкай — это узкое горлышко, через него проходили и проходят миллионы долларов. За большие деньги организаторы убийства могли нанять любых исполнителей.

Сам я начал «работать» с металлом после этой трагедии. Из рассказов «ветеранов» знаю: литовские таможенники очень изменились с тех пор — стали учтивыми и вежливыми. Мне лично с литовцами очень приятно иметь дело, никаких неожиданностей. Все четко, слаженно. Точно знаешь, что не залетят ребята в маскхалатах. Никаких национальных трений, охотно переходят на русский язык, даже те, кто плохо его понимает. Если хочешь побыстрее перевезти «товар», можешь заказать полицейскую машину с мигалкой. И полиция провезет тебя с «музыкой» до самого Вильнюса. А дальше машины идут на Клайпеду, где их уже ждет предпоследний, немецкий посредник. Там, в порту, груз складируется. Приходят немецкие корабли и забирают его. Вот и все».
(О. Болоцкий. — «Литературная газета», 13 января 1993)

УРАЛЬСКИЕ БАНДИТЫ ОСУЩЕСТВЛЯЛИ ФАКТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД ФИРМОЙ

Представители Уральского регионального центра валютно-экспертного контроля России провели проверку деятельности АО «Изумрудные копи Урала», которому принадлежит крупнейшая в Европе шахта по добыче изумрудов в Малышевском месторождении. Начав проверку с залоговых сделок АО, сотрудники БЭК установили, что в течение долгого времени фактический контроль над фирмой осуществляли местные криминальные структуры. Минатомэнерго, которому шахта принадлежала ранее, не могло воспрепятствовать этому: после акционирования, прошедшего в 1992 году, контрольным пакетом акций завладел трудовой коллектив, который блокировал любое решение министерства. Однако с криминальными структурами никто не спорил — в связи с возможностью физической расправы.

Между тем замдиректора ИКУ Юрий Талан утверждал, что проверка ВЭК инспирирована Минатомэнерго, оставшимся недовольным результатами акционирования.

Сотрудники уральского регионального центра валютно-экспортного контроля (ВЭК) России проводили проверку АО «Изумрудные копи Урала», в июле—августе 1995 года. Они интересовались, соблюдает ли руководство АО валютное законодательство при проведении залоговых операций с драгоценными камнями, и выявили несколько незаконных, по их мнению, сделок.

1 июля и 2 ноября 1993 года ИКУ подписало два кредитных договора с Асбесткомбанком на общую сумму 900 млн. рублей. В обеспечение этих сделок были заключены договора залога изумрудного сырья. Тем самым, по мнению ВЭК, ИКУ нарушило закон «О валютном регулировании и валютном контроле»: в тот момент у фирмы не было регистрационного удостоверения инспекции приборного надзора Минфина России. Замдиректора ИКУ Юрий Талан, в свою очередь, заявил, что никаких залоговых операций в данном случае не было. По его мнению, ВЭК просто выдает желаемое за действительное. Изумрудное сырье, по словам Талана, передано Астбесткомбанку на ответственное хранение по акту передачи, и никаких договоров залога при этом не подписывалось.

Интересовался ВЭК и другими сделками. Например, сотрудники ГУЭП МВД России и отдела по борьбе с экономическими преступлениями УВД Свердловской области изъяли из инвестиционно-нефтяного филиала банка «Лефортовский» 117 кг изумрудного сырья, принадлежащего ИКУ. Поводом для изъятия стала информация, что гендиректор ИКУ Михаил Цикалов, не имея лицензии на операции с драгоценными камнями, заключил договор о залоге и таким образом нарушил валютное законодательство. По этому факту было возбуждено уголовное дело. В ходе расследования выяснилось, что руководство «Изумрудных копей Урала» для получения кредита вовсе не закладывало камни (в противному случае виновен оказался бы банк, так как у него не было лицензий Центробанка на проведение операция с драгкамнями), а сдавало на ответственное хранение. Само же ИКУ имело право этим заниматься потому, что в марте 1995 года предприятие получило правительственные квоты в размере 25 млн. долларов на право реализации на внешнем рынке сырья и ограненных камней, а на внутреннем — только сырья.

В ходе проверок сотрудниками ВЭК стали известны факты, позволившие предположить, что крупнейшее в Европе месторождение изумрудов сумели поставить под свой контроль местные криминальные круги.

Прежде всего ВЭК установил, что добытые в Малышевских копях изумруды частично разворовываются, а затем нелегально вывозятся для продажи за рубеж. Большинство похищенных камней, по данным ВЭК, были добыты в шахте, принадлежавшей «Изумрудным копям Урала». Главным образом необработанные камни отправлялись в Израиль, где, по данным ВЭК, ежегодно «всплывает» порядка 120 кг. Представители валютного контроля утверждают, что контрабанда и добыча камней контролируются несколькими преступными группировками, которые работают под вывеской АО «Новая Гильдия» и АО «Зенит».

Согласно заключению ВЭК, АО «Изумрудные копи Урала» является дочерней фирмой АО «Новая Гильдия». Замдиректора ИКУ Юрий Талан это отрицает — по его словам, в 1993 году между «Новой Гильдией» и ИКУ был подписан договор о совместной деятельности. «Гильдия» один раз профинансировала их коммерческий проект, а замдиректора этой фирмы Игорь Смирнов одновременно занимал то же пост и в ИКУ. Однако как только руководство копей узнало о криминальной деятельности руководителей «Новой Гильдии», Смирнов, по утверждению Талана, сразу же был уволен.

О криминальной деятельности «Новой Гильдии» стало известно и сотрудникам правоохранительных органов. Прокуратура Свердловской области завела уголовное дело в отношении председателя совета директоров АО «Новая Гильдия» Александра Бубенщикова, его замес-

тителя Игоря Смирнова, их охранника Кетеладзе и нескольких других сотрудников службы безопасности АО, которым предъявлены обвинения в вымогательстве и умышленном убийстве.

В январе 1994 года Бубенщиков и Смирнов, по данным следствия, потребовали со своего компаньона, директора ТОО «Новая Гильдия-проект» Сергея Пойша, выплачивать им ежемесячно 1,5 тыс. долларов. На это Пойш заявил, что таких денег у него нет. Переговоры продолжались до осени. 14 сентября Пойша отвели на частную квартиру, где Бубенщиков приказал Игорю Смирнову и двум своим охранникам бить бизнесмена плетью. Предпринимателя ударили 42 раза по оголенным ягодицам и бедрам. Количество ударов отсчитывал лично Бубенщиков.

Директор АО «Новая Гильдия» обвиняется также в убийстве директора нижнетагильского филиала фирмы Лонина и директора Невьянского кирпичного завода Устиненкова. 29 июля 1994 года в сауне завода их расстреляли из автоматов и пистолетов. Арестовать Бубенщикова не удалось — он находился во всероссийском розыске. По данным уральского центра ВЭК, скрывался он в Москве на правительственной даче.

По данным ВЭК, активно внедряется на рынок драгкамней и другой деловой партнер ИКУ — АОЗС «Зенит», руководит которым депутат облдумы Олег Долганов. Помогает ему в этом компания «Самоцветы России». Согласно договору, заключенному между этими фирмами в 1993 году, «Зенит» продал МП «Адамас» изумрудное сырье на сумму около 230 млн. рублей. Сырье приобреталось в Малышевском рудоуправлении для нужд фонда, созданного для строительства памятника на месте расстрела царской семьи, однако

использовалось в чисто коммерческих целях. В частности, в июле 1993 года изумруды контрабандой вывозились в США через гражданина этой страны Пола Гриффита, пользовавшегося дипломатической неприкосновенностью. В США изумруды не были реализованы и также контрабандой возвращены в Россию и переданы на завод «Русские самоцветы». Сотрудниками следственного комитета МВД России было возбуждено уголовное дело по фактам незаконных сделок, осуществленных руководителями «Самоцветов России» и «Зенита».

Между тем замдиректора ИКУ Юрий Талан, заявил, что эти происшествия с деятельностью его фирмы никак не связаны. С Бубенщиковым он встречался всего один раз, и последний произвел на него не очень благоприятное впечатление. Талан назвал его «маленьким Гитлером». По его мнению, ВЭК всеми способами пытается очернить «Изумрудные копи Урала», по той причине, что ИКУ вышло из-под контроля государства: «Конечно, не всем нравится, что трудовой коллектив шахты владеет 51% акций и может заблокировать любое решение извне».

Более того, Юрий Талан по-прежнему усматривает в действиях правоохранительных органов руку российско-израильского предприятия «М-Урал» и Минатомэнерго, в состав которого до 1992 года входили изумрудные копи. Министерство потеряло контроль над копями в результате акционирования, чем осталось крайне недовольно.

Представитель министерства Вячеслав Кротков факт недовольства подтвердил. По его словам, принципиальная позиция министерства сводится к тому, что контрольный пакет акций ИКУ должен находиться в

федеральной собственности. По мнению Кроткова, Минатомэнерго вовсе не настаивает, чтобы впоследствии государственным контрольным пакетом владело его ведомство: «Это может быть и Роскомдрагмет». Кроме того, он отверг заявления Талана о том, что Минатомэнерго препятствовало выдаче ИКУ правительственных квот на право реализации изумрудов: «С 1992 года мы никак не можем влиять на этот вопрос». Тем не менее Кротков подчеркнул, что министерство не признает Михаила Цикалова на посту гендиректора ИКУ — поскольку само акционирование и назначение директора прошли без согласования с Минатомэнерго, а этого требуют ведомственные инструкции.
(Смирнов. — «Коммерсантъ-дейли», 9 декабря 1995)

НЕОЖИДАННАЯ РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

На рекламном рынке произошел крупный скандал. В начале июня 1995 года несколько десятков столичных рекламных агентств были обмануты фирмой «Расмо-пресс», предлагавшей крупные скидки при размещении рекламы в еженедельниках «Экстра М» и «Коммерсантъ-Weekly». «Расмо-пресс» получила от агентства значительную сумму в рублях и валюте и скрылась (по предварительным оценкам, совокупный ущерб превысил 1 млрд. рублей). Обманутые фирмы в милицию обращаться не спешили, опасаясь, что огласка происшедшего скажется на их имидже. Более того, некоторые рекламисты хотели самостоятельно разобраться с аферистами и вернуть деньги.

Первые слухи о «Расмо-пресс» появились еще в феврале 1995 года. Рекламисты говорили о небывалых

скидках «Расмо-пресс» при размещении рекламы в популярных изданиях: «Экстра М», «Центр Плюс», «Коммерсантъ-Weekly», «Оптовик» и, что самое удивительное, в «Известиях» (которые, как известно, больших скидок не дают никому). Вскоре эти слухи подтвердило само «Расмо-пресс», разослав практически всем крупным рекламным агентствам факсы с заманчивыми предложениями. В «Экстре М» «Расмо-пресс» предлагало скидку при размещении рекламы в размере 30% с любого заказа, а в «Коммерсантъ-Weekly» — до 40%. Между тем максимальные скидки, предоставляемые агентствами самими изданиями, не превышают соответственно 23 и 30%.

Одно из таких предложений получило рекламное агентство «Саша». По словам главного менеджера Натальи Грабовой, «Расмо-пресс» предложило 30% скидки на размещение рекламы в «Экстре М», «Центре Плюс» и «Коммерсантъ-Weekly». Фирма «Саша», как и все остальные агентства, имела в этих изданиях гораздо меньшие скидки, поэтому заинтересовалась предложением. Тем более что столь крупные скидки «Расмо-пресс» объясняло тем, что занимается распространением изданий. За это якобы «Расмо-пресс» имело особые льготы: в «Экстре М», например, бесплатную полосу в месяц. Сотрудникам «Саши» это показалось сомнительным, и они позвонили в «Экстру М». В редакции газеты сообщили, что имеют собственную службу распространения, а о «Расмо-пресс» слышат впервые.

Однако через некоторое время от «Расмо-пресс» снова поступили предложения, и «Саша» решила провести переговоры. Рекламистов пригласили в офис агентства. По словам г-жи Грабовой, охраняемый офис произвел благоприятное впечатление: чисто, красиво, большое количество оргтехники, секретарь подает кофе...

Единственное подозрительное обстоятельство, о котором вспомнилось позже, — на столах отсутствовали бумаги.

Интересы «Расмо-пресс» представляли назвавшиеся руководителем отдела размещения рекламы и менеджером Ольга Кадрова и Елена Андреева. Они объявили сотрудникам «Саши», что газеты предоставляют им льготы не за распространение, а за доставку тиражей из Финляндии. В итоге между агентствами был заключен договор и «Саша» перечислила в «Расмо-пресс» около 3000 долларов в рублевом эквиваленте.

Первая оплаченная реклама в «Коммерсантъ-Weekly» вышла. Убедившись в благонадежности партнеров, «Саша» решила продолжать сотрудничество. Во второе объявление, которое также должно было быть напечатано в «Коммерсанте», клиенту понадобилось внести правку. И 5 июня сотрудники «Саши» позвонили в «Расмо-пресс», однако телефон агентства не отвечал. Дозвониться на следующий день также не удалось, и 7 июня рекламисты отправились к своим партнерам. Дверь офиса «Расмо-пресс» заперта. Когда рекламисты начали в нее ломиться, к ним подошел человек, который представился сотрудником рекламного агентства «Контракт». Его, как оказалось, тоже «кинули». Вернувшись в свой офис, менеджеры «Саши» внимательно рассмотрели злополучный договор и обнаружили, что на печати «Расмо-пресс» нет регистрационного номера.

Такие же истории практически в то же время происходили в других столичных агентствах. Вот что рассказал генеральный директор агентства «Акрус» Александр Гузеев.

«Представители «Расмо-пресс» буквально завалили наше агентство факсами с чрезвычайно выгодными предложениями. Именно эта настойчивость и показалась мне подозрительной. Тем не менее мы решили попробовать и разместили через «Расмо-пресс» объявление в «Оптовике». Оно вышло. После этого я пообещал «Расмо-пресс» работать только с ними. А потом начались невыходы рекламы».

На следующий день «Саша» выяснила, что оплаченная реклама не зарегистрирована ни в «Коммерсанте», ни в «Экстре М». Между тем первые сроки выхода объявлений уже прошли. Тогда «Саша», еще надеясь на чудо, связалась со своими коллегами из других агентств. Те уже подсчитывали убытки от сотрудничества с «Расмо-пресс».

Поскольку у большинства рекламистов объявления в «Экстре М» не вышли, 9 июня туда отправилась целая делегация в составе представителей «Муви» (подразделение «Видео интернейшнл»), «Саши», «Солнечного круга», «Солидарности паблишер» и других рекламных агентств. Столь представительный визит объяснялся тем, что невыход рекламы клиента может привести к судебным разбирательствам, потере имиджа агентства и уж в любом случае оно останется без пострадавшего клиента.

В критической ситуации рекламистам помог главный редактор «Экстры М» Александр Каверзнев. В уже отправленный в финскую типографию номер по модему были переданы объявления от «Расмо-пресс». Правда, агентствам пришлось заплатить дважды: один раз — «Расмо-пресс», второй — газете.

Александр Каверзнев отметил, что со многими из пострадавших агентств его газета работает не первый год. Им было известно, что больше 23% скидки «Экстра» не дает никому. Проверить информацию «Расмопресс» было несложно — достаточно позвонить в редакцию. Что же касается «Расмо-пресс», «Экстра М» с этим агентством дел не имела: договоров не заключала и с его представителями ни разу не встречалась.

В рекламном отделе «Коммерсанта» заявили, что слышали о скандале, связанном с деятельностью «Расмопресс», однако так же, как и «Экстра М», никаких дел с этим агентством не имели.

Пострадавшие рекламисты обращаться в правоохранительные органы не спешат. Во-первых, потому что надеются вернуть деньги с помощью своих «охранных структур», а во-вторых, потому что боятся огласки происшедшего. К тому же, как объяснил главный редактор «Муви» (ущерб фирмы — около 50 000 долларов) Сергей Шелонин, его компания, как и некоторые другие, работала с «Расмо-пресс» не напрямую, а через некую рекламную структуру (назвать ее он отказался). Именно с этой фирмы он надеялся в ближайшее время взыскать деньги.

Представители некоторых рекламных агентств считают, что стали жертвами не рядовых мошенников, создавших своего рода «пирамиду», а больших разборок на рекламном рынке. В Москве рекламой занимается более 2000 агентств. Конкуренция между ними обострена до предела. Вполне возможно, что кто-то из рекламистов специально создал фиктивную фирму для того, чтобы подставить конкурентов.

Ситуацию прокомментировали сотрудники рекламного агентства «Семь восьмых», имеющего максимальную (23%) скидку на размещение рекламы в «Экстре М». Эта фирма не пострадала от деятельности «Расмо-пресс». «Семь восьмых» полагает, что потерянных денег за рекламу многим, видимо, вернуть уже не удастся. Главным образом потому, что многие агентства расплачивались с «Расмо-пресс» наличными, которых «как бы нет». Следовательно, и государственные органы их искать не будут. Что же касается «силовых» путей выхода из кризиса, то посредническим организациям они просто не по карману.

Значительно интереснее, почему такая ситуация в принципе стала возможной. Поразительно, что при наличии в Москве, по некоторым оценкам, более двух с половиной тысяч рекламных агентств ситуация на этом рынке практически не контролируется. Большая часть крупных агентств собственно рекламой практически не занимается. Они зарабатывают в основном на перепродаже рекламных площадей и скидках. Многие производители рекламы переродились в посредников, которым важнее не эффективность рекламы, а ее количество. Такая политика несколько изменила и шкалу приоритетов в рекламном бизнесе. Погоня клиента за большими скидками, в свою очередь, привела к падению нормы прибыли агентств. В итоге на несколько лишних процентов, предложенных «Расмо-пресс», купились многие крупные и солидные фирмы.

Показательно, что агентства-производители рекламы (в отличие от посредников) в этой афере не пострадали, хотя предложения со стороны «Расмо-Пресс» к ним поступали. И это понятно: источник доходов этих агентств зависит от эффективности проводимых рекламных кампаний, а не от количества публикаций клиента.

Последствия этого скандала очевидны: сокращение скидок в процессе, предоставляемых рекламными агентствами; мягко говоря, финансовая нестабильность самих агентств и как итог — новый раздел рекламного рынка. Последнее главным образом коснется мелких и средних клиентов, которым их большие рекламные бюджеты даются действительно потом и кровью и для которых имя многих агентств было само по себе гарантией надежности.
(М. Варывдин. — «Коммерсантъ-дейли», 20 июня 1995)

СОВЕТСКИЕ «КАЛАШНИКОВЫ» В ХОРВАТИИ

Как советское оружие без ведома СССР попало в Хорватию? История этой аферы годилась бы для детективного романа. В один из осенних дней прошлого года к югославско-венгерской границе подошла легковая автомашина. В машине находились два министра хорватского правительства: бывший министр иностранных дел З. Мршич и нынешний министр обороны М. Шпегель. Министры прибыли в соседнюю страну инкогнито и с особым заданием: договориться с соответствующими венгерскими государственными органами о тайных поставках оружия для создания собственных хорватских вооруженных сил.

Переговоры завершились успешно. Уже в октябре 1990 года венгеро-югославскую границу пересекли несколько фургонов, груженных ящиками с автоматами Калашникова и патронами к ним. Получателем значилась загребская фирма «Астра». Фактически оружие предназначалось для создаваемых в Хорватии специальных военизированных формирований.

Сообщение о нелегальных поставках оружия в Хорватию произвело в Белграде эффект разорвавшейся бомбы. По мере появления все новой и новой информации возникали и новые вопросы.

Во-первых, как через границу смогли пройти, не оставив никаких следов в документах, несколько грузовиков с оружием? Возможно ли такое? Управление югославской таможни ответило на этот вопрос утвердительно. Дело в том, что югославские таможенные инспектора на большинстве пограничных пунктов дежурят лишь днем: в ночное время их работу выполняют сотрудники республиканских органов внутренних дел. А посему, если есть благословение соответствующих властей, под покровом ночи любой нелегальный товар может беспрепятственно попасть на территорию той или иной республики.

Все большую остроту приобретает и вопрос об ответственности авторов, режиссеров и действующих лиц этой аферы. В первую очередь — министра обороны Хорватии М. Шпигеля и министра внутренних дел И. Больковаца, которые непосредственно занимались организацией незаконного транспорта. Раздаются требования об их аресте или, по крайней мере, отставке. Однако руководство Хорватии недвусмысленно взяло под защиту своих министров. Глава республики Ф. Туджман заявил: «Шпегель выполнял решение хорватского правительства и отвечать может только перед ним».

Поскольку оружие поступило из-за границы, скандал сразу приобрел и международный характер. Югославское правительство в твердой форме высказало руководству соседней державы свою неудовлетворенность причастностью венгерских государственных органов к

поставкам оружия «в одну из югославских республик без ведома центральных властей страны».

Реакция венгерской стороны была достаточно противоречивой. Вначале министр иностранных дел Венгрии Г. Есенски, полностью отвергая причастность венгерского правительства к поставкам автоматов, заявил: «Если продажей оружия в Югославию занимается соответствующая фирма, правительство не обязано об этом знать». Но практически сразу же утверждения министра иностранных дел Венгрии опроверг директор венгерского предприятия «Техника», занимающегося поставками оружия за границу. Он заявил, что распоряжение о продаже Хорватии 30 тысяч автоматов поступило из Министерства обороны, а разрешение на вывоз дало Министерство международных экономических связей. Так что правительство было в курсе.

Создавшаяся ситуация стала предметом обсуждения в венгерском парламенте. Продажа оружия была признана ошибочным решением, вызванным административным недосмотром. Такое заключение явно не удовлетворило венгерскую оппозицию. Да и югославская сторона, насколько можно судить, нашла в подобном объяснении много недосказанности и неясности. А посему о завершении истории с продажей оружия говорить пока рано. К тому же в югославской печати появились сообщения о новых нелегальных поставках оружия в страну.

И в заключение еще одна сторона дела. Как стало известно, пресловутая загребская фирма «Астра» пыталась приобрести оружие у нескольких стран, в том числе и у СССР. В письме директора фирмы Ф. Грегурича (сейчас он уже заместитель председателя хор-

ватского правительства) руководителям соответствующих советских министерств выражалась готовность купить 20 тысяч автоматов Калашникова и четыре миллиона патронов к ним «для поставок в страны Африки, Азии и Латинской Америки».

(Г. Сысоев. Грузите «калашниковы» бочками... — «Новое время», 1991, № 8)

ВЛАСТЕЛИНЫ КОЛЕЦ

Эндрю Дженнингс — журналист-исследователь международного класса, он является лауреатом многих премий и создателем ряда телевизионных документальных фильмов. Книгу «Властелины колец: власть, деньги и наркотики в современном олимпийском движении» Эндрю Дженнингс написал в соавторстве с Вивом Симсоном. Книга стала бестселлером на Западе. Она переведена на 15 языков и опубликована почти в 40 странах.

После того как в 1991 году танки ушли от здания российского парламента, в мировой дипломатии начался большой переполох. Послы коррумпированных старых режимов СССР были отозваны из ООН и из посольств. На их место приехали новые, способные более достойно представлять свои страны.

Однако в России существует еще одна, неизвестная общественности и очень доходная область международной политики, в которой до сих пор мало что изменилось. Причастное к ней привилегированное меньшинство без особого труда приспособилось к новым ус-

ловиям и из преуспевающих партийных боссов превратилось в богачей свободного мира.

В то время как большинство русских людей озабочены своим экономическим будущим, уцелевшая группа помешанных на власти политиков, контролирующая мировой спорт, ведет сказочный, никому не подотчетный образ жизни. Скупая, к примеру, сливки спортивной молодежи, они получают возможность зарабатывать миллиарды долларов только на Олимпийских играх.

Чтобы лучше понять, как и почему удалось уцелеть этим старым политикам от спорта, необходимо узнать правду о современном международном спорте. И тогда уже надо будет забыть легенду о молодых атлетах всего мира, соревнующихся друг с другом в духе мира и гармонии и проповедующих нравственные принципы любительского спорта.

Современные Олимпийские игры, так же как Кубок мира по футболу или чемпионат по легкой атлетике, являются не чем иным, как театральным представлением. Они ставятся единственно ради увеличения стоимости их показа по телевидению, ибо сбор от продажи прав на показ Игр составляет ныне сотни миллионов долларов. Спортсмены сегодня — это актеры, приносящие огромные доходы телекомпаниям. Их используют как средство вложения млрд. долларов в рекламу и привлечения спонсоров.

Для осуществления подобной купли-продажи нужен посредник. И таким посредником является Международный олимпийский комитет.

До Олимпийских игр в Лос-Анджелесе в 1984 году МОК с трудом покрывал расходы на их проведение. Но в тот год он получил 215 млн. долларов прибыли за счет продажи прав телекомпаниям и денежных «вливаний» спонсоров. С тех пор крупнейшие города мира дерутся за право проведения Игр. Для достижения своей цели им необходимо заручиться голосами членов МОК. Всего их 95, и, следовательно, надо иметь 48 голосов, чтобы в казну города попали 2 млрд. долларов — как это было в Барселоне в этом году.

Что требуется от городов, борющихся за право проведения Олимпийских игр? Теоретически члены МОК получают приглашение посетить участвующий в конкурсе город, оценить качество спортивных сооружений и затем проголосовать за достойного. В действительности же эти кампании выродились в шикарные приемы, вокруг которых постоянно витают слухи о подкупе, — и все это только для того, чтобы получить пресловутые 48 голосов.

Члены МОК летают только первым классом. Это означает, что они сидят в огромных кожаных креслах в переднем салоне, непрерывно пьют французское шампанское и едят деликатесы. Я, преуспевающий журналист международного класса, постоянно мотающийся по всему миру, не могу позволить себе билет на самолет стоимостью в несколько тысяч долларов. МОКовцы останавливаются только в лучших отелях города, их непрерывно кормят и принимают по высшему разряду. И в каждом городе на них просто сыплются дорогие подарки. Время от времени в связи с этими подарками возникали скандалы, и МОК вынужден был распорядиться, чтобы стоимость каждого не превышала 200 долларов. Но вот выполняется ли это распоряжение?

Такими же привилегиями пользуются и их семьи. Если спортсменов привозят на стадионы в автобусах, то ОНИ разъезжают в лимузинах с шоферами. Спортсмены ютятся в маленьких душных комнатках олимпийских деревень, эти же наслаждаются прохладным комфортом лучших отелей. Только по 10 долларов в день на карманные расходы выдается спортсменам. Боссы выплачивают себе по 100 долларов. А это больше двух тысяч долларов за весьма незначительный и сомнительный вклад в Игры.

Чем же могут поживиться члены МОК? Говорят, когда в конкурсе городов участвовал Амстердам, по крайней мере, два члена МОК потребовали довольно крупные денежные взятки. То же самое рассказывают и про Анкоридж, штат Аляска, желавший провести у себя зимние Игры 1986 года. Одним из конкурентов Анкориджа в том году был Фалун, Швеция. Так некий член МОК вроде бы готов был отдать свой голос в обмен на любовь красивейшей женщины-гида из этого города, обслуживавшей делегацию. Многое рассказывают о том, как Атланте удалось получить право на проведение Игр 1996 года, а размах, с которым принимала членов МОК Барселона, поразил даже циничных журналистов.

Членов МОК приглашают в качестве гостей на самые престижные спортивные мероприятия, где их ожидает прямо-таки королевский прием. Международный олимпийский комитет создал огромное количество подкомиссий, члены которых часто съезжаются в Лозанну или Монте-Карло для решения, как они утверждают, очень важных проблем. И, конечно же, полеты первым классом и неслыханная роскошь. Так дельцы от спорта ведут жизнь, полную таких же привилегий, что и у бывших партийных боссов, но, в отличие от последних, — без малейших опасений за свое будущее.

Возможностью жить в этом чудесном мире члены комитета обязаны двум людям: немцу Хорсту Дасслеру, возглавляющему крупнейшую в мире фирму спортивной одежды «Адидас», и нынешнему президенту МОК испанцу Хуану Антонио Самаранчу.

К концу 60-х годов Дасслер, в отличие от своих западных конкурентов, понял, что, хотя страны восточного блока не являются перспективным рынком сбыта для его дорогой продукции, Советы могут предложить нечто столь же ценное — голоса. Вместе со своими коллегами из стран-сателлитов кремлевские старцы могли ворочать громадным количеством голосов. Странно, что этого на заметили американские конкуренты.

Лучшая реклама продукции «Адидас» — олимпийский чемпион на пьедестале почета, одетый в спортивный костюм фирмы. Было время, когда Дасслер давал взятки звездам мирового спорта, чтобы они носили его обувь и одежду. Затем ему удалось уговорить национальные спортивные команды и олимпийские комитеты подписать с ним контракты, которые делали фирму «Адидас» их официальным поставщиком спортивной одежды: и на экранах телевизоров замелькал синий трилистник.

И все это время, даже в самый разгар «холодной войны», Дасслер обхаживал русских. «Я всегда восхищался тем, как Дасслер вел себя в Москве. Он никогда не говорил о политике, — вспоминает Кристиан Жанетт, помощник Дасслера, много раз ездивший с ним в Москву. — Для него существовала только одна политика — политика фирмы «Адидас». Даже когда нам приходилось обедать с членами Центрального Комитета, Хорст не произносил ни слова о политике. Он говорил о своей работе, о спорте».

Босс «Адидаса» принес в дар русским спортивным боссам две вещи: фирменную одежду для спортсменов и свою информированность. Изолированность стран восточного блока и их привычка путешествовать в сопровождении целой ватаги сотрудников КГБ не давали им возможности разобраться в политических интригах спортивного мира. С начала 70-х годов Дасслер стал их наставником и политическим компаньоном. Советы сообразили, что их совокупный голос дает им в руки огромную власть, но не понимали, как этой властью распорядиться.

«Когда бы в 70-х и 80-х годах Хорст ни приехал в страны Европы, его встречали по высшему разряду, — вспоминает другой коллега Дасслера Патрик Нэлли. — Мы беспрепятственно передвигались в пределах этого мира. Прилетали в Россию, покидали самолет и никогда не предъявляли паспорта.

Хорст много времени проводил в сауне с ведущими политиками страны, рассуждая о том, кого изберут, а кого не изберут и какую роль могут играть страны Восточной Европы в жизни международных спортивных федераций. С деловой точки зрения страны Восточной Европы не принесли Хорсту почти никакого дохода, но они представляли для него большой интерес с политической точки зрения».

Ни слова о спорте, идеалах или нравственности. Русских чиновников подготовили для вступления в комитет. Под руководством Дасслера они единодушно голосовали в ведущих международных спортивных федерациях и Олимпийском комитете.

Он так организовал выборы в ИААФ в 1980 году, что к

власти в этой федерации пришел итальянец Примо Небиоло. При финансовой поддержке Дасслера процветает президент ФИФА Жоао Авеланж. И наконец, в 1980 году Дасслер посадил в президентское кресло нынешнего лидера олимпийского движения Хуана Антонио Самаранча.

Когда несколько месяцев назад в Лондоне я рассказал русскому журналисту правду о Самаранче, он был потрясен. «Об этом никогда не говорили, — сказал он. — Они всегда лгали, но как же коммунисты могли умолчать о таком?»

Моего друга по-настоящему потрясла история политической карьеры Самаранча.

Почти сорок лет Самаранч был функционером-фашистом. Он носил голубую рубашку испанских фашистов и выбрасывал правую руку в приветственном салюте. Формально в партию он вступил лишь несколько лет спустя после того, как мир узнал о нацистских лагерях смерти, и вплоть до 1975 года он продолжал приветствовать своих фашистских лидеров знаменитым взмахом руки. А ведь тогда он уже был вице-президентом МОК. В государственном архиве в Мадриде мы отыскали фотографии и кинокадры, на которых Самаранч в фашистской форме склоняется перед своим обожаемым диктатором Франко.

Мы располагаем и другими свидетельствами того, как Самаранч использовал спорт в карьерных целях при фашистском режиме. Будучи министром по делам спорта в Испании, он сопровождал свою подпись под официальными документами девизом: «Поднятой рукой я приветствую вас».

Честолюбивый политик фашистского толка при режиме генерала Франко, Самаранч достиг власти на региональном и национальном уровне. Он остался верен идеалам испанского фашизма даже после смерти Франко. 23 апреля 1977 года, когда пала диктатура, жители Барселоны окружили здание регионального политического управления и требовали, чтобы Самаранч поскорее убирался.

Вскоре это и случилось. Ему быстро нашли новую должность и отправили за границу. Несколько недель спустя он появился в Москве в качестве испанского посла.

С 1977 по 1980 год Самаранч прикладывает все силы, чтобы завоевать благосклонность своих новых друзей из коммунистического руководства. Ему это удается. Между фашистом и политическими потомками Сталина оказалось много общего. Он оказал русским бесценную помощь в организации Игр, и они отблагодарили его, предоставив в полное распоряжение достаточное количество голосов.

После своего избрания Самаранч ублажал практически всех наиболее жестоких диктаторов коммунистического блока. Он осыпал их наградами, словно звезд мирового спорта, и тогда, когда они бойкотировали Олимпийские игры в Лос-Анджелесе.

Когда в 1985 году совещание МОК проходило в Восточном Берлине, Самаранча приветствовал Эрих Хонеккер, тогдашний руководитель Восточной Германии, а ныне обвиняемый в преступлениях, совершенных во время его жестокого правления. Самаранч немедленно вручил ему высшую награду, имевшуюся в его распо-

ряжении, — золотую олимпийскую медаль. Наградив этого тирана, Самаранч не просто опозорил идеалы олимпийского движения, он оскорбил всех честных спортсменов, отдавших жизнь спорту.

В том же году олимпийским золотом был награжден еще один «деятель» олимпийского движения — Николае Чаушеску. Этого благодарили за то, что он ослушался русских и послал команду на Игры в Лос-Анджелес. Не может быть, чтобы президент МОК, претендующий на звание Разъезжающего-По-Всему-Свету дипломата, не знал об ужасных бедствиях, обрушившихся на румын при диктатуре Чаушеску.

О чем думали простые румыны, наблюдавшие церемонию награждения по местному телевидению? О том, что цивилизованному миру нет дела до их жалкой участи.

Конечно же, Самаранч был в курсе, что спортивные сооружения в Румынии находятся в самом плачевном состоянии, большинство ведущих спортсменов держатся только на допингах.

Самаранч как будто специально выбирает для представления к высшей олимпийской награде самых отъявленных диктаторов. Два года спустя после берлинского каприза он вручил золотую олимпийскую медаль диктатору Тодору Живкову.

Сегодняшний МОК под завязку набит выброшенной за борт политической номенклатурой бывшего восточного блока. Эта кучка дискредитированных членов МОК останется у власти до самой смерти. Теперь они — кре-

атура руководства МОК. Лишившись всех почестей и наград у себя дома, они уютно устроились на этом доходном месте и разъезжают по всему свету, инспектируя города, посещая различные совещания и, в качестве почетных гостей, Олимпийские игры и другие крупные международные мероприятия.

Председатель Монголии, профсоюзный босс и бывший борец Шагдаржав Магван членом МОК стал в пятьдесят лет и останется членом МОК до 2002 года, когда ему исполнится 75 лет и он достигнет пенсионного возраста. Только тогда Монголия сможет послать в МОК своего нового представителя. Но даже и после этого Магван пребудет пожизненным членом МОК, хотя и без права голоса.

Пока Румыния делает мучительную попытку оправиться от травмы, полученной от режима Чаушеску, в Лозанне ее интересы представляет Александру Сиперко. Он был активным поборником коммунистического режима в Румынии и ныне является пожизненным членом МОК.

Польшу якобы представляет Владимир Решек, ставший членом МОК в 1961 году и теперь являющийся также его пожизненным членом. Председатель Чехо-Словакии Владимир Чернусак будет членом МОК до 1996 года.

Представитель Болгарии в МОК Иван Славков, зять бывшего президента страны Тодора Живкова, был заместителем министра культуры и возглавлял болгарское телевидение при старом режиме. Это представительный мужчина средних лет, который пользуется уважением Самаранча. После падения правительства

тестя Славков был подвергнут домашнему аресту, а затем заключен в тюрьму и обвинен в ряде преступлений от торговли оружием до незаконного использования фондов, выделенных для участия Софии в конкурсе за право проведения Игр 1994 года.

Через несколько месяцев его освободили и вновь избрали президентом НОК.

Представитель Югославии в МОК Слободан Филипович начиная с 1989 года пытается отмежеваться от своих бывших соратников по правящей партии. Его обвиняют в том, что он участвовал в расстреле демонстрантов в Монтенегро. Нынешнее спортивное руководство в Югославии организовало кампанию за отзыв Филиповича из МОК, но он изо всех сил отбивается. Самаранч открыто поддерживает его. Филипович останется полноправным членом МОК до 2014 года.

Венгр Пал Шмитт пользуется самой хорошей репутацией, в отличие от других членов МОК из стран восточного блока. Фехтовальщик, участник Олимпийских игр, Шмитт представляет независимое политическое направление в Венгрии, которое русские коммунисты мечтали раздавить. Он активно участвует в работе ряда ключевых комиссий.

Слияние двух Германий поставило перед МОК определенную проблему: новую объединенную Германию представляли слишком много членов. Бывший аппаратчик, существовавший только на допингах спортивной империи ГДР, Гюнтер Хейнц почти сразу же согласился уйти на пенсию. Отныне он является почетным членом МОК.

Председатель монолитной и репрессивной коммунистической партии Китая Женьлян Хе стал членом МОК в 1981 году. Он является вице-президентом и членом Исполнительного комитета. Его членство закончится в 2004 году.

Но наибольший интерес вызывают два бывших представителя СССР в МОК. Это они распоряжались огромными государственными инвестициями, полностью пуская их на развитие элитарного спорта, в то время как большинство русских людей задыхалось от нехватки спортивных сооружений. Марат Грамов — одна из главных пассий Самаранча. Грамов был пробивным бюрократом, организовавшим бойкот Игр в Лос-Анджелесе. Это ничуть не беспокоило Самаранча, когда в 1988 году он пригласил Грамова в МОК. Грамов был депутатом Верховного Совета СССР и президентом советского Национального олимпийского комитета.

Избрание Грамова членом МОК ясно показало, что Самаранч понятия не имеет о назревающих в России демократических преобразованиях. Не прошло и года, как Грамова сместили с поста председателя Госкомспорта. Постоянно откладывая заседания советского НОК, ему удалось оттянуть неизбежное до апреля 1990 года, когда его окончательно отлучили от советского спорта. В настоящее время Грамов представляет в спорте лишь самого себя. Но это не мешает ему колесить по свету за счет МОК и принимать почести от городов-конкурсантов. Грамов останется полноправным членом МОК до 2002 года, представляя не существующую более страну.

Другой член МОК с 1971 года Виталий Смирнов из Хабаровска каким-то образом сумел отмежеваться от старой гвардии и сменил Грамова на посту президента

советского НОК. Он давно является вице-президентом МОК и пребудет полным его членом до 2000 года.

Смирнов занимает множество ключевых постов в Международном олимпийском комитете. Возможно, самой значительной является должность председателя Комиссии по программе Олимпийских игр. Эта могущественная группа решает, какие именно виды спорта будут включены в программу Олимпийских игр. Они находятся под большим давлением со стороны бизнесменов от спорта, которые знают, что причастность к Олимпийским играм сулит им огромные доходы.

Смирнов участвовал в очень сложных переговорах МОК. После того как Советский Союз прекратил свое существование, новым государствам стало не на что послать свои команды на Олимпийские игры в Альбервилле и Барселоне. На помощь пришла фирма «Адидас» и выделила 1 млн. долларов. Смирнов оказал Самаранчу большую услугу, уговорив олимпийские комитеты новых республик послать команду стран СНГ, причем включив в ее состав строго регламентированное количество спортсменов, сославшись на ограниченные возможности олимпийской деревни.

По словам одного западного бизнесмена, Россия и страны бывшего советского блока представляют собой самый большой участок, выброшенный на рынок недвижимости, со времен «освоения» Африки в 60-е годы. Посмотрите, что случилось с несчастной Африкой, то же произошло и с идеалом олимпийского движения. (Э. Дженнингс. — «Совершенно секретно», 1992, № 11)

ШЕСТЬ ВЕРСИЙ РАЗБОРОК ВНУТРИ НФС

Обрушившийся как гром среди ясного неба майский арест по подозрению в хранении наркотиков, а также июньское покушение, закончившееся тяжелыми ранениями для бывшего главы Национального фонда спорта и председателя совета директоров банка «Национальный кредит», дали обильную почву для всякого рода рассуждений о личности Бориса Федорова и его деятельности на столь видных постах. Но никто так толком и не ответил на вопрос: кто стоит за этими, казалось бы, чисто криминальными событиями и из-за чего, собственно, такой сыр-бор...

Многие кремлевские обитатели называют Федорова «человеком ниоткуда». Почему ниоткуда? По его собственному признанию, пять лет он вкалывал на производстве, дойдя до высокой должности — «заместитель главного инженера». Правда, злые языки поговаривают, что «заместительство» было исключительно по политчасти. Иначе говоря, Борис Владимирович был профессиональным комсомольским функционером. Далее в биографии Федорова следует некий «пробел», который не имеет отношения ни к рабочему классу, ни к комсомолу. Информированные источники утверждают: работая в начале восьмидесятых администратором бассейна «Чайка», в котором поправляла здоровье и развлекалась начальственная и криминальная элита, он якобы поставлял девочек высокопоставленным клиентам, за что и сел в тюрьму. Правда, данных о судимости мне пока обнаружить не удалось — скорее всего, они были изъяты из милицейского компьютера...

Новый этап в жизни Федорова начался с перестрой-

кой — он ушел в бизнес. К тому же тогда, во второй половине восьмидесятых, Борис сделал ставку на демократию и начал участвовать в различных демократических тусовках. Примерно к 1988 году относится начало его тесного сотрудничества с Шамилем Тарпищевым, который в то время создавал теннисную академию. По некоторым сведениям, Федоров вскоре стал ее финансовым руководителем. Государственные посты Тарпищева с приходом к власти Ельцина постепенно росли, а вместе с ними росли и посты Федорова.

Переломным в его судьбе можно считать лето 1994 года, когда он, бывший к тому времени заместителем директора Комитета по физкультуре и спорту при Президенте России, сначала возглавил доставшийся ему по наследству от Тарпищева Национальный фонд спорта (организацию сугубо общественную, но пользовавшуюся громадными льготами и серьезным влиянием), а затем «подобрал» уже было обанкротившийся банк «Национальный кредит». Офисы банка и НФС «слились в экстазе» в доме 7/9 по 1-му Кадашевскому переулку.

Что еще известно о Федорове? Жена Ольга (возможно, уже бывшая), дочь, которая учится в Швейцарии, юная любовница Наталья, загородный дворец с пятидесятиметровым бассейном, 600-й «мерседес»-купе, короче, обычные приметы «нового русского». Только, в отличие от последних, плюс еще кабинет в Кремле. Если кому интересно, то адрес был такой: Россия, Москва, Кремль, строение 14 «в», комната 316. У Тарпищева, кстати, кабинет 312...

Сейчас уже не осталось наивных людей, которые верят в сказку о том, что большой спорт и большие деньги — вещи между собой не связанные. За пять лет мы

привыкли к миллионным гонорарам наших теннисистов, хоккеистов и прочих спортсменов, равно как и к тому, что они этими деньгами обязательно с кем-то делятся. Раньше государство забирало себе львиную долю заработков, а потом государства не стало, и спортсмены стали делиться деньгами с другими «организациями и частными лицами».

Часть денег получали федерации по видам спорта, а за остальные разгорелась заочная борьба между двумя фондами: Фондом социальной защищенности спортсменов имени Льва Яшина (его, как известно, возглавлял Отари Квантришвили) и Национальным фондом спорта. И тому, и другому хотелось бы монополизировать финансирование спортивных соревнований, а также получение доли от заработков спортсменов и сборных команд.

Оба фонда разрабатывали свои программы развития физической культуры и спорта, которые в принципе были довольно похожи. Только в деятельности Фонда социальной защищенности спортсменов упор делался на личности, а в НФСовском варианте — на абстрактные «физкультуру и спорт». В конце концов, как говорят марксисты, противоречия приобрели антагонистический характер, и конец им положила гибель Отари Квантришвили. Напомню: он пал от рук наемного убийцы на выходе из Краснопресненских бань 5 апреля 1994 года... А через пару месяцев победивший Национальный фонд спорта получил невиданные льготы по налогам и импорту (освобождение от акцизов и НДС), и его возглавил Борис Федоров. Тогда он впервые и оказался под прицелом...

Если кому-то средства массовой информации внушили мысль, будто НФС только тем и занимался, что торго-

вал водкой, сигаретами и прокручивал чужие деньги, то это не совсем так. Хотя упомянутые операции играли в деятельности фонда значительную роль, он еще финансировал отдельные спортивные соревнования. Не детские спартакиады, естественно, а те, которые могли бы принести широкое паблисити. На различные теннисные шоу, столь любимые отечественной элитой, тратились суммы с серьезным количеством нулей, в долларах, разумеется. Финансировался хоккейный турнир на приз газеты «Известия», хоккейный «Кубок Спартака».

Впрочем, этот турнир, наиболее удачно проведенный в 1994 году, когда к нам приехала сборная НХЛовских звезд, выявил некоторые любопытные черты характера Бориса Федорова. Люди, близкие к организаторам турнира, рассказывают, что во время подготовки к нему Вячеслав Фетисов позвонил Гелани Товбулатову (фактическому хозяину «Спартака») и сообщил, что игроки готовы приехать, но не собираются сами оплачивать гостиницы и авиабилеты. Товбулатов обещал перезвонить, связался с Федоровым, и тот в обычной своей манере ответил: «Какие вопросы? Все сделаем...»

Осторожный Фетисов, однако, свои деньги в билеты вкладывать не стал и обратился к Игорю Ларионову. Тот тоже не рискнул личным капиталом, а взял в банке кредит (около 50 тысяч долларов), на который и были куплены пресловутые билеты и оплачены московская гостиница. Начались тренировки и игры. Из Кремля все шли ответы Товбулатову: «Сейчас-сейчас, вот-вот...» Дело дошло до того, что звезды в знак протеста едва не отказались выходить на лед в Магнитогорске. Пришлось Товбулатову добывать деньги самому и расплачиваться за Федорова. Любопытно, что для последнего такая сумма была просто мелочью, по-

скольку через НФС, по словам Чубайса, только за 1994 год прошло около полутора млрд. долларов...

Через НФС, как утверждают люди, связанные с футболом, крутились и деньги московского «Спартака» футбольного. Телезрители, смотревшие матчи Лиги чемпионов, по-видимому, умилялись, слыша, что только за одно участие в игре, не говоря уж о победе, футболисты получают десятки тысяч долларов. Как бы не так! Все это получали другие организации, в том числе и НФС, а игрокам оставались лишь крохи. Помните «забастовку» спартаковцев перед прошлым сезоном, когда они «сливали» одну игру за другой? С одной стороны, игроки не очень хотели играть, а Олег Романцев очень хотел, чтобы они получили свои деньги. С другой, как говорят, и пристрастное судейство, и прочие случайности на старте чемпионата были связаны с тем, что тренеру «указали» на его место.

А что делается сейчас? Миллионы долларов выбрасываются на теннисные турниры, а женскую сборную России по баскетболу, между прочим, участницу Олимпийских игр, тренер Сергей Белов кормит из своего кармана. Говорят, что заработанные легкоатлетами России деньги тоже крутятся где-то в НФС, а ведь нужно готовиться к Олимпийским играм. Современная легкая атлетика — очень дорогой вид спорта. Спортсменов надо «колоть», а денег на препараты нет. А сейчас близок момент, когда уже поздно будет стимулировать, ведь анализы дадут положительную реакцию на допинг...

Покойному Отари Квантришвили приписывается фраза: «Спортсмены, как дети, — убьют и не заметят». Ограничимся в данном случае цитированием...

«Наши банки — как пауки в банке», — это крылатое выражение отнюдь не лишено смысла. Действительно, банкиры спят и видят, как бы избавиться от конкурентов, хотя по-настоящему преуспевает в этом лице Центральный банк России.

Банк «Национальный кредит» «валили» грамотно и по всем правилам. Сначала пустили «дезу»: дескать, российский «Сбербанк» будет приватизироваться. Потом предложили «вступить в дело». И «Нацкредит» обменялся со «Сбербанком» векселями на сумму 126 млн. долларов. А тут пришел «дедушка Облом»: Госдума идею приватизации «Сбербанка» не поддержала». Казалось бы, «Нацкредит» рухнул. Уже готовились выносить из здания кресла и телефоны, но... банк «подобрал» Борис Федоров, неожиданно для многих.

Только неожиданность эта была кажущейся. Дело в том, что в «Нацкредите» лежали несколько десятков миллионов долларов НФСовских денег, которые терять было обидно. К тому же Федоров, пользовавшийся достаточно высоким покровительством, был уверен, что сможет «вытащить» этот, казалось бы, безнадежно задолжавший банк. Первое, чего он сумел добиться, — это превратить банк-банкрот в уполномоченный банк по восстановлению Чечни. Видимо, на этом и строился основной расчет по «оздоровлению» «Нацкредита». Но реальных действий в этом плане Федоров предпринять не успел, поэтому что был арестован, и его кресло в банке занял Игорь Кругликов.

Банкиры — люди серьезные. Они не любят и не прощают неожиданностей.

Известно, что в период с лета 1994 по октябрь 1995 го-

да Национальный фонд спорта, возглавляемый Борисом Федоровым, пользовался значительными льготами. Как же эти льготы были получены и к чему это привело?

Те, кому удалось побывать в расположении российской олимпийской команды на зимней Олимпиаде в Лиллехаммере, были весьма удивлены визитом туда первого вице-премьера Олега Сосковца, которого постоянно видели с Тарпищевым и Федоровым. Говорят, именно там родилась идея дать спорту различные льготы. Побуждения были самыми благими: мол, разрешите нам ввозить алкоголь и сигареты без акциза и НДС, а мы на заработанные деньги поднимем весь спорт...

Когда прошлым летом я беседовал с Виктором Васильевичем Тихоновым, сейчас уже, к сожалению, экс-тренером ЦСКА, он рассказал мне любопытную историю о том, как принималось решение о льготах. Ему позвонил Тарпищев и попросил приехать в Кремль. В кабинете уже были Олег Романцев, Николай Петрович Старостин, Борис Федоров и сам Тарпищев, который сказал, что такой представительной делегацией нужно пойти на заседание правительства, где будет рассматриваться вопрос о льготах. Докладывать должен был лично Тарпищев либо Федоров, который готовил документы. Но когда делегация пришла на заседание правительства, председательствовавший Олег Сосковец обвел всех глазами и сказал: «По обсуждающемуся вопросу о льготах спорту слово имеет Виктор Васильевич Тихонов. У вас есть пять минут». Тихонов, по его словам, помнит только, что речь шла о том, как мало у спорта денег и что их надо зарабатывать. Но Сосковец, подводя итог, все-таки сказал: спортсменам надо помочь — и решение было принято...

По всеобщему признанию, НФС стал крупнейшим импортером водки и сигарет, быстро «задавив» мучающихся с акцизами и налогами конкурентов. Миллиарды долларов пополнили казну фонда. Чубайса, активно выступавшего против льгот НФС, сместили с поста «главного приватизатора». Но и льготы все-таки отменили. Не сразу, постепенно, однако все равно НФС не сумел рассчитаться с многочисленными инвесторами, вложившими деньги в закупку водки и сигарет и рассчитывавшими на сверхприбыли.

И последовали первые «звонки». Сразу после отмены льгот, в конце марта 1995 года, был застрелен из автомата ведущий эксперт дирекции внешнеэкономической деятельности НФС Лев Гаврилин. Как говорят, прошлым летом был убит телохранитель-помощник Федорова, после чего последний несколько дней скрывался. А в декабре 95-го похитили из «Шереметьева-2» и убили одного из главных партнеров НФС, основателя фирмы «Русская Америка» Марка Нуделя. Смерть стала ходить совсем рядом с Федоровым...

Все сообщения об аресте Бориса Федорова и инкриминировании ему хранения наркотиков грешат одним — отсутствием полной достоверности. «Известия» утверждали, что Федорова арестовали около его дома на улице Свободы в Тушине, «Комсомолка» не менее авторитетно заявляла, что арест произошел на даче Федорова. Задерживали его и на трассе, и на посту ГАИ.

Только в одном сходились: Федорова арестовали в машине и операция (большинство считало, что ее проводил подмосковный РУОП или другая структура подмосковной милиции, и только некоторые упоминали «сотрудников ФСБ») была проведена из рук вон плохо. Что тут можно сказать? Когда возникают столь дале-

кие от истины и столь разнообразные версии, то, скорее всего, они основываются на запланированных «утечках», которые, как правило, месяцами разрабатываются в недрах соответствующих силовых ведомств.

Федорова невозможно было арестовать таким образом, как это описывали средства массовой информации!

С этим согласны практически все, кто знает, какими возможностями обладал Борис. На сигнал гаишника его машина просто не остановилась бы, ее номера были известны всем «заинтересованным лицам». Любой милиционер, если бы «случайно» задержал его, немедленно поплатился бы погонами. Если бы Федорова попытались брать на выходе из машины, то его охранники, несомненно, открыли бы огонь на поражение. Вспомним, ведь партнера Федорова Марка Нуделя из Шереметьева тоже увозили лжеомоновцы, и Федоров об этом знал. Значит, его брали там, где не было ни машины, ни охраны.

Люди, близкие к сборной России по футболу, рассказывают историю, которая может многое прояснить в этом деле. В тот самый злополучный день, когда Бориса Федорова арестовали, около 17 часов автобус сборной России по футболу притормозил у ворот новогорской олимпийской базы (близ подмосковных Химок). Как обычно, футболисты должны были жить и тренироваться там. Но у закрытых ворот их встретил директор, человек совсем не влиятельный, который в резкой форме заявил, что на базу их не пустит. Аргумент — якобы перекопанное поле. Романцев попытался ругаться с ним, но директор стоял на своем. Пришлось футболистам вселяться на близлежащую динамовскую базу. Но на самом деле поле не было переко-

пано! А в этом случае, любому ясно, директор базы без приказа «совсем свыше» «завернуть» главную команду страны не посмел бы. Он же не идиот, этот директор...

Итак, поле не было перекопано. А что было? На новогорской олимпийской базе был так называемый королевский номер, специально отделанный, чтобы соответствовать высоким требованиям «гостей». А наиболее частыми гостями, как говорят, были Борис Федоров и Шамиль Тарпищев. Последний в этот день был в Дюссельдорфе на теннисном турнире «Кубок «Пежо». Так что посетителем «королевского» вполне мог быть Борис Федоров.

Отдых, как правило, предусматривает какое-то расслабление. Алкоголя Федоров совершенно не принимал — зашился два года назад. Помню, я с «группой товарищей» был у него в кремлевском кабинете, так он по окончании разговора достал бутылочку отличного армянского коньяка, разлил по рюмкам, а сам пить отказался: «здоровье, здоровье...» Так что расслабиться он мог по-другому. Но лишь умственно отсталых можно убедить в том, что Федоров держал наркотики под ковриком «Мерседеса». Другое дело — найти наркотики у него в крови. Это вполне могло иметь место. Но за «употребление» задержать нельзя, а за «хранение» — запросто — вот зачем понадобился пресловутый пакетик...

Скорее всего (хотя на сто процентов быть уверенным невозможно), арестовали Федорова в сауне «королевского номера». И если это так, то это была замечательно спланированная и красиво осуществленная операция ФСБ, сотрудникам которой Федоров, как утверждают большинство наблюдателей, многое выложил на

допросах. А чем больше он рассказывал, тем мрачнее становились его дальнейшие перспективы...

Кому не угодил Федоров? Барсукову и Коржакову? Почему? Занялся предвыборной кампанией Ельцина в расчете на демократические выборы, и генералы, сторонники силового решения проблемы, решили скомпрометировать его, как позже Лисовского с Ефстафьевым? Здесь простора для версий полно. Но силовики, как бы им ни мешал Борис (а после он им уже не мешал), не пошли бы на покушение...

Бориса Федорова не убили, хотя очень пытались это сделать. Кто-то очень не хотел, чтобы он дожил до следующего дня, и его подстерегли. Возвращавшегося из ресторана «Панда» без охраны и без оружия. Говорят, на следующий день он планировал созвать пресс-конференцию и должен был встретиться с одним из журналистов. Но не успел.

Может быть, он чувствовал, что нужно все предать гласности, даже самое страшное и грязное в его жизни. Чтобы, как это ни парадоксально, обеспечить себе большую безопасность.
(А. Богомолов. — «Совершенно секретно», 1996, № 7)

НЕМЦЫ ИЩУТ ДЕНЬГИ КОММУНИСТОВ ГДР И НАХОДЯТ

Хотя с момента объединения Германии прошло довольно много времени, детективы, разыскивающие в финансовых джунглях мира исчезнувшие миллионы

немецких марок бывшей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), уже много узнали, они по-прежнему натыкаются на неожиданности.

Независимая комиссия по проверке бывшего партийного имущества ГДР обнаружила новый след денег СЕПГ. В поле зрения попала афинская электронная фирма «Интраком», на счетах которой побывали миллионы немецких партийных марок. На греческую фирму «Интраком» сыщики вышли при расшифровке закодированных компьютерных дискет, обнаруженных в 18-м Главном отделе бывшего Министерства госбезопасности ГДР «Штази». Это подразделение занималось нелегальным добыванием на Западе новейших технологий. В списке партнеров «Штази» значилась и фирма «Интраком».

Последующая рутинная проверка вывела детективов на бывший Берлинский банк торговли и, в частности, на счет 709. В 1989 и 1990 годах на этом счете происходило невероятно бурное движение огромных сумм денег.

Судьба хозяина «Интракома» Сократеса Коккалиса очень тесно связана с бывшей ГДР. В годы военной диктатуры в Греции молодой Коккалис оказался в эмиграции в Восточной Германии. Он изучал физику в Лейпциге и Москве. После падения режима военной хунты Коккалис вернулся в Грецию и в 1974 году основал в столице фирму «Интраком». Через некоторое время его компания превратилась в одно из крупнейших предприятий Греции в области телекоммуникаций.

Стремительность взлета вызвала у проверяющих

вполне оправданное подозрение. Каким образом находящийся в эмиграции в социалистическом государстве малообеспеченный студент умудрился открыть в ГДР собственную фирму «Интегра», которая была трансформирована в «Интраком»? Откуда у молодого грека стартовый капитал? Кто разрешил ему в коммунистической стране основать частную компанию при том, что немцам лишь невероятными трудами удавалось открыть мелкое дело, в основном в сфере обслуживания?

Как предполагает германский еженедельник «Фокус», не исключено, что во время пребывания в восточном блоке Коккалис был связан со спецслужбами Москвы и Восточного Берлина. В этой связи журнал рассказывает о материалах одной операции под названием «каскад», обнаруженных в архиве бывшего МГБ ГДР. Цель операции «Штази» — «обработать» Коккалиса, располагавшего тесными личными связями с руководящей верхушкой Греции, а также имевшего «выход на греческую тайную спецслужбу».

В одном сообщении «Штази» говорится, что люди Мильке (руководитель «Штази») договорились с Коккалисом «о получении информации о деятельности западногерманского концерна «Сименс» в Греции по вытеснению ГДР с местного рынка». В другом докладе, подготовленном уже Бундеснахрихтендинст (БНД — разведка ФРГ), «Интраком» оценивалась как «скромный» партнер фирм ГДР за границей, которые занимаются на Западе нелегальной закупкой высокотехнологичной техники, подпадавшей под ограничения КОКОМ.

Руководящая верхушка ГДР использовала «Интраком» также и для финансирования греческой коммунисти-

ческой партии. Бывший подполковник «Штази» Венцель утверждает, что один его информатор получил от министра внешней торговли ГДР Герхарда Байля задание продумать возможность финансового обеспечения греческих коммунистов через «Интраком». Идея состояла в том, чтобы эта фирма при заключении сделок учитывала необходимость включения в прибыль двух процентов, которые в последующем переводила бы на счета компартии Греции. Годовой оборот «Интракома» превышал 300 млн. немецких марок.

В настоящее время в Греции разразился скандал. В его эпицентре — греческий концерн «Интраком». В 1994 году Государственное телекоммуникационное общество Греции перевело «Интракому» и греческой дочерней фирме германского концерна «Сименс» 200 млн. американских долларов за посреднические услуги. Половина этой суммы оказалась у «Интракома». В целом, как теперь установлено, 8 официальных руководящих работников греческого государственного общества в свое время получили от «Интракома» взятки в размере 6 млн. долларов. Часть этих денег поступила со счета 709.

Аферами Коккалиса и его компании занимается проверочная комиссия бундестага по вопросам имущества ГДР. Член комиссии Фридхельм Бойхер подчеркнул, что необходимо выяснить, на каком основании бывшее Посольство ГДР в Афинах находилось на частной земле Сократеса Коккалиса и кому в действительности принадлежит этот участок земли. Кроме того, если будет точно установлено, что стартовый капитал Коккалису для создания «Интракома» выделило бывшее МГБ ГДР, то уставная часть капитала греческого концерна может принадлежать теперь Германии, а это совсем немало — 107,5 млн. немецких марок.
(Б. Лысенко. — «Известия», 19 июня 1996)

БРАТЬЯ ЧЕРНЫЕ

Имя финансового гения — ташкентского завлаба, за пару лет сумевшего установить контроль почти над всем алюминиевым рынком бывшего СССР, небезуспешного и в других стратегических отраслях, — в тесных «алюминиевых» кругах и в правительственных кабинетах принято произносить вполголоса. В слухах вокруг него дефицита не было никогда. По одним, он с братом заправляет международным «воровским минфином», по другим, претворял в жизнь тайные козни неких западных кругов, решивших избавиться от непредсказуемых интервенций русского алюминия. Вокруг него, «приговоренного» бандитами из Сибири, которые в связке с местными властями взбунтовались против всесилия «варягов», всегда было достаточно и крови. В Израиле задержали двух киллеров, имевших заказ на устранение алюминиевого короля.

Итак, Лев Семенович Черной, 41 год. Первым из приближенных к высшим эшелонам власти обет молчания вокруг него нарушил экс-глава Национального фонда спорта Борис Федоров. Правда, зачем-то с некоторыми ошибками и нелепицами.

Фирма, управляя которой, Черной покорил Сибирь, где расположены крупнейшие в мире заводы по производству первичного алюминия, была зарегистрирована в Монте-Карло и получила имя TRANS-CIS COMMODITIES Ltd. (далее ТСС). По сути, эта компания, так и не легализовавшая себя в РФ, существовала лишь на бумаге. И, выполнив свою миссию, исчезла. Брат Льва Михаил Черной, тесно контактировавший, по данным иностранных спецслужб, с бруклинской преступной группировкой, возглавлял другую офф-

шорную фирму, работавшую с русским алюминием, — TRANS-TES COMPANY. Сейчас Михаил вроде бы отошел от металлического бизнеса и занимается, в частности, недвижимостью.

С 1992 г., когда Л. Черной окончательно покидает Ташкент и приступает к работе в металлургии, алюминиевая индустрия начинает отмывать «грязные» деньги. Московские сыщики, расследуя позже дела о подложных авизо, обнаружили поразительную закономерность: похищенные в разное время и в разных местах деньги (за счет подделки банковских документов, чеков «Россия», безвозвратных кредитов фиктивным фирмам) перегонялись на сибирские предприятия алюминиевой отрасли через третьи фирмы как оплата по контрактам, заключенным металлургами с ТСС. Компания Черного (хотя причастность самих братьев к мошенничеству пока не доказана) в итоге получала оплаченный «воздухом» металл, переправляла его за границу, где оседали реальные и уже чистые доллары, вырученные за него. А когда объявили распродажу алюминиевых заводов, то куплены они были финансовыми партнерами ТСС.

ТСС действовала и в РФ по поручению лондонской компании TRANS-WORLD METALS Ltd. Председатель правления — Дэвид Рюбен. Под контроль TWM отошли Братский, Саянский, Павлодарский алюминиевые, объединение «Феррохром», Ермаковский ферросплавный, Донской ГОК, Гянджинский глиноземный.

По некоторым данным, Черной предлагал Рюбену русский алюминий еще в те времена, когда о либерализации внешнеэкономической деятельности у нас только начинали задумываться. Получалось это, по-видимому, благодаря явлению, названному «организованной

спортивностью». По свидетельству компетентных органов, не без участия Черного осуществлялось финансирование Кубка Кремля, для чего экспортировался металл. Черного по соседству с криминальным лидером Тайваньчиком можно было наблюдать на трибуне турнира рядом с высокопоставленными официальными лицами. А ближе к сегодняшнему дню надпись TRANS-WORLD METALS» заняла достойное место на рекламных щитах небезызвестного своими участниками турнира «Большая шляпа».

В Кремле не могли не знать, кто есть кто. Хотя бы потому, что, как заметил Б. Федоров, «Известия» раз в месяц пишут по Черным статью». Хотя бы потому, что еще 30.09.94, ссылаясь на журналистское расследование, В. Черномырдин поручил ФСК, МВД, Минфину, ДНП, ЦБ, ВЭК проверить финансовую деятельность структур, участвующих в приватизации алюминиевого комплекса, изучить происхождение денег, на которые приобретаются заводы. Всего в связи с этой проверкой Черномырдин отдал как минимум 5 поручений (считаю только те, копиями которых располагаю), 2 — Ельцин, а «духовный отец» кремлевских генералов Коржакова и Барсукова подписал различных бумаг в связи с этой проверкой вообще без счета. И отчеты, которые шли из ФСБ, МВД, рисовали хоть и далеко не полную, но достаточно впечатляющую картину.

Интересно, что все распоряжения президента и премьера были старательно похерены. Скажем, формально ГКИ и РФФИ, выполняя указание Ельцина, приостановили приватизацию проверяемых заводов и изменения в составе их органов управления. Но кто это заметил? Смена директора шла полным ходом, в реестрах, которые, надо полагать, в связи с проверкой следовало изъять, активно производилась перерегистрация акций на незапятнанные структуры. Чиновничья

переписка полна сентенций типа: активизировать, ускорить, усилить... А в это время документация, которую надлежало проверять, исчезла, продолжали гибнуть бизнесмены и банкиры.

Кому же в угоду игнорировались распоряжения Ельцина и Черномырдина? Факт, что представителей ТСС, их доверенных встречали в правительственных коридорах с распростертыми объятиями, братья чрезвычайно успешно лоббировали свои интересы в президентском окружении. О том говорят хотя бы объемы металла, которые позволяли им вывозить.

В начале 90-х в Казахстане вместе с О. Сосковцом, возглавлявшим Карагандинский металлургический, в должности его зама трудился Владимир Лисин, будущий вице-президент ТСС и главный ее «мотор» в странах СНГ. В 92-м, уже в России, обкатывается схема алюминиевого толлинга, используя которую, ТСС и завоевала рынок (на авторство этой идеи претендовали и члены команды Черного — Рюбен и Сосковец). Суть: инофирма ввозит для переработки в РФ сырье (глинозем) и экспортирует алюминий. Без уплаты пошлин, НДС, спецналога. Отечественное законодательство, налоговики, таможенники не были готовы к изящной схеме превращения алюминиевой промышленности РФ в грязный цех по переработке давальческого сырья.

Государству, расставшемуся с политическими и военными амбициями, уже не нужно было столько истребителей и ложек из крылатого металла для Советской Армии. И свое право снимать сверхприбыли с дешевого российского алюминия (за счет низких издержек на электроэнергию, распилку, амортизацию, экологию) она эксклюзивно передала узкому кругу конкретных

лиц. (Неудивительно, что после этого люди стали гибнуть за металл.)

27.04.92 с уставным фондом 10 тыс. рублей в Москве регистрируется АО «Мирабель». В июне — сентябре 92-го договоры от имени АО подписывает Л. Черной (вице-президентом становится В. Яфасов, расстрелянный 10.04.95 наемными убийцами). Толлинговая схема тогда еще не действовала. «Мирабели» приходится платить пошлины, пробивать документы на вывоз металла. Долги фирмы перед казахстанскими и российскими металлургами растут. Позже, 11.03.93, на счет Новокузнецкого алюминиевого в местном филиале Кузбасспромбанка по подложному авизо, якобы поступившему от АМП «Альфа» (РКЦ ГУ ЦБ РФ по Дагестану), зачисляется 900 120 000 рублей в счет погашения задолженности «Мирабели».

А в августе 92-го первый толлинговый контракт с Красноярским алюминиевым Черной подписывает уже как президент ТСС. В феврале 93-го на выездной коллегии Роскомметаллургии в Красноярске состоялась — при личном участии Сосковца — встреча руководства ТСС с директорами Братского и Красноярского алюминиевых. Местные менеджеры говорили: «Эта фирма приехала от лица правительства». Так ТСС стремительно теснила прежних западных партнеров сибиряков.

В конце 92-го убивают преемника Сосковца на посту главы Кармета А. Свичинского. Но скандалы вокруг Казахстанской Магнитки начались раньше — при Сосковце. Еще в начале 90-х республиканские КГБ и прокуратура раскручивали дело о «темиртауской мафии», на созданном под руководством Олега Николаевича казахско-швейцарском СП «ТСК Стил», сбыва-

шем за границу некондиционный металл. Арестованные давали показания о злоупотреблениях должностных лиц, в т. ч. гендиректора. Дело то оставило много вопросов, но директор Кармета стал в итоге союзным министром. Лисин после Караганды поработал на Павлодарском алюминиевом. В декабре 94-го завод с его рудниками был отдан в управление лондонской WITESWAN Ltd., тесно связанной со все той же TRANS-WORLD METALS.

Лисин и братья Черные также успели потрудиться в фирме эмигранта из СССР Сэма Кислина «Trans-Commodities, Ins» (ТС), работающей в российской черной металлургии. По данным следствия (дело ведет Генпрокуратура), схема деятельности ТС в России была разработана с согласия Сосковца, вполне благосклонно относившегося к ее опыту работы и рекомендовавшего некоторым предприятиям сотрудничать именно с ТС.

Кислин старается дистанцироваться от Черных и ТСС, утверждая, что его фирма ведет только «белый» бизнес. В нашем распоряжении имеются копии документов, дополняющие картину взаимоотношений ТС и ТСС. Кроме того, есть официальная справка по уголовному делу № 117414, подготовленная СК МВД.

2.10.92 на счет ассоциации «Гранд» в московском «Пресня-Банке» по фальшивому авизо, якобы поступившему из красноярского банка «Енисей», зачислено 780 640 000 рублей. За день до этого на бланке ТС за подписью Михаила Черного в «Гранд» уходит письмо, где в счет договора между фирмами Михаил Семенович просит перевести 200 млн. Красноярскому алюминиевому. А в платеже указать: оплата по контракту с ТСС. «Гранд» исполняет.

Через неделю на счет фиктивной фирмы в Уникомбанке по подложному авизо перечисляется 901 млн., которые далее через две фирмы перегоняются вновь в Сибирь как оплата по контракту с ТСС. В эти же дни на счет еще одного фиктивного ТОО — в Кредитпромбанке по фальшивому авизо падает 992 млн. Вновь через «Гранд», вновь по письму М. Черного как руководителя ТС 320 млн. из этой суммы перегоняются в Сибирь как платеж ТСС. Это лишь несколько эпизодов. Итого со 2 по 14 октября 1992 года без отмычек и автоматов похищено 2,7 млрд. (а валютный курс тогда был около 350 целковых за доллар). Действовала и упрощенная схема отмыва, без использования промежуточных фирм. 24.08.92 на счет Ачинского глиноземного в филиале банка «Енисей» по подложному авизо, якобы поступившему из Свердловской области, зачислено 758 300 020 рублей в счет погашения платежа ТСС.

Однако сами ли Черные подписывали документы, составленные от их имени, или нет, — вопрос. Как и то, знал ли Кислин, что в этих аферах использовалось имя ТС. Мистификаций в этой истории достаточно. Ну, скажем, следы многих фальшивых авизо вели в Грозный. И российское руководство позарез нуждалось в доказательствах криминальности дудаевского режима. Почему же — «Известия» этот вопрос уже задавали — при главном металлурге, ставшем вдруг куратором военной операции в Чечне, бомбили первым делом Нацбанк и Минфин, а не скопища «бандформирований»? Почему в те дни камня на камне не осталось от грозненских филиалов московских банков?

Осень 94-го, начало «алюминиевой» проверки. Много разговоров о якобы готовящейся отставке Черномырдина. Сосковец — в наиболее реальных претендентах на премьерство. Вместо Черномырдина он встречает английскую королеву. (В прессе, кстати, сообщается,

что одним из главных спонсоров культурной программы этого визита стала TRANS-WORLD METALS.)

Черномырдин начинает проверку, но Сосковец быстро переводит контроль за ее ходом на себя и регулярно получает отчеты проверяющих. Подключившись к проверке, технолог горячих производств и аппаратный дока стал получать от ФСБ отчеты, где речь шла о таком беспределе в отрасли, о настолько гигантских суммах недоплат в бюджет, что куратору металлургии впору было задуматься о собственном служебном соответствии. Ан нет. Сосковец проявляет беспокойство совершенно иного рода, желая побыстрей закрыть «алюминиевую тему». На его обращение от 19.01.95 Юрий Батурин ответил: поручения президента будут сняты с контроля лишь после завершения проверки алюминиевого комплекса, назначенной Черномырдиным. Получив этот ответ, Олег Николаевич 22 февраля распорядился ускорить завершение проверки и представить соответствующее заключение с проектом доклада президенту. На этот раз срок был отпущен в десять дней.

...Рядовые следователи да и руководители ведомств, привлеченных к этой проверке, неоднократно подчеркивали необходимость создания специальной госкомиссии с широкими полномочиями для изучения ситуации в алюминиевой отрасли. С привлечением Совета безопасности. Предложение принято не было. Ну и зачем, спрашивается, сыщикам «рыть землю», если руководство демонстрирует незаинтересованность в исполнении собственных распоряжений.

В 1995 году Л. Черной направил в МВД РФ письмо, пробуя отвести от себя обвинения. А стоило ли? Граждане мира Черные (на одном месте долго не сидят: ска-

16 Зак. 1281

жем, письмо отправлено из Венесуэлы) могут спать спокойно, даже если и грешны: проверку заволокитили, следствию не видно ни конца ни края. Те многочисленные нарушения таможенного, валютного, налогового законодательства, что выявлены в деятельности структур, контролируемых братьями, видимо, не вдохновили органы на решительные действия. Чего Черные могли опасаться, так это мести со стороны некоторых российских оргпреступных группировок. Но публика уже начала отвыкать от «алюминиевой» драматургии, от серийных убийств на почве металлургической приватизации, от погребальных арий в исполнении господ «калашникова» и «макарова».

Бандиты, пройдя через несколько пределов алюминиевой собственности, отмывают уже не «грязные» деньги, а собственные персоны, рядятся в белые одежды миротворцев. Недавно побожились, что алюминиевая война закончилась, и красноярские смутьяны. Теневой лидер Анатолий Быков, враждовавший с ТСС, стал членом совета директоров Красноярского алюминиевого, выступил с фурором по местному ТВ, неся массам божественное миропонимание. В газетах о нем рассуждают уже как о возможном претенденте на пост губернатора края...

В общем, рука бойцов колоть устала. Но обвинительный приговор Япончику, отставка Сосковца и перемены в российском руководстве могут вызвать перегруппировку сил в российском алюминиевом бизнесе.
(А. Тарасов. — «Известия», 12 июля 1996)

СПОСОБЫ «ПРОРАСТАНИЯ»

Организованная преступность всеми силами старается влезть в банки, то есть легализоваться, ибо банк является самым главным звеном бизнеса: именно здесь получают кредиты — после того, естественно, как будет выяснена престижность, добропорядочность и кредитоспособность человека, обратившегося за ссудой на расширение «производства». Влезть в банк трудно. Приходится искать обходные пути. Их множество. Расскажу об одном лишь способе, весьма, кстати, примитивном: контрразведка мафии находит президента или вице-президента банка, который дружен с одним из посетителей игорных домов. Казино — вотчина мафии. Игрока обкладывают, он просаживается в пух и прах. Мафия выдвигает условие «прощения» — вербовка банковского воротилы.

— Что должен сделать мой друг? — спрашивает банкрот.
— Выполнить вашу просьбу.

— Какую именно?
— Вам проиграет мистер Икс...

— Он никогда не проигрывает...
— Он обязательно проиграет вам. Тридцать или пятьдесят тысяч долларов. Так вот, ваш друг должен дать мистеру Икс банковский заем под проигрыш: ведь карточный долг — это долг чести, не так ли? Он ведь обязан вернуть долг, разве нет?

Мистер Икс послушно проигрывает банкроту (понят-

ное дело, Икс является одним из «лейтенантов» мафии) и обращается к подготовленному банкиру. Тот дает заем мистеру Икс — пятьдесят тысяч долларов, сущие пустяки, безделица. Но это лишь первый шаг, это начало втягивания. Мистер Икс передает десять тысяч — за услуги — бывшему банкроту. Остальные деньги идут в казну мафии.

Все кончается тем, что банк, раздав заем, начинает взыскивать деньги с истинно проигравших, а игроки, мафия, уже получили чистоган. Потом, когда президент банка становится соучастником, начинаются операции по превращению «бумаг», то есть «активов», сплошь и рядом фальшивых, в живые деньги. Под «бумаги» — ручательства, рекомендации, заклады — выплачивают миллионы долларов. А уж эти доллары (полученные легально, из банка, это все можно проверить, это не торговля наркотиками) пускают на приобретение компаний «законного бизнеса».

Сие — лишь один из способов прорастания.
Взятка — рычаг мафии; это другой способ.

Недавно нью-йоркский «Кемикл бэнк» был оштрафован на двести пятьдесят тысяч долларов за то, что утаил от властей денежные сделки на несколько десятков миллионов долларов. Руководство банка представило документы о том, что «Совет наблюдателей» ничего об этом не знал — все было решено на «нижних» этажах; кто-то из клерков получил взятку и провел деньги по счетам, придав, таким образом, законность деньгам мафии. Кто из сошек прокрутил эту операцию, до сих пор не выяснено.

Итак, банк благословил — фирма создана.

Однако пробиться новой фирме трудно — конкуренция невероятная. Тогда босс отдает приказ «заместителю», тот спускает указание «лейтенантам», а уж те отправляют на дело гангстеров.

В ход идут шантаж, угрозы, убийства — если не получается миром. «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» считает, что «по меньшей мере две главные авиакомпании и крупнейшая в стране транспортная фирма поддались давлению рэкетиров в нью-йоркском аэропорту имени Кеннеди и согласились иметь дело с теми поставщиками, которые были одобрены «синдикатом», то есть мафией». Созданная гангстерами фирма, таким образом, получает наибольшее благоприятствование, деньги текут рекою в бронированные золотохранилища «Коза ностры».

Журнал «Тайм» утверждает, что «никто, кроме членов тесно сплоченной группы, не знает, каков действительный размах операций, но, по предположениям органов прокуратуры, валовой доход мафии составляет, по меньшей мере, 48 млрд. долларов в год!!! Чистый же доход, не облагаемый налогом, составляет невероятную сумму в 25 млрд. Для сравнения: крупнейшая промышленная корпорация США ЭКСОН сообщила, что в 1976 году продала на 51 млрд. продукции, а ее чистый доход составил 2,6 млрд. долларов».

В корпорации ЭКСОН служат десятки тысяч рабочих, инженеров, шоферов, техников; сотни тысяч работают на эту компанию опосредованно, через дочерние фирмы.
(Ю. Семенов. Каприччиозо по-сицилийски. — М., 1978)

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ «ГРЯЗНЫХ» ДЕНЕГ

Смысл операции, по версии французского журнала «Эвенман дю жеди», состоит в превращении «грязных» денег в легальные банковские ссуды. На первом этапе «грязные» деньги поступают в различные промежуточные банки мелкими вкладами (этим и занимаются «муравьи»), затем переводятся в «налоговый рай», например на Карибские острова. Затем — серия фиктивных операций между различными банками с целью сделать невозможным выяснение происхождения денег. После этого деньги переводятся в респектабельный банк, чаще всего в Швейцарии, на имя некоей подставной фирмы. Последний этап: по указанию своего клиента (последнее в цепочке подставное общество) швейцарский банк соглашается гарантировать ссуды другого банка, скажем, в США, — а он, в свою очередь, выдает ссуды легальным фирмам, которые в действительности контролируются криминальными организациями.

Изучение зарубежной правовой литературы показывает, что понятие «отмывание» денег разработано и в законодательстве ряда государств. Так, основные элементы этой дефиниции содержатся в Законе США «О борьбе с "отмыванием" денег» от 1986 г. В соответствии с этим нормативным актом финансовая операция рассматривается как «отмывание» денег, если лицо знает, что средства, используемые в такой операции, приносят незаконные доходы, и если это лицо осуществляет эту финансовую деятельность или:

1) намеренно способствует такой незаконной деятельности;

2) знает, что финансовая операция осуществляется для сокрытия или утаивания подлинного характера, источника доходов, местонахождения, владения или распоряжения доходами;

3) знает, что проведение операции необходимо для уклонения от выполнения требований закона, касающихся представления отчета об операции.

Перевозка, перевод, отправление платежных документов считаются также «отмыванием» денег. В законе указывается на то, что перевозка является преступлением, если лицо перевозит незаконно кредитно-денежный документ из одного государства в другое или:

1) намеренно способствует такой незаконной деятельности;

2) знает, что такой документ обеспечивает получение незаконных доходов;

3) знает, что такая перевозка необходима для сокрытия или утаивания подлинного характера, местонахождения, источника доходов, владения или распоряжения ими;

4) знает, что перевозка осуществляется для уклонения от выполнения требований закона в части представления отчета об операции.

«Перемещение» «грязных» денег представляет собой систему многочисленных финансовых операций, при-

званных скрыть первоначальный источник их происхождения. Используемые для этих целей методы включают в себя трансформацию наличности и «внедренных» средств в дорожные чеки, кредитные письма, акции и облигации; покупку с последующей перепродажей предметов длительного пользования (золота, дорогих автомашин и т. п.), «электронный» перевод средств из одной страны в другую и т. д.

Для продвижения средств к основным международным финансовым центрам наркобизнес активно использует страны «финансового рая», в которых отсутствуют:

юридические нормы, обязывающие финансовые структуры хранить информацию об установочных данных на своих клиентов или осуществляемых операциях;

законодательные положения, позволяющие властям получать доступ к этим сведениям;

нормы, в соответствии с которыми власти могут передать имеющиеся у них сведения о личности и операциях клиента другой стране.

Каждое перемещение денежных средств «удаляет» их от первоначального незаконного источника, а задействование в нескольких операциях одной из стран «финансового рая» делает крайне затруднительным выявление «отмываемых» денег в финансовой системе другого государства.

На втором этапе «размещения» «отмытые» денежные

средства внедряются в экономику какой-либо страны, смешиваясь с законным капиталом.

Эксперты ООН несколько иначе определяют стадии «отмывания» денег.

Первая стадия — освобождение от наличных денег и перечисление их на счета подставных лиц. Ими могут быть различные лица. По данным некоторых сотрудников полиции, в практике встречались случаи, когда их роль играли родственники наркодельца, например сестра крупного торговца наркотиками. При этом соблюдается только одно условие: посредники должны иметь собственные счета в банках. В настоящее время наблюдается тенденция к поиску наркомафией посредников, имеющих выходы на международные банки.

Вторая стадия — распределение наличных денежных средств. Они реализуются посредством скупки банковских платежных документов и других ценных бумаг. Разумеется, полиции очень сложно проследить распределение наркодельцами наличных денежных средств. На этой стадии необходимо создавать сеть осведомителей, которые могут сообщать полиции о незаконном обороте денежной массы.

Как показывает зарубежный опыт, распределение наличных денежных средств осуществляется часто в пунктах по обмену валюты, казино и ночных клубах. Учитывая, что в Российской Федерации создаются, а в некоторых регионах страны уже функционируют такие пункты и заведения, сотрудникам милиции, работающим по линии борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, следует

брать их на контроль, особенно пункты по обмену валюты, куда могут приходить лица, совершающие или совершившие преступления, связанные с наркотиками.

Третья стадия — «заметание следов» совершенного преступления. Перед преступником, отмывающим наркодоллары, стоит на этой стадии следующая задача: принять все меры к тому, чтобы постороннее лицо не узнало, откуда получены деньги и с помощью кого они распределены в те или иные учреждения или организации. В целях выполнения этой задачи наркодельцы проводят, как правило, следующие мероприятия:

использование банков для открытия счетов, расположенных, как правило, далеко от места работы и проживания преступников;

перевод денег в страну проживания из-за границы, но уже легально с новых счетов фирм или иных учреждений;

использование подпольной системы банковских счетов.

Следует заметить, что такая система получила большое распространение в государствах Центральной, Восточной и Южной Азии, например в Китае, Индии и Пакистане. Ее суть заключается в том, что любой житель Европы, имеющий отношение к «отмыванию» денег, полученных в результате наркобизнеса, может передать наличные деньги заинтересованному лицу — гражданину другого государства, например Пакистана.

Пенджабец, пуштун или представитель населения этой страны передает европейцу в обмен на деньги свою кредитную карточку, и последний получает на основании этой карточки соответствующую сумму денег на территории Пакистана.

Может устанавливаться и парольная система. Паролем между группировками, занимающимися наркобизнесом в той или иной европейской стране, например в Германии, могут быть две половинки разрезанной купюры достоинством в несколько марок ФРГ. Представитель преступной организации, действующей, например, на территории России, выезжает на встречу с наркодельцами в ФРГ. Обмен информацией или передача денег происходит на основании сличения двух половинок одной и той же денежной купюры, являющейся паролем. Разумеется, такая система действует очень эффективно в преступном мире, поскольку полиции весьма сложно ее раскрыть.

Четвертая стадия — интеграция денежной массы. Известно, что наркодельцы являются очень изощренными людьми, когда речь заходит о бизнесе. Если рынки сбыта того или иного государства могут быть источниками высоких доходов, преступные сообщества (только они в полной мере могут владеть достоверной информацией) вкладывают крупные суммы наркоденег в соответствующие структуры.

Они стремятся легально интегрировать их на счетах фирм, имеющих выходы за рубеж. Для этой цели подходят, например, совместные предприятия. Обычно на такие фирмы устраивают своих доверенных лиц, которые уже легально переправляют крупные суммы за рубеж. Видимо, в настоящее время деньги, полученные посредством наркобизнеса, направляются через

некоторые такие предприятия в Российскую Федерацию и другие государства СНГ.

Следует также учитывать и то обстоятельство, что в ряде зарубежных стран имеются банки, которые не заинтересованы давать полиции соответствующую информацию о своих клиентах. Эта своего рода гарантия, по всей видимости, и интересует клиентов. Речь идет главным образом об оффшорном банковском бизнесе, который считается в настоящее время одним из самых перспективных и, видимо, довольно прибыльных. Одними из основных причин распространенности такого бизнеса являются, видимо, отчисление небольшого дохода, получаемого банками от своих клиентов, в бюджет государства; наличие в числе учредителей банка лиц из местного населения и приглашение некоторых представителей из числа местных граждан на работу в такие учреждения. Малые страны, которые рады любой возможности пополнить свой бюджет, разрешают таким банкам не отвечать на запросы о состоянии счетов своих клиентов. Единственное условие, когда они могут дать информацию о раскрытии счетов своих вкладчиков, — обвинение в «отмывании» денег. Поэтому такие банки ищут только надежных клиентов. Чтобы их заполучить, некоторые банки оплачивают даже проживание своих клиентов в местных гостиницах.

Известный исследователь проблемы борьбы с «отмыванием» денег Паоло Бернаскони полагает, что капиталы проходят через финансовые и банковские учреждения малых стран, а потом их вкладывают в страны, обладающие сильными налоговыми системами, однако так, чтобы нельзя было узнать их реального владельца. Другая же часть этих капиталов камуфлируется, даже не проходя по территории оффшорных стран, правда, при этом используются общества с юридическим адресом в этих странах, но действующие на тер-

ритории других стран, например, используя банковские счета. Типичными являются тысячи оффшорных компаний, имеющих счета в банках Швейцарии, которые открываются, например, на имя анонимных компаний, находящихся (с юридическим адресом) в Панаме, на имя обществ или Anstalten (обществ, учреждений) в Лихтенштейне (или с юридическим адресом в Лихтенштейне) или на имя трестов с местопребыванием (юридическим адресом) на островах пролива Ла-Манш.

Оффшорные территории привлекают к себе внимание прежде всего по двум причинам: очень благоприятный фискальный (налоговый) режим по сравнению с налоговым режимом в индустриально развитых странах и, с другой стороны, юридической системой, обеспечивающей максимальную сдержанность и скрытность для капиталов, вывозимых из своей страны из-за фискальных причин.

Налоговые органы стран с сильной налоговой системой используют, одни официально, другие официозно, «черные списки» этих стран. Для нужд нашего анализа достаточно будет назвать только некоторые из наиболее известных оффшорных территорий:

- в **Европе**: острова пролива Ла-Манш (Джерси, Гернси, Мен), Люксембург, Швейцария, Лихтенштейн, Гибралтар, Ирландия, Мальта и др.;

- в **Америке**: Панама и территории на островах Карибского моря (Багамские, Бермудские, Виргинские острова, Каймановы острова, острова Аруба, Кюрасао и многие другие);

в Азии: Гонконг и Сингапур;
в Африке: Либерия.

Поскольку многие из этих стран не располагают значительными экономическими секторами, их политические власти охотно поддерживают для того, чтобы преодолеть экономическую и национальную отсталость и обеспечить создание и расширение финансового сектора, основывающегося исключительно на возможности обеспечить секретность для капиталовложений, направляемых из других стран.

Финансовая система оффшорных стран предлагает иностранным вкладчикам (инвесторам) много значительных льгот, которые используются и в уголовных целях. Эти льготы по преимуществу направлены на то, чтобы обеспечить иностранным вкладчикам две цели:

а) секретность при возможных расследованиях, ведущихся властями иностранных государств;

б) полное отсутствие ответственности (полную безответственность) по отношению к тем видам деятельности, которыми занимаются, используя оффшорные компании.

Эти две цели достигаются благодаря почти полной чрезмерной снисходительности со стороны законодателей и властей этих стран, что позволяет действовать с максимальной свободой в финансовой и банковских областях, а также в работе самих обществ. Эти преимущества (льготы), представляют две большие категории: первая категория затрагивает нормы функционирования обществ и коммерческой деятельности, вто-

рая категория затрагивает уголовные преступления и международное сотрудничество. Чтобы определить, можно ли страну рассматривать как «налоговое убежище», нужно, однако, не только рассмотреть, существуют или нет законодательные нормы, но также убедиться, существуют или нет власти, которые в состоянии осуществлять действенный контроль за применением или неприменением существующих законов. Некоторые из стран, входящих в категорию «налоговых убежищ», несколько лет тому назад приняли ряд законов, чтобы продемонстрировать свое желание помочь международным силам в борьбе с преступностью. Очень часто легко установить, что эти законы существуют только на бумаге, так как в «налоговых убежищах» контроль, осуществляемый властями, почти полностью неэффективен по отношению к национальным законам по этому поводу.

Многочисленные расследования, проведенные в 1980—1990 годах уголовными судебными властями различных стран, доказали, как еще до сих пор распространено в оффшорных странах создание неконтролируемого запаса капиталов. Речь идет о подлинной «черной кассе», создаваемой самими высокопоставленными руководителями группы многонациональных предприятий вне территории той страны, где находится сама группа, и, как правило, на территории оффшорной страны. Дело в том, что имущество этой «черной кассы» и соответствующая деятельность не учитываются, и в результате консолидированный баланс группы предприятий не отвечает действительности. Вследствие этого судебные власти некоторых стран считают, что отсутствующая отчетность должна наказываться в уголовном порядке как фальсификация документов или как ложная торговая информация о делах общества (см., например, ст. 2621 Итальянского Гражданского кодекса или ст. 152 Швейцарского Уголовного кодекса).

Обычно эта «черная касса» создается и пополняется годами, при этом используется прибыль от срочных (на определенный срок) инвестиций в валюте или ценных бумагах имущества, находящегося за границей, или же используется разница, получаемая от операций по составлению заниженных или завышенных счетов (under-over voicing). Как правило, капиталы из черной кассы используются:

а) для подкупа, осуществляемого наличными деньгами, государственных чиновников иностранных государств, для того, чтобы обеспечить группе предприятий получение важных заданий или рынков;

б) для выплаты руководителям и другим служащим группы предприятий зарплату, не декларируемую ни национальному, ни иностранному фиску;

в) для удовлетворения нужд акционеров группы предприятий, например для осуществления инвестиций, приобретения предприятий и т. п.

Судебные уголовные власти некоторых стран считали как уголовно наказуемые действия по созданию и использованию фондов «черной кассы», рассматривая их как незаконное присвоение или как нечестное управление.

В каждом случае, когда группа предприятий объявляется лопнувшей, это рассматривается как злостное банкротство. Судебные уголовные власти некоторых стран преследуют как уголовное преступление и выпуск оффшорными обществами фиктивных счетов для

того, чтобы дать возможность создать за границей фонды «черной кассы» или же чтобы сделать бухгалтерский документ, который позволил бы оправдать (по крайней мере, формально) использование фондов из «черной кассы».

Сотни оффшорных обществ каждый год выпускают тысячи абсолютно фиктивных счетов, которые служат для осуществления вышеупомянутых целей.

Паоло Бернаскони считает, что, принимая во внимание все время растущее проникновение организованной преступности в законную экономику, следует ждать, что торговые и доверенные общества, которые в разных странах мира представляют свои услуги для того, чтобы обеспечить функционирование «черной кассы», все чаще бывают востребуемы преступными организациями, в частности имеющими колоссальные доходы от преступной деятельности (например, кокаиновые колумбийские картели или мафиозные организации из республик бывшего Советского Союза).

Сегодня политические власти оффшорных стран могут познакомиться с многочисленными мерами, принятыми в международном масштабе. Поэтому многие эти страны изменили свое законодательство в областях уголовной, банковской и относящейся к работе обществ, пытаясь приспособить его к вышеупомянутым международным документам. Однако эти законодательные изменения абсолютно бесполезны, когда речь идет об оффшорных обществах, осуществляющих свою деятельность не на территории оффшорной страны, как это и бывает с подавляющим большинством этих оффшорных компаний. Действительно, общеизвестно, что, например, панамские анонимные общества осуществляют свою деятельность не на территории

Панамы. То же происходит и с учреждениями и обществами Лихтенштейна или же трестами на островах в проливе Ла-Манш. Известно, что все эти оффшорные компании действуют, например, на территории Швейцарии, или Люксембурга, или других стран. Поэтому вышеупомянутый пересмотр законодательства оказывается безрезультатным, потому что власти оффшорных стран не получают никакой информации по поводу деятельности, которая осуществляется оффшорными компаниями за границей, и поэтому против этих компаний никогда не применяются санкции, предусмотренные в новых законах.

(«Грязные деньги» и закон. Сборник. — М., 1994)

ЧАСТЬ II.
ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ В БИЗНЕСЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все можно забрать и вернуть, кроме жизни. А в последнее время вопрос жизни и смерти в бизнесе решается очень просто.

19 июля 1995 года на подмосковной даче был зарезан вице-президент Союза нефтепромышленников Олег Кантор.

19 августа 1995 года при загадочных обстоятельствах в Иртыше утонул гендиректор Омского НПЗ, глава комиссии по бюджетной политике областного законодательного собрания Иван Луцкевич.

4 сентября 1995 года в Перми убит генеральный директор АО «Нефтехимик» Евгений Пантелеймонов.

15 ноября 1995 года в Астрахани тяжело ранен заместитель гендиректора АО «Астраханьгазпром» Юрий Махашвили.

17 ноября 1995 года в Москве убит гендиректор фирмы «Стинол-Нефтегаз» Владимир Срокин.

5 декабря 1995 года в Петрозаводске убит руководитель крупнейшего в Карелии предприятия по торговле нефтепродуктами «Росика» Альберт Аполлонов.

За три с половиной года совершено 84 вооруженных нападения на руководителей и работников российских коммерческих банков. 46 из них погибли.

География «охоты» на банкиров всероссийская. Их убивают не только в Москве и Санкт-Петербурге — в Ростове-на-Дону и Нальчике, Казани и Туапсе...

Правоохранительные органы, посетовали в Ассоциации российских банков, препятствуют огласке фактов и статистики преступлений, направленных против банкирского сословия.

Разногласия в сфере бизнеса решает пуля. Бывший СССР напоминает Америку 1924 — 1936 года. «То, что происходило тогда в США, далеко превосходило любой разгул уголовщины, пережитый когда-либо в Старом и Новом Свете. Многим европейским наблюдателям объяснение этого феномена не казалось сложным. Первую причину они видели в утрированном понимании американцами либерализма, который имел своим последствием ярко выраженный эгоизм каждого индивида, приведший, в свою очередь, к взаимной борьбе по закону джунглей. Вторая причина, по их мнению, крылась в запрете употребления спиртного, в так называемом сухом законе, принятом 16 января 1920 года в целях наивно понимаемого американцами улучшения

мира. Представление о том, что такую колоссальную страну, как США, можно «осушить» законодательным путем, было оторванным от жизни и настолько противоречащим естественным слабостям человеческой натуры, что заранее следовало ожидать нарушений этого запрета. «Сухой закон» рождал соблазн и таил возможности его нарушения путем спекуляции и подпольного изготовления спиртных напитков, способствовал наживе в размере сотен, тысяч, миллионов и млрд. долларов. И, наконец, третья причина, как утверждали наблюдатели, заключалась в социальном и экономическом потрясении, переживаемом Северной Америкой после окончания первой мировой войны. Оно углубило пропасть между бедными, социально обездоленными гражданами и людьми имущими, которые придерживаются бессовестного принципа «хватай, где можешь», подавая тем самым дурной пример неимущим.

Наблюдатели утверждали, что число вооруженных преступников превысило число американских солдат, участвовавших в первой мировой войне.

Бутлегеры организовали производство, доставку и сбыт алкогольных напитков в огромном масштабе. Они подкупали не только полицейских и прокуроров, но и многочисленных агентов государственных организаций, которым по службе было положено осуществлять «сухой закон» и контролировать его выполнение. В конкурентной борьбе бутлегеры открыто, на глазах всего общества устраивали кровавые потасовки с пистолетной и пулеметной стрельбой, взрывами бомб. Длинные процессии за катафалками убитых гангстеров, дорогие гробы, бронзовые урны, цветы на тысячи долларов и десятитысячные толпы, собиравшиеся вдоль улиц во время такого шествия, были частым явлением. Наиболее хитроумные гангстеры находили все

новые и новые пути, ведущие через преступление к богатству».
(Ю. Торвальд. Век криминалистики. — М., 1984).

Огромные прибыли, приносимые незаконной торговлей спиртными напитками, привели к возникновению многочисленных гангстерских банд, не останавливавшихся ни перед чем, чтобы завладеть «товаром» или рынкам. Волна убийств, похищений людей, жестоких расправ и вооруженных столкновений между отдельными бандами захлестнула всю страну. Широкомасштабный бизнес, связанный с производством, транспортировкой и продажей спиртных напитков, привел к созданию организованной структуры той подпольной империи преступного мира, которая впоследствии распространила свое влияние на многие сферы жизни общества.

Гигантские доходы, получаемые от незаконной торговли спиртными напитками, явились финансовой базой для создания системы организованной преступности в США, позволили организовать целую систему подкупа государственных служащих, в том числе в полиции и в других органах, призванных обеспечивать охрану правопорядка и соблюдение законности. В результате преступники стали в определенном смысле неуязвимыми.

Преступная деятельность развивалась в разных сферах. Одной из них стало букмекерство (организация подпольных тотализаторов и всевозможных азартных игр) — гигантское предприятие, финансируемое бандитами. Была создана целая индустрия всякого рода игорных заведений, сосредоточенных в отдельных штатах (в частности, в Неваде, Флориде), и тщательно отработанные системы подпольных лотерей, участниками которых могли быть жители всей страны. Еще

одной формой доходного бизнеса явилось подпольное ростовщичество, получившее название «акульего промысла». Правда, в отличие от «китового промысла», при котором гибнут киты, «акулы» — ростовщики, взимающие чудовищно высокие проценты, — сами жесточайшим образом расправляются с должниками. «Преступный синдикат» усовершенствовал также методы рэкета, охватившего самые различные области жизни общества: от уличной проституции и содержания притонов до производства кинофильмов на голливудских киностудиях. Следует отметить, что с самого начала рэкет распространялся и на законную, и на незаконную деятельность: иначе говоря, бандиты требовали уплаты им «взносов» и с тех, кто честно занимался ремеслом или торговлей, и с тех, кто извлекал доходы из деятельности, запрещенной законом.

Границы между экономической и организованной преступностью размыты. Там, где решаются вопросы, связанные с большими деньгам, всегда найдется работа для киллера... Возьмем, к примеру, «организацию, получившую известность под названием «Банда Багса и Мейера». Возникнув как фирма по прокату автомобилей, она постепенно превратилась в отборную команду боевиков, за деньги охранявших транспорты спиртных напитков или — за особую плату — грабивших конкурентов. Эта группа стала предшественницей «Корпорации убийств» («Мердер инкорпорейтед»).

В 1971 году, отсиживаясь в Израиле и вспоминая дни своей молодости, Лански заявил, что «Банда Багса и Мейера» была всего лишь группой еврейских парней, которую он организовал для защиты других молодых евреев от жестоких ирландских банд. Опасаясь выдворения из Израиля, он всеми возможными способами старался доказать свою преданность еврейскому народу. На самом деле Лански поистине гениально умел

наводить мосты между разными этническими группировками.

Его дружба со «Счастливчиком» Лучиано имела чрезвычайно большое значение для развития организованной преступности. Не менее важным было его сотрудничество с Полом «Официантом» Риккой, занявшим место Торрио — Капоне в Чикаго, с Питером Ликаволи в Детройте, с Фрэнком Милано и «Большим Элом» Полицци в Кливленде. Лански также поддерживал добрые отношения с ирландцами, о чем свидетельствуют их совместная «работа» в нью-йоркских доках, и водил дружбу с такими людьми, как Томас Макгинти и Сэм Гарфилд. Сигел и Лански были отличной парой. Сигел был выше своего друга и на несколько лет моложе. Красивый, агрессивный, неугомонный, он обожал быть в центре внимания, тогда как Лански предпочитал пребывать в тени. В течение многих лет Багси выполнял приказания Мейера; лишь однажды он попробовал поступить по-своему и нажил крупные неприятности: Синдикат обвинил его в неповиновении. Напоминанием о Сигеле остались отель и казино «Фламинго» в Лас-Вегасе».

(Хэнк Мессик, Берт Болдблат. Бандитизм и мафия. — «Иностранная литература», 1992, № 12).

Но каковы бы ни были прибыли от любых видов деятельности в сфере экономической преступности, в том числе и таких ее видов, как незаконное массовое изготовление и сбыт «пиратских» копий видеофильмов или осуществление компьютерных преступлений, почти не поддающихся разоблачению, все же не подлежит сомнению, что основные доходы извлекаются из торговли наркотиками.

В латиноамериканских государствах торговля наркотиками не только влияет определяющим образом на экономику, но и оказывает серьезное воздействие на внутриполитическую жизнь, приводит к падению правительств и смене политических режимов.

Примером этого служат события в Колумбии, где в производство и распространение наркотиков оказались вовлеченными три четверти миллионов жителей. В 1988 году главари колумбийской наркомафии проявили готовность уплатить внешний государственный долг Колумбии, достигающий пятнадцати млрд. долларов, в обмен на отказ правительства от уголовного преследования их деятельности.

Капитал неразборчив в средствах и легко принимает в свои ряды лиц, замешанных как в нелегальной деятельности, так и в экономических преступлениях. И как следствие этого звучат выстрелы.

ВРЕМЯ АЗАРТНЫХ ИГР

Еще до событий в Перл-Харборе поток туристов на Кубу иссяк, и Мейер Лански закрыл свое казино в гаванском отеле «Насьональ». «За счет кубинцев не проживешь», — заявил он.

Но и после Перл-Харбора в Штатах ситуация оставалась неблагоприятной. Прожить за счет «местных мужланов» — по крайней мере, так, как привыкли жить члены синдиката, — было невозможно. Немногочисленные притоны (rug joints), рассчитанные на очень богатых людей, правда, продолжали существовать, а

дешевые кабаки (bust-out joints) — как, например, в Феникс-Сити, штат Алабама, — выкачивали деньги из военнослужащих. Однако исполнение вынашиваемых Лански и его друзьями грандиозных планов пришлось отложить до конца войны. Пока же стоило подумать о черном рынке, где можно было заработать большие деньги. По окончании войны следовало ожидать реакции, подобной той, которая наступила после первой мировой войны, когда множество людей бросилось наверстывать упущенные возможности. Вот тогда придет время азартных игр.

Среди тех, кто ждал наступления этих счастливых дней, были давние соратники Лански по Кливлендскому синдикату. Мо Далиц и компания на протяжении нескольких лет приобретали игорные дома в Кливленде и окрестностях; самым доходным из них был Маундс-клуб. После гибели «Немца Шульца» в 1935 году дельцы преступного бизнеса прибрали к рукам ипподром «Кони-Айленд» на северном берегу реки Огайо, за пределами Цинциннати, и переименовали его в «Ривер Даунс». Кроме того, они вложили деньги в несколько небольших казино поблизости, в том числе в Эрроухед-клуб, владельцем которого вскоре стал Сэм «Игрок» Миллер, специальный уполномоченный по разрешению конфликтов. Зрелище с другого берега мутной Огайо открывалось захватывающее. Ньюпорт и Ковингтон, маленькие городишки, отрезанные от остальной части Кентукки грядой холмов, казались призрачными, хотя на самом деле были вполне реальными этническими и культурными центрами. Эта местность еще в эпоху «сухого закона» получила название «Маленький Мехико». Там царил культ пистолета, а коррупция была распространена не меньше, чем при Джордже Римусе, короле бутлегеров.

По существу, заправилами в ньюпортской империи

азартных игр были бывшие помощники Римуса, Питер Шмидт и Бак Брэди. Шмидту принадлежало самое престижное заведение — Беверли-хиллс-клуб, расположенный к востоку от города у дороги, ведущей во Фрэнкфорт.

Громадное и шикарное казино переманивало клиентов из игорных домов Цинциннати и других городов Огайо. Брэди владел не столь роскошным, но довольно популярным Примроуз-клубом в Уайлдере, предместье Ньюпорта, превосходящим сам городок по размерам. С этим заведением синдикат мог не торопиться. Ясно было, что на пути к завоеванию Кентукки стоит Питер Шмидт: упрямый старый голландец не желал продавать свое дело.

Синдикат решил с помощью местных головорезов сжечь Беверли-хиллс-клуб. Для начала была убита молодая девушка, дочь сторожа, который в межсезонье жил в помещении клуба. Шмидт тем не менее продолжал упорствовать. Он перестроил свое заведение, не скупясь на затраты; на открытие клуба после ремонта были приглашены губернаторы трех штатов. Однако и синдикат не испытывал нужды в деньгах, и «волынка», как говорили местные гангстеры, продолжалась.

Со временем у Шмидта начались трудности с наймом крепких ребят для охраны кассы и клиентов, и он волей-неволей стал брать на работу негров. А многие из свежеиспеченных белых американцев, которым обязательно надо было презирать кого-то, стоящего ниже на социальной лестнице, считали, что снабжать черных автоматическим оружием не только опасно, но и унизительно.

В начале 1940 года Шмидт был вынужден сдаться. Синдикат, приобретя Беверли-хиллс, переоборудовал его и стал приглашать голливудских и бродвейских звезд. Клуб превратился в «национальную достопримечательность», предмет гордости местных жителей.

Завоевание Беверли-хиллс-клуба было всего лишь первым шагом. Синдикат назначил управляющим клубом Сэма Таккера; для него еще был приобретен и принадлежавший Джимми Бринку «Кукаут-хаус» в соседнем Ковингтоне.

Бринк, именовавший себя почетным гражданином Кентукки и коннозаводчиком, называл Таккера «авантюристом из Кливленда», однако противиться не стал, и ему была оставлена небольшая доля дохода. Столь же легко синдикат скупил более скромные игорные дома в центре Ковингтона и Ньюпорта. Один лишь Брэди, не желая расставаться с Примроуз-клубом, оказал сопротивление. После уличной перестрелки, во время которой были изуродованы два автомобиля и на поле боя остался раненый наемник синдиката, Брэди был обнаружен с запасом оружия в близлежащем туалете.

Он заявил, что его вконец затравили. Расчувствовавшиеся главари синдиката щедро заплатили владельцу Примроуза, чтобы он убрался во Флориду.

Азартные игры в Кентукки были строжайше запрещены, однако принадлежащие синдикату притоны функционировали так же открыто, как бакалейные лавки или кафе. Заполучив Беверли-хиллс, банда вскоре пристроила группу своих людей в ньюпортский муниципалитет, где те благополучно продержались двадцать с лишним лет. Куплено было и руководство шта-

та. Губернатор Э. Б. «Везунчик» Чандлер имел в виду не одного себя, когда провозглашал «право ньюпортцев жить в грязи», если им это нравится.

Параллельно синдикат пытался обуздать проституцию и мошенничество, понимая, что нарушение норм морали может вызвать недовольство местного населения и привести к взрыву. На этот раз, правда, главари синдиката столкнулись с большими трудностями. Слишком многих требовалось взять под жесткий контроль, к тому же полицейские, привыкшие взимать дань с игорных домов, не видели причин, почему бы им не собирать мзду с хозяек борделей и владельцев притонов. Публичные дома, впрочем, удалось довольно четко поделить на дневные и ночные. Дневные предназначались в основном для местных бизнесменов, желавших, чтобы их «быстренько обслужили» во время обеденного перерыва или после работы, перед тем как отправиться домой к супруге. Ночные бордели открывались с наступлением темноты, и посещали их приезжавшие в Цинциннати по делам коммивояжеры и юные искатели приключений из Луисвилла и Индианаполиса. По сложившейся традиции ни одну девственницу не допускали «к работе», если она не прошла «проверки» у начальника ньюпортской полиции. Тому даже не надо было далеко ходить: большинство борделей располагалось в соседних с полицейским управлением кварталах. Стоило кому-либо из почтенных граждан пожаловаться на обстановку в городе, ему тотчас напоминали о Беверли-хилл-клубе, об устраиваемых там представлениях с участием звезд и о доходе, который он приносил в казну. «С паршивой овцы хоть шерсти клок», — смирялись обыватели.

(Х. Мессик, Б. Голблат. Бандитизм и мафия. — «Иностранная литература», 1992, № 11-12)

ВАЖНАЯ ПЕРСОНА «ГОРОДА ГРЕЗ»

Тельма Тодд, очаровательная блондинка, кинозвезда первой величины, игравшая роковых женщин, завоевала успех сразу же после выхода на экран фильма «Кабальеро». С такими актрисами, как Теда Бара, Нита Налди и Барбара Ля Марр, она купалась в золотых лучах славы, сверкала на небосклоне Голливуда. Она отличалась спокойствием, умом, упорным стремлением сделать карьеру, а тот факт, что в начале жизненного пути она была учительницей в начальных классах в Лоуэлле (штат Массачусетс), увеличивал интерес к ее личности. Тельма мечтала проехать по жизни в золотой карете. Никакие компромиссы для достижения этой цели не пугали ее, даже роль подставного лица Лаки Лучиано в некоторых мероприятиях. Эта сторона ее жизни никому не была известна. Но любовь явилась причиной того, что она совершила огромную оплошность. Она увлеклась продюсером Роландом Уэстом и доверила ему управление шикарным рестораном, который, хотя и числился за ней, на самом деле принадлежал Чарли Лучиано. Тельма не сочла нужным сообщить об этом своему любовнику, желая пустить ему пыль в глаза. Роланд Уэст благодаря своим связям великолепно вел дело и, естественно, присваивал себе весь доход.

Находясь на вершине славы, опьяненная успехом, Тельма Тодд, по-видимому, стала считать себя неуязвимой. Ужасное заблуждение. Такой человек, как Лучиано, не мог допустить, чтобы его облапошивали как последнего олуха. Лишенный практически ресторана, он поставил вопрос об этом на рассмотрение «суда Кенгуру», который единодушно вынес приговор: смерть Тельме Тодд. Чарли потребовал, чтобы приговор привел в исполнение Батей. Устранение Тодд

должно было пройти без сучка без задоринки, учитывая ее популярность, слухи, которые вызовет ее смерть, неизбежные расследования, которые последуют для того, чтобы успокоить общественное мнение и назвать преступника.

Багси пришлось подчиниться, но он не только не испытывал гордости за оказанное доверие и признание своих заслуг специалистами самой высокой квалификации, но почувствовал себя глубоко обиженным тем, что вынужден довольствоваться второстепенными ролями, тогда как он достоин крупного поста в синдикате. Но не подчиниться решению, вынесенному «судом Кенгуру», он не мог, и ему ничего не оставалось, как отправиться в Лос-Анджелес, что он и сделал. Прибыв на место, он позвонил Тельме и представился как адвокат Лаки Лучиано. Сигелу удалось убедить ее, что, поскольку он приехал, ее отношения с патроном могут быть улажены. Она приняла предложение пообедать с ним на следующий день вечером.

Тельма встретилась с Багси, и он не оставил ее равнодушной. Она очень быстро расслабилась, заказала изысканное меню, в которое вошли голуби с горошком по-французски и свежие зеленые бобы, от которых она была без ума. Благодаря нескольким бокалам шампанского она была без ума уже и от Багси, который бросал на нее полные вожделения взгляды.

— У вас прекрасный рост, вы красивый малый... У вас есть обаяние... Вам следовало бы сниматься в кино, а не заниматься правом, это было бы забавнее.

Багси пожал плечами:
— Ну и что! Это несерьезно... Я знаю многих из тех,

чьи имена красуются на афишах... Например, мой хороший приятель, Джордж Рафт. У меня дела поважнее. Вы знаете. Лаки недоволен.

Она тут же показала когти:
— Послушайте, если надо об этом говорить, поговорим. Когда я приняла «Сайдуок кафе», это был жалкий ресторанчик, который посещали одни бродяги, не оставляя после себя ничего, кроме долгов. Я сделала из него шикарный ресторан-кабаре, прекрасно оборудованный, не уступающий «Малибу» и «Санта Моника». Его посещают все мои подруги — известные актрисы, и делают это ради меня... а теперь появились и миллионеры, желающие поглазеть на их задницы. Все, что сделано, сделано только благодаря Тельме Тодд, так что господин Лучиано мог бы оставить меня в покое. Ему следовало бы сделать мне одолжение в память о тысяче услуг, которые я ему оказала. Не так ли?

Гримаса, появившаяся на лице Багси, не произвела на нее большого впечатления, напротив, он показался ей еще более очаровательным из-за появившихся ямочек на щеках и подбородке.

— Коли он не вспомнил об этих маленьких услугах, значит, они того не стоят. Вы должны вернуть ему его деньги, иначе он может рассердиться...
— Это угроза?

— Помилуйте, я только адвокат, я здесь затем, чтобы уладить дела занятых деловых людей, и потом...

Взгляд Багси стал еще более обольстительным, прежде чем он продолжил фразу:

— Я никогда не забываю ласкового обращения со мной... Вы увидели в этом угрозу? Вы восхитительны и понятливы... Кстати, чем бы нам заняться после обеда?

Тельма прекрасно поняла смысл предложения хотя бы потому, что этот удивительный малый ей нравился.

— Я иду на вечер к Айде Люпино... Послушайте, там будет ваш приятель Джордж Рафт, а также Пол Муни, Кари Грант... О девочках не говорю из ревности. Вы пойдете со мной?

Главным для Багси было оставаться незамеченным, поэтому он поспешил отказаться, подчеркнув, что освободится только к полуночи.

— Тогда, — предложила Тельма, — я также вернусь к этому времени, меня проводит Берт, мой шофер. Гараж будет открыт. Подождите меня внутри. Там стоит «паккард», вы можете устроиться в нем. Я отправлю Берта в город и присоединюсь к вам.

Как сказано, так и сделано. И сделано неплохо.
Генри Серг отыскал вырезку из газеты тех времен. Достаточно познакомиться с ней, чтобы понять, что произошло:

«Большое жюри по делу Тельмы Тодд признало факт самоубийства, отклонив тем самым заключение коронера о том, что имел место несчастный случай.

Установлено, что известная кинозвезда Голливуда была обнаружена мертвой утром в воскресенье 15 декабря 1935 года. Тело находилось на сиденье принадлежащего ей «паккарда», на лице было обнаружено несколько капель засохшей крови, одежда была в некотором беспорядке. Машина стояла в личном боксе Тельмы Тодд в гараже «Сайдуок кафе», которым она управляла совместно с Роландом Уэстом, продюсером и кинорежиссером.

Вскрытие трупа, осуществленное в тот же день, подтвердило, что актриса скончалась от отравления углекислым газом, на рассвете 15 декабря. Среди пищевых продуктов, обнаруженных в желудке, был зеленый горошек и бобы. Расследование, проведенное полицией, показало, что накануне смерти, а точнее, 14 декабря, Тельма Тодд присутствовала на приеме, устроенном другой звезден экрана, Айдой Люпино, в «Трокадеро». На этом приеме, как было установлено, не подавали зеленый горошек и бобы. Кроме того, прежде чем покинуть «Трокадеро», Тельма Тодд заявила своим друзьям, что она не собирается возвращаться к себе, а отправляется на встречу с одним молодым человеком, не уточнив при этом, с кем именно.

Куда отправилась она этой ночью? С кем? Полиция установить этого не смогла. Было выдвинуто три предположения: убийство, несчастный случай, самоубийство.

Первое не привлекло внимания ни следователей, ни Большого жюри.

Второе, наоборот, имело множество сторонников. В самом доле, этой ночью Роланд Уэст, компаньон актрисы, отсутствовал. Кстати, ключи от резиденции Тель-

мы Тодд «Кастилло дель мар» в ее сумочке обнаружить не удалось. Может быть, она их потеряла и, не имея возможности вернуться к себе, укрылась в своем «паккарде» и завела мотор, чтобы спастись от ночного холода? Такая гипотеза представлялась весьма удобной и могла объяснить случайное отравление выхлопными газами.

Но в конце концов верх взяла гипотеза о самоубийстве, которую поддержало Большое жюри. Его решение окончательное, оно означает, что, если Тельма Тодд была все-таки убита каким-то дьявольским способом, ее убийца теперь вне досягаемости, даже если предположить, что кто-то действительно захочет обнаружить его... Все-таки, откуда взялись бобы и зеленый горошек?» Как видно, американских журналистов не так легко обвести вокруг пальца и заставить принять убийство за смерть от несчастного случая. Тем не менее Багси доказал, что он подлинный специалист в осуществлении убийств по заказу. Чисто выполненная «работа» надолго отбила у жителей Голливуда желание сопротивляться оказываемому давлению. На следующей неделе они полностью рассчитались с карточными долгами и долгами за наркотики, выложив внушительные пачки долларов.

Попытка напомнить об этой истории с Тельмой Тодд в тюремной камере вызвала гримасу неодобрения на лице Лаки. Он про себя отметил возрастающее волнение и нервозность Багси. Этот малый начинает давать сбой. За ним придется понаблюдать. Однако следовало признать, что его рэкет в Голливуде с самого начала работает как часы. Багси воспользовался услугами Джорджа Рафта для своего утверждения в качестве главаря гангстеров в Калифорнии, еще одного района, открытого по инициативе Лучиано для деятельности преступного синдиката. Вопреки мнению большинства

Лаки решил доверить его Багси Сигелу, прокомментировав это следующим образом:

— Он лучший из тех, кто остался у нас свободным от дел. Кроме того, я хочу зачитать вам список лиц, нашпигованных монетами, которые всем там заправляют. Его передал мне Лонжи Цвиллман. Вот он: Ирвин Талберг, братья Шелк, Карл Лемле, Джек Кон, Сэмюэл Голдвин, Уильям Фокс, Луис Б. Майер, братья Вернер, Даррил Занук, Адольф Цукор, Давид Зельцник — все самые крупные продюсеры. Есть преуспевающие режиссеры: Фриц Любич, Отто Преминджер, Макс Офюлс, Золтан Корда, целая куча других и, наконец, эти потаскухи — братья Марксы, Дуглас Фербенкс, Чарли Чаплин, Ол Джолсон, Эдвард Робинсон, Джеки Куган, Эдди Кантор, Лун Рейнер, Полетт Годард, Синь Хассо... не говоря уже о музыкантах, у которых в голове только нотные знаки. Вот кого нам назвал наш брат Цвиллман, а он знает тамошнюю публику. Нет нужды объяснять вам, что Голливуд стал местом, где сосредоточены еврейские капиталы. Чтобы добраться до них и выкачать все, что только возможно, необходим исключительно «хороший» еврей, вот поэтому-то мы должны остановиться на Багси.

В день прибытия Сигела Джордж Рафт организовал грандиозный вечер за счет синдиката, поскольку сам он, кроме массивных золотых печаток, никогда не имел в кармане больше одной монеты.

Багси вошел под руку со знаменитой Джин Харлоу, звездой первой величины на небосводе Голливуда. Самые известные кинозвезды во главе с Морисом Шевалье уже прибыли и дружно приветствовали их. Присутствовали Шарль Буайе, Айрис Берри, Роберт Тэйлор, Гарри Купер, Кларк Гейбл, Пол Муни, Рамон Но-

варро, Эдвард Робинсон, Стан Лаурел и Оливер Харди, а также Макс Бротерс, Уолт Дисней, Уолтер Питкин, Бинг Кросби, Эррол Флинн. Среди женщин стоит назвать Марион Дэвис, прибывшую с разрешения У. Херста, который не мог ни в чем отказать синдикату, Минду Дарнелл, Джанетт Макдональд, Джоан Кроуфорд, Бетт Девис, Констанс Беннет, Морен О'Сюлливан, Дороти Ламур.

Этот вечер, бесспорно, был одним из самых блестящих вечеров, организованных в Голливуде, и Шарль Буайе часто любил рассказывать о нем.

Надо признать, что Сигел продемонстрировал выдающиеся организаторские способности. Он сумел перевоплотиться в эдакого симпатичного парня, старался ничем не походить на проходимца, каким был на самом деле, очень сдержанно изображал из себя воспитанного человека с хорошими манерами. Довольно быстро он покорил сердце женщины весьма родовитой, графини Дороти Дендис Тейлор ди Фрассо. Влюбившись в него, она не замедлила ввести его в высшее общество и была в восторге от успеха, которым пользовался ее возлюбленный.

Пользуясь столь надежным прикрытием, Багси Сигел тайно завладел столицей мирового кинематографа, настоящим золотым дном. Поддерживаемый президентом организации Джеком Драна, он активно развернул свою деятельность. Все технические работники кинематографа (операторы, звукооператоры, электрики, гримеры, декораторы, оформители) входили в профсоюз, руководимый Уильямом Бьоффом и Джорджем Брауном, — Международный союз работников театра и кино. Статисты (актеры второго плана и вспомогательные служащие) просто записывались в Централь-

ный актерский отдел, чтобы найти себе работу. Никто не защищал их прав.

Следует отметить, что этот профсоюз даже без особых усилий приносил два миллиона долларов в год двум своим руководителям — Уильяму Бьоффу и Джорджу Брауну.

Сигел приказал привести их в пустой кабинет и рукояткой своего револьвера 45-го калибра зверски избил. Когда они, крича от боли, растянулись на полу, он им объявил:

— Канальи, на этот раз вам удалось избежать смерти... Я добрый малый. Я сохраню вас как вывеску, а так как я значительно увеличу ваши жалкие доходы, вы будете получать не меньше, чем раньше. Если кто-либо из вас заартачится, прирежу его как свинью. Теперь убирайтесь...

Поскольку абсолютное большинство перешло на его сторону, он не замедлил создать в профсоюзе отдельные секции статистов, постановщиков, писателей, авторов трюков, которые до этого были предоставлены сами себе. Багси Сигел держал Голливуд в своих руках. Свою первую демонстрацию силы он провел с Джеком Уорнером, продюсером фильма «Робин Гуд». В последний момент, в день, когда уже начались съемки, Багси отправился к нему и заявил, что все члены профсоюза объявляют забастовку.

— Но мы полностью внесли причитающийся с нас взнос, — возмутился Великий Джек.

— Несомненно, — согласился Багси, — но я чувствую, что с вашей лентой не все в порядке, поэтому необходимо вручить мне двести пятьдесят тысяч долларов наличными, иначе беды не миновать...

Уорнер показал всем своим друзьям-продюсерам отвратительный пример сговорчивости. Но Сигел не ограничился тем, что заставил раскошелиться Уорнера, он отправился к Эрролу Флинну, чтобы сообщить, насколько тому идет костюм Робин Гуда.

— Очень жаль, если толпы обезумевших поклонников не смогут полюбоваться тобой, не правда ли? Я хочу содрать с тебя штраф, потому что я очень завистливый... 25 процентов с суммы твоего контракта. По рукам? Или, может быть, ты не согласен? Прекрасно! Это очень просто делается, старик, я тебе смастерю костюмчик из бетона, который тебе меньше пойдет, чем нынешний, зато тебя найдут совершенно сухим в водах Сакраменто. Уловил?

Эррол уловил очень быстро и согласился. Многие другие также последовали его примеру. Нет смысла называть их имена, поскольку некоторые из них еще живы в памяти поклонников как герои, неизменно побеждающие негодяев и злодеев. А что бы сделали другие на их месте?

Багси провернул успешно еще один шантаж, принесший ему миллион долларов, использовав при этом в качестве посредницы Марион Дэвис. На этот раз жертвой оказался У. Р. Херст. Сигел располагал данными о том, что за четырнадцать лет до этого режиссер Томас Инс, прибыв вместе с Марион Дэвис на празднование своего дня рождения на яхту Херста «Анай-

да», получил вместо подарка прямо в лоб пулю 45-го калибра. Всемогущий Херст замял это дело. Однако у Багси Сигела имелась фотография, на которой был заснят распростертый на полу Инс с огромной дырой в голове. Возможность огласки заставила Херста задуматься. И он заплатил. А его газеты миллионам своих читателей давали только самый минимум информации, касающейся деятельности синдиката.

Багси Сигел стал важной персоной «города грез». Голливуд уступал его натиску, часто из страха, а порой из симпатии, которую внушал этот странный малый. Вместе со своей женой Эстер (которую он почти боготворил), двумя дочерьми, Милисент и Барбарой, пяти и семи лет, очаровательными куклами, не имевшими ни малейшего представления об истинном облике нежного, потакающего им во всем отца, Багси обосновался в шикарном особняке «Холми хилс» из тридцати пяти комнат, с двумя бассейнами и двумя теннисными кортами. Его званые обеды и приемы привлекали массу народа, хотя нужно заметить, что для многих из них посещение было делом обязательным... После того как он захватил власть над миром кинематографа, его честолюбивые планы весьма сильно расширились. В 1938 году Багси уже контролировал азартные игры в Редондо-Бич, тотализатор на скачках в Агуа-Кальенте, на бегах в Кальверт-Сити. На первые же крупные суммы, которые ему удалось заполучить, он приобрел довольно большие прогулочные яхты, которые переоборудовал под плавающие казино. Они стояли на якоре напротив Лос-Анджелеса, достаточно далеко от границы территориальных вод, чтобы не попасть под действие законов, запрещающих азартные игры. Быстроходные катера сновали между яхтами и берегом и привозили любителей острых ощущений.

Его первый помощник Джек Драна оказывал ему вся-

ческую поддержку. Настоящее его имя было Антени Рацциоти, и он лишь чудом уцелел после «Сицилийской вечерни». Ответственный перед мафией за Калифорнию, он только начал налаживать рэкет в этом штате, признав за благо перейти под начало Сигела. Благодаря его удивительным профессиональным данным без должного внимания не оставалась ни одна возможность увеличить доходы.

Что касается самого Сигела, то он заметно изменился. Чем больше становились доходы, тем большей небрежностью стали отличаться его отношения со своими коллегами по синдикату, хотя Абнер Лонжи Цвилльман все чаще стал предупреждать о надвигающейся опасности. Так или иначе, но в одно прекрасное утро прибыл сицилиец с длинным, как у крысы, лицом, маленькими злыми глазками, одетый как служащий Армии спасения, который представился...

— Карло Гамбино... Я из семьи Лаки. Фрэнк Костелло имеет все полномочия босса по контролю за деятельностью и совместно с Лански по контролю за поступлением отчислений в организацию. Я приехал проверить дела и собрать отчисления.

Сигел пустился в долгие разглагольствования о различных капиталовложениях, которые могли, по его мнению, значительно увеличить доходы... Безуспешно. Мафиозо иронически посмотрел на него и с нескрываемым недоброжелательством произнес:

— Ты мне заговариваешь зубы, приятель. Я прибыл за монетами. Ты платишь, и точка. Если у тебя есть предложения, то отправляйся к Лаки, прихватив с собой кое-что в кубышке, чтобы порадовать его.

Как мы уже видели, Бенджамин Сигел так и поступил. Но единственно, чего он добился, — так это того, что Калифорния осталась полностью в его ведении, тогда как Цвиллман снова вернулся в Нью-Джерси

(Ж. М. Шарлье, Ж. Марсилли. Преступный синдикат. — М., 1990).

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВАХ В ПЕЩЕРЕ

Оно началось с таинственного исчезновения и вскоре переросло в причудливую историю о марихуане и убийстве.

Поздним утром 23 января 1977 года сестры Макадамс — шестнадцатилетняя Шейла и четырнадцатилетняя Сэнди — вышли из своего дома в окрестностях Панама-Сити. Этот курортный город расположен на побережье северо-западной части штата Флорида. Сопровождал сестер Дуглас Худ, двадцати одного года. Худ посадил девушек в голубой пикап, и они поехали к его другу Джорджу Симсу, тридцати девяти лет, отбывшему ранее срок тюремного заключения.

Они подъехали к бару на 98-й федеральной автостраде, идущей на восток вдоль побережья. Девушки остались сидеть в автомобиле, а Худ зашел в бар и приветствовал Симса.

«Я привез их», — сказал он с гордостью.
Симс поставил стакан на стойку и сообщил друзьям, что скоро вернется. Они видели, как Симс и Худ влез-

ли в пикап и машина уехала. Однако в бар Симс так и не вернулся. Не вернулся он и домой, где жена ждала его к ужину. Не вернулись домой ни Худ, ни сестры.

Когда на следующее утро эта четверка так и не нашлась, кое-кто в городе недоуменно сдвинул брови. Город и его окрестности считали местом, где свято придерживаются библейских заповедей, но, насмехаясь над свободными нравами туристов, горожане, вероятно, стали более терпимы к проступкам своих сограждан. К тому же этих отсутствующих совершенно нельзя было причислить к числу выдающихся граждан города, и никто, кроме их семей, не был чрезмерно обеспокоен их отсутствием.

Однако всякое желание позлословить на тему, что бы это могло значить, полностью исчезло, когда пронесся слух, что в уединенной бухте Сэнди-крик обнаружен тайник с марихуаной. Тайник располагался в нескольких милях от города в том месте, где Сэнди-крик граничила с заливом Ист-Бэй. Там нашли полузатопленную лодку и тридцать один мешок с «травкой». На тайник случайно наткнулся рыбак.

Потрясающе! Подобные вещи были обычными в окрестностях Форт-Лодердейла, но Золотой берег находился в шестистах милях от Панама-Сити и никогда не был частью полуострова Флорида. Гарри Трумэн, прости господь его соленый язык, даже спросил однажды, является ли Панама-Сити вообще частью Соединенных Штатов?

Друзья Симса вспомнили, что он был страстным рыболовом и любил рыбачить в Сэнди-крик, но их предположение, что Симс и его спутники могли попасть в ру-

ки контрабандистов, не было принято во внимание. Таких вещей на здешних пляжах не случалось.

Прошло четыре дня, и появились основания для новых размышлений. Ловцы креветок из окрестностей Сент-Питерсберга сообщили, что видели шестидесятифунтовое судно для ловли креветок под названием «Гансмоук», которое затонуло около 4.30 утра. Глубина в том месте составляла 82 фута. На тонущем судне никого не заметили, на его палубе стояли три небольшие лодки, а каюта, по-видимому, была закупорена. Вокруг места гибели судна плавали мешки с марихуаной.

Тут даже самые простодушные не могли не связать «травку», найденную у Сэнди-крик, с марихуаной, плавающей в семнадцати милях от Сент-Питерсберга. И было еще одно обстоятельство: в 6.30 утра 27 января, всего через два часа после того, как затонул «Гансмоук», от причала в Апалачикола, милях в пятидесяти от федеральной автострады № 98, начинающейся в Панама-Сити, отошла шестидесятифунтовая яхта «Пирэйтс леди». Она направилась к югу на полной скорости, и ее владелец Чарльз Слэтер был озадачен этим, пожалуй, более, чем любой другой. Когда яхта так и не вернулась, Слэтер подытожил известные ему факты и пришел к выводу, что его яхту украла команда «Гансмоука» после того, как ее постигла неудача у Сэнди-крик.

Что же случилось потом? Людям, интересовавшимся этим, пришлось подождать семь месяцев, чтобы получить ответ.

Следующий акт этой таинственной драмы произошел в 150 милях к востоку от Панама-Сити, в графстве Тей-

лор, в том месте, где, собственно, и начинается флоридский полуостров. 7 августа 1977 года два молодых человека с аквалангами решили исследовать пещеру, ведущую к подземной части реки Аукилла. Пещера находилась в пяти милях северной автострады № 98, в отдаленной западной части графства, и добраться до нее можно было только по грунтовой дороге.

Дж. В. Приджин и Леймер Инглиш надеялись обнаружить остатки материальной культуры древних индейцев, которые часто находили в таких же пещерах в этом районе. Спустившись футов на сорок вниз, они увидели что-то странное и подплыли поближе. Это было разложившееся тело человека, рот которого был заткнут кляпом.

Рядом плавали другие тела.
Юноши тотчас вынырнули и поспешили к шерифу. По пути они высказали друг другу предположение, что, вероятно, люди в пещере увидели перед смертью что-то такое, что им не полагалось видеть.

Шерифы двух графств, водолазы из флоридского управления уголовной полиции, десятка два зевак и даже автобус с маленькими детьми, проезжавшими мимо, присутствовали при том, как были подняты три трупа и части четвертого. Первым опознали Симса. Отбывая тюремное наказание, он не раз обращался к зубному врачу, и снимки его зубов находились в досье управления штата по исправлению правонарушителей. Худ был опознан по рентгеновскому снимку ключицы, который хранился в его деле у врача в Панама-Сити. Достаточно много сохранилось и от Шэйлы Макадамс, чтобы ее смогли идентифицировать. Практически ничего не осталось от ее сестры Сэнди, и идентифицировать ее остатки так и не смогли, но никто не

сомневался, что именно она лежала в мрачной глубине этой черной дыры.

Установили, что Худу и Шейле заткнули рты кляпом и выстрелили в затылок, после чего сбросили вниз, привязав к бетонным блокам. Симс был без кляпа, его убили, выстрелив в грудь. Как умерла Сэнди, определить не смогли.

Теперь уже было легко увязать эти четыре смерти с операцией контрабандистов у Сэнди-крик, но кто был убийцей, оставалось тайной. И тут пришло сообщение, что в тот же день, когда нашли тела, исчез Питер Ван Эструп.

Эструп, тридцатисемилетний строительный подрядчик из Сарасоты, был владельцем «Гансмоука», судна для ловли креветок, которое в январе затонуло около Сент-Питерсберга с грузом марихуаны. Эструп купил это судно в 1976 году за 50 000 долларов.

Подумав, следователи решили, что было бы правильно взглянуть на затопленное судно. Это потребовало значительных усилий, но помог сенатор Ричард Стоун, заручившийся помощью Национального управления по исследованию океана и атмосферы (НУОА).

НУОА выделило суда, соединенные стальным тросом длиною в три четверти мили. Траление морского дна в окрестностях Сент-Питерсберга началось в ноябре. На второй день поисков трос за что-то зацепился. Водолазы флоридского морского патруля спустились под воду и определили, что найденный объект — «Гансмоук». Они пробили себе дорогу на судно через паутину

сетей, которыми, очевидно, обвешали судно, пытаясь замаскировать его. Никаких тел на борту «Гансмоука» не было. В наличии оказались лишь тонны марихуаны.

В следующие несколько недель по Панама-Сити распространились несколько странные слухи, касающиеся причастности к этому делу двойного агента — осведомителя ФБР, коррупции должностных лиц и тщательного сокрытия фактов. Слухам был придан официальный характер, когда 30 ноября 1977 года Большое жюри графства Бей (Панама-Сити) высказалось по поводу обвинений в убийстве в потрясшем всех заявлении.

Убийства могли бы не произойти, заявило Большое жюри, если бы ФБР и флоридское управление уголовной полиции не были бы замешаны в деле с контрабандой марихуаны.

«Нами была получена определенная информация, — говорилось в заявлении, — которая показывает ужасающее равнодушное отношение флоридского управления уголовной полиции и ФБР к миру, порядку и безопасности граждан этого графства и штата Флорида».

Обвинения в тяжком убийстве первой степени были предъявлены Уолтеру Дж. Стайнхорсту из Лайв-Ока и Дэвиду М. Губвину из Мерит-Айленда. В тяжком убийстве третьей степени были предъявлены обвинения Ллойду Э. Вудсу из Перри и Дэвиду Ф. Кейпо из Кортеза. Большое жюри указало, что обвинение в тяжком убийстве третьей степени против Кристофера Д. Гудвина было снято в обмен на дачу им показаний.

Тем временем федеральное Большое жюри в Талла-

хасси предъявило обвинение этой же пятерке и еще четырем лицами в преступном сговоре и хранении марихуаны. Среди новых обвиняемых был и Эсруп, владелец «Гансмоука», который сдался властям после того, как было определено местонахождение его затонувшего судна.

Гораздо больше информации поступило во время открытого судебного слушания дела в Панама-Сити. Прокурор штата в графстве Бей Лео Джоунс расшифровал заявление Большого жюри, сообщив, что все началось с того, как ФБР дало Бобби Вайнзу, управляющему баром в Таллахасси, пятьдесят долларов и велело ему поехать в рыбацкую деревушку Кортез, чтобы начать готовить операцию по контрабанде наркотиков. Это заняло у Вайнза несколько месяцев, но в январе он наконец позвонил в ФБР и сообщил: «Мы взялись за дело. Мы в Панама-Сити и готовы начать» Или же это придумал прокурор Джоунс.

Марихуану, как сообщил прокурор, ссылаясь на Вайнза, доставили днем позже, и две пары случайно натолкнулись на место ее выгрузки. Один человек — Симс — был застрелен на месте. Трем остальным заткнули рты, связали и оттащили в грузовик с марихуаной. К этому моменту успели принять только половину марихуаны из сорока тонн, находящихся на борту «Гансмоук», но началась паника, лодка, перевозившая груз с судна на берег, была затоплена, и выгрузка прекратилась.

Джоунс процитировал слова Вайнза: «Я искал агентов ФБР, потому что чувствовал, что они где-то рядом. Когда я их не обнаружил, я испугался, ведь я просил их быть поблизости. Боже, ведь я сказал этим парням о том, что сегодня выгрузка, и вдруг убили человека...»

Прокурор штата заявил, что флоридское управление уголовной полиции «знало о Вайнзе», и обвинил этот орган в «несообразностях и лжи» при ведении следствия.

Как ФБР, так и флоридское управление уголовной полиции отрицали, что заранее знали о выгрузке контрабанды. Помощник министра юстиции США Дон Модеситт выступил по этому поводу с тщательно взвешенным заявлением: «Вайнз не работал в качестве агента ФБР в то время, когда проинформировал ФБР о времени и месте проведения операции с наркотиками».

Если жители Панама-Сити и оказались немного смущены, то на это были свои причины. Для многих из них ФБР всегда было таким федеральным органом, который просто не может поступать неправильно. К тому же у жителей была и очень сильная вера в то, что местные правоохранительные органы являются самыми лучшими.

Ведь даже когда конгресс США потребовал нового подхода к проблеме борьбы с наркотиками, он рекомендовал использовать «опыт ФБР», не так ли?

Губернатор Рубин Эскью, уроженец здешних мест, для расследования обвинения Джоунса и заявления Большого жюри графства Бей назначил специального следователя из Джэксонвилла, дав ему шесть месяцев на установление истины. Джоунс, которому отказали во встрече с Эскью, отреагировал на это тем, что потребовал, чтобы специальный агент ФБР Дон Болдвин, названный в качестве человека, который «контролировал» секретную информацию, дал показания на судебном заседании, открытом для представителей прессы.

Болдвин отказался и был поддержан в этом Модеситтом. Тогда нерастерявшийся Джоунс попросил окружного судью Ларри Смита арестовать Вайнза и Болдвина за неуважение к суду. Смит отказался, но выдал приказ, чтобы эти двое были допрошены в закрытом судебном заседании.

Каким-то путем некоторые из этих засекреченных показаний попали в газеты, которые опубликовали их 9 января 1978 года. Суть публикаций сводилась к тому, что специальный агент Болдвин не только был информирован о предстоящей выгрузке марихуаны в Сэндикрик, но и получил сообщение Вайнза после совершения убийств. Рассказав агенту все, потрясенный Вайнз предложил заплатить ему 10 000 долларов, лишь бы тот сохранил в тайне эту операцию. Но, заподозрив ловушку, Вайнз не принес на намеченную встречу деньги. Болдвин же заявил, что он и не собирался брать эти деньги.

Газеты, ссылаясь на эти же закрытые показания, сообщили, что ФБР расследовало роль Болдвина в этом деле и постаралось ее тщательно закамуфлировать.

Узнав о газетных публикациях, Модеситт пришел в ярость и примчался в Панама-Сити, чтобы попросить судью Смита арестовать Джоунса за неуважение к суду, выразившееся в разглашении части секретных показаний. Через три часа Большое жюри графства Бей, извещенное Джоунсом о происходящем, собралось на обычное заседание и вдруг выпустило «самопроизвольный залп» по федеральным агентам штата, обвинив их в неправильном ведении дела.

«Нас, — говорилось в официальном заявлении Боль-

шого жюри, — устрашили безобразия и общая незаинтересованность, проявленные нашими выборными и назначенными должностными лицами.

Мы хотим тщательно перепроверить каждое слово нашего первого заявления и доказать, что оно было сделано только по воле нашего Большого жюри и принято нами единодушно, на основе данных нам под присягой показаний», — заключило Большое жюри.

Судья Смит отказался арестовать Джоунса за неуважение к суду, поэтому Модеситт вернулся в Таллахасси, чтобы руководить расследованием по делу о контрабанде. Процесс по нему состоялся в начале февраля 1978 года под председательством окружного судьи Уильяма Стэффорда. Модесситт сообщил, что операцией по контрабанде полностью «руководил» Вайнз, которого Модеситт назвал «случайным осведомителем ФБР».

Адвокат Эдвин Марджер из Атланты, защищавший братьев Лакифар — Томаса, Стивена и Ли — из Мичигана, доказывал, что его клиенты были вовлечены в это преступление Вайнзом, работавшим в тесном контакте с Болдвином. Он также утверждал, что Вайнзу не только был предоставлен иммунитет и он не привлекался к уголовной ответственности, но ему также было разрешено оставить себе 140 000 долларов, которые он получил в качестве своей доли за выгруженную на берег и затем проданную марихуану.

В ходе судебного процесса сложилась до некоторой степени любопытная ситуация. Клиенты Марджера были профессиональными контрабандистами наркотиков и к моменту начала слушания своего дела уже от-

бывали тюремное заключение в Луизиане по ранее вынесенному приговору. Марджер решил, что ему лучше всего ориентироваться на Джунса, выговорив в обмен на информацию иммунитет для своих клиентов по делу об убийствах, ибо прокурор штата вполне мог предъявить братьям Лакифар обвинения в убийстве. Однако из-за враждебных отношений, развившихся между Джоунсом и Модеситтом, это сотрудничество с юстицией не помогло бы Лакифарам в ходе слушания федерального дела о контрабанде. Сотрудничество могло повредить, но в любом случае Марджер мог бы с некоторой логикой утверждать, что избрал меньшее из двух зол. Лучше провести некоторое время в тюрьме, если это уж так необходимо, чем получить смертный приговор.

Незадолго до окончания процесса Марджер изменил тактику. Предоставив другим обвиняемым заявить, что они были завлечены в ловушку, он стало утверждать, что его клиенты действительно работали с Вайнзом, чтобы помочь ему и тем самым развязать руки ФБР. Если Вайнз действительно действовал по заданию Болдвина, то тогда и Лакифары действовали по заданию Вайнза.

Когда обвинение закончило представление доказательств, судья Стэффорд отклонил обвинение против владельца «Гансмоука». Свое решение он мотивировал тем, что флоридское управление уголовной полиции проявило явную небрежность при проведении опознания капитана судна, доставившего контрабанду. После того как несколько свидетелей показали, что на берегу той ночью было слишком темно, чтобы разглядеть что-либо, кроме того, что капитан был с бородой, им предъявили для опознания фотографии. На всех фотографиях, кроме одной, были изображены чисто выбритые люди. Поэтому свидетелем было легко указать на

фотографию Эструпа как на фотографию капитана. Судья признал проведенное подобным образом опознание недействительным и, поскольку других улик причастности Эструпа представлено не было, отклонил обвинение. Подрядчик вышел на свободу. Джоунс, настаивавший на признании его виновным в тяжком убийстве третьей степени, был принужден принять это как должное.

Болдвин был вызван в суд как свидетель защиты и в свою собственную защиту заявил:

«У нас (у ФБР) не было там никаких осведомителей. Я никогда не говорил мистеру Вайнзу, чтобы он проявлял активность. Я узнал о его деятельности только после того, как все уже произошло».

Вайнз, конечно, представил то же самое совершенно по-другому. Не было сказано ни одного слова об убийствах, ибо прокурор и оба защитника обязаны были старательно делать вид, что присяжные ничего не знают. Наибольшую помощь правительству оказали два ранее уже признанных виновными контрабандиста, которые подтвердили, что все подсудимые, кроме Эструпа, находились в ночь выгрузки марихуаны у бухты Сэнди-крик.

Когда слушание дела было закончено, жюри присяжных, состоящее из шести мужчин и шести женщин, совещалось десять часов и вынесло вердикт, достойный этого странного дела. Четверо подсудимых, непосредственно привлеченных Вайнзом к участию в этом предприятии, были оправданы — Стайнхорст, Вудс и оба брата Гудвины. Виновными признаны клиенты Марджера — братья Лакифар и Кейпо, которого сочли

лицом, финансировавшим операцию с контрабандой.

«Жюри присяжных признало виновными контрабандистов-чужаков, — резюмировал Модеситт, — и отпустило местных парней».

Более уместным, возможно, представлялся вывод, что жюри присяжных поверило в спорную теорию о ловушке, устроенной ФБР через Вайнза, и отвергло доводы защитника Марджера о том, что и его клиенты косвенно помогали ФБР в сборе необходимой ему информации. Юрист из Атланты заявил, что это было его первое поражение в федеральном суде за четверть века и повинным в нем он считает «феноменальное» освещение дела, данное местной прессой.

Судья Стэффорд приговорил Кейпо к четырем годам тюремного заключения с уплатой 20 000 долларов штрафа. Возможно, сознавая, что благодаря своему адвокату братья Лакифар избежали суда по обвинению в убийстве, судья приговорил каждого из них к десятилетнему тюремному заключению с уплатой 30 000 долларов. Два других контрабандиста, признавших себя виновными, получили по пять лет тюрьмы с отсрочкой исполнения приговора.

Теперь место действия перенеслось в Панама-Сити, но прокурор штата Джоунс попросил отложить процесс до 24 апреля. Тем временем было покончено еще с одной загадкой: найден пикап, на котором уехали будущие жертвы.

Вопрос о том, куда делся пикап, был задан еще в январе, но, несмотря на информацию братьев Лакифар,

утверждавших, что он был брошен в лесу около Сэнди-крик, его так и не нашли. Однако братья ошибались. Действуя на основе сведений, полученных от одного из проходящих по делу контрабандистов, сотрудники флоридского морского патруля и уголовной полиции поехали к другой заполненной водой пещере, милях в полутора от той, где нашли тела. Они бросили в воду магнит, привязанный к леске, и на глубине в сорок пять футов магнит притянулся к металлу. Водолазы закрепили трос, и пикап был поднят на поверхность вместе с привязанными к нему проволокой бетонными блоками.

К моменту окончания подготовки к процессу об убийстве Джоунс несколько изменил свою тактику. Обвинения в тяжком убийстве третьей степени были сняты с тех, к кому до того предъявили, в обмен на то, что они дадут показания против трех остальных обвиняемых. Отдельные слушания назначены для рассмотрения дела Уолтера Стайнхорста и Дэвида Гудвина. Третий обвиняемый, Чарли Хьюгс, не был найден.

Процесс Стайнхорста начался под председательством Джеймса Эдкинса, члена Верховного суда штата Флорида. Однако, несмотря на его присутствие, в маленьком зале судебного заседания в Сент-Эндрюз-Бэй царила весьма домашняя обстановка. Джоунс в своей открывающей процесс речи при большом стечении публики обрисовал в общих чертах детали убийства.

Стайнхорст, сказал он, стоял на страже, пока марихуану выгружали с «Гансмоука». В это время подъехали Симс, Худ и две сестры. Стайнхорст остановил машину и велел Симсу убираться. Бывший заключенный по каким-то побуждениям отказался это сделать. «Тогда Стайнхорст застрелил его на месте».

После этого Стайнхорст позвал на помощь. Среди явившихся на его зов был Вайнз, осведомитель ФБР, который и охранял так некстати появившихся незваных гостей, пока Дэвид Гудвин искал веревку. Худа и девушек связали, заткнули рты, погрузили в пикап вместе с телом Симса и отвезли за 125 миль, к пещере на границе с графством Тейлор. Там их убили выстрелами в голову. К телам привязали бетонные блоки и сбросили в глубокую пещеру, надеясь, что там их не найдут. Убийцы переоделись и вернулись к Сэндикрик, где восход солнца заставил контрабандистов прекратить выгрузку, хотя половина марихуаны все еще оставалась на борту «Гансмоука».

Первым дал показания Вайнз, хорошо одетый и энергичный человек, настойчиво утверждавший, что он руководил этой контрабандистской операцией с ведома и разрешения ФБР. Он также спокойно заявил, что действительно получил прибыль в 140 000 долларов после продажи марихуаны, выгруженной в ту полную событий ночь.

Журналисты заметили, что Стайнхорст, державший в Лайв-Ок ферму по разведению свиней, имел «вид ученого»: темные очки, изящный костюм и лысина. Его густые усы в стиле «солдата удачи» повторяли изгиб верхней губы и гармонировали с густыми бакенбардами.

В своем заключительном выступлении в пользу Стайнхорста его адвокат Клиффорд Дэвис утверждал, что, «может быть, половина Панама-Сити знала о разгрузке наркотика. Очевидно, те четверо подъехали к Сэнди-крик, чтобы получить наркотики у своих друзей Криса и Дэвида Гудвинов. Как все мы знаем, Симс пошел к ним, но по пути вступил в спор».

Это не сработало. Жюри присяжных совещалось 4 мая 1978 года с десяти утра до семи вечера. Стайнхорст не выказал никаких эмоций, когда его признали виновным в четырех убийствах. По трем пунктам обвинительного акта был рекомендован приговор к смертной казни, а по четвертому пожизненное заключение.

Стайнхорст не был местным уроженцем. Пойдут ли лучше дела у Дэвида Гудвина, уроженца Панама-Сити, 31 года? Через двадцать четыре дня в том же зале на это был дан ответ. На глазах сидящих в зале тридцати родственников Гудвина по трем пунктам обвинительного акта он признан виновным в тяжком убийстве первой степени. С него снято обвинение в участии в убийстве Симса. Судья Эдкинс приказал очистить зал судебного заседания. Никогда за свою жизнь, сказал он позже, он не видел такого взрыва эмоций. Гудвин оставался спокоен, а его плачущие родственники выскакивали из зала, громко хлопая дверью. Гудвин признал, что был на месте преступления, но показал, что убийства совершали Стайнхорст и все еще не найденный Хьюгс.

Судебное разбирательство не ответило на многие вопросы, главным из которых, возможно, является следующий: восторжествовала ли справедливость?

Той ночью у Сэнди-крик было, по меньшей мере, пятнадцать человек, участвовавших в контрабандистской операции. Из этого числа Джоунс добился осуждения двух человек за убийства, а Модеситт — четырех за контрабанду. Остальные отделались легким наказанием, или им был предоставлен иммунитет и они не привлекались к уголовной ответственности в обмен на сотрудничество. Когда вспомнишь, что весь план был детищем осведомителя ФБР, наказание шести человек

из пятнадцати не слишком впечатляет. Осведомитель же Вайнз не только избежал наказания, но и положил в карман около 14 000 долларов.

Справедливо? Конечно, нет.
Вопрос о том, как много знал специальный агент ФБР Болдвин и когда он узнал о происшедшем, так и остался без ответа. Как писал репортер газеты «Ньюс геральд»: «Это были бы показания контрабандиста наркотиков против агента ФБР».

Но, даже не затрагивая эту сторону дела, в суде не обсуждался тот факт, что Вайнз был осведомителем ФБР, однако за восемь месяцев, прошедших со времени после совершения убийств до обнаружения тел, не было никакого сдвига в расследовании, хотя Вайнз и знал все. Полиция графства Бей не принимала никакого участия в расследовании, удовлетворившись тем, что отнесла его к разряду дел, подследственных федеральным органам. Только после обнаружения жертв начала действовать флоридская уголовная полиция. Если прокурор штата Джоунс не воспользовался представившейся ему возможностью сделать себе имя, странные взаимоотношения Вайнза и Болдвина могли бы навсегда остаться неизвестными общественности.

А что же с расследованием, которое распорядился провести губернатор Эскью, чтобы разрешить все сомнения? Его провел Ральф Грин, помощник специального прокурора Эда Остина, и о результатах пообещал сообщить после завершения процессов по убийствам, но вдруг никто не захотел говорить об этом. Темное дело. Вся правда о нем могла бы разрушить веру в законность. Среди нерешенных был и вопрос о судьбе яхты «Пирэйтс леди». Очевидно, сочли, что ее исчезновение никак не могло быть связано с контрабандис-

тами из Сэнди-крик. Но почему же так решили? Оказывается, потому, что предположили, что яхту украли другие контрабандисты наркотиков, перегнавшие ее в воды Карибского моря.

Во всех отношениях запутанное дело. Стоит вспомнить слова помощника шерифа графства Тейлор, проведшего несколько ночей в карауле возле пещеры, где были найдены четыре тела: «Это самое спокойное место в мире».
(Х. Мессик. Боссы преступного мира. — М., 1990)

СЛЕД ВЕДЕТ В МЕКСИКУ

Полицейская облава, проведенная 16 октября 1963 года в 18-м участке алжирского квартала Парижа, была первой за много месяцев, однако не представляла собой ничего необычного. Во время разгоревшейся в Алжире борьбы за свободу и независимость в этом квартале чуть ли не ежедневно гудели полицейские сирены и ходуном ходили резиновые дубинки. В последние годы облавы стали реже, теперь их устраивали только после очередного покушения на президента республики де Голля перед ожидаемым приездом какого-нибудь высокого иностранного гостя. В этих случаях тайная полиция задерживала по соображениям безопасности сотни две мужчин и женщин, которых через несколько дней снова отпускала, если при проверке случайно не обнаруживалось, что тот или иной из задержанных разыскивается за какое-либо преступление.

Так же протекала облава и 14 ноября 1963 года. Несколько десятков полицейских в допотопных французс-

ских стальных шлемах сгоняли в одно место население дома, проверяли паспорта, обшаривали наугад чью-нибудь квартиру и шли в следующий дом. Ни проверяемые, ни сами полицейские не знали, что поводом к облаве послужил анонимный звонок в политическую полицию.

Неизвестный сообщил, что в алжирском квартале скрываются шестеро прибывших из Африки агентов, замышляющих покушение на де Голля. Это ничем не подтвержденное, и, как позднее выяснилось, преследовавшее совсем иную цель сообщение подняло на ноги 200 полицейских и несколько десятков шпиков, которые перерыли весь квартал, но безуспешно. Только в трактире на рю Лепеврер произошел инцидент, однако он, казалось, не имел к облаве никакого отношения. Какой-то пьяный матрос отказался предъявить документы полицейскому Журдену. Не желая поднимать шум, Журден примирительно положил матросу руку на плечо и сказал, что не помешает его веселиться — пусть только покажет свои бумаги. Без всякого злого умысла он потянулся затем к нагрудному карману моряка за паспортом. Но тут моряк неожиданно ударил его по руке. В тот же миг двое других полицейских кинулись Журдену на помощь и заломили моряку руки за спину. Журден взял его паспорт и стал ощупывать карманы, проверяя, нет ли оружия. При этом он наткнулся на привязанный к ноге моряка плотно набитый мешочек и, сразу заподозрил, что там может быть, спросил: — «Снег?»

Моряк скорчил обиженную мину. Журден неторопливо развязал мешочек и указательным пальцем зачерпнул немного порошка. Кончик пальца сразу побелел, точно покрылся свежим снегом. Журден понюхал палец, осторожно лизнул и с удовольствием кивнул: несомненно, наркотик!

— Кокаин или героин?

Моряк не ответил.
— Ну, в лаборатории это живо выяснят, — проворчал полицейский и подал своим товарищам знак увести матроса.

Тот неожиданно легко подчинился, став вдруг покорным как овечка. С его губ не сорвалось даже намека на ругательство. Более того, он с улыбкой позволил усадить себя в стоявший наготове полицейский автомобиль, точно только того и ждал, чтобы попасть с поличным в руки представителей власти.

Торговля наркотиками доставляла парижской полиции больше всего хлопот и по своим масштабам могла сравниться с продажей на «черном рынке» сигарет во время второй мировой войны и сразу после нее. Поэтому неудивительно, что руководитель отдела по борьбе с продажей наркотиков комиссар Монтро обрадовался, когда к нему привели задержанного. Мелкие торговцы сигаретами, набитыми марихуаной и кокаином, ежедневно попадали в сети Сюртэ, но от них было мало проку. Они лишь засоряли тюремные камеры, но не могли навести на след поставщиков наркотиков и помочь выловить всю шайку контрабандистов. Дело у этих преступников было поставлено и законспирировано не хуже, чем у шпионов.

Никто из мелких торговцев не знал своего поставщика не только по имени, но даже в лицо. А о главе всего предприятия было известно не больше, чем о конструкторе французской атомной бомбы. Поэтому задержание одного из посредников в торговле наркотиками было уже крупным успехом.

Комиссар Монтро, едва достигший 30-летнего возраста, всего несколько месяцев работал на набережной дез Орфевр, в главном здании парижской сыскной полиции. Чем он занимался до этого, никто из его нынешних коллег толком не знал. Поговаривали, что он был офицером разведки или контрразведки в иностранном легионе. Ходили также слухи, будто он служил в личной охране президента. Но в одном все сходилось: Монтро, выражаясь полицейским жаргоном, был одним из способнейших «гончих псов». Впрочем, с прославленным героем Жоржа Сименона — добродушно-приветливым Мегрэ — его роднило лишь одинаковое полицейское звание.

Однако с сидевшим напротив него матросом Монтро поначалу попробовал обходиться бережно. Он даже заговорил с ним на «вы» и предупредительно пододвинул пачку сигарет.

— Зами Кхоури — это ваше настоящее имя или паспорт липовый?

— Настоящее. Паспорт подлинный. Я родился в Джиджелли, в Алжире, 26 декабря 1929 года. Вы легко можете это проверить. Моя семья и сейчас живет в Джиджелли.

Зами Кхоури был готов помочь комиссару и в этом. Имя гангстерского босса, сказал он, ему неизвестно, но он может показать, где тот живет.

— Почему показать? — с некоторым недоверием спросил Монтро. — Разве вы не знаете адреса?

— В прошлую ночь я впервые был у него дома, — объявил матрос. — Меня отвезли туда на машине. Спрашивать адреса я не мог да и не хотел, чтобы не вызвать подозрений. Но я убежден, что сумею найти дом, если вы повезете меня той же дорогой.

Монтро уже потянулся к телефону, чтобы вызвать машину, но моряк неожиданно положил руку на рычаг.

— Минуточку, комиссар! Прежде чем вы поднимите тревогу, я хотел бы уладить с вами один частный вопрос.

Комиссар покорно положил трубку. Зами взял из лежавшей на столе пачки сигарету и закурил. Монтро терпеливо ждал. Наконец алжирец снова заговорил:

— Я хотел бы иметь гарантию, что потом меня отпустят на все четыре стороны, комиссар. Полагаю, что уж эту маленькую услугу вы должны оказать.

Монтро осторожно кивнул, но промолчал. Ожидая, чтобы алжирец высказался подробнее. Тот, глубоко затянувшись, прибавил:

— Это мое условие. Боюсь, если вы его не примете, я не сумею найти нужный дом.

В ответ на это недвусмысленное требование Монтро снова только молча кивнул. Зами стало не по себе.

— Договорились, Зами! Мы сейчас едем туда, и, как только найдем то, что ищем, ты сможешь исчезнуть. Даю тебе честное слово.

Зами с чувством пожал протянутую комиссаром руку, и тот решил, что вопрос улажен. Однако алжирец вдруг заколебался.

— Мне очень жаль, комиссар! Я не хочу, чтобы вы подумали, будто я не верю вашему честному слову. Но я человек робкий и хотел бы предложить вам менее рискованный план... — Он сделал паузу, а затем, указав на папку с заключением экспертизы, невинным тоном прибавил: — Здесь ведь черным по белому написано, что вовсе не поставщик наркотиков и что, следовательно, меня можно отпустить. Сделайте это сейчас, комиссар! Через полчаса я по телефону сообщу вам нужный адрес. Я его только что как раз вспомнил.

Монтро подавил готовое сорваться с губ проклятие. Сказав «а», он должен был сказать и «б». Поэтому он только поглядел на свои ручные часы и не слишком дружелюбно заметил:

— Ладно! Сейчас ровно полночь. Если в ноль часов тридцать минут не раздастся телефонный звонок, я пущу по твоему следу все сыскные машины Парижа. Алжирец патетически воздел руки кверху:

— Комиссар, если я говорю, что позвоню через полчаса, можете не сомневаться, что так оно и будет. Но для полного вашего спокойствия я уже сейчас дам вам один важнейший намек: человек, которого вы ищите, в настоящее время отсутствует. Он находится в служеб-

ной командировке в Африке. В Париж он вернется в среду вечерним самолетом из Туниса. Итак, у вас есть достаточно времени, чтобы раздобыть нужные вам доказательства. Впрочем, я и тут вам укажу кратчайший путь: поищите за деревянными панелями в библиотеке.

Монтро молча протянул алжирцу паспорт. Только когда моряк был уже у двери, он крикнул вдогонку:

— Но смотри не выкинь какого-нибудь номера! Патрульные машины немедленно получат приказ схватить тебя, если ты мне не позвонишь.

Матрос весело улыбнулся, подмигнул и исчез. Слово свое он сдержал. Телефон зазвонил даже раньше, чем через полчаса.

— Записывайте, комиссар: рю Лемерсье, 17, третий этаж, левая сторона. Фамилия владельца квартиры — Феррати.

Прежде чем Монтро дописал последнее слово, Зами повесил трубку. Ясно, что он хотел помешать комиссару нарушить данное им обещание: при более длительном разговоре Монтро мог бы установить местонахождение телефонной трубки, из которой звонил Зами.

Комиссар, впрочем, о нем и не думал: он уже вызывал две машины специального назначения, и через несколько минут те, выехав со двора полицейского управления, помчались в направлении Люксембургского сада. Поблизости от него находился и аристократиче-

ская рю Лемерсье. Здесь живут только люди, которые в состоянии выложить за квартиру 100 тысяч франков.

Консьержка дома № 17 не успела еще подняться с постели, когда комиссар Монтро с дюжиной вооруженных до зубов полицейских влетел по покрытой ковром лестнице на третий этаж. Пока один из полицейских нажимал на кнопку звонка, другой, искушенный в обращении с различного рода запорами, возился с автоматическим замком. Когда он открыл массивную, обитую внутри железом дверь, на лестничной площадке появилась консьержка в старомодном пеньюаре и в ужасе всплеснула руками. Она сразу напустилась на комиссара и объявила ему, что мосье Феррати, без сомнения, пожалуется президенту республики на этот бандитский ночной налет. Из ее возгласов стало ясно, что Феррати занимает высокий пост и в данное время отбыл в Африку.

Монтро с удовлетворением кивнул: полученные от Зами Кхоури сведения пока в точности подтверждались. Известие о высоком служебном положении Феррати не смутило комиссара, который из повседневного опыта знал, что гангстерские боссы не ночуют под парижскими мостами. Заверив женщину, что операция проводится в соответствии с установленным порядком и по предписанию президента, он отпустил ее и, сняв с предохранителя пистолет, ринулся на штурм шестикомнатной квартиры. Впрочем, его заинтересовала лишь библиотека, и, оставив в других комнатах по одному полицейскому, он прошел прямо туда.

Ряды книг в кожаных переплетах простирались до самого потолка, а там, где не было книг, виднелись панели из ценного дерева. Бегло окинув взглядом роскошное помещение, Монтро стволом пистолета указал на

эти панели и приказал стоящим позади полицейским ломать их. С нелегким сердцем принялись люди ломать прекрасное темное дерево.

Кровь, однако, застыла в их жилах, когда от стены отлетел первый большой кусок панели: в открывшейся нише, как в Музее восковых фигур мадам Тюссо, стояла, уставившись на них неподвижным взглядом, красивая молодая женщина. Только внимательно присмотревшись к ней, можно было увидеть, что она сделала не из воска. Сам Монтро в первый момент испугался, когда этот хорошо сохранившийся женский труп стал медленно падать прямо к нему в руки.

Умершая, как на другой же день установили судебные медики, была набальзамирована особым составом, содержащим парафин. Благодаря этому вид ее сохранил известную свежесть, хотя, по заключению специалистов, со времени ее смерти прошло никак не меньше двух лет.

Обручальное кольцо свидетельствовало о том, что покойная была замужем, а обвивавшей ее шею нейлоновый чулок не оставлял сомнений в насильственном характере смерти.

Хотя Монтро быстро оправился от испуга, неожиданное открытие вовсе его не обрадовало. Несмотря на самые тщательные поиски, его сотрудники не обнаружили за панелями ни грамма наркотика. Комиссар начал опасаться, что придется передать дело в комиссию по расследованию убийств. Только если в течение 48 часов удалось бы доказать непосредственную связь между этим убийством и торговлей наркотиками, Монтро мог сохранить дело за собой. И он не стал терять времени.

Некоторые обстоятельства помогли ему. Так, предметы, находившиеся в сумочке убитой, позволили быстро установить ее личность. Здесь имелись водительские права с ее фотографией, выданные на имя 24-летней Камиллы Яинской. Счет из косметического кабинета и маленький карманный календарь дали возможность уточнить время и место убийства. Счет был от 21 августа 1961 года, а в календаре та же дата была помечена крестиком с весьма существенной припиской: «22 часа — Поль Ф.», что, несомненно, означало Поль Феррати.

Комиссар внимательно изучил календарь. Все дни, за исключением воскресений, были помечены аналогичным образом, причем имена, как правило, повторялись через определенные промежутки. Например, имя Поля Ф. встречалось регулярно раз в неделю. Будь в календаре не только мужские имена и будь убитая старше, Монтро принял бы ее за приходящую прислугу. Но так... Последние сомнения рассеивала торчавшая за обложкой календаря контрольная карточка полиции нравов! Камилла Яинская была проституткой, а Поль Ф., Жан П., Марсель Д. и все прочие — ее клиентами, регулярно обслуживаемыми на дому.

— Каждый день, кроме воскресенья... — пробурчал себе под нос комиссар и, быстро покончив с обыском квартиры Поля Феррати, вернулся в полицейское управление.

Здесь он без труда раздобыл недостающие сведения об убитой: она была одной из 29 тысяч официально зарегистрированных парижских проституток. 10 мая 1959 года она вышла замуж за 24-летнего лакировщика автомобилей Поля Яинского, а с 22 августа 1961 года значилась в полицейской карточке «бесследно про-

павшей (предположительно ставшей жертвой преступления)».

Неприятной неожиданностью была для Монтро толстая пачка протоколов, свидетельствовавшая о том, что комиссия по расследованию убийств уже занималась этим делом и пришла к определенному заключению. Среди прочего здесь говорилось:

«Крайне подозрителен в смысле совершения преступления муж разыскиваемой. Брак это был, по существу, не чем иным, как замаскированным содержанием сутенера, и Яинская уже в течение ряда месяцев пыталась расторгнуть его. Она отказалась отдавать мужу доходы от своего ремесла, которые он либо пропивал, либо тратил на других женщин. Непосредственно перед исчезновением Яинской между супругами все чаще повторялись ссоры, доходившие до рукоприкладства. 10 августа 1961 года Яинская окончательно ушла из дома, оставив мужа. Все говорят о том, что Поль Яинский выследил ее, а затем, когда она отказалась к нему вернуться, убил. В кругу своих приятелей он неоднократно высказывал такое намерение. По подозрению в убийстве он был арестован и три месяца содержался в следственной тюрьме. Как многократно судимый за различные правонарушения, он, однако, достаточно искушенный в подобных делах, категорически отрицал свою вину, пока не доказано, что Яинская действительно мертва. Его пришлось освободить из-под ареста, и дело, возбужденное против него, было следствием приостановлено. Все же комиссия по расследованию убийств продолжает придерживаться мнения, что преступление совершено им, и убеждена, что после обнаружения трупа вину подозреваемого Поля Яинского удастся доказать...»

— Черта с два удастся... — ругнулся про себя Монтро, кончив читать протоколы.

Он запер их в ящик письменного стола и торопливо покинул здание полицейского управления. Теперь он должен был действовать на собственный страх и риск, если не хотел, чтобы у него отобрали дело и чтобы на скамье подсудимых оказался не тот, кто надо. Он был убежден, что, если комиссии по расследованию станет известно об обнаружении трупа, она сразу же арестует по подозрению в преступлении Поля Яинского. Пресса, конечно, растрезвонит об аресте по всему миру, и находящийся в Африке Феррати, который, в чем Монтро не сомневался, является действительным убийцей, будет таким образом предупрежден. Он начал с того, что посетил супруга убитой.

Яинский, однако, был сильно пьян и вообще не мог сообщить комиссару ничего важного. Монтро рассчитывал, что Яинскому могут быть известны какие-нибудь сведения о Феррати. Но было совершенно очевидно, что Поль Яинский никогда не слышал этого имени. Видя, что ничего от него не добьется, комиссар удалился.

Предприятие, затеянное Монтро, могло при неудаче стоить ему не только службы, но и головы. В противоположность детективным романам, в которых сыщики буквально на каждом шагу пускаются по собственному усмотрению в рискованнейшие авантюры, в действительной жизни крайне редко бывает, чтобы подобные опасные операции осуществлялись одним человеком. И это понятно: ни одна полиция в мире не может допустить, чтобы самые ценные ее сотрудники легкомысленно, без крайней необходимости подставляли себя под удар. Ведь только в кинофильмах пули яростно стреляющих гангстеров почти никогда не причиня-

ют вреда герою-сыщику, словно защищенному, как Зигфрид, незримым панцирем. А настоящие преступники и в Париже, и в Лондоне, и в Нью-Йорке превосходно умеют при стрельбе попадать в цель.

Операция началась с того, что Монтро вытребовал из института судебной медицины труп убитой Камиллы Яинский и отвез его назад на рю Лемерсье, 17. Сам Монтро вырядился подобно сутенерам, которые надзирают за своими дамами, промышляющими в районе Плас Пигаль. В карманы он сунул два автоматических пистолета и миниатюрный магнитофон.

Снарядившись таким образом, комиссар отправился на квартиру высокопоставленного чиновника Министерства по делам Африки, чтобы здесь дождаться его возвращения из служебной командировки. В чтобы консьержка каким-нибудь неосторожным замечанием не предупредила Феррати, Монтро заменил ее на время своей невестой.

Еще раз подтвердилось, насколько верны сведения, полученные от алжирца Зами Кхоури. Вечерний самолет из Туниса по расписанию прибывал на аэродром «Орли» в 21 час. Ровно через полчаса к дому подъехало такси, а вскоре хлопнула входная дверь квартиры. Одна за другой вспыхивали электрические лампочки в прихожей, столовой, гостиной, кабинете. Только Монтро, спрятавшийся в библиотеке, продолжал сидеть в темноте. Хозяин квартиры не доставил ему удовольствия и не заглянул сюда. Он распаковал чемоданы, умылся, поговорил по телефону о чем-то и, явно не подозревая о приготовленном сюрпризе, собрался уходить. Но тут комиссар решил действовать. Он включил в библиотеке свет, ногой распахнул дверь настежь и крикнул:

— Погодите, Феррати! Я вас заждался.

Французский министр по делам Африки сделал бы, верно, большие глаза, если бы видел, с каким проворством почтенный чиновник возглавляемого им министерства выхватил из кармана и снял с предохранителя пистолет. Впрочем, Феррати не сразу решился пустить в ход оружие, предпочитая, видимо, без боя покинуть квартиру. Но Монтро остановил его:
— Идите сюда! Я хочу только поговорить с вами.

Феррати медленно приблизился к двери и остановился за шаг до порога. Отсюда ему хорошо была видна библиотека: валявшиеся на полу куски панели, открытая ниша в стене и труп Камиллы Яинской — бледный, восковой, зловещий.

Только какая-то доля секунды потребовалась Феррати, чтобы справиться с неожиданным потрясением и осознать угрожавшую ему опасность. Затем он поднял пистолет, просунул его в открытую дверь и стал наудачу стрелять. Он выпустил шесть пуль в различных направлениях, надеясь, должно быть, что одна из них поразит незнакомца.

А Монтро, спрятавшись за широкой резной колонной, подождал, пока Феррати расстреляет все патроны, и только после этого подал голос:
— Перестаньте палить, приятель! Вы всполошите полицию. Бросьте эту штуку на ковер и садитесь!

Когда Феррати бросил пистолет и опустился в кресло у камина, комиссар вышел из укрытия, быстро нагнулся, поднял оружие и выпрямился во весь рост, чтобы

Феррати видел, с кем он, собственно, имеет дело. В своем щегольском костюме Монтро не показался чиновнику Министерства до делам Африки особенно страшным.

Скорее сбитый с точку, чем испуганный, Феррати почти пренебрежительно спросил:
— Кто вы такой? Что вам от меня нужно?

Монтро стволом пистолета указал на восковую фигуру в стенной нише.

— Я желаю знать, как моя жена попала сюда, в вашу библиотеку. Я вот уже два года жду, когда она наконец вернется домой, так что вроде бы имею право получить разъяснения на этот счет.

Принятый комиссаром небрежный, почти иронический тон разрядил атмосферу. Феррати оглянулся на труп, затем перевел взгляд на посетителя и беззаботно спросил:

— Так вы ее муж? Но от вас она давно уже сбежала. Можете быть довольны.

— Она была не только моей женой, но и источником моего существования! Интересно, что запели бы вы, если бы я донес в полицию о вашей торговле кокаином и погубил вас.

Феррати почувствовал, что беседа продолжается не столь благодушно, как началась. Кинув взгляд на на-

целенный прямо ему в грудь ствол пистолета, он с раздражением произнес:

— Скажите же наконец, чего вы хотите. Денег? Или ваша цель — выдать меня полиции? Вы не кажетесь таким глупым.

— Не спешите. Разберемся по порядку. Сначала расскажите мне, почему и как вы ее убили. Как вдовец, я имею право это узнать.

Комиссар незаметно приблизился к Феррати, чтобы записать дальнейшую беседу на магнитофон.

Мало-помалу Феррати, понукаемый пистолетом, рассказал, как в ночь с 21 на 22 августа 1961 года он нейлоновым чулком удушил спящую Камиллу Яинскую. За время их долголетней связи она слишком много узнала о его делах и пыталась его шантажировать. Способ сокрытия следов преступления он почерпнул из книги известного судебного медика, который со всей научной обстоятельностью описал метод консервации и надежного сокрытия трупов и привел примеры из истории криминалистики. Впрочем, бальзамирование и сокрытие трупа за деревянной обшивкой стен Феррати осуществил не сам — эту часть дела он перепоручил своему, как он полагал, вполне ему преданному камердинеру — алжирцу Зами Кхоури.

Наконец-то Монтро понял, откуда у Зами имеется столь исчерпывающая информация о частной жизни высокопоставленного чиновника Министерства по делам Африки.

— За какой панелью, — спросил комиссар, — спрятан сам камердинер?

Феррати обиделся:
— Если вы не очень торопитесь, вы скоро сможете спросить об этом его самого. Пока я был в отъезде, он имел несколько дней отпуска, но завтра утром должен вернуться.

Монтро охотно сказал бы: ты еще удивишься, когда узнаешь, где и как провел свой отпуск твой преданный камердинер. Сейчас, однако, комиссар не мог позволить себе этого удовольствия. Впрочем, и вырвавшийся у него ехидный вопрос оказался мрачно пророческим. Через несколько часов, когда Монтро в своем кабинете на набережной дез Орфевр печатал на машинке донесение о задержании Феррати, поступило сообщение, что Зами Кхоури найден застреленным в последнем вагоне на конечной станции метро Шато де Венсан. Убийца бесследно исчез. Свидетелей преступления не оказалось. Но если для комиссии по расследованию убийства оно представлялось полнейшей загадкой, то Монтро смог сопоставить факты: банда, использовавшая Зами Кхоури для выдачи полиции другой банды, теперь поспешила убрать ставшего опасным сообщника. Зами совершил предательство, а значит, и новые хозяева не могли ему доверять: когда-нибудь он сможет предать и их. Раз так, то по законам преступного мира он должен был умереть.

Каким волнующим и таинственным ни был арест находящегося на государственной службе главаря гангстерской банды, какую сенсацию ни вызвало в обществе его разоблачение — все это поблекло, когда в результате длившегося несколько недель полицейского расследования стали известны подлинные масштабы

преступлений банды Феррати. Ответственный чиновник Министерства по делам Африки на протяжении целого десятилетия контролировал всю торговлю наркотиками между Танжером и Рио-де-Жанейро, между Римом и Нью-Йорком. Сколько миллионов он на этом заработал, остается неизвестным и поныне. В его квартире нашли на несколько миллионов долларов акций, облигаций и других ценных бумаг. Но можно с уверенностью сказать, что это лишь малая толика его действительного состояния. Никто никогда не узнает, в скольких иностранных банках он под вымышленными именами имел пакеты акций и счета и какое финансовое могущество продолжал сохранять, даже находясь в тюрьме.

О влиянии гангстеров типа Феррати на экономику солидная нью-йоркская газета «Уолл-стрит джорнэл» писала: «Откуда поступает большая часть денег, обращающихся ныне в американской экономике? Основными источниками служат, конечно, банки, акционерные общества и страховые компании. Но правительство в Вашингтоне убеждено, что во главе этого списка стоит еще одна группа — мир гангстеров».

Начальник полиции Детройта Джордж Эдвердс заявил в сенатской комиссии, занимавшейся вопросами преступности, что девяносто восемь предприятий Детройта, располагающих, по меньшей мере, 50 миллионами долларов, управляется гангстерами.

Перекликается с этим и заявление, сделанное в Нью-Йорке федеральным прокурором Робертом Моргентау: «Все более тревожной становится у нас проблема поступления в важнейшие предприятия средств из самых мутных источников...»

Роберт Кеннеди в свою бытность министром юстиции признал в сенате: «Гангстеры принимают участие во всевозможных отраслях хозяйства — в банках так же, как в производстве автомобилей или станков».

Удручающая картина: босс французских гангстеров Феррати, сидя в тюрьме, господствует с помощью пакетов акций над банками, над производством автомобилей и станков!

То, что Феррати вообще попал в тюрьму, он должен был приписать лишь своей безмерной жадности и стремлению изыскивать все новые источники обогащения. Помимо контрабанды наркотиков, он занимался и торговлей живым товаром.
(Г. Продль. Плата за молчание. — М., 1989)

СМЕРТЬ НА ПОМОЙКЕ

Свалка находилась юго-западнее Гамбурга, у Овельгенне. Когда кандидат в комиссары полиции Бевензен прибыл туда 4 марта 1968 года около восьми часов утра, единственные ворота перед подъемом на плато стояли на запоре. Табличка гласила: «Сегодня свал только с 10 часов». Ворота были ниже человеческого роста и из этой же проволочной сетки, что и растянувшаяся на километры ограда, за которой высилась громадная, метров в 5 над землей гора мусора.

Через полчаса Бевензен покорил-таки намеченную вершину и в своем испачканном, помятом костюме был меньше всего похож на представителя власти. Однако старался он не зря: в центре плато стоял мощный тя-

гач с двумя большими прицепами. Номер был дуйсбургский, а название фирмы, похоже, заклеили пленкой, которую по окончании запретной операции можно сразу же удалить. Опрокинутый гидравлическим подъемником кузов первого прицепа вывалил уже на землю десять тонн раскисшего месива. Теперь бульдозер раскатывал его, смешивая с кульками, пластмассовыми пакетами, старыми ботинками, поломанными игрушками и прочим хламом, попавшим сюда с помоек огромного города.

Делом, видимо, были заняты четыре-пять человек. Один работал на бульдозере, еще один мог сидеть рядом с водителем в кабине; двое возились с опрокинутым кузовом, соскребая остатки грязи, а один молодой человек, похоже, исполнял роль надсмотрщика. Ему не могло быть еще тридцати лет, по виду он происходил откуда-то с юга, а его элегантное дорогое кожаное пальто никак не вязалось с работой на мусорной свалке.

Водитель бульдозера, первым заметив постороннего, указал на него южанину, и тот, обернувшись к Бевензену, на ломаном немецком языке произнес:

— Не глазеть. Уходить. Не понимать? — Для большей ясности он замахал руками, точно прогоняя кур: — Уходить, аванти, нет здесь искать, вход посторонний господин воспрещен.

Бевензен распахнул свое испачканное пальто, доставая полицейский жетон.

— Ничего не запрещен. Мне здесь есть что искать... —

Он показал жетон. — Вот! Полиция, полис, понятно? Отделение охраны окружающей среды, понятно?

Итальянец упрямо замотал головой; его черные глаза сверкали.

— Нет полис! Я здесь босс! Частная фирма! Ну, вали отсюда, аванти!

Он говорил как заведенный и слушать ничего не желал. Но тут Бевензен вспомнил про своих дождевых червей и решил наглядно продемонстрировать этому человеку, что такое ядовитые промышленные отходы и почему их ни в коем случае нельзя сваливать здесь.

— Пойдемте, — сказал он, — я покажу вам, какую опасную грязь вы сюда привезли. Эта штука сожрет весь мусор до самой земли и просочится в грунтовые воды. Кончится тем, что люди станут дохнуть как мухи. Понятно? Вот почему нельзя сваливать здесь такие отходы.

Бевензен потащил итальянца за собой, продолжая на ходу говорить:

— Сейчас я вам покажу, и вы сами убедитесь, насколько это опасно.

Внезапно молодой человек очень хорошо его понял и не только уловил суть дела, но и сам заговорил на значительно более правильном немецком:

— Ничего ядовитого, никакой опасности для немецких людей. — Он достал из кармана бумажник. — У меня и документ есть!

Он предъявил сильно потрепанный, почти уже разорванный на сгибах бланк итальянской автомобильной фирмы «Альфа Ромео». Бевензен, однако, ничего, кроме всемирно известного названия, разобрать не смог. Текст был написан по-итальянски, ни даты, ни номера автомашины в нем не было указано.
— На что мне это? — не понял Бевензен.

Все сильнее волнуясь, итальянец тыкал указательным пальцем в бумажку.

— Здесь сказано, что ничего нет опасного, абсолютно неядовито, никаких вредных последствий ни для людей, ни для животных...
— Сейчас увидим! — уже сердито проворчал Бевензен.

Он подошел ко второму, еще не разгруженному прицепу, вынул из кармана круглую табакерку и осторожно кончиками пальцев извлек на свет двух дождевых червей, припасенных им для рыбной ловли. Затем он тщательно очистил их от чернозема и положил на бурую, засохшую грязь, лежавшую в кузове. Словно почуяв опасность, черви на миг замерли, но потом вдруг дернулись, как будто их ударило током, завертелись, задрожали, свернулись спиралью и подохли. Затем стали распадаться, превратились в жидкую кашицу, которая тут же растеклась по застывшей грязной коре и исчезла в трещинах. Через несколько секунд от обоих червей не осталось и следа.

Некоторое время Бевензен ошеломленно смотрел на это. Такого быстрого эффекта своего опыта он и сам не ожидал. Почти испуганно захлопнув табакерку, он дал наконец волю своему гневу:

— Не ядовито, да? Абсолютно никакой опасности для немцев?! — Рассвирепев, он обернулся к итальянцу, стоявшему в нескольких шагах позади него. — Ты, проклятый макаронник! Обдурить меня хотел! Ну подожди, я с тобой разделаюсь. Ни лицензии, ни вида на жительство тебе больше ни видать, я уж об этом позабочусь!

Он говорил с яростью, как правило, совершенно ему не свойственной. Итальянец побелел, испуганно отступил и снова принялся за свое:
— Я не понимать, не ядовито, мне сказали.

— Черт подери! Меньше чем за десять секунд кислота сожрала червей. Что, ты думаешь, будет с людьми, которые станут эту отравленную воду пить? То же, что с червями. Погибнут тысячи, десятки, сотни людей! Кто тебя знает, сколько ты уже перетаскал сюда или на другие свалки такого вот яда! Довольно, ты арестован. Тебя будут судить! Такому типу самое место на каторге!

Итальянец стоял как вкопанный, широко расставив ноги, заложив обе руки в карманы пальто, с ненавистью устремив на Бевензена черные, сузившиеся в щелки глаза.
— Я не ходить!

Он вытащил из кармана правую руку, сжимая пальцами револьвер.

— Ты подохнешь, как твои черви. И, как они, растворишься. Ничего от тебя не останется. — Он поднял удлиненный глушителем пистолет, целясь в голову Бевензену.

Сначала Бевензен готов был еще съязвить. Здесь, мол, не место для итальянских вариаций вестерна, мальчик! Но потом до него дошло, что парень не шутит, что он в панике и видит единственное спасение в убийстве Бевензена, который только что сам — и надо же было быть таким идиотом! — продемонстрировал, как можно именно здесь, не оставив ни малейших следов, уничтожить труп. Другие, конечно, с ним заодно, все они одна шайка, на их помощь рассчитывать не приходится.

Бевензен чувствовал, как у него судорогой сводит желудок, как все его тело пронизывает дрожь. Мысли вихрем проносились у него в голове. Как завороженный смотрел он на черное дуло пистолета. Каждый день случались теперь такие убийства, бесцельные, ненужные, лишенные всякого смысла, вызванные обыкновенный досадой, а то и просто недоразумением. И он, Бевензен, тоже хорош! Зачем он пригрозил этому человеку каторгой! У него ведь и власти не было привести в исполнение свою угрозу. Нет такого закона. За сброс в неположенном месте ядовитых отходов самое большое пришлось бы уплатить 250 марок штрафа. Просто смешно.

И вот из-за такого пустяка он должен был умереть, именно он, кандидат в комиссары полиции Лотар Вернер Эрих Бевензен, проживший только 32 года, находящийся в самом расцвете лет, имеющий семью — жену и полуторагодовалую дочь. Нелепая смерть! На помойке! Он ведь и на службу в полицию пошел ради ге-

ройских подвигов, он никогда не рвался расследовать убийства и грабежи. Он хотел быть простым чиновником, иметь надежное место, приличный оклад и гарантированную пенсию по старости: именно так рекламировали службу в полиции набранные крупным шрифтом объявления в газетах. Только это его и привлекло, причем служить он намеревался исключительно в административном аппарате. И необходимое комиссару образование в полицейской академии Хильтрупа получил с целью перевода в более высокую должностную категорию. В академии он тоже успешно избежал всякой специализации по оперативной работе, добровольно записавшись только на новый дополнительный семинар по охране окружающей среды.

Охрана лесов и полей, водных источников и атмосферы — это было ему по вкусу. Тут он был среди самых прилежных курсантов. Он выучил назубок водное законодательство, правовой режим заповедников, проекты готовящихся в Федеративной Республике Германии законов по борьбе с загрязнением окружающей среды вредными промышленными отходами. Он закончил курс с весьма высокой оценкой, представив экзаменационной комиссии убедительные аргументы в пользу намеченных правовых норм.

Желанное место в административной полиции он получил, не за горами было и производство в комиссары, в общем, положение вполне терпимо, и он готов был до самой пенсии торчать здесь.

И вот тут-то на его письменный стол легло анонимное письмо ревнивой жены одного возчика: «Бульдозер-тягач с дуйсбургским номером ДИ НД 103, или 113, или 203, или что-то в этом роде, ежемесячно вывозит на мусорную свалку у Овельгенне два прицепа с высоко-

ядовитыми мышьяковистыми и солянокислыми отходами!»

За отсутствием сотрудников, которым можно было бы перепоручить это дело, Бевензен волей-неволей вынужден был сам заняться проверкой. Четверо суток следил он за въездом на свалку. Ежедневно сюда прибывало до 50 автопоездов, но все они были из Гамбурга и свозили самый обычный домашний мусор.

Отчаянные раздумья Бевензена были прерваны не выстрелом, но криком и глухим стуком. Черное дуло исчезло. Итальянец упал замертво. Кровь, обагряя черные волосы, растекалась под его головой в лужу.

Гигант лет пятидесяти с лишним, широколицый, обрюзгший, усатый, в непромокаемой крутке, бриджах и высоких сапогах, подошел к лежавшему молодому человеку, склонился над ним, проверил, не дышит ли, забрал револьвер. Другой рукой он поднял с земли окровавленную четырехгранную ножку стола и с размаху зашвырнул ее в еще не разгруженный прицеп.

Затем он повернулся в Бевензену, и тот снова увидел угрожающе нацеленный револьвер.

— Отдайте мне ваше служебное оружие. Позже я вам его верну.

Бевензен вне себя от испуга поднял обе руки.
— Проверьте сами. У меня нет при себе оружия.

Весь в поту, он покорно дал себя обыскать. Потом наконец спросил:

— Что здесь происходит? Зачем вы его так? Стокилограммовый великан энергично схватил его за плечи, повернул и ткнул в спину револьвером:

— Вам хотелось самому лежать здесь? Так что ступайте. В кабину.

Двое пожилых мужчин в рабочей одежде, стоя возле прицепа, хмуро и без интереса смотрели, как Бевензен под конвоем идет к тягачу и садится в кабину.

Задержавшись на миг у открытой дверцы, человек в непромокаемой куртке крикнул им:

— Я сейчас разгружусь. Вы сразу принимайтесь за дело.

Он поднялся в кабину, револьвером приказал Бевензену потесниться, включил мотор и привел в действие гидравлический подъемник.

Кузов второго прицепа бесшумно пополз вверх. Рабочие быстро откинули борт и подались в сторону. 10 тонн ядовитого груза заскользили к земле. Тяжелая машина медленно двинулась, делая дугу, чтобы развернуться с обоими прицепами. Когда кузов второго прицепа стал почти вертикально, комья засохшего месива обрушились на труп итальянца и погребли его под собой. А затем еще бульдозер, не хуже дорожного

катка утрамбовав эту ядовитую массу, сровнял ее с землей и окончательно уничтожил следы недавней трагедии.

Бевензен оцепенело смотрел сквозь ветровое стекло. Сидевший рядом гигант мастерски вывел тяжелый автосостав через узкую горловину на дорогу, и мимоходом сообщил:

— Его никто уже не найдет. Да и искать его здесь никто не станет. Но из-за вас весь полицейский аппарат был бы поднят на ноги! Они все вверх дном перевернули бы, чтобы добраться до обстоятельств вашей гибели. Вот этому я должен был помешать.

На самой малой скорости грузовой автопоезд спустился по серпантинной ленте дороги к выезду из свалки. Один из рабочих шел впереди. Он и отпер ворота. Бевензен думал, что водитель напоследок обменяется с этим рабочим каким-нибудь условным знаком, но, хотя не сводил глаз с обоих, ничего такого не заметил.

Добравшись до места, где Бевензен оставил свой «Фольксваген», водитель спросил:
— Ваша машина?

— Да, — нерешительно откликнулся Бевензен. — Служебная.
— Есть в ней рация?

Бевензен судорожно хохотнул:
— У меня не такое важное отделение, и полиция не

так богата, чтобы иметь возможность оснастить дорогостоящей аппаратурой каждую машину.

— Значит, хватятся ее не так уж скоро?
Бевензен почувствовал, что у него снова сводит желудок и начинают дрожать колени.

— Пусть не сразу, но если она долго постоит здесь, ее, конечно, заметят.

Они подъехали к автостраде В-73, ведущей из Харбурга в Куксхафен. Водитель не ответил. Притормозив, он посмотрел направо, налево. Бевензен напряженно ждал, не свернут ли он в сторону, на глухую проселочную дорогу к болотам — в этом случае все стало бы ясно без слов.

Он с облегчением вздохнул, когда водитель, не уклоняясь от автомагистрали с ее оживленным движением, повернул и сунул в карман куртки револьвер. Бевензен совсем успокоился и даже позволил себе осторожно задать вопрос:
— Что вы намерены со мной делать?

Водитель пожал плечами:
— Не знаю еще. Поймите, мне нужно выиграть время, чтобы полиция не сразу напала на мой след, когда примется за розыски.

— Какие розыски? — спросил Бевензен самым простодушным тоном, какой только можно было изобразить.

— Я пристукнул итальянца и уничтожил его труп. Я свалил в неположенном месте ядовитые отходы... Обо всем этом вы как полицейский чиновник должны будете доложить и завести на меня дело.

Бевензен понял, что беспокоит этого человека.
— Значит, вы не впервые сбросили там свой ядовитый груз? И давно вы этим занимаетесь?

Он спросил это так простецки-небрежно, точно речь шла о совершенно естественном занятии, которое можно походя обсуждать с первым встречным.

Водитель, однако, дернулся и, впервые оторвав взгляд от дороги, порывисто обернулся к нему.

— Что значит «я»?! Все так делают. Тальке в Мюнхене, Хюрт в Кельне, Ханиель в Дуйсбурге, Штиннес в Мюльгейме, Хиллебрандт в Майнце, Тенус во Франкфурте, Кубе в Дюссельдорфе, Бернхольд в Гамбурге! Я могу перечислять вам все экспедиционные конторы, всех экспедистов от Мюнхена до Куксхафена, которые ежедневно сваливают ядовитые отходы где попало, лишь бы от них отделаться. Извозный промысел уже сто лет занимается этим!

— Промышленности просто девать больше некуда отходы, содержащие мышьяк, цианиды, серную, соляную и азотную кислоты. Легусса, Крупп, «Даймлер-Бенц», «Фольксвагенверке», заводы красителей — все они готовы вдесятеро платить экспедиторам за этот ядовитый фрахт. Для крупных фирм такие деньги — сущий пустяк в сравнении с сотнями миллионов, необходимых для создания собственных очистных соору-

жений и печей сжигания. Вот так это дело и идет. А теперь и заграничные фирмы смекнули, что проще и дешевле всего использовать под свалку старушку Германию.

— Если бы я позволил вам сохранить ваше предприятие — я могу, к примеру, повернуть дело так, чтобы о вас вообще не упоминалось, — согласитесь ли вы оказать мне ответную услугу?
— Какую именно?

— Видите ли, на истории с таким мелким предпринимателем, как вы, я карьеры не сделаю. Но если бы я напал на след ваших компаньонов, этих, как вы их называете, гангстеров, польза была бы нам обоим. Вы сохранили бы ваше микропредприятие. Здесь я могу дать вам гарантию, и за такое я готов отвечать. Ваши двадцать тонн мира не погубят — цена невелика, если я плачу ее за то, чтобы покончить с крупными хищниками. Разделавшись с ними, я заслужу честь и хвалу, а человечество сохранит больше шансов выжить. Сделка, на мой взгляд, приемлемая.

Снова надолго задумавшись, водитель рассеянно потянулся правой рукой к карману. Но, прежде чем он обнаружил пропажу, Бевензен показал ему пистолет и извиняющимся тоном произнес:
— Я забрал его.

— Ладно, идет. Я вижу, что иначе от вас все равно не отделаться. — Он вытащил из внутреннего кармана бумажник и протянул его Бевензену. — Здесь мои документы — то, о чем полиция интересуется в первую очередь... Но вот что я вам сразу скажу: вашим постоянным полицейским шпиком я не стану. Я составлю

для вас письменный отчет обо всем, что мне известно, но подписи моей на нем не будет. И вообще больше меня в это дело не путайте.

Расчеты кандидата в комиссары гамбургской полиции, казалось, оправдываются. Уже в середине марта Клингбайль прислал обещанный отчет: на сорока страницах были представлены подробные сведения более чем о сотне фирм и отдельных лиц, на протяжении ряда лет систематически отравляющих поля, реки и озера вреднейшими промышленными ядами.

Шестью годами позднее, 13 мая 1974 года, «Франкфуртер рундшау» писал: «Преступный картель сумел завладеть самыми крупными мусорными свалками Федеративной Республики Германии и за минувшие годы бесконтрольно сплавил туда неисчислимые массы смертельно опасных производственных отходов...» Приложенная к статье схема иллюстрировала сложное переплетение связей внутри этой банды западногерманских отравителей.

А «Шпигель» тогда же, 13 мая 1974 года, сообщал историю создания преступной организации: «Доходный промысел с ядовитым грузом достиг полного расцвета в 1968 году, когда в гостинице «У коня» под Гейдельбергом состоялось совещание владельцев крупнейших экспедиционных контор и мусоросвалочных пунктов. Хозяин гостиницы Эрнст Лорум разъяснил собравшимся преимущества картеля перед одиночными частными предприятиями. Присутствовавшие здесь же представители профтехнадзора и водного ведомства даже одобрили готовность Лорума возглавить объединение по приему, транспортировке и размещению промышленных отходов. Уже очень скоро оснащенный телеграфом и телефоном лорумский генеральный штаб в

лице одного человека стал посылать по автомобильным и железным дорогам во всех направлениях составы цистерн и контейнеров с опасным фрахтом. Сведения, содержащиеся в регистрационной картотеке Лорума о том, что было зарыто под обычным мусором на свалках, сброшено на леса, луга и в ручьи, читаются, как цитаты из низкопробного романа об уничтожении жизни на земле: «В высшей степени опасный яд... опасные химикалии... вреднее, чем нервнопаралитические отравляющие вещества».

Покойника нашли на отмели в Белума, там, где неподалеку от Куксхафена Осте впадает в Эльбу. Обнаружил его крестьянин Генрих Бемеке из Оттерндорфа. Через два часа мейстер Виттенберг из 1-го полицейского участка Куксхафена прибыл на место, поспев как раз вовремя, перед самым началом полученного прилива, который унес бы мертвеца дальше.

Погибший оказался мужчиной лет пятидесяти пяти, очень высокого роста и около 100 килограммов весом. В морге оттерндорфской больницы местный врач нашел, что левая рука в плечевом суставе сломана, но, несмотря на это, пришел к выводу, что смерть наступила вследствие несчастного случая: человек утонул сам.

Отсюда мейстер Виттенберг заключил, что неизвестный сломал руку при падении с какого-нибудь судна и что дальнейшее расследование производить нецелесообразно: согласно полученной по телефону справке из портовой диспетчерской Куксхафена, за последние 100 часов, относящиеся ко времени гибели неизвестного, мимо белумской отмели вверх и вниз по Эльбе прошло 900 судов из 28 стран. В своем донесении прокурору Виттенберг указывал, что расходы, которых по-

требовала бы проверка всех 900 судов, никак не соизмеримы с этим малосущественным случаем. В результате неизвестный утопленник был похоронен, а материалы о нем переданы в архив.

По заведенному порядку федеральное управление уголовной полиции включило и этот случай в очередной бюллетень, где перечислялись объявленные к розыску лица, а также и неопознанные трупы. Но по недостатку места фотографию белумского утопленника заменили кратким словесным портретом.

Бевезен, в круг обязанностей которого розыск пропавших без вести не входил, вероятнее всего, вообще этого сообщения не заметил. Да и слишком скудное описание неизвестного покойника едва ли могло навести Бевензена на мысль о Клингбайле, который всякое сотрудничество с ним прекратил и вестей о себе больше не подавал.

Только через 13 месяцев, в ноябре 1969 года, когда гамбургский иллюстрированный журнал «Штерн» почему-то вспомнил белумского утопленника и поместил его фотографию, Бевензен увидел знакомое лицо. Впрочем, гибель человека, которому он, в сущности, был обязан жизнью и продвижением по службе, его не опечалила. Его это, в общем-то, не касалось. Он свой долг выполнил. Право же, нельзя было требовать от него чего-то еще. Расследование убийства Клингбайля в его обязанности не входило. А уж теперь оно и вовсе не имело к нему отношения: с 1 января 1969 года он был переведен в транспортную полицию, и здесь, в автодорожной инспекции, ему предстояло скоро производство в обер-комиссары. Он ведь никогда и не думал скрывать, что на работу в полицию поступил с единственной целью иметь прочное, не зависящее от эконо-

мических кризисов место и гарантию на пенсию по старости.
(Г. Продль. Плата за молчание. — М., 1989)

РИСК ЛЕЖИТ НА ПОКУПАТЕЛЕ

«Латинское выражение, которое можно перевести как «риск лежит на покупателе», имеет особый смысл в бизнесе на наркотиках. Возьмем, например, Роберта Рейда Топпинга.

Двадцатилетний сын бывшего владельца спортивной команды «Янки из Нью-Йорка» был студентом Университета Эмори в Атланте, где, помимо учебы, занимался еще и распространением наркотиков.

Наркотики покупал в Майами. В 1977 году он приезжал туда шесть раз. В последнюю поездку, в августе, он повез туда 47 000 долларов наличными, чтобы приобрести на них два фунта кокаина.

Через тридцать минут после того, как сошел с самолета, он был выброшен на дорогу, с тридцатью тремя колотыми ранами, нанесенными в голову, лицо, грудь и спину, да вдобавок ко всему его горло было перерезано от уха до уха. Деньги исчезли.

Топпинг должен был унаследовать миллион долларов по достижении двадцати одного года».
(Х. Мессик. Боссы преступного мира. — М., 1990)

Тайна была раскрыта через 14 лет.

Эта история оставалась загадкой для английского и итальянского правосудия с 17 июня 1982 года, когда в центре Лондона, под мостом Черных монахов, был обнаружен труп Роберто Кальви, президента «Банко Амброзиано», которого газеты называли «банкиром Бога». Дело в том, что «Банко Амброзиано» финансировал Ватикан. А потом банк прогорел, Кальви исчез, и вот его нашли повешенным под железными пролетами моста через Темзу.

Что это было — убийство или самоубийство? Ответ стал известен только на нынешней неделе, после того, как мафиози по имени Ди Карло, отбывавший заключение в британской тюрьме, был передан в руки итальянских властей. Как говорит итальянский судья, Ди Карло решил сотрудничать со следствием и признался, что задушил Кальви. Эта кара постигла финансиста за то, что он похитил деньги, помещенные в банк кланом Корлеоне, мафиозной семьей из Сицилии.

Но почему Ди Карло согласился стать палачом банкира? Тут начинают действовать заповеди, регулирующие жизнь внутри «Коза ностры». Ди Карло прикарманил деньги, получаемые «авторитетами» от распространения наркотиков. Его накрыли, но оставили в живых и даже разрешили уехать в Англию. Там Ди Карло продолжал наживаться на наркоте. Это позволило ему купить виллу, гостиницу, бар, открыть турбюро. Иными словами, гангстер превратился в респектабельного предпринимателя. Но, когда пришло указание убрать банкира, Ди Карло обязан был повиноваться.

Попался он на том, что доставил в Британию большую партию героина, спрятанную в мебельном гарнитуре. Английский судья дал итальянцу рекордный для подобных дел срок — 25 лет тюрьмы.

Ди Карло раскололся после того, как в итальянской тюрьме «запел» его босс, старший член клана Корлеоне. Он признался, что совершил более ста преступлений. Итальянская «Коррьере делла сера» пишет, что по «Коза ностра» нанесен столь сильный удар, что она не оправится. Что же предопределило этот успех правительства? Два фактора, считает газета: во-первых, принятие жестких законов, а во-вторых, то, что полиция обеспечила эффективную защиту «раскаявшимся мафиози», которые согласились давать показания в судах.
(В. Скосырев. — «Известия», 1996)

МИЛЛИОНЕР ПОВЕСИЛСЯ НА ТРУБЕ ОТОПЛЕНИЯ

Когда надзиратель блока «В» следственной тюрьмы «Ульмер Хе» ранним утром 11 ноября 1969 года заглянул в глазок одиночной камеры № 34, постель заключенного была пуста. Предчувствуя недоброе, надзиратель вызвал санитаров. Они вместе вошли в камеру: заключенный Фридрих-Вильгельм Эрмиш повесился на трубе отопления.

Самоубийство произвело сенсацию: умерший был главным обвиняемым на продолжавшемся вот уже семь месяцев в Дюссельдорфе процессе по делу о мошенничестве. Прокурор Хайденрайх спешно созвал

пресс-конференцию, на которой сообщил, что Эрмиш не оставил никаких следов, проливающих свет на мотив самоубийства.

Это выглядело более чем странно. Все, кто следил за процессом, знали, что Эрмиш не раз грозил покончить с собой. Он жаловался, что его незаконно привезли из Мексики в ФРГ и что процесс ведется несправедливо. В камере Эрмиша нашли с полдюжины прощальных писем, в которых он писал то же самое. Одно из писем было предназначено для прокурора, другое — для председателя суда.

Допустим, жалобы Эрмиша на ведение процесса были не более чем попытка загнанного в угол преступника укрепить свои позиции в глазах суда. Но что касается его вывоза из Мексики, то тут у него имелись основания жаловаться. Эрмиш был доставлен из Мехико в Кельн-Ван 4 марта 1968 года на самолете «Люфтганзы».

Причем прокурор доктор Ли и главный комиссар уголовной полиции Дюссельдорфа Фабелье ввели в заблуждение компетентные мексиканские органы и действовали в обход международной конвенции о выдаче преступников. Но, разумеется, два государственных служащих ФРГ не случайно подвергали себя опасности скандала, связанного с операцией.

Фридрих-Вильгельм Эрмиш за шесть лет надул западногерманские власти на кругленькую сумму в 12 млн. марок и в довершение всего выставил их на посмешище, то есть нанес ущерб авторитету государства. Ну а ради спасения своего престижа государственные органы и политики ФРГ рисковали и не такими вещами.

Эрмиш был одним из тех преступников, которые набивали карман без помощи револьвера создавали фирмы, изготавливали фальшивые счета и налоговые декларации. То есть он относился к быстро множащейся братии в «белых воротничках». По оценке Мюнхенской торгово-промышленной палаты, весьма компетентного учреждения, в ФРГ ежегодно совершается около четырех миллионов хозяйственных преступлений, которые наносят материальный ущерб от 10 до 12 млрд. марок. Это в два-три раза превышает годовой оборот заводов «Фольксваген» в Вольфсбурге.

Эрмиш специализировался на налоговых делах. Систематически доить государственную казну он начал в 1966 году. Уже в то время полиция и прокуратура немало знали о нем. Список его судимостей начат 15 лет назад и для такого периода времени был достаточно длинен.

До 1951 года репутация Эрмиша была безупречна. Семь лет назад он отлично выдержал экзамен на помощника коммерсанта и открыл в Эссене торговлю углем.

Но как только почувствовал себя свободным предпринимателем, он начал увеличивать нормы прибыли без дополнительных капиталовложений: он обманывал покупателей. Суд присяжных Эссена, приговоривший его к двум годам тюрьмы за мошенничество, установил, что ему удалось продать, по меньшей мере, 2600 тонн воздуха вместо угля. В том же году на Эрмиша пало подозрение, что он вместе с отцом убил водителя грузовика, который работал в его фирме.

За недостатком улик суд оправдал Эрмиша. Потом

оказалось, что он угрожает безопасности ФРГ. Когда полиция пришла однажды с обыском на его угольный склад, Эрмиш заявил, что он «представитель интеллигенции Компартии Германии», и пригрозил одному полицейскому «25 годами принудительных работ в Сибири». Как известно, в полиции ФРГ охотно верят любой чепухе, если только она касается коммунистов. Поэтому полицейский почувствовал себя в такой опасности, что прокуратура Эссена немедленно начала расследование против болтливого коммерсанта.

Правда, расследование вскоре было прекращено. Но за Эрмишем числились еще кое-какие делишки, включая нарушения правил уличного движения. Наконец, в 1966 году он был приговорен к уплате 25 000 марок за мошенничество, связанное с компенсацией налогов. Но это не остановило его, и он расширил свою преступную деятельность. Эрмиш не пользовался какими-то изощренными или трудно разгадываемыми трюками. Напротив, его приемы были стары как мир: наглый обман и подкуп.

15 февраля 1966 года в ведомстве по регистрации частных предприятий Дюссельдорфа появилась некая фрау Глинга и зарегистрировала на свое имя фирму «Ганза-экспорт. Оптовая торговля углем и сталью». Поскольку для этого акта не нужно было ни свидетельства о правоспособности, ни каких-либо других документов, фирма после уплаты соответствующей пошлины была в законном порядке занесена в реестр под номером А 5497.

Фрау Глинга была любовницей эссенского торговца углем Эрмиша, а основанная ею фирма — дутой. Через три месяца фирма обосновалась в полуподвальном этаже на Виттельсбахерштрассе, 22 в Дюссельдорфе. На

двери появилась соответствующая табличка, в помещении — шкаф с тремя пустыми папками. Фрау Глинга приезжала в фирму на старом, разбитом «Фольксвагене» и, поскольку больше делать было нечего, сторожила пустые папки. Только иногда в конце недели у нее появлялась работа. В эти дни приходил Эрмиш, и они с «мышкой» фабриковали деловые письма, квитанции, балансы и счета, необходимые для обратной выплаты налогов. Эрмиш и его сообщники жили теми налоговыми льготами, которые государство предоставило экспортерам стали и угля для поддержки угольных шахт и сталелитейных заводов, страдавших от перепроизводства. Это было время, когда в Рурской области высились горы угля, не находившего покупателя: его полностью вытеснила нефть, имевшаяся в то время в неограниченном количестве и еще достаточно дешевая. Сбыт угля резко сократился, закрывались шахты, происходили массовые увольнения горняков, прибыли угледобывающих предприятий резко упали. Чтобы стимулировать экспорт угля и смягчить кризисную ситуацию, государство освободило экспортеров «черного золота» от обычного налога с оборота или возмещала его.

На этом-то Эрмиш и делал бизнес. С помощью фиктивных документов о торговых операциях «Ганзы-экспорт» и четырех других дутых фирм он создавал видимость колоссального экспорта угля и стали в Голландию. Так, ему удалось, не переправив через границу ни одного брикета угля, получить от государственной казны к ноябрю 1967 года около 12,7 млн. марок в качестве компенсации за уплаченные налоги с оборота. Впоследствии специалисты посчитали, что эта сумма соответствовала обороту в 250 млн. марок. Для этого «Ганза-экспорт» и четыре остальные фирмы Эрмиша должны были бы экспортировать ежедневно около 200 тонн одной только листовой стали. По самым скромным подсчетам экспертов, предприятиям такого

масштаба было необходимо около 150 сотрудников с соответствующим числом бюро, телефонов, телетайпов и бухгалтерских машин.

Но Эрмиш обходился всего пятью сообщниками, включая любовницу. Кроме нее, в преступную группу входил один поверенный, сезонный консультант по налоговым делам и три-четыре таможенных досмотрщика, находящихся на государственной службе, которые получали от Эрмиша соответствующее вознаграждение и на многое закрывали глаза. Просто невероятно, что ни финансовому ведомству Дюссельдорфа, ни финансовому ведомству Эссен-Ост, которые рассматривали заявки о компенсации и давали разрешение, неуклюжие хитрости Эрмиша не бросились в глаза.

Характерен следующий пример: в мае 1966 года «Ганза-экспорт» подала в финансовое ведомство Дюссельдорфа заявку на возмещение налогов за экспорт каменного угля и листовой стали в размере 4 млн. марок. Продукция была якобы получена от фирмы «Глюкауф» в Кельне и продана фирме «Ван дер Берге» в Амстердаме. Сумма компенсации составила 216 тысяч марок 20 пфеннигов. Ни одному налоговому контролеру не пришло в голову заглянуть в реестр торговых фирм и проверить, существуют ли на деле фирма-поставщик «Глюкауф» и заказчик «Ван дер Берге». А ведь было достаточно беглого взгляда в реестр, чтобы раскрыть обман Эрмиша. Мало того! Сотрудник финансового ведомства даже не счел нужным проверить по картотеке, уплачены ли фирмой-заявителем, то есть «Ганзой-экспорт», налоги с оборота. Эта сама собой разумеющаяся проверка сразу показала бы, что ни одна фирма Эрмиша не была зарегистрирована в финансовом ведомстве, а стало быть, ни разу не уплачивала налоги, то есть не имела никакого права на их компенсацию.

Но, как видно, чиновники финансовых учреждений не только были готовы пойти за взятку на преступление, но и плохо разбирались в своем деле. Согласно заявке «Ганзы-экспорт», поставки осуществлялись через таможню пограничного пункта Даммбрух. Однако эта таможня была ликвидирована еще двенадцать лет назад. Но даже когда она существовала, через нее пропускались лишь небольшие партии овощей, и то нерегулярно. Таможня была очень невыгодно расположена и совершенно нерентабельна, поэтому ее в конце концов закрыли. Об этом не мешало бы знать и финансовому ведомству, тем более, что таможенная служба подчиняется непосредственно министерству финансов, то есть тому же органу, что и служба преследования налоговых преступников и финансовое ведомство.

Так продолжалось довольно долго: фиктивные фирмы Эрмиша подавали заявки о выплате им компенсации, а компетентные чиновники финансового ведомства не находили в них ничего сомнительного. Начальство ставило визу, и требуемые суммы переходили в руки мошенника.

Но случается, что и слепая курица находит зерно. В сентябре 1967 года только что созданная и зарегистрированная фирма «Штальгросхандлунг Глинга» подала в финансовое ведомство Эссен-Ост сразу две заявки о компенсации. На этот раз сотрудник ведомства почему-то решил свериться с реестром торговых фирм и с изумлением обнаружил, что такая фирма там не значится. Проверка показала, что в Дюссельдорфе на имя той же фрау Глинга зарегистрирована фирма «Ганза экспорт». Сотрудник не стал мучиться над разгадкой, а, руководствуясь старым бюрократическим принципом «лучшая работа та, которую делают другие», передал дело финансовому ведомству Дюссельдорфа. Там тоже были немало удивлены, так как до этого мо-

мента и не подозревали о двойной роли почтенной владелицы фирмы «Ганза-экспорт». Проверка документации показала, что подтверждение об экспорте также не заверено соответствующей подписью соответствующего уполномоченного сотрудника таможни. Имелась только таможенная печать. Добродушно и снисходительно, как и положено налоговым органам, фрау Глинге указали на это небольшое нарушение предписанных правил. Очаровательная владелица фирмы поблагодарила любезных чиновников и пообещала немедленно исправить небрежность. Спустя всего несколько дней она переслала в финансовое ведомство официальную бумагу из таможни Даммбрух, адресованную фирме Бригитты Глинги. Крупная торговля листовой сталью, 43, Эссен-Бредени, Майзенбургерштрассе 42. В ней, со ссылкой на соответствующие параграфы таможенного устава и общих таможенных правил, сообщалось, что во всех случаях, в том числе и в данном, подпись сотрудника таможни не обязательна, печать же — совершенно необходима. Подпись на бумаге была неразборчива, рядом стояло «Zoll-Ass».

В финансовом ведомстве, без сомнения, были бы совершенно удовлетворены этим объяснением, если бы не одна мелочь: в служебной переписке таможенных и финансовых органов ФРГ принято сокращение «ZASS», а не «Zoll-Ass». Таким образом, служебная бумага, представленная фрау Глингой, содержала на целых три буквы больше, чем положено. Это нарушение служебного этикета так глубоко поразило залоговых чиновников, что заставило их наконец насторожиться. Итак, маленькая опечатка сделала то, что не могли самые наглые и откровенные махинации Эрмиша. Сотрудник финансового ведомства связался по телефону с таможней Даммбрух, допустившей такое грубое нарушение священных официальных сокращений.

И тут началось. Пришла пора действовать службе преследования налоговых преступников, прокуратуре, уголовной полиции. Но, когда ловкую парочку уже собирались схватить, Эрмиш и Бригитта Глинга отбыли в неизвестном направлении.

Судя по всему, они уезжали без особой спешки. Эрмиш успел вывезти всю мебель из своей роскошной квартиры в Эссене, а Глинга заявила о ликвидации «Ганзы-экспорт», которая, как и положено, была аккуратно вычеркнута из реестра торговых фирм.

Арестована была лишь всякая мелкая сошка. Вплотную прокуратура и уголовная полиция занялись группой Эрмиша только во второй половине февраля. В середине месяца были взяты брат Бригитты и консультант по налоговым вопросам Миге Хершенредер. За поимку мошенников дюссельдорфская прокуратура назначила 10 тысяч марок. По делу Эрмиша была создана специальная комиссия из 18 человек. В нее входили и восемь сотрудников службы преследования налоговых преступников. К розыску подключились Федеральное ведомство уголовной полиции и Интерпол. Охота на Эрмиша началась.

А между тем Эрмиш и Бригитта Глинга нежились в саунах и на солнечных пляжах. Время от времени Эрмиш напоминал о себе дюссельдорфской прокуратуре: он посылал то открытку с видом из Голландии, то привет из Финляндии, как будто играя с ними в салочки. Наворованные миллионы он разбрасывал направо и налево. Однажды Эрмиш сыграл со своими преследователями злую шутку! Через одного посредника он довел до сведения прокуратуры «строжайший секрет»: все документы его фиктивных фирм, которые она лихорадочно разыскивала, якобы зарыты на свалке в

Корнелимюнстере под Аахеном. Прокуратура клюнула на приманку. С утра до ночи колоссальная территория около 100 квадратных километров перекапывалась специальными поисковыми отрядами, бронетранспортерами и ковшовыми экскаваторами. А Эрмиш почитывал газетные сообщения в своей фешенебельной квартире из шести комнат по Кале де Сократес, 390, в одном из богатых кварталов Мехико. Узнав о широко развернутой операции по поиску его несуществующих деловых бумаг, Эрмиш, как он сам позднее признался на суде, «чуть не свалился от смеха с дивана».

Эрмиш без опасений смотрел в будущее. В декабре 1967 года, прежде чем отправиться со своей подругой в Мексику, он успел положить в Швейцарский банк в Женеве еще полтора миллиона марок. Он выбрал именно Мексику потому, что по местным законам родители ребенка, появившегося здесь на свет, не могут быть выданы другому государству, а Бригитта должна была в марте родить. Всего несколько недель, и они были бы в безопасности. Но, к несчастью, западногерманские органы полиции тоже знали об этом. Маклер по продаже земельных участков, с которым Эрмиш разговаривал по телефону из Мехико, навел полицию на след. К тому же Эрмиш и сам несколько перестарался. Он пригласил в Мексику родителей Бригитты. Охотно приняв приглашение, они сдали 15 февраля 1968 года багаж, на котором был адрес дочери в Мехико. Полиция, давно наблюдавшая за ними, не преминула записать адрес.

В начале марта прокурор Пи и главный комиссар уголовной полиции Фабелье вылетели в Мехико. Им не пришлось долго разыскивать Эрмиша. Шикарный плейбой был хорошо известен всем, хотя на его двери и не было таблички с именем. Богач, под настроение даривший любовнице драгоценности стоимостью в 200 ты-

сяч марок и державший шофера для своего «Форда мустанга», он был необыкновенно скуп на чаевые. Естественно, что прислуга была не слишком расположена к нему и охотно помогала Пи и Фабелье. Но это мало облегчило им задачу. Из-за одних только налоговых преступлений мексиканские власти не собирались выдавать иностранца, карманы которого были битком набиты деньгами. Понимая это, Пи и Фабелье проштудировали мексиканские законы и выяснили, что здесь строго преследуется подделка паспортов. Паспорт у Эрмиша был, правда, настоящий, но он выдал Бригитту за свою жену, что не соответствовало действительности. Короче, прокурор Пи обвинил его в подделке паспорта. Конфиденциальные переговоры с мексиканскими коллегами и некоторые «маленькие знаки внимания» довершили дело.

Эрмиш был выдворен из страны. Но покинуть Мексику он должен был не первым международным рейсом, как это принято, а первым рейсом самолета «Люфтганзы». О том, чтобы он не исчез по дороге, позаботились Пи и Фабелье. Они попытались было прихватить и Бригитту, но этому решительно воспротивился командир корабля. У нее уже начались схватки, а на борту не было врача. Капитан не хотел неприятностей. И все же через три дня Бригитта была привезена в ФРГ. Ее сопровождал врач, получивший за это от дюссельдорфской прокуратуры 1200 марок. Прямо с аэродрома Бригитту доставили в родильный дом женской тюрьмы в Бохуме. 12 марта она родила там ребенка.

Для расследования дела специальной комиссии понадобилось еще несколько месяцев. Процесс по обвинению Фридриха-Вильгельма Эрмиша и его сообщников начался только 21 мая 1969 года. Дело рассматривалось в земельном суде Дюссельдорфа под председательством шефа земельного суда Моншау. К этому

времени произошло уже три самоубийства: покончили с собой управляющий «фирмы» Эрмиша «Хандельсунион» Антон Петерс, адвокат и консультант по налоговым вопросам д-р Файге и вахмистр Хайнц Бала, передававший за определенную мзду тайные записки Эрмиша на свободу.

В одной из них, перехваченной полицией, Эрмиш пытался склонить отца Бригитты организовать покушение на прокурора Пи. Покушение не состоялось, а обвинение Эрмиша дополнилось еще одним пунктом.

В сентябре 1969 года в тюремной больнице Бригитта Глинга перерезала себе вены. Это вовремя заметили, и ее удалось спасти. Эрмиш уже в самом начале процесса неоднократно грозил самоубийством, поэтому суд вынес решение о строгом надзоре за ним. Эрмиша стали будить ночью через каждые полчаса. Защита заявила протест против такого обращения с подсудимым, после чего эту меру ограничили.

И предварительное следствие, и судебное разбирательство ползли черепашьим шагом. Эрмиш, похудевший и бледный, стремился теперь к одному: любой ценой избежать грозившего признания его «особо опасным рецидивистом», что означало бы содержание в заключении после отбытия срока наказания. На суде происходило немало сцен, не лишенных комизма. Так, например, было установлено, что однажды Эрмиш получил от финансового ведомства Эссен-Ост солидную компенсацию, прежде чем подал на нее заявку.

Веселое оживление царило в зале, когда прокурор представил заявку фиктивной фирмы «Феникс-бреннштоффе», которая, согласно регистрационной печати,

поступила в финансовое ведомство раньше, чем была вообще написана, судя по дате, проставленной в заявке.

Немало забавного услышали в зале суда и во время дачи показаний сотрудниками финансовых органов. Например, финансовый контролер Фоссен из управления Дюссельдорф-Норд в свое время разыскал бюро фирмы «Ганза-экспорт», ту самую полуподвальную квартиру на Виттельсбахерштрассе. При виде очаровательной Бригитты Глинги, которая угостила его коньяком, к тому же пригласила отобедать, он, по его словам, так растерялся и смутился, что ему и в голову не пришло, что тут может быть что-то нечисто. Типы вроде Фоссена или чиновника финансовых органов Билера не брезговавшие впоследствии и тысячемарковыми купюрами, помогали Эрмишу обирать государственную казну на миллионы.

Самоубийство Эрмиша на время прервало процесс. Наконец, 30 января 1970 года слушание дела, продолжавшееся 72 дня, было закончено. Бригитту Глинга приговорили к четырем годам тюремного заключения, бывшего старшего налогового инспектора финансового ведомства Эссен-Ост, а впоследствии консультанта Эрмиша по налоговым делам Инге Херхенредер — к четырем с половиной годам. Подкупленные Эрмишем чиновники Фоссен и Билер получили по три с половиной года, «управляющий фирмы» «Феникс-бреннштоффе» Якоб-Наполеон Вирц — два года, отец Бригитты, Вернер Сципа, — девять месяцев тюремного заключения.

Из полученных Эрмишем обманным путем двенадцати миллионов марок пять миллионов не были найдены, остальные вернулись в государственную казну.

Налоговый аферист Эрмиш относился к той категории «беловоротничковых» преступников, против которых правосудие ФРГ выступает довольно решительно. Несмотря на награбленные миллионы, он был отверженным, которому не было доступа в избранные круги. Эрмиш так и остался на среднем уровне, вызывая восхищение мелких мошенников и откровенное презрение по-настоящему крупных дельцов, ворочающих серьезными делами.

Одним из таких преступных воротил в 60-е годы был западногерманский промышленник из Брауншвейга Вальтер Йордан, владелец индустриальной группы «Лютер и Йордан КГ», в которой были заняты 5 тысяч рабочих и служащих. Капитал его казался неограниченным. Йордан был один из первых и самых энергичных предпринимателей ФРГ, работавших на вооружение. В высшем обществе он считался бизнесменом, заслуживающим доверия, его грудь украшали высокие награды. Йордан привык запросто обедать с министрами и как мальчиков отчитывал советников уголовной полиции. Федеральный президент Любке лично пригласил его на встречу с президентом США Кеннеди, проходившую во франкфуртской Паульскирхе.

Как выяснилось впоследствии, Йордан был мошенником чистейшей воды. Но он обманывал в таких масштабах и на таком высоком уровне; как это могут позволить себе только владельцы крупных концернов.

Начинал Йордан очень скромно. В 1941 году он стал управляющим «Лютер КГ». Заняв это место, он быстро перестроил производство на военные самолеты, чем сразу завоевал расположение фашистской верхушки. В последующие годы он обеспечил себе полное и единоличное господство в этой области, не гнушаясь при-

бегать для достижения цели к любым методам, вплоть до шантажа.

Когда правительство Аденауэра призвало к «борьбе против большевизма» и началась открытая ремилитаризация и вооружение ФРГ, Йордан был вновь тут как тут. Фактически его концерн и не переставал работать на вооружение. Геринг уже не мог покупать выпускаемые им самолеты, поскольку сидел на скамье подсудимых в Нюрнберге, но Йордан получил заказ от американцев на производство системы заправки для их танков. Пришло время, и Бонн ассигновал первые миллиарды на вооружение. Йордан стал выпускать подвижные крупные бензозаправочные цистерны и ремонтировать танки. Он участвовал в разработке и создании «европейского стандартного танка». Причем благодаря завышенным калькуляциям он зарабатывал на каждом танке чистых 400 тысяч марок. А это значит, что с каждым проданным танком он обманывал государство почти на полмиллиона.

По этой тарифной ставке фирма «Лютер и Йордан КГ» только в опытной серии выпустила 15 танков для бундесвера. После этого калькуляции «причесывали», что соответственно отражалось на балансах, а следовательно, и на налогах, поэтому Йордан уплачивал налогов гораздо меньше, чем должен был при таких прибылях. Таким образом, кроме завышения цен, он еще и уклонялся от уплаты налогов.

Мошенничества Йордана были раскрыты чисто случайно. Группа специалистов по расследованию хозяйственных преступлений занялась его делом. Узнав об этом, Йордан попытался сначала запугать руководителя группы старшего комиссара полиции Клингенберга, потом переманить его к себе, посулив 4 тысячи марок

в месяц, то есть в четыре раза больше, чем в то время зарабатывал средний сотрудник уголовной полиции. Когда и это не удалось, он нашел услужливого профессора медицины, который составил заключение, что Йордан по состоянию здоровья не может подвергаться допросу. Найдя убежище в одной из клиник, он ежедневно имел около 50 телефонных разговоров и принимал десятки посетителей.

Как раз в то время, когда Йордан продолжал из клиники руководить делами, неожиданно прекратилось субсидирование закладных расходов группы, расследовавшей его дело, так что расследование, а следовательно, и сбор улик были практически прекращены. Кто и по чьему распоряжению «перекрыл кислород», разумеется, осталось тайной. Понятно, что такой уважаемый человек, как Йордан, имел не только завистников, но и покровителей. Только благодаря упорству следователей, которых даже их коллеги не принимали всерьез, расследование было продолжено.

Но процесс против Йордана так и не состоялся. Промышленник, после короткого ареста вновь оказавшийся на свободе, неожиданно скончался 12 ноября 1963 года. Говорили, что он повесился в подвале своей роскошной виллы. Безусловно, Йордан поторопился уйти из жизни. Если судить по исходу судебных процессов против имеющих громкое имя хозяйственных преступников, Йордан вряд ли был бы действительно осужден. Это совсем не преувеличение. Даже старший прокурор Бэр из Клеве сказал, выступая на совещании криминалистов во Франкфурте-на-Майне, что в ФРГ ежедневно происходит «самая настоящая капитуляция юстиции перед хозяйственными преступлениями».
(Г. Файкс. Полиция возвращается. — М., 1983)

ТРИКОТАЖНОГО КОРОЛЯ ЖДАЛА СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Сколь бы значительными ни казались перемены в нашей жизни, на Лубянке как скрывали свои тайны, так и продолжают скрывать.

Документов нет — значит, доверимся памяти. И в первую очередь памяти, Людмилы Ивановны Дунаевой, адвоката, душа и мысли которой были сосредоточены на судьбе подзащитного почти год. Последний год жизни «трикотажного короля».

Людмила Ивановна Дунаева рассказывает:
«Началось с того, что меня вызвали и предложили принять на себя защиту Ройфмана, вора и валютчика. Я всегда была человеком дисциплинированным и, получив специальный ордер, отправилась в Лефортовскую тюрьму. Могла ли предположить, что дело, участвовать в котором собиралась чисто формально, останется в моей душе незаживающей раной? Столько лет прошло, а не стирается из памяти цифры, имена и даже мелкие детали, не имеющие никакого значения.

Прежде я не была в тюрьме КГБ, и меня там многое поразило. Начиная с пропускной системы. Ни надписей, ни заметного входа. Наконец, идя вдоль стенки, я увидела какую-то дверь. Не успела постучаться, как она сама открылась, и я вошла в какой-то коридорчик. Оттуда-то раздается: «Адвокат Дунаева? Идите прямо». Иду. Опять дверь. И эта открылась. Потом еще дверь. В полной растерянности я оказалась во внутреннем дворе. До сих пор не могу без смеха вспоминать, как перепугалась.

Какой-то офицер провел меня в следственный изолятор. Там ждали двое. Как после выяснилось, следователи. Сразу предупредили, что КГБ — это не милиция или прокуратура, тут все серьезнее. И дали бумагу: расписаться. Там было написано, что я не имею права распространяться о деле, переправлять сведения за пределы страны, много других предупреждений, о которых от волнения я тут же забыла. Кстати, потом, в процессе работы с подзащитными, секретность ужесточалась. В результате сейчас ни одной записи по этому делу у меня нет. Из тюрьмы нам ни листка нельзя было вынести. А после процесса пришли из КГБ, сгребли все с моего стола, заколотили в ящики и увезли.

Честно говоря, мне с самого начала хотелось из этого дела уйти. Друзья предупреждали: с КГБ надо быть бдительной, могут подловить. Да и профессионально делать нечего: если обвиняет КГБ, значит, упаси Бог всерьез оспаривать обвинение. Кроме того, было похоже, что готовится какой-то показательный процесс. То ли для начала борьбы с хищениями (тогда много говорили об экономических реформах, требовали свобод, и надо было в очередной раз приструнить хозяйственников). Или, хуже того, разжигали антисемитские страсти (по делу Ройфмана проходило много евреев).

Но когда я увидела своего будущего подзащитного, то мне захотелось не уйти, а убежать. В моем сознании сложился образ врага, матерого хищника. А ввели Ройфмана, и я почувствовала что попала в какую-то западню. Передо мною стоял красивый, обаятельный человек. Высокий, подтянутый, с седеющими висками, в прекрасно сшитом костюме, который делал его еще более элегантным. Я обратила внимание на хорошую обувь, белоснежную сорочку, ухоженные ногти, что совсем не свойственно контингенту, с которым мы ра-

ботаем в обычных тюрьмах. Но дело даже не в приятной внешности. Я уже была опытным адвокатом и знала, что преступники тоже бывают обаятельными. Меня поразили умные глаза этого человека и приветливое, свойственное лишь добрым, сильным, интеллигентным людям выражение лица.

Желая выпутаться, я сразу же сказала Ройфману, что он имеет право пригласить другого адвоката. Он улыбнулся: это не проблема, у него много знакомых. Назвал несколько именитых адвокатских фамилий. А потом посмотрел на меня твердо и сказал: «Но я хочу, чтобы меня защищали вы».
Так рухнула моя надежда уйти из этого процесса».

Представляются комната в Лефортовской тюрьме и они, адвокат и обвиняемый, сидящие за двумя близко составленными столами лицом друг к другу. Они ровесники, им по тридцать восемь. У нее большие глаза, золотая коса вокруг головы, сдержанная, строгая речь.

Что в тот день адвокат Дунаева могла знать о Борисе Ройфмане? Может быть, прочла уже обвинительное заключение, где на десятках страниц описывались его преступления — взятки, хищения, валютные операции. Наверняка читала газетные статьи. В этих статьях поразительное сходство с публикациями тридцатых годов о врагах народа — тот же оголтелый обвинительный тон задолго до судебного разбирательства, та же терминология. Действительно, будто готовилось не к уголовному, а к политическому процессу, в котором обычно адвокату отводилась чисто декоративная роль. И не случайно, видимо, на эту роль выбрали ее. К тому времени уже пятнадцать лет адвокатской практики. Партийный стаж с фронта (сразу после выпускного бала они всем классом пошли на войну). Служила в пе-

хоте, в стрелковом батальоне. Была тяжело ранена — и сейчас, кажется, узнает того немца, который автоматной очередью прошил ей обе ноги. Одна зажила, а вторую после одиннадцати операций пришлось отнять. Потом училась ходить с палочкой.

Людмила Ивановна говорит:
«Так начались рабочие будни в Лефортовской тюрьме, изучение материалов дела. Борис Ройфман и его сообщники обвинялись в хищении более двух миллионов рублей. У них было трикотажное производство. Не подпольное, как писали газеты, а законное, организованное в лечебно-трудовых мастерских при психоневрологическом диспансере Краснопресненского района. Там работали люди, страдающие нервными и психическими расстройствами. Труд мастерских давал им возможность заработать и был своего рода лечебной процедурой, предупреждающей развитие болезни. До Ройфмана в мастерских клеили коробки, конверты, шили мешочки для мелочи. А пришел он — стали выпускать трикотажные изделия: свитеры, рейтузы, детские костюмы, рукавички, платки... Я их видела. Эти вещи для многих были предметами зависти.

Но параллельно с легальной продукцией изготавливали и так называемую неучтенную, «левую». Сейчас любой хозяйственник смело расскажет вам, как еще недавно вынужден был нарушать закон. Борис на наших свиданиях в тюрьме тоже объяснял, почему без «левого» товара ему нельзя было. Дело в том, что, организовывая трикотажное производство на пустом месте, из ничего, заново оборудуя подвалы, арендованные в домоуправлении, Борис однажды преступил закон: ему представилась возможность получить хотя и списанное, но хорошее оборудование. И он купил его. На свои деньги, конечно: тогда банковский кредит ему бы не дали.

Однако система законов выстроена так, что, нарушив один, встаешь перед необходимостью нарушать другие. Затраченные деньги он должен был вернуть себе хотя бы с небольшими процентами. Иначе не смог бы продолжать дело, не на что. Как, например, на законном основании достать сырье для новых машин? На рынке? На бирже? Прямых договоров тогда тоже нельзя было заключать. Остается взятка. А на взятку где взять? Но даже если есть сырье, это ведь необработанная шерсть. Ее еще надо мыть, чесать, красить, делать нить, из нитки — полотно и только после всего этого — изделие. Требовались большие затраты, не укладывающиеся в общепринятые нормы и расценки. Нужны были наличные, чтобы заплатить рабочим (Борис повышал им зарплату вдвое-трое). Заплатить торговым работникам, которые за спасибо продавать не будут. «А если не тратить свои деньги, — объяснял мне Борис, — то лучше коробочки клеить и не думать о производстве».

Сейчас фабула их преступления легко укладывается в схему, по которой работают товарищества, кооперативы, акционерные предприятия. Взятки сегодня мы бы назвали взаимовыгодными расчетами. Трату личных денег сочли бы похвальной. А «левый» товар в прежнем понимании частному сектору и вовсе нет нужды производить. Выходит, тридцать лет назад Борис Ройфман стал работать по законам рынка. И правы были газеты, называя его деятельность экономической и идеологической диверсией. «Цеховики», как позже стали именовать такого рода преступников, действительно представляли опасность для уродливой системы, выявляя ее беспомощность, демонстрируя высокую рентабельность экономики с ее рыночными принципами, личной заинтересованностью участников. А этого жестокая государственная монополия простить не могла. И адвокат Дунаева прекрасно понимала, что те опоры, которые она нашла в законодательстве для защиты Ройфмана, очень ненадежны.

«Я считала, что преступление «трикотажников» соответствует статье «Частнопредпринимательская деятельность». Наказание — до пяти лет лишения свободы. Но их обвиняли в особо крупном хищении. Тут кара — вплоть до смертной казни. Почему «хищение»? Считалось, что сумму, которую они получили от реализации «левой» продукции, могло получить государство. Но в том-то и дело, что государство не могло. На государственных фабриках уничтожали отходы, которые Ройфман использовал как сырье. Это отходы (так называемый очес) вывозили из цеха, а когда скапливалось гора — поджигали. Ройфман стал забирать эти отходы, что-то кому-то за это платить... Помню бухгалтера Пехорской фабрики, который тоже потом предстал перед судом. Я его жалела. Он остался вдовцом с маленькими детьми. Называл себя «мапа» — мама и папа в одном лице. Нуждался. И все-таки на свои деньги нанял конструкторов, которые тоже выступали в суде и рассказывали, какой это талантливый изобретатель-самоучка. Это он придумал машины, которые превращали некондиционную шерсть в полноценную нитку. И знаете, о чем он говорил в последнем слове? Его, как и Ройфмана, приговорили к расстрелу. И он просил отсрочить исполнение приговора, дать ему возможность закончить работу над последним изобретением — безопорным куполом для стадиона».

За те два года, что корреспонденты газеты «Известия» пытались получить доступ к ройфмановскому делу, на столе образовался «том» собственных «следственных материалов». Помимо копий бесчисленных писем, посланных на Лубянку, в этом «томе» — рассказ единственного, кажется, чудом оставшегося в живых человека, который не только работал, но и дружил с Ройфманом. Рядом с ним он был и на скамье подсудимых, отсидел в лагерях двенадцать лет. Но не хочет, чтобы об этом знали внуки, поэтому просил фамилии не называть.

«Я заведовал небольшим магазином у Савеловского вокзала. Продавал Борькину продукцию и... участвовал в ее изготовлении.

Каким образом? Ну, например, появились у нас в продаже импортные кофточки. Покупатели с ума сходили, так им нравилось. Я к Борису: можешь такие выпускать? Вместе пошли в цех, тут же скроили, сшили, свои же девушки померили и назавтра уже выпускали. Никакой фантастики, сейчас весь мир так работает. В другой раз идем по улице, а навстречу девушка. Видим — брошка на ней потрясающая. Металл с пластмассой. А у Бориса в мастерских была возможность такие делать. Мы взмолились: девушка, продайте. Она возмутилась: вы с ума сошли, брошка тридцать рублей стоит. Тридцать? Борис дал ей тысячу. И через неделю такие брошки продавались в моем магазине. Или китайские платки — не помните? Были такие: пуховые, с начесом, очень яркие, гладкой окраски, шести цветов. Красные, желтые, зеленые, белые, розовые, голубые. Я опять к Борису: давай выпускать. Правда, я опасался, что должной окраски не получится. Наш трикотаж — заметили? — и сейчас какой-то блеклый. Но у Бориса был изумительный красильщик, Василий Иванович Носов. Кстати, среди нас, на скамье подсудимых, он был самым старшим, шестьдесят два года. Помню, как на процессе я все смотрел на его руки, изъеденные краской. Вы видели его цвета? Красильщик от Бога! Нос и язык заменили ему лабораторию. Крашением шерсти занимались отец его и дед. Тоже расстреляны. Теперь, наверное, никто его секретов не знает».

Много еще рассказывал этот «свидетель» о работе с Ройфманам. И выходило, что верным был вывод адвоката. Вряд ли государство, с его жестокой регламентацией в экономике, может получить доход, кото-

рый извлекал из своего производства Борис Ройфман.

Говорит адвокат Ройфмана.
«Сейчас много говорят о том, что плановая социалистическая экономика неэффективна, неповоротлива и так далее. И после ройфмановского дела знаю, что она еще и жестока, кровава, бесчеловечна.

Впрочем, о бизнесе, который по масштабам, по роли на потребительском рынке мог бы сравниться с трикотажным делом Ройфмана, я что-то слышала. Если не изменяет память, более пятидесяти фабрик, артелей, колхозов были так или иначе вовлечены в него. Десятки магазинов. Грузы возили сотни грузовиков. И даже с милицейской охраной.

Тогда, готовясь к процессу, я спрашивала у Ройфмана, зачем ему надо было создавать такое огромное производство. В средствах он не нуждался, родом был из богатой семьи, которая до войны жила в Румынии. На границе с Бессарабией. Отец Бориса владел мыловаренными заводами. Он и сыну передал деловые способности. Даже учил его в коммерческом колледже. Мне же казалось, что Борис закончил не колледж в Румынии, а пять западноевропейских университетов, так был умен. Даже следователи восхищались: вот это голова, ему бы в министры. Или Березняковским комбинатом руководить... Тогда об этом гиганте индустрии, у которого были какие-то трудности, много говорили.

Но ум его был не только практическим. Признаюсь, что, готовясь к очередной встрече с ним, я листала какую-нибудь книжечку о Рембрандте или Шекспире, чтобы в перерыве, во время отдыха, иметь тему для

разговора. И хотя я тоже интересовалась театром, музыкой, искусством, но чувствовала, что для общения с ним моих знаний не хватает.

И знаете, как он объяснял свою преступную деятельность? Говорил, что ему стыдно было платить гроши больным людям, которые трудились в мастерских. И потом, если знаешь, как делать больше товаров и лучшего качества, как же можно не делать таких? Предпринимательский азарт, одним словом.

Еще мучила меня загадка, но спросить у него я не могла. За все время, пока я с ним работала, нас никогда не оставляли одних, обязательно кого-то подсаживали. И я по сей день не понимаю, почему вообще Ройфман признался. Почему сам поехал на Воробьевы горы, к сестре, у которой хранил ценности, и сдал всю «кладовку». Его поначалу обвиняли в изготовлении совсем малого количества «левой» продукции. Никаких улик не обнаружили, да и не могли обнаружить, потому что документации на «левый» товар Ройфман не вел, все держал в памяти, голова его работала, как классный компьютер.

Почему он вдруг все рассказал? Некоторые мои коллеги уверены, что под действием психотропных препаратов. Или просто устал? Хотя был сильным человеком. Я наблюдала, как он держался: делал зарядку, защищал себя от нервных расстройств, следил за собой, тщательно убирал камеру...

Есть рассказ его друга, которому следователи, как и всем арестованным, предлагали: признайтесь, сдайте ценности — взамен получите жизнь. И Борис поверил. «Потом, когда мы встретились с ним на одной ставке, я сказал ему: «Боря, ты же видишь, к чему идет, опо-

мнись, еще не поздно». Я хотел, чтобы он сказал правду. О том, что ценности, которые он им сдал, никакого отношения к трикотажному производству не имеют. Все, полученное за трикотаж, Борис вкладывал в дело, свободных средств у него не было. Ценности достались ему в наследство от отца. Перед войной в Румынии, где они жили, начались гонения на евреев, страшные погромы. Оттуда был поток беженцев, и я, мальчишка в то время, помню, как им помогали. Они бежали разутые, раздетые, и москвичи возили в синагогу старые вещи, продукты. Отец Ройфмана успел ликвидировать свои предприятия, купить драгоценности, мне сам Борис рассказывал, это многие знали. Но ему внушили, что ценности должны быть переданы только в качестве возмещения ущерба, иначе это не повлияет на смягчение приговора. Так и в Уголовном кодексе сказано. И Борис на допросах стал говорить, что покупал золото, отсюда и статья «Валютные операции». А получив драгоценности, чекисты устроили громкую выставку. Пригласили фоторепортеров. В газетах появились статьи: ну и молодец КГБ, сумел изъять награбленное. И в тех же статьях — требование Ройфману от имени народа смертной казни».

Я говорила Борису о шуме в газетах. Но он отнесся спокойно. Заверял меня, что получил гарантию: ему обещали сохранить жизнь.

Но я по каким-то признакам понимала, что приговор будет самым суровым. А тут еще мировая общественность подняла шум. Нобелевские лауреаты возмутились: в СССР готовится акция антисемитской направленности. Хрущев им ответил (это даже где-то было опубликовано), что в СССР судят не евреев, а матерых преступников, шайку воров, грабителей народа.

Мне было страшно представить, что убьют, физически уничтожат человека, создавая которого природа так постаралась. И когда пришла моя очередь выступать в суде, я защищала его как могла. Анализировала каждый эпизод, убеждая суд не путать хищение с доходами от частнопредпринимательской деятельности. Говорила: да, он виноват, он нарушал законы, но расстреливать его — преступление, ибо он с молоком матери впитал предприимчивый талант и в конце концов принес пользу государству, людям, давая им нужные товары, возвращая в производство сырье, которое иначе было бы уничтожено.

Когда я кончила, в зале была гробовая тишина. А потом вдруг галерка, где сидели родственники, захлопала. Старый адвокат Синайский подошел ко мне: «Я бы так не смог». Борис прямо там, в зале Верховного Суда РСФСР, встал передо мною на колени.

Боже, что я пережила из-за той речи! Меня вызвали в горком КПСС, потребовали партийный билет: дескать, не может быть членом партии человек, который из валютчика и расхитителя сделал чуть ли не национального героя.

Спасал меня Н. С. Романов, член Верховного Суда РСФСР, председательствующий на том процессе. Он же, помню, в день чтения приговора, проходя мимо меня к судейскому столу, шепнул мне: «Держись».

Но я не сдержалась. И врач, присутствующий в зале, вынужден был сделать мне укол.
А Борис до самого конца верил, что ему сохранят жизнь.

На судебном процессе обвинялись по «трикотажному делу» двадцать три человека. Девять приговорено к смертной казни. Тринадцать — к большим срокам.

(И. Круглянская. Дело трикотажного короля. — «Известия», 13 февраля 1993)

БИЗНЕС НА ГРОБАХ

Каждый житель Палермо знал, что мафия делала деньги даже на покойниках. «Общество чести», опекавшее сицилийцев в течение всей их жизни, не покидало их и на пути в могилу.

Похоронное дело в Палермо контролировал мафиозо Кармело Наполи. Изготовление гробов производилось на виа деи Кладереи, Дишеза деи Джудичи, Руа Формаджи и виа дель Патичелло. Эти фабрики принадлежали трем крупнейшим предпринимателям: Николо Витрано, Антонио Тринке-старшему и Антонио Тринке-младшему. С помощью «Общества чести» эти дельцы имели постоянный рынок сбыта и всячески препятствовали всем, кто пытался проникнуть в сферу их бизнеса.

По сей день в Палермо рассказывают историю об одном гробовых дел мастере, который по своей наивности решил противостоять трем китам похоронного дела. Он установил пониженные цены на услуги — клиенты появились сразу же. Однако первый его заказ стал и последним. Все началось с того, что не явились носильщики. Когда наконец была найдена замена и траурная процессия двинулась в путь, носилки внезапно

развалились, и гроб с покойником, к ужасу родственников и знакомых усопшего, грохнулся на землю. Несмотря на это, процессия все же добралась до церкви. Правда, церемонию отпевания пришлось довольно долго ждать, поскольку ни священника, ни его помощников не оказалось на месте. Доставленный в церковь священнослужитель извинился, сказав, что его предупредили по телефону, будто похороны откладываются на день. После отпевания процессия двинулась по направлению к кладбищу, и все были уверены в том, что роковые сюрпризы позади, как вдруг взорвалась петарда. Лошадь испугалась и понесла вместе с катафалком. После долгих усилий ее все же удалось усмирить и доставить гроб к могиле, у которой ошарашенные родственники узнали, что в ней незадолго нашел уже последнее пристанище другой покойник. Когда в конце концов гробовщику удалось все же опустить гроб в могилу, он понял, что вместе с ним в этот день похоронил и свое дело.

Другие мелкие предприниматели, работавшие в этой области, поступали умнее. Они договаривались с Витрано и Тринкой об уплате за каждое погребение определенной суммы. Они не поднимали шума из-за того, что люди мафии после погребения обыкновенно забирали с могилы цветы и венки и вновь продавали их, но уже в_своих бюро.

Продажа «табутти», как на сицилийском диалекте называют гробы, давала еще один побочный приработок мафиози. Гробы реализовывались не только в Палермо, они доставлялись и в близлежащие окрестности. Поэтому их ловко приспособили для транспортировки «горячего товара». В гробах с дырочками для вентиляции переправлялись в более безопасные места те, кого разыскивала полиция.

С некоторых пор Кармело Наполи стал проявлять интерес, кроме «табутти», цветов и кладбищ, к торговле скотом, сулившей большие барыши. Но эта отрасль уже давно контролировалась бандами мафии. Столкновение с ними было неизбежным.

Однажды пропала любимая собака Наполи. День спустя на его имя пришел пакет. В нем была голова собаки. Кроме листка бумаги с традиционной угрозой о смерти, в пакет был вложен конверт с траурной рамкой. Внутри его находилось извещение о смерти: «С глубоким прискорбием извещаем о кончине нашего дорогого друга Кармело Наполи».

Теперь он, объявленный умершим, выходя вместе со своим телохранителем из дома, предпочитал многолюдные улицы города. Обычно Кармело пил кофе в кафе-экспресс рядом с префектурой. Именно там в июле 1956 года его настиг неумолимый рок. Из «Фиата» сквозь витрину автоматными очередями было обстреляно кафе. Кармело Наполи был убит наповал, а с ним и старик, случайно в этот момент оказавшийся рядом.

Полиция немедленно перекрыла все улицы квартала. Тем не менее и на этот раз ей не удалось обнаружить ни малейших следов убийц. Друзьям мафиозо Кармело Наполи повезло больше. Они разыскали убийцу и линчевали его. Полиция опознала обезображенный труп. Убитого звали Вито Френна. Он принадлежал к «семье» мафии, державшей под контролем кладбища, городские парки и скверы.

В лето 1956 года смерть собрала богатую жатву среди мафиози. Более 70 человек из «Общества чести» от-

правились на тот свет. Для принятия решительных мер потребовалось вмешательство верховного совета мафии. Доны и капи заключили перемирие. Убийства привлекали внимание. Дальнейшие кровопролития могли вызвать ответные меры полиции.

(К. Полькен, Х. Сцепоник. Кто не молчит, тот должен умереть. — М., 1982)

ДЕНЬГИ ДЫШАТ СТРАХОМ

Он услышал шум мотора и резко обернулся. Прямо на него шла набирающая скорость «девятка». Отпрыгнуть он не успел. Удар, страшная боль, темнота... Очнулся в ту минуту, когда «девятка», развернувшись, подъехала к нему и остановилась. Попытался встать, но острая боль в ноге заставила его вновь рухнуть на землю. «Все... Достали-таки, суки... Сейчас они меня прикончат...» — бормотал он как в бреду, пытаясь отползти подальше от машины. Однако те, кто скрывался за темными стеклами «девятки», добивать его не спешили. Где-то с минуту они наблюдали за ним, корчившимся от боли, потом вдруг машина плавно тронулась с места и не спеша выкатила со двора... Четыре года назад герою этой статьи стала известна тайна исчезновения «денег партии».

В апреле 1991 года в одно из управлений МВД СССР от осведомителя поступила любопытная информация: группа, в которую входят весьма солидные люди, ищет безопасные пути нелегального вывоза за рубеж денег КПСС. По долгу своей службы начальник управления Семенихин (фамилии некоторых лиц, причастных к этой истории, изменены) немало знал о темных делиш-

ках тех, кто стоял у власти, и потому его заинтересовала полученная информация.

Для выяснения подробностей намечавшейся операции Семенихин на свой страх и риск решил попытаться внедрить в группу сотрудника управления Олега Кошелева. Олег был его лучшим оперативником, способным влезть куда угодно, к тому же он хорошо разбирался в банковских делах и финансовых операциях.

Легенда и документы прикрытия сработали, и внедрился Кошелев удачно. Однако прошло немало времени, прежде чем ему удалось познакомиться с деятельностью подпольной финансовой группы КПСС. И вот какая вырисовывалась картина.

С началом перестройки наиболее прозорливые товарищи в Политбюро, те, кого Ельцин в «Записках президента» назвал «реально сильными теневыми фигурами», поняли, что рано или поздно партия из рулевого может превратиться в безработного. Чтобы безработный (читай: партийная элита) не остался без куска хлеба с черной икрой, было решено часть денег КПСС без огласки из Союза переправить в западные банки, часть, запутав следы, выгодно вложить дома. (Уже с возникновением кооперативов КПСС подумывала о собственном бизнесе. Кому-то в Политбюро грезилось, как крайкомы и райкомы будут создавать собственные фирмы и совместные предприятия, как они начнут финансировать выгодные проекты и вкладывать деньги в банки. Поскольку в результате этой деятельности партийная верхушка должна была превратиться в буржуев, то ее (деятельность) решили не афишировать. 11 июля 1991 года Политбюро задумало было легализовать партийный бизнес и даже приняло постановление «О производственно-хозяйственной деятель-

ности партийных комитетов и партучреждений», но обнародовать документ не стали. Кто-то очень осторожный поставил на него гриф «секретно».) В 1988—1990 годах из партийной кассы на счета организаций и предприятий, возглавляемых верными ленинцами, постепенно была перечислена сумма, значительно превышающая годовой бюджет СССР.

Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, сколько денег было в кубышке КПСС. Понятно, что пополнялась она не только за счет партийных взносов и прибыли от издательской деятельности. Кто может сказать, что вытворяло Политбюро семьдесят лет с золотым запасом страны? На каких условиях КПСС помогала братским партиям и диктаторским режимам? Куда подевались несчитанные-немеренные ценности, конфискованные после революции, малая толика которых красуется на стендах Алмазного фонда? Думается, здесь речь может идти о фантастической сумме, а потому цифра, названная Кошелевым, меня не удивила.

В 1991 году в трех крупных российских городах появилось около десятка коммерческих банков. Никто не мог бы заподозрить банкиров-демократов в связях с КПСС. Но эта связь существовала. Именно в эти банки от организаций и предприятий ручейками начали стекаться деньги КПСС, не стихийно, а по заранее составленному графику. Не обошлось, правда, без накладок. «Верные ленинцы» в Средней Азии и Закавказье, видя, как разворачиваются события, показали родному Политбюро кукиш, то есть деньги не перечислили. Кошелев был свидетелем того, как член подпольной финансовой группы крыл матом коммунистов бывших национальных окраин, которым партия дала все блага, а они ей устроили такую подлянку.

«Партийные» банки действовали по следующей схеме. Во-первых, они финансировали создающиеся надежными людьми фонды, фирмы, компании. Эти структуры, используя связи в верхах, быстро становились на ноги. Большинство из них процветает и сегодня. Во-вторых, банки проводили бойкое кредитование небольших липовых кооперативов, малых предприятий и т. п., в каждом из которых имелись два-три человека от партии. На полученные деньги они покупали валюту и вывозили ее за границу (чаще всего через Армению и Молдавию, где за взятку можно было провезти хоть слона). Доллары оседали на счетах, открытых членами подпольной группы в швейцарском банке. Спустя некоторое время кооперативы и предприятия становились банкротами, и выяснялось, что взыскивать деньги не с кого. Один учредитель — Сулейман-оглы — якобы сбежал в Турцию, другой оказался психически ненормальным человеком, третий — старичком, который успел умереть, и т. д.

Из «партийных» банков получала деньги и скромная московская фирма, чей офис располагался в одной из ведомственных гостиниц. По чистой случайности Кошелев узнал, что на эти деньги фирма закупает у Советской Армии оружие, боеприпасы и ВВ и перепродает их в горячие точки Союза и на Ближний Восток. Покупатели расплачивались валютой, которая поступала на те же счета в швейцарском банке.

«То, что мне стало известно, — это лишь надводная часть айсберга. В августе незадолго до путча я десять дней провел на даче с человеком, у которого находилась большая часть документов подпольной «бухгалтерии». Финансист этот знал о предстоящем перевороте и очень нервничал. В одну из ночей, когда он напился вдрызг, я порылся в бумагах. Тогда у меня был соблазн собрать все в чемодан и смотаться. В ту ночь я

сумел сделать ксерокопии нескольких документов», — рассказывал Кошелев. В последующие два дня, пока Олег оставался на даче, имея при себе копии, он поседел. В этих документах указывались наименования банков, номера счетов, а самое главное — фамилии восьми человек, членов группы, контролировавшей всю операцию.

Это был успех, о котором ни Семенихин, ни Кошелев и не мечтали. Но радости они не ощущали. Оба понимали, никто не даст им завести дело против финансистов, ведь от них ниточки тянулись на самый верх. Если бы кому-то из подпольной группы стало известно о расследованиях Семенихина и Кошелева, их можно было бы считать покойниками. Даже в управлении они опасались говорить о деньгах КПСС, потому что тот же осведомитель предупредил их — операцию прикрывает кто-то и в МВД СССР.

18 августа, когда в стране было объявлено чрезвычайное положение и к власти пришел ГКЧП, Семенихин и Кошелев поняли, что они вляпались по самые уши: во главе группы подпольных финансистов стоял двоюродный брат члена ГКЧП...

Разгром путчистов вселил надежду, что уж теперь можно будет заняться подпольщиками-финансистами вплотную. Но не тут-то было! По чьей-то команде в МВД СССР началась травля Семенихина, и ему было не до денег партии.

Уход этого человека из правоохранительных органов был на руку многим. Уже говорилось, что он имел компромат на самых высокопоставленных лиц. Был, например, случай, когда в течение нескольких месяцев

он получал информацию о том, как человек, претендовавший на пост силового министра, обхаживает «вора в законе» — дружеские застолья, охота, сауна, веселье с девочками... Когда кандидат в министры опух от пьянок, Семенихин не выдержал и пошел к Пуго: «Давайте спасать человека...»

Увольнения Семенихина ждали отечественные мафиози и другие темные личности, которым не удалось подкупить его. Так, в 1991 году Семенихина вызвали в ЦК КПСС. Чиновник, беседовавший с ним, на прощание сказал: «Кстати, с вами давно мечтает познакомиться Отари Квантришвили, было бы неплохо, если бы вы подружились». «Я с бандитами не дружу», — резко ответил Семенихин. А позже, когда Семенихин ушел из МВД, Квантришвили похвалялся, что это он убрал строптивого мента.

26 августа покончил жизнь самоубийством управляющий делами ЦК КПСС Николай Кручина. «Управляющие делами ЦК просто так в окошко не сигают, тем более что в ГКЧП он не состоял. Кручина был в курсе всех финансовых дел. А может быть, ему помогли выпрыгнуть в окно товарищи по партии, чтобы он не вздумал пойти с повинной? Сейчас они начнут рубить все концы...» — размышлял Олег.

Сиди Кошелев тихо, возможно, и жизнь его сложилась бы по-другому. Но Олег был из тех людей, которые каждое начатое дело стремятся довести до конца. Кошелев написал докладную, приложил копии документов и отправил все министру МВД СССР В. П. Баранникову. Много лет назад Олег начинал службу в милиции под руководством Виктора Павловича, которого считал своим учителем.

В управлении о работе Кошелева с подпольными финансистами, кроме начальника, знал еще и его заместитель Привальцев, человек с большими связями, который должен был занять место Семенихина. 9 сентября к Кошелеву подошел любимчик Привальцева и посоветовал написать докладную, указав, что информация о деньгах КПСС не подтвердилась. «Он что, меня за дурака держит? — разозлился Кошелев. — Через пару лет всплывет эта история, и твой Привальцев будет в белом жабо, а я — в дерьме. Потому что именно моя докладная позволит ему сделать вид, что этой аферы не было. И все будут думать — Кошелев продался. Нет, такой бумаги вы от меня не дождетесь».

А дальше начался детектив под названием «Деньги партии и судьба человека».

Десятого сентября в гостинице «Украина» у Кошелева должна была состояться встреча с одним из подпольных финансистов. Олег (а в то время он еще надеялся, что его докладная вернется от Баранникова с нужной ему резолюцией) решил от встречи не отказываться. К гостинице его согласился подбросить на легковушке управленческий шофер. На подъезде к «Украине» шофер и Кошелев одновременно увидели несущийся им наперерез грузовик. Если бы не прекрасная реакция шофера, который лихо вырулил на пешеходную дорожку, то легковушка от удара грузовика ушла бы на дно Москвы-реки. Пока Кошелев и шофер приходили в себя, грузовика и след простыл. На следующий день Олег взял отгулы и уехал с семьей из Москвы.

Вернувшись в столицу, 15 октября Кошелев поехал из управления в Севастопольский народный суд. В десяти метрах от здания суда на глазах знакомых оперативников Олега попытались сбить «Жигули» красного

цвета, в которых находились двое мужчин лет по тридцать. Кошелеву удалось отскочить в сторону, и машина лишь слегка его задела. Оперативники, бежавшие к месту происшествия, остановить машину не смогли. Сразу же в ГАИ было передано сообщение о наезде на сотрудника МВД машины с номером 33-32 МКУ. Вскоре гаишники сообщили, что этот номер был уничтожен несколько лет назад, Описанные «Жигули» ни одним постом ГАИ замечены не были.

У Олега появилось подозрение, что наезды у гостиницы «Украина» и у Севастопольского суда произошли не без помощи его коллеги по управлению. Только он знал в те дни, где и когда будет находиться Кошелев. Это подозрение, как и нескладывающиеся отношения с новым шефом Привальцевым, заставили его перейти в другое управление.

Через месяц ему принесли приказ. Олега направляли в распоряжение отдела кадров. «И что же я такое успел натворить?» — спросил Кошелев у начальника управления Харченко. Тот нехотя ответил: «Прибежал твой Привальцев, размахивая кипой оперативных материалов, где ты обвиняешься в предательстве служебных интересов и взяточничестве. Сам понимаешь, как бы хорошо я к тебе ни относился, иначе поступить не мог».

Однако, несмотря на столь тяжкие обвинения, никто не торопился проводить расследование. Тогда Олег написал рапорт министру МВД РФ В. Ерину. Кратко изложив историю с деньгами партии и последующие события, он просил для более тщательного расследования выдвинутых против него обвинений возбудить уголовное дело.

Перед тем как сесть за рапорт Ерину, Олег через знакомых попытался узнать о судьбе своей докладной Баранникову. Ему ее показали под большим секретом. (Кто показал и в какой канцелярии хранилась докладная, Кошелев говорить мне не стал.) На докладной стояла резолюция В. П. Баранникова, датированная 4 сентября 1991 года: «Кошелеву и ОРБ (оперативно-розыскному бюро России. — Прим. авт.) совместно реализовать информацию». Но в ОРБ бумага не попала. Не было при ней и ксерокопий документов. По словам Кошелева, в начале 1992 года кем-то была изъята и его докладная Баранникову.

Рапорт к Ерину возымел свое действие. В результате проверки, проведенной инспекцией по личному составу в январе—феврале 1992 года, ни одно из обвинений в адрес Кошелева не подтвердилось и он был восстановлен в должности.

Через две недели в выходной день Олег поехал к родителям за сыном. В это время к нему зашел его товарищ. Несколько раз он нажимал кнопку звонка из тамбура, но тот не работал. Он позвонил соседям. В общий коридор его впустил соседский мальчик. «А дядя Олег должен быть дома», — сказал он и, подбежав к двери Кошелевых, надавил на кнопку звонка. Взрыв и крик мальчишки раздались почти одновременно. От звонка на стене осталось черное пятно, у мальчика была сильно обожжена рука.

Когда Олег узнал о взрыве, он побледнел. Соседский Сережка пострадал случайно. Кому-то было известно, что трехлетний сынишка Кошелева, сидя у него на руках, любил нажимать на кнопку всякий раз, когда они возвращались домой. Олег был вынужден отправить жену с ребенком подальше от Москвы.

А затем была еще одна темная история, из которой Кошелеву удалось выпутаться с помощью верных друзей и независимых экспертов. Потом почти год его не трогали. Он мотался по командировкам и в Москве бывал редко.

В феврале 1993 года Кошелев взял очередной отпуск и уехал на юг. Из отпуска его вызвали в МВД и неожиданно предложили перейти с повышением в Министерство по чрезвычайным ситуациям. Поздно вечером, возвращаясь домой, Олег обдумывал полученное предложение. Вот тогда во дворе дома, почти у самого подъезда, его и сбила серая «девятка» без номеров. Олега доставили в больницу с сотрясением мозга, тройным переломом левой ноги и множественными ушибами.

Спустя три месяца (Кошелев уже передвигался с палочкой) поджидал он как-то автобус. И вдруг увидел, как на площадку рядом с остановкой въехала та самая «девятка», только теперь на ней были номера. «Представляешь мое состояние? — рассказывал мне Кошелев. — Из машины вышли два лба, закурили и, беседуя между собой, в упор смотрели на меня, дескать, смотри, мужик, мы о тебе помним. И я уставился на них. Так минут двадцать и играли в гляделки. Потом я на автобусе поехал в одну сторону, а они на «девятке» — в другую. Проверили через знакомых ребят номера машины — фальшивые. А вечером телефонный звонок, мужской голос вежливо: «Мы надеемся на ваше благоразумие...», и трубку повесили».

«Пропадите вы все пропадом с вашими деньгами и тайнами», — решил Кошелев и ушел из МВД. И два года спокойно работал в частной службе безопасности.

Меня познакомили с Кошелевым года три назад. Время от времени мы встречались, а чаще перезванивались. Я знала о неприятностях на его голову, но не подозревала, чем они были вызваны. А Кошелев о своей работе почти никогда не говорил.

А недавно он заехал ко мне взвинченный: «Я нашел у себя дома радиомикрофон. Две недели назад переставлял мебель — "жучка" не было! Сволочи, значит, они снова взялись за меня». «Кто они?» — спросила я. Когда Олег рассказал мне свою историю, я задала ему только один вопрос: «А почему они тебя не убивают?» «Потому что человек я предусмотрительный, — усмехнулся Олег. — Ввязываясь в это грязное дело, я понимал, что может наступить такой момент, когда меня подставят. Скажут: сам влез, сам и выбирайся. Так и получилось. Я вез Семенихину копии документов и по дороге в одной конторе сделал копии для себя. Вероятно, они догадываются, что у меня есть их бумаги. В июне этого года, когда я сопровождал шефа в Питер, кто-то аккуратно и тщательно обыскал мою квартиру. Я разрешаю тебе опубликовать эту историю — на основании ее никого обвинить нельзя, ничего лишнего я не сказал, — но ты должна написать, что у меня действительно есть копии документов. И если со мной что-то случится, надежные люди, которые не поверят ни в мое самоубийство, ни в мою гибель в автомобильной катастрофе или в результате стихийного бедствия, передадут копии документов в три западных информационных агентства. Какой будет скандал и раздрай в верхах, товарищам, прикарманившим денежки партии, объяснять не надо. Пусть они оставят в покое меня и мою семью, и тогда я буду молчать как рыба».

Для того чтобы получить хоть какое-то подтверждение услышанному, по совету Олега я собиралась встретиться с Семенихиным и Баранниковым.

Семенихин мне сказал следующее: «Если из МВД исчезли копии документов и докладная Олега, то мне говорить с вами не о чем. Сейчас идет предвыборная борьба, многим выгодно поднять шум вокруг денег партии и завалить того или иного кандидата. Я не хочу быть участником этой игры. Да, есть два человека, которые летом 1991 года переправляли деньги за границу и в августовской суматохе присвоили один-два млрд. рублей. Есть фонд, жирующий и сегодня на партийные деньги... А о подпольной финансовой группе разговора не будет. Что до неприятностей Олега, то покушения на него могли организовать и другие люди. Он ведь вел в те годы крупные дела. А где большие деньги, там и немалые неприятности».

Только через неделю я выбрала время позвонить Кошелеву, который обещал мне дать домашний номер телефона Баранникова. «Разве ты ничего не знаешь? — растерянно спросил Олег. — Виктор Павлович скоропостижно скончался... Говорят, от сердечного приступа... Завтра хороним...»

Кто стал хозяином денег КПСС? Кто в Министерстве обороны СССР брал разрешение коммерческой фирме на торговлю оружием? Кто прикрывал подпольных финансистов в МВД СССР? Кто даст ответ на эти (да и на другие) вопросы, связанные с судьбой легендарных «денег партии»?..

(Т. Белоусова. Деньги дышат страхом. — «Совершенно секретно», 1995, № 8)

УБИЙСТВО РУКОВОДИТЕЛЕЙ СЛУЖБЫ ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМИ АЛМАЗНЫМИ СДЕЛКАМИ

В 1992 году в Намибии убиты руководитель полицейской службы по борьбе с незаконными сделками с алмазами и его заместитель. Их трупы были найдены под мостом на шоссе близ города Мариенталь, в 270 километрах к югу от Виндхука.

Убийство полицейских, по всей видимости, связано с другим преступлением. Недалеко от места расправы у проселочной дороги между неселенными пунктами Гибеон и Гохас пастух наткнулся на труп дельца по имени Конни Кэмпбелл, которого газета «Виндхук адвертайзер» характеризует как одного из самых состоятельных граждан страны. Он неоднократно представал перед судом за участие в незаконных операциях с алмазами, но, как правило, выходил из воды сухим.

Виндхукская газета «Намибиан», ссылаясь на осведомленные источники, сообщила, что полицейские вместе с Кэмпбеллом назначили под мостом встречу с контрабандистами из соседней ЮАР. Те, вероятно, обнаружили подвох.

«Виндхук адвертайзер», в свою очередь, преподносит сотрудничество Кэмпбелла с полицией как установленный факт. Газете якобы также точно известно, что именно он свел недавно некоего Жозе Каэтано Веркаса с «покупателями», которые оказались переодетыми сыщиками. У Веркаса при аресте были изъяты алма-

зы на сумму около 280 000 американских долларов, два пистолета и электронные весы для оценки алмазов.

ВЗРЫВНОЕ УСТРОЙСТВО БЫЛО УКРЕПЛЕНО ЗА БАТАРЕЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОТОПЛЕНИЯ

Андрей Захаренко был убит во вторник вечером, когда возвращался домой в сопровождении двух телохранителей. Первым в подъезд дома, где жил Захаренко, вошел один из охранников; убедившись, что путь свободен и никакая опасность руководителю не угрожает, он пригласил его внутрь. Второй охранник остался ждать у двери подъезда. Когда Захаренко вошел в подъезд, раздался взрыв. Телохранитель получил серьезные ранения, а Захаренко умер в машине «скорой помощи» по пути в больницу.

По предварительным данным следствия, взрывное устройство (предположительно 400 граммов тротила с электронным взрывателем) было укреплено за батареей центрального отопления и сработало, когда Захаренко появился в окне лестничного пролета. Следствие полагает, что это устройство с дистанционным управлением и покушение на бизнесмена тщательным образом подготовлено. Расследование убийства руководителя «Приморрыбпрома» поручено следователю по особо важным делам прокуратуры Приморского края.

Владелец судоходной компании «Интерфлот» Андрей Захаренко стал руководителем «Приморрыбпрома» в октябре 1994 года. ТОО «Интерфлот», учредителями которого являются шесть частных лиц, было создано

на базе подразделений объединения «Приморрыбпрома». Захаренко при этом являлся членом совета директоров «Приморрыбпрома», преобразованного в АООТ в 1993 году. В течение 1994 года возглавляемая Захаренко компания «Интерфлот» осуществляла скупку акций «Приморрыбпрома» на фондовом рынке. За это время «Интерфлотом» было заключено свыше 400 договоров купли-продажи, что позволило компании собрать около 200% акций «Приморрыбпрома». Однако Захаренко, очевидно, не удовлетворившись итогами легальной скупки акций, санкционировал проведение серий подложных сделок по покупке акций «Приморрыбпрома». Для этого были сфабрикованы фальшивые акты купли-продажи акций у частных лиц и доверенности от них. Лица, ставшие жертвами аферы, выбирались отнюдь не наугад. Ими стали 120 руководителей крупных рыболовецких компаний Приморья, владевших в общей сложности 10% акций «Приморрыбпрома».

Один из договоров был «заключен» и с тогдашним генеральным директором АО «Приморрыбпром» Алексеем Суворовым. Фальсифицированные сделки купли-продажи акций были зарегистрированы в нескольких владивостокских банках, в которых репутация «Интерфлота», как давнего клиента, не подвергалась сомнению. Пользуясь тем, что инструкция № 53 «О банковской деятельности» допускает регистрацию сделки сторон и юридически оформленной доверенности второй стороны, «Интерфлот» зарегистрировал ряд сделок, предоставив от имени владельцев акций необходимые документы. На основании зарегистрированных сделок в реестр акционеров АО «Приморрыбпром» были внесены соответствующие изменения. Таким образом, «Интерфлот» стал крупнейшим акционером «Приморрыбпрома».

12 октября 1994 года Андрей Захаренко выступил на

совете директоров «Приморрыбпрома» от имени «Интерфлота» — владельца 30% акций компании — и выдвинул свою кандидатуру на пост представителя совета директоров АО, который в то время занимал Александр Брехов. По итогам голосования его кандидатура была принята, а Брехов снят с должности. Кроме того, Захаренко, был назначен гендиректором АО «Приморрыбпром» (интересно, что он автоматически получал воинское звание контр-адмирала — как руководитель профильного предприятия с численностью работающих более 2 тысяч человек, в служебном кабинете Захаренко висела парадная контр-адмиральская форма с кортиком).

Между тем акционеры, якобы передавшие свои акции «Интерфлоту», получили уведомления из налоговой инспекции с требованиям выплатить налог с прибыли от сделок.

Как сообщил один из пострадавших, пожелавший остаться неизвестным, его попросили заплатить налог с дохода 30 млн. рублей. Чтобы выяснить, за какие доходы они должны отчитаться, недоумевающие акционеры обратились в налоговую инспекцию, где им разъяснили, что, по данным фонда имущества Приморского края, они продали акции «Приморрыбпрома» на общую сумму 407 млн. рублей. Причем минимальная сделка была на сумму 10 млн. рублей, а максимальная — 70 млн. рублей в фонде имущества, который вел депозитный учет акций «Приморрыбпрома». Акционерам предъявили договоры купли-продажи, подписанные с одной стороны Захаренко, а с другой — якобы продавцами. Однако тут же выяснилось, что подписи физических лиц не соответствуют оригиналам, гербовые печати на доверенностях даже визуально отличаются от настоящих, они меньше размером и с размытым оттиском. Поэтому акционеры обратились в правоохранительные органы.

14 ноября Захаренко был арестован и обвинен в мошенничестве и хищении акций «Приморрыбпрома» на сумму 407 млн. рублей. Сам Захаренко, впрочем, утверждал впоследствии, что не подозревал о незаконном характере подписываемых им договоров купли-продажи акций, считая их легальными. Он также утверждал, что фальсифицированные договоры были изготовлены Александром Бреховым с целью дискредитировать его, Захаренко.

В январе 1995 года постановлением прокурора Владивостока Андрей Захаренко был выпущен из следственного изолятора под залог в 20 млн. рублей, после чего вернулся к исполнению своих обязанностей.

Однако его возвращение было без особого энтузиазма воспринято Александром Бреховым и поддерживающей его группой акционеров. Эта группа в совокупности контролировала около 30% акций и добилась проведения в феврале чрезвычайного собрания акционеров «Приморрыбпрома». В повестку дня собрания инициативная группа потребовала включить вопрос о переизбрании совета директоров и генерального директора Андрея Захаренко, находящегося под следствием. В адрес чрезвычайного собрания акционеров владивостокская прокуратура направила постановление, предписывающее отстранить Захаренко от должности руководителя «Приморрыбпрома» до вынесения приговора по его делу.

Однако собрание не приняло требований группы Брехова и прокуратуры и выразило доверие Захаренко и совету директоров. По неофициальным данным, случилось так потому, что в голосовании приняли участие сами члены совета директоров, владеющие значительными пакетами акций. То есть был нарушен установ-

ленный «Положением об акционерных обществах» порядок, согласно которому, акционеры, состоящие членами совета директоров, не обладают правом голоса при разрешении вопросов, касающихся привлечения их к ответственности или устранения от должности.

Инициативная группа акционеров обратилась к первому вице-премьеру России Анатолию Чубайсу с требованием расторгнуть фиктивные сделки с акциями «Приморрыбпрома», реализовать незаконно приобретенные пакеты акций на инвестиционных торгах и привлечь к ответственности должностных лиц, участвовавших в совершении подобных сделок. Ответа из правительства не последовало.

Вернувшись на работу из-под ареста, Захаренко выступил с инициативой проведения структурной перестройки предприятия. «Приморрыбпром» должен был стать холдингом, а входящие в него рыбоперерабатывающие заводы — самостоятельными АО с участием сторонних инвесторов. Этот проект, кстати говоря, был подвергнут резкой критике со стороны Александра Брехова, считающего его экономически нецелесообразным. После убийства Захаренко его заместитель Александр Калиничев заявил, что администрация АО намерена довести до конца все проекты, намеченные покойным.

В то же время смерть Андрея Захаренко может послужить причиной возобновления борьбы за контроль над «Приморрыбпромом» и повлиять на курс его акций. По мнению владивостокских фондовых брокеров, на предстоящих выборах нового главы «Приморрыбпрома» перевес голосов могли получить сторонники Александра Брехова, который к настоящему времени контролирует около 30% акций компании. В этом случае могут

быть заморожены проекты перестройки «Приморрыбпрома», инициированные Андреем Захаренко, так как Брехов занимает принципиально иную позицию в вопросе развития АО.

В преддверии внеочередного собрания акционеров «Приморрыбпрома» заинтересованные стороны попытаются получить свои доли акций за счет приобретения государственного пакета, выставленного на торги Владивостокской фондовой биржи. Выставлено 120 550 акций номиналом 40 рублей (2,26% уставного капитала), цена предложения составляет 7200 рублей за акцию. В результате может вырасти курс акций «Приморрыбпрома», составляющий сейчас приблизительно 1,5 тыс. рублей за акцию.

Убийство Захаренко вызвало широкий общественный резонанс в Приморье. Губернатор края Евгений Наздратенко выступил по местному радио, заявив, что связывает усугубившуюся криминальную ситуацию в Приморье с резко обострившейся борьбой за передел собственности. Наздратенко заявил: «Еще два года назад я предупреждал: приватизация в том виде, в каком она проводится, — это мина. И сейчас мина взорвалась. Это не мафиозные разборки. Убит генеральный директор крупнейшего предприятия края. Фактически преступность перешла в наступление на государство».

Наздратенко намерен потребовать от правоохранительных органов конкретный план ужесточения борьбы с преступностью и контролировать его выполнение. По сообщению местной радиостанции «Владивосток сегодня», после известия о смерти Захаренко Евгений Наздратенко предложил совету директоров «Приморрыбпрома» назначить временно исполняющим обязан-

ности главы АО вице-президента «Приморрыбпрома» Олега Тена. По данным радиостанции, член совета директоров генеральный директор АО «Дальрыба» Юрий Москальцов высказался за то, чтобы новым руководителем «Приморрыбпрома» стал «человек, имеющий авторитет среди рыбаков, у администрации Приморья и в правительстве России». Интересно, что Москальцов охарактеризовал Захаренко как «симпатичного и послушного руководителя».

В настоящий момент, по неофициальным данным, следствие отрабатывает три версии покушения на Захаренко. Одна из них связана с конфликтом внутри АО «Приморрыбпром». Александр Брехов заявил, что никак не причастен к происшедшему, и добавил, что сообщение о покушении на Захаренко стало для него неожиданным и трагическим известием.

Согласно другой версии, к убийству Захаренко может быть причастна так называемая банда Ларионовых. По некоторым данным, два года назад Захаренко задолжал одному из клиентов банды около 800 тыс. долларов, и на него стали давить. Давление кончилось тем, что в бизнесмена бросили гранату, он получил множество ранений и чудом остался жив. Свой долг Захаренко так и не вернул, и давление на него продолжалось, хотя банда благодаря действиям правоохранительных органов практически перестала существовать.

Наконец, согласно третьей версии, смерть Захаренко связана с продолжающимся переделом сфер влияния в криминальном мире Владивостока. Так, при загадочных обстоятельствах в Японском море (недалеко от Владивостока) утонул крупный дальневосточный «авторитет» Сергей Бауло. После его смерти были убиты двое его сподвижников, в том числе не менее крупный

«авторитет» Александр Макаренко. По некоторым данным, с Бауло был тесно связан Захаренко, которому тот оказывал всяческую поддержку. Наблюдатели считают, что после этого во Владивостоке ведется целенаправленный отстрел сторонников Бауло.

По данным правительственной комиссии под председательством Петра Карпова, проводившей нашумевшую проверку в администрации Приморья, «Интерфлот» получил в 1993 году в Приморской администрации ссуду на 1300 тыс. долларов на закупку продовольствия для края, которое, как установила проверка, в Приморье не поступила. Ссуду «Интерфлот» в краевой бюджет не вернул. Кроме того, комиссия обнаружила, что «Интерфлот» незаконно оплачивал счета за разного рода услуги, которыми пользовались высшие чиновники администрации Приморья, будучи в служебных командировках. Прокуратура Приморья провела проверку установленных комиссией фактов и, несмотря на то что значительная их часть подтвердилась, сочла, что нарушители должны быть наказаны в дисциплинарном порядке. Тем не менее Захаренко пользовался поддержкой краевых властей и даже собирался баллотироваться в депутаты Государственной думы.
(«Коммерсантъ-дейли», 5 октября 1995)

ДИРЕКТОР НПЗ БЫЛ ЗАСТРЕЛЕН ПЕРЕД СОБРАНИЕМ АКЦИОНЕРОВ

В декабре 1995 года в Туапсе (Краснодарский край) были убиты гендиректор местного нефтеперерабатывающего завода Анатолий Василенко и его водитель Александр Демченко. Убийца преградил дорогу директорскому джипу своими «Жигулями», а когда ав-

томобиль остановился, расстреливал его из автомата. По версии сотрудников МВД, срочно выехавших на место происшествия, убийство Василенко связано с его работой в НПЗ.

Туапсинский нефтеперерабатывающий завод входит в состав концерна «Роснефть». Производственные мощности НПЗ рассчитаны на переработку 2,8 млн. тонн нефти ежегодно, однако реально завод перерабатывает около 1,6 млн. Крупнейшим поставщиком нефти для НПЗ является «Краснодарнефтегаз», в числе поставщиков также несколько сибирских предприятий. Значительная часть нефтепродуктов завода через Туапсинский экспортный терминал отправляется на продажу за границу.

46-летний Анатолий Василенко стал гендиректором Туапсинского НПЗ примерно за полгода до своей смерти. Его предшественник, первым заместителем которого в течение 10 лет был Василенко, ушел на пенсию.

15 декабря на заводе должно было пройти собрание акционеров. Для участия в нем из Москвы в Туапсе прилетел вице-президент «Роснефти» Владимир Тюков. По словам одного из помощников Тюкова, должны были решаться чисто производственные проблемы. Собрание не состоялось, потому что утром в пятницу гендиректор НПЗ был убит.

Около 7.30 утра водитель Александр Демченко на служебном автомобиле джип заехал за Василенко и повез его на завод. Возле дома № 18 по улице Галины Петровой джип притормозил перед поставленными поперек дороги «Жигулями». Как только машина Василенко остановилась, из «Жигулей» выскочил неизвестный

и открыл по автомобилю огонь из автомата. Наполовину опустошив магазин (на месте происшествия милиционеры нашли 15 стреляных гильз калибра 7,62 мм), убийца бросил автомат и скрылся. Несмотря на то что сразу после сообщения об убийстве все выезды из города были перекрыты, задержать преступника не удалось.

По словам сотрудников Туапсинского УВД, разрабатываются версии о возможной связи убийства Василенко с делами завода. В частности, возможные мотивы конфликта с Василенко — невыполнение предприятием контрактных обязательств (по некоторым сведениям, НПЗ вел несколько арбитражных процессов со своими партнерами) и конкуренция: дело в том, что после длительного ремонта на заводе было возобновлено производство бензина, отпускную цену на который завод установил гораздо ниже, чем на привозное горючее.

Правоохранительные органы также рассматривают версию о том, что нефтепромышленник был убит по заказу неизвестной преступной группировки, которая попыталась поставить НПЗ под свой контроль. Впрочем, эта версия представляется оперативникам наименее вероятной, так как последний криминальный передел подконтрольных территории произошел в Туапсе еще в 1993 году.

(М. Варывдин. — «Коммерсантъ-дейли», 19 декабря 1995)

СМЕРТЬ ИВАНА КИВЕЛИДИ

Утром 4 августа 1995 года в Центральной клинической больнице в Москве скончался известный предприниматель председатель «Круглого стола бизнеса России», председатель правления «Росбизнесбанка» Иван Кивелиди. Врачи определили его состояние как глубокую кому с тяжелым отеком мозга.

В среду он находился в тяжелейшем состоянии — температура тела только слегка превышала 34 градуса, плохо работали легкие, почки и другие внутренние органы. Первое обследование показало, что кровоизлияния в мозг нет. Из-за полной нетранспортабельности больного врачи не смогли сразу провести томографию. Тогда же у приближенных Кивелиди появилась мысль, что банкира длительное время могли «понемногу травить», после чего его анализы отправили на экспертизу. Но дальнейшие события опровергают версию об «отравлении понемногу».

В 16.38 в среду в «Росбизнесбанк» была вызвана бригада «скорой помощи», которая прибыла на место только через 40 минут. В 18.00 эта бригада доставила в 1-ю Городскую больницу тридцатипятилетнюю Зару Исмаилову, секретаря-референта Ивана Кивелиди. Симптомы: тяжелое заторможенное состояние, беспрерывные судороги. Фельдшер «скорой помощи» поставил предварительный диагноз — эпистатус (судороги) — видимо, поэтому Исмаилову принял в больнице дежурный врач-невропатолог. В 6 утра Зара Исмаилова умерла, и ее тело отправили в морг номер 6 для проведения судебно-медицинской экспертизы. Диагноз патологоанатомов — отравление солями тяжелых металлов, предположительно кадмия. Поскольку трудно

представить, что банкир и его секретарь постоянно питались вместе, остается только одно предположение — очевидное заказное убийство было совершено «в один прием». В данном случае — в один прием ядовитого вещества.

В день, когда Исмаилову доставили в больницу, туда заглянули двое неизвестных. Они представились коллегами Зары и справились о состоянии ее здоровья. Сотрудники больницы в это время составляли необходимые в таких случаях документы для милиции. И потому спросили у посетителей адрес работы покойной. Неизвестные повели себя странно — сказали, что адреса не знают, и поспешно удалились. Работники «Росбизнесбанка», вызывавшие «скорую помощь» Исмаиловой, сообщили врачам о том, что 1 августа точно в таком же состоянии (заторможенность, судороги) был доставлен в Центральную клиническую больницу Иван Кивелиди.

Тем не менее в четверг на радио «Эхо Москвы» позвонил Николай Карякин, представившийся помощником Ивана Кивелиди, и категорически опроверг версию отравления. По его словам, у предпринимателя началось обострение хронической мочекаменной болезни, с которой он и был доставлен в ЦКБ.

Однако медицинские эксперты выразили сомнение в достоверности диагноза. И сообщили, что только от сильного обострения мочекаменной болезни человек в кому впасть не может. Иван Кивелиди действительно страдал этой болезнью в хронической форме. И действительно первые симптомы, послужившие причиной срочной госпитализации, могли подтолкнуть врача к постановке такого предварительного диагноза, как обострение хронического заболевания. Но состояние ко-

мы, в котором уже спустя сутки пребывал больной, не оставляет сомнений в ошибочности первого диагноза.

Уже в четверг анализы, проведенные в Центре острых отравлений НИИ скорой помощи им. Склифосовского, подтвердили: и Зара Исмаилова, и Иван Кивелиди были отравлены идентичными солями тяжелых металлов. Скорее всего, считают врачи, они подверглись воздействию яда одновременно. Но организм Исмаиловой оказался более молодым и здоровым — поэтому и симптомы отравления у секретаря-референта появились позднее. Заболевание же почек, которым страдал Кивелиди, ускорило процесс интоксикации. Однако банкиру была оказана правильная экстренная помощь. Поэтому его организм дольше продержался «на приборах».

В пятницу днем сотрудники 2-го отдела МУРа сообщили, что уголовное дело пока не возбуждено и официальными данными судмедэкспертизы они не располагают.

Первый заместитель председателя «Росбизнесбанка» Сергей Бачурин также избегал делать какие-либо предположения о причинах происшествия. Но заметил, что оно «наводит на нехорошие мысли». И сообщил «Известиям», что направил официальную просьбу провести тщательное обследование обоих пострадавших. «Может быть, они отравились в столовой банка. Мы не можем рисковать здоровьем других сотрудников», — пояснил Сергей Бачурин. С другой стороны, известно, что Иван Кивелиди обычно обедал не в столовой банка, а в Московском коммерческом клубе или другом приличном ресторане.

В последнее время при расследовании покушений на банкиров следователи предпочитают разрабатывать «бытовую» версию. Эксперты же считают, что нельзя исключать политические и экономические мотивы преступления. Иван Кивелиди был известен как человек, в период «перестройки» близкий к президенту Союза объединенных кооперативов СССР (с мая 1992 года — «Лига кооперативов и предпринимателей России») покойному академику Владимиру Тихонову. Кивелиди был вице-президентом союза, второй вице-президент — небезызвестный Артем Тарасов. Принимал участие в создании и впоследствии контролировал объединение «Внешэкономкооперация» и внешнеэкономическую ассоциацию «Интерагро». По данным Аналитического центра «Известий», он был фактическим владельцем «Росбизнесбанка». С июня 1992 года издавал собственную еженедельную газету «Век». Один из создателей объединения «Предприниматели за новую Россию», которое впоследствии оставил из-за разногласий с Константином Затулиным, Юрием Милюковым и Марком Массарским. Был председателем Партии свободного труда. В политических и предпринимательских кругах имел авторитет не столько финансовый, сколько политико-экономический — он являлся председателем «Круглого стола бизнеса России» (КСБР). Эта организация активно выступает за права предпринимателей.

КСБР и лично Иван Кивелиди резко критиковали правоохранительные органы России за то, что они позволяют криминальным элементам вести планомерную охоту за ведущими бизнесменами. Через несколько дней после недавнего убийства президента банка «Югорский» Олега Кантора КСБР даже заявил, что готов в знак протеста объявить забастовку коммерческих банков. Теперь, возможно, убит и сам Иван Кивелиди...

Эксперты Центра стратегического анализа и прогноза (руководитель — профессор Д. Ольшанский) сообщили, что еще в феврале нынешнего года предполагали резкое усиление внутриотраслевой (в том числе и межбанковской) борьбы в июне и июле. Именно этим неблагоприятным фоном специалисты и объясняют летний всплеск заказных убийств — те проблемы, которые раньше могли быть решены методом переговоров и интриг, сегодня криминальный бизнес пытается решать убийствами. Но в последнее время финансовое положение «Росбизнесбанка» стабилизировалось. Поэтому версия о мести кредиторов представляется маловероятной. Последний открытый конфликт, в котором принимал участие Иван Кивелиди, — это столкновение КСБР с так называемой «большой восьмеркой» ведущих коммерческих банков России по вопросу о кредитовании правительства России, а также столкновение лобби обеих финансовых групп в парламенте по вопросу об утверждении Т. Парамоновой в должности председателя Центробанка. Автором идеи о предоставлении правительству России 9 млрд. банковских долларов под залог госимущества выступал «Онэксимбанк», весьма близкий к этому правительству. КСБР и возглавлявший его Иван Кивелиди резко выступали против проекта. Несколько дней назад был убит начальник управления по делам недвижимости «Онэксимбанка» Юрий Полеванов. Сразу же после этого умирает председатель правления «Росбизнесбанка»...

Смерть видного финансиста и политика Ивана Кивелиди, если следствие подтвердит, что она произошла в результате отравления, — это еще и вызов тем деловым кругам, которые стремятся создать «цивилизованное лицо» российского бизнеса.

В современных экологических справочниках к тяжелым металлам (ТМ) относят более сорока химических

элементов (с атомным весом свыше 50 атомных единиц), оказывающих токсичное воздействие на организм животных и человека. На ТМ распространяется также понятие «микроэлементы». К ним принадлежат: свинец, цинк, кадмий, ртуть, молибден, марганец, никель, олово, кобальт, титан, медь, ванадий, сурьма, висмут. Все эти вещества присутствуют и в здоровом организме человека. Все дело в уровнях присутствия. Отравление наступает при превышении предельно допустимой концентрации ТМ. Скапливаются они в основном в печени, почках, костях, легких и головном мозге. С ростом опасной концентрации (а вывести ТМ из организма быстро невозможно) происходит дегенеративное перерождение клеток, наступает дисфункция жизненно важных органов, что и приводит к летальному исходу.

Из истории известна методика намеренных отравлений людей путем примешивания в течение продолжительного времени к еде и питью жертвы мельчайших объемов ТМ в виде их солей. Особенно прославилась на этом поприще французская королева Екатерина Медичи (XVI в.). Существует версия, что Максим Горький умер в результате отравления парами ртути, чьи соли чекисты Ягоды якобы примешали в краску, которой были выкрашены стены в московском особняке писателя.

(Д. Слободянюк, К. Светицкий, А. Мнацаканян, Ю. Снегирев. — «Известия», 5 августа 1995)

ВОДОЧНЫЙ КОРОЛЬ БЫЛ УБИТ ВЫСТРЕЛОМ В ЗАТЫЛОК

16 января 1996 года около 7 часов утра в Казани в 100 метрах от своего дома выстрелом в затылок был убит директор агрофирмы «Усадская», бывший замначальника уголовного розыска Казанского УВД Владислав Баранов. Его фирма специализировалась на производстве спирта и водки, и в городе он считался одним из королей алкогольного бизнеса. По подозрению в убийстве было задержано несколько сотрудников фирмы, в том числе замдиректора по строительству и общим вопросам Рамиль Габдрахманов, которого компартия Татарии выдвинула в качестве своего кандидата на президентские выборы в республике. Правда, через двое суток его отпустили. Друзья убитого пообещали 100 млн. рублей тому, кто раскроет преступление. На девятый день после смерти Баранова сумма увеличилась вдвое.

Ранним утром 16 января Владислав Баранов вышел из подъезда и направился к стоящей на другой стороне проспекта Ибрагимова служебной машине. Сидевший в машине водитель видел, что от подъезда за Барановым шел мужчина 30—35 лет. Неожиданно Баранов упал. Звука выстрела водитель не слышал. Неизвестный быстро сел в поджидающий его «Москвич», и машина стремительно скрылась. Водитель подбежал к шефу. Он лежал в луже крови. Через несколько минут Баранов скончался, не приходя в сознание. Прибывшие на место преступления оперативники установили, что Баранов был убит одним выстрелом в затылок из пистолета ТТ. По горячим следам задержать убийцу не удалось.

Вся информация о ходе расследования убийства Владислава Баранова была сразу же заблокирована органами МВД и прокуратуры. Известно лишь, что следствие рассматривает 5 версий. Из них только одна касается работы Баранова на посту замначальника уголовного розыска Казани. Все остальные связаны с его коммерческой деятельностью.

Владислав Баранов, проработавший в системе МВД более 25 лет, начинал с должности младшего оперуполномоченного. Высшей точкой его карьеры стала работа на посту заместителя начальника уголовного розыска УВД Казани. По словам руководителя службы экономической безопасности Татпромстройбанка Георгия Балясникова, работавшего в середине 80-х под его началом, Владислав Баранов был сильным оперативником: «Он держал весь город». Работать Баранов старался не с мелочью, а с преступниками «высоких рангов». Он принимал активное участие в ликвидации гремевшей в 70-е годы банды «Тяп-ляп», контролировавшей тогда большую часть города. В 1986 году в уголовном розыске УВД Казани сменилось руководство. Баранов, человек принципиальный и бескомпромиссный и, следовательно, «неудобный», был отправлен дослуживать оставшиеся два года до пенсии в казанский ЛТП. Вместе с Барановым из управления уголовного розыска ушло еще несколько человек. Вообще, по словам друзей бывшего милиционера, из тех, кто работал с Барановым в уголовном розыске, на службе остались лишь единицы. Многие из уволившихся занялись бизнесом. Так поступил и Владислав Баранов. Подав в 1988 году рапорт об отставке по выслуге лет, он почти сразу возглавил агрофирму «Усадская».

Однако связи и с бывшими коллегами Баранов не терял. По словам Рамиля Габдрахманова, проработавшего в должности заместителя директора по развитию

«Усадской» 6 лет, наезды криминальных группировок на фирму прекратились, как только бандиты узнали, что фирмой руководит Баранов. В то же время «Усадская» представляла лакомый кусок для любой преступной группировки: помимо производства мясных и молочных продуктов, фирма имела свой цех по производству спирта и розливу водки.

Водочным бизнесом Баранов занялся в начале 90-х годов. Для этого он, Рамиль Габдрахманов и некий гражданин Польши создали СП «Слава». Должность директора, по рекомендации Баранова, Габдрахманов предложил Павлу Антонову, проработавшему на оперативной работе вместе с Барановым более 20 лет. Прибыли агрофирмы, наладившей розлив водки из собственного спирта, моментально возросли в несколько раз. Однако к началу 1995 года фирма начала испытывать проблемы с реализацией товара, так как резко увеличились поставки в Татарию привозной водки, цена которой была ниже, чем в фирме Баранова. Проблемы не помешали друзьям развить свое дело. Пытаясь расшириться, «Усадская» обратила внимание на тонущие в долгах АО «Казанский уксусный завод», директором которого стал Габдрахманов. Через полгода завод стал приносить прибыль. Отношения между Барановым и Габдрахмановым стали еще более тесными. В частности, бывший оперативник поддерживал политическую карьеру своего партнера и приветствовал то, что компартия Татарии выдвинула его кандидатуру на грядущие президентские выборы.

Тем не менее Габдрахманов оказался среди задержанных по обвинению в убийстве Баранова. При его задержании следователи, по всей видимости, опирались на слухи о том, что пенсионер Баранов стал мешать своему молодому и энергичному партнеру. Нашлись доброжелатели, сообщившие, что накануне убийства

Баранова между ним и Габдрахмановым состоялся неприятный разговор.

На помощь арестованному кандидату в президенты из Москвы срочно вылетел лидер татарских коммунистов депутат Госдумы Александр Салий, и через двое суток коммунисты добились освобождения своего кандидата из-под ареста. Выйдя из камеры, Габдрахманов сказал корреспонденту «Ъ», что убийство Баранова носит откровенный политический характер: «Он не скрывал, что будет активно помогать мне в борьбе за президентское кресло».

У самого Габдрахманова сложилось впечатление, что «органы МВД заняты не столько поиском преступника, сколько политическим сыском и попыткой психологически меня сломать».

Между тем в загородном доме Баранова и в фирме «Усадское» было произведено несколько обысков. На территории спиртохранилища оперативники обнаружили целый склад боеприпасов — 10 гранатометов РПГ-18, 52 ручные гранаты Ф-1 и 2 РГД. Директор спиртохранилища сразу же был арестован. Пока он не смог объяснить следствию, почему на складе хранилось оружие. По сведениям из неофициальных источников, в загородном доме Баранова были изъяты два охотничьих ружья, 4 детонатора к взрывоустройствам и автомат с глушителем. Находки навели следствие на версию о том, что Баранов готовился к отражению «наездов» со стороны криминальных структур. По оперативным данным, в последнее время процветающая фирма попала в поле зрения двух крупных казанских оргпреступных группировок. Одна из них — «борисковская» — получала с фирмы доход, пока «Усадское» входило в состав Татарспиртпрома, но утеряла кон-

троль над ней после того, как ее возглавил Баранов. Другая группировка — «жилплощадка» — хотела взять «Усадское» под крышу, так как фирма находится не ее территории. Баранов же активно сопротивлялся давлению группировок, и, как предполагают следователи, бандиты решили убить несговорчивого директора и договориться с тем, кто займет его место.

Нельзя исключать, что Баранов стал жертвой мстительных бандитов из банды «Тяп-ляп», которые благодаря бывшему заместителю начальника уголовного розыска получили от 10 до 15 лет тюремного заключения. Недавно у них закончился срок. Оказавшись на свободе, они могли отомстить своему обидчику.

(А. Гоголев. Водочный король начинал карьеру в уголовном розыске. — «Коммерсантъ-дейли», 31 января 1996)

Научно-популярное издание

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ

Преступники в белых воротничках

Подготовка текста *Глобус Нина Владимировна*
Корректор Н. В. Доркина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.09.96. Формат 84×108 1/32.
Бумага типографская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6.
Тираж 31 000 экз. Заказ 1281.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181. 220050, Минск,
ул. Ульяновская, 39 — 11.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск,
ул. В. Хоружей, 21—102.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в типографии издательства
«Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.